

Е.А. Прудникова

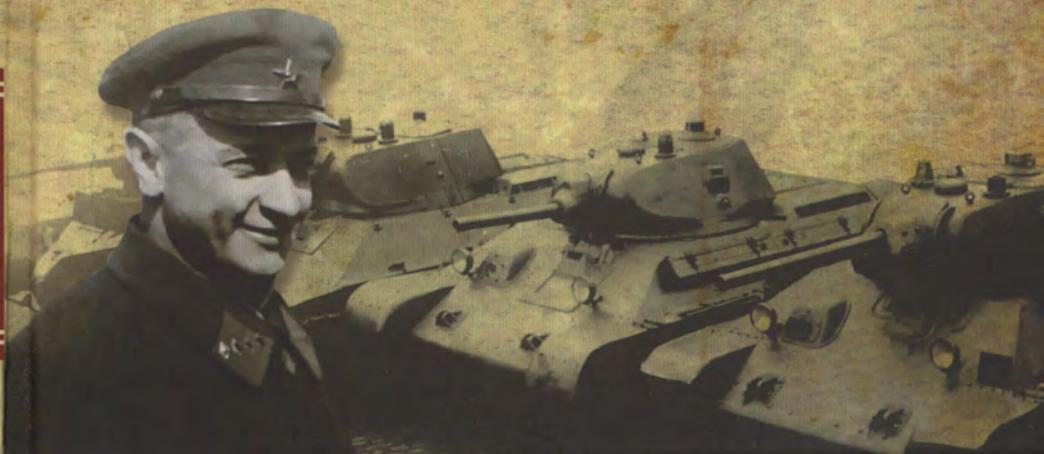

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «КРАСНОГО БОНАПАРТА»

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
«КРАСНОГО БОНАПАРТА»

Е.А. ПРУДНИКОВА

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «КРАСНОГО БОНАПАРТА»

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО

Москва
«ВЕЧЕ»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-8
П85

Прудникова, Е.А.

П85 Взлет и падение «красного Бонапарта». Трагическая судьба маршала Тухачевского / Е.А. Прудникова — М. : Вече, 2013. — 400 с. : ил. — (Историческое расследование).

ISBN 978-5-905820-51-9

Знак информационной продукции **16+**

Еще со времен XX съезда началась, а в 90-е годы окончательно закрепились в подходе к советской истории логика бразильского сериала. По этим нехитрым координатам раскладывается все. Социальные программы государства сводятся к экономике, экономика к политике, а политика к взаимоотношениям стандартных персонажей: деспотичный отец, верные слуги, покорные и непокорные сыновья и дочери, воинствующий дядюшка, погибший в противостоянии тирану, и непременный невинный страдалец.

И вот тогда на авансцену вышли и закрепились в качестве главных страдалцев эпохи расстрелянный в 1937 году маршал Тухачевский со своими товарищами. Компромата на них нашлось немного, военная форма мужчинам идет, смотрится хорошо и женщинам нравится. Томный красавец, прекрасный принц из грез дамы бальзаковского возраста, да притом невинно умученный — что еще нужно для успешной пиар-кампании?

Так кем же был «красный Бонапарт»? Невинный мученик или злодей-шпион и заговорщик? В новой книге автор и известный историк Елена Прудникова раскрывает тайны маршала Тухачевского.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-905820-51-9

© Прудникова Е.А., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

«...Ставится вопрос об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием состава преступления, так как дополнительным расследованием, произведенным в 1957 году, установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о невинности ... и необоснованности его осуждения.

Установлено, что военно-фашистского заговора в РККА в действительности не существовало...»

Из реабилитационной справки

ВВЕДЕНИЕ

Еще со времен XX съезда началась, а в 90-е годы окончательно закрепились в подходе к советской истории логика бразильского сериала. По этим нехитрым координатам раскладывается все. Социальные программы государства сводятся к экономике, экономика к политике, а политика к взаимоотношениям стандартных персонажей: деспотичный отец, верные слуги, покорные и непокорные сыновья и дочери, воинствующий дядюшка, погибший в противостоянии тирану — и неприменный невинный страдалец. Без страдальца жанр не работает, недостает соплей для склейки сюжета.

Хрущев в своей приснопамятной речи назначил главными страдальцами репрессированных партийных секретарей, оплакивая с трибуны горькую судьбу Косиора, Эйхе и иже с ними. С тех пор и пошла легенда о том, что «сталинские репрессии» были направлены против партии и укрепившихся в ней, как на бастионе Сен-Жерве, «верных ленинцев» (из коих Никита Сергеевич, как молчаливо предполагалось, последний уцелевший). Поскольку советская история была дамой подневольной и подцензурной, версия XX съезда продержалась до самой перестройки и даже некоторое время после ее начала. Репрессированные военные тоже в ней присутствовали, но на вторых ролях.

Однако «срывание покровов» — процесс, который легче запустить, чем остановить. Вскоре выяснилось, что товарищи Косиор, Эйхе и иже

с ними были персонажами, мягко говоря, страшноватыми (Хрушев, впрочем, не лучше). Да и Ленин потерял былой имидж «самого человеческого человека». И вот тогда на авансцену вышли и закрепились в качестве главных страдальцев эпохи расстрелянный в 1937 году маршал Тухачевский со своими товарищами. Компромата на них нашлось немного, военная форма мужчинам идет, смотрятся хорошо и женщинам нравятся. А история — она женского рода, что и доказала неоднократно, не слишком жалую штатских деятелей и откровенно любясь полководцами. Томный красавец, прекрасный принц из грез дамы бальзаковского возраста, да притом невинно умученный — что еще нужно для успешной пиар-кампании?

Предпринимались, правда, попытки назначить на роль страдальца и других персонажей советской истории. Даже Троцкого примеряли — но не вышло из-за несогласованности позиции разных авторских групп. Еврей, соратник Ленина, без дворянских корней, да и внешность... бр-р-р! Тем более троцкисты предпочитали видеть в нем «дядюшку», погибшего в бою с тираном, и очень громко об этом шумели. Попытка представить Троцкого невинной жертвой режима воспринималась ими как оскорбление памяти вождя и учителя.

Примеряли ореол и на других персонажей — в частности, на Бухарина, сияющие глаза которого должны были вызвать сочувствие — и вызывали, до тех пор, пока не выяснилось, что за этим сиянием скрывается натура настолько трусливая и жестокая, что даже сериал не выдержал. Прочие усековенные тираном персонажи из числа «верных ленинцев» тоже растеряли репутацию страдальцев по мере того, как все верные ленинцы перемещались в категорию бывших поделщиков главного злодея — а значит, так им и надо!

Ну, а военные остались — они красивые, в форме, их женщины любят. Маршалу Тухачевскому не повредили даже столь кошмарные деяния, как участие в подавлении Кронштадтского и Тамбовского восстаний — аудитория простила, ведь он солдат, ему приказали...

На самом деле такой красивый генерал по законам мыльной оперы может быть не только невинной жертвой, но и коварным злодеем. Однако коварных злодеев на сцене хватает и без него, так зачем плодить сущности сверх необходимого?

Но если сойти со сцены, на которой разыгрывается сериал, в реальное историческое пространство, то окажется, что все немножко не так — до полной противоположности.

Сейчас существуют две основные версии событий «тридцать седьмого года». Первая — все те же «необоснованные репрессии». В ней много

эмоций, но мало смысла, поскольку ни один из тех, кто пишет на эту тему, так и не смог объяснить, зачем это понадобилось Сталину. Что он, с ума сошел?

Да, с ума сошел — достаточно открытым текстом говорили со страниц «демократических» изданий. Маниакальная подозрительность, паранойя, Советским Союзом правил безумец, повергнувший все его население в состояние животного страха. Впрочем, ни одного доказательства того, что Сталин был сумасшедшим, так никто и не представил. Да они и не требовались, поскольку иной хоть сколько-нибудь обоснованной мотивации расправ с верными сторонниками все равно не найти. А откуда известно, что эти люди были верными сторонниками и честными коммунистами? Ну как же, об этом Хрущев на XX съезде сказал. А если он врал? Ну что вы, как может врать Хрущев, он же там был и сам все видел!

Очень, знаете ли, мне это напоминает старый еврейский анекдот:

«— Изя, ты таки знаешь, что наш цадик святой человек? Он каждый день беседует с Богом!

— Да что ты! Слушай, Мойша, а он не врет?

— Опомнись, что ты говоришь! Как же может врать человек, который каждый день беседует с Богом?!»

Вторая версия базируется на том утверждении, что сторонники были не такими уж и верными, и накануне войны Сталин решил расправиться с политическими противниками, а также с теми, кто, по его мнению, мог бы помешать выиграть грядущую войну. Этот вариант более благородный — однако и он не катит.

Причина проста: мы все равно остаемся в пространстве сериала. «Сталин захотел», «Сталин казнил» или же «помиловал»... В реальной истории самовластный правитель долго не проживет. Если вождь не хочет погибнуть смертью безвременной, он должен править хоть по законам, хоть по понятиям — но по законам или по понятиям, а не как левая нога возжелает. Иначе очень скоро он получит «черную метку» со всеми вытекающими из нее (или вылетающими из дула) последствиями.

Если же говорить не об абстрактном вожде, а о конкретном Сталине, то он и вовсе с редким упорством лепил из доставшегося ему дикого поля *правовое государство*, особенно активизировавшись на этом поприще с середины 30-х годов. Ну, и какой в этом смысл? Если он хотел расправиться с противниками, то был прямой резон сначала их перебить, а потом заняться наведением порядка и торжеством законности. Так, как Гитлер — едва придя к власти, устроил «ночь длинных ножей», а потом

начал обустривать свое государство. Но не наоборот же! Какой смысл укреплять законность накануне расправы с политическими противниками, вместо того, чтобы разобраться с ними «по-революционному», а потом посетовать на «головокружение от борьбы», сделать несколько горьких выводов и заняться правовой стороной советской жизни?

Неувязочка, однако...

Так называемые «репрессии» были сложным, многослойным процессом, в котором сплеталось множество разных факторов, и жертвы были самые разные, равно как и обстоятельства их гибели. «Невинно убиенных партийцев» придумал еще Хрущев, чтобы подвести основу под реабилитацию своих расстрелянных друганов, «расправу с политическими противниками» сочинили в 90-е годы, о правовом государстве же во все времена молчали насмерть, это открытие последнего времени. Не только молчали, но и всеми силами постарались ошельмовать Генерального прокурора СССР Вышинского, который был мотором этого процесса. Однако правда все же вышла наружу, и историческая картина рассыпалась, потеряв всякую логику.

Не говоря уже о том, что если все сказанное «реабилитаторами» правда, то надо срочно возрождать советский строй как наилучшую форму государственного устройства. Потому что если в государстве не существует ни шпионажа, ни заговоров, ни антиправительственных выступлений, ни террористов, ни бандитов... прямо-таки не государство, а филиал рая на земле. Почему не существует? Ну как же: ведь в какую статью ни ткни, все осужденные по ней реабилитированы «за отсутствием состава преступления». Можно, правда, порассуждать о «рабской душе» русского народа и о запутавшем всех инфернальном монстре под названием НКВД... Гитлер тоже так думал, а когда дошло до дела, выяснилось, что «русские рабы» защищали свое ведомое «жидами-комиссарами» Отечество гораздо лучше, чем, скажем, «просвещенные» французы, да и прочие датчане с норвежцами. Не иначе, заградотряды с пулеметами подействовали...

На самом деле, конечно, шпионы, заговорщики, бандиты, террористы и прочие криминальные личности в Советском Союзе существовали, как и в любом уважающем себя государстве. Так что ореолы вокруг «невинных страдальцев» гасли один за другим. Дольше всех наша общественность отстаивала маршала Тухачевского. Я понимаю — он и мне нравится. Мужчина с такими глазами просто обязан быть невинным страдальцем в любом уважающем себя сериале.

Одно только «но»: мы не в телевизоре живем...

Часть 1

НЕПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

«...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».
Мф. 12,25.

«Пойдешь налево, все равно придешь направо, и наоборот, если пойдешь направо — все равно придешь налево».
Сталин

Давайте попробуем подойти к делу с другой стороны. Могло ли случиться так, что заговора *не было*? Такая наступила в России страна чудес: пришли к власти политические радикалы, стопроцентные отморозки, начали творить что-то такое, чего никто и никогда не делал — а заговора не было! Все, вот прямо-таки все общество было к их виражам совершенно и абсолютно лояльно! Никто не хотел потеснить их от руля, и не хотел спасти несчастную державу, и не держал руку чужеземных охотников до чужих богатств. И происходило все это в 30-е годы, когда в Европе к власти рвался фашизм, переворот следовал за переворотом, заговор за заговором... А у нас — не было!

Была оппозиция. Часть левых радикалов, замутивших революцию в крупнейшей стране мира, вдруг стала тихой, мирной, скромной оппозицией, которая не сошлась с правительством по некоторым вопросам в ходе партийной дискуссии. А ее за это — в Сибирь! А потом — к стенке!

Нам с этой парламентской демократией совсем голову задурили. После шквала публикаций и телепередач наш человек, на чистом автомате, воспринимает «оппозицию» как кучку шумных, но довольно безвредных митинговых болтунов. Вроде голубей: оно, конечно, и шум

от них, и грязь — но какой же город без голубей? Между тем налицо типичная игра терминов, ибо оппозиционеры 20—30-х годов были далеко не голубки. Пожалуй, еще более не голубки, чем власть имущие.

В точном переводе с английского «opposition» значит «сопротивление», «противодействие». О целях и методах словарь умалчивает. Между тем даже простой здравый смысл говорит, что в этой области между нынешними квелыми политиками и тогдашними, прошедшими Гражданскую войну, «умытыми кровью» отморозками должна быть некоторая разница. Так она и вправду была.

Когда партия борется против правящего режима, само положение «против» ее консолидирует. Правда, российские социал-демократы и тогда ухитрились переругаться, варьируя методы от полемических газетных статей до банального мордобоя. Но что началось, когда они взяли власть, а уж тем более, когда сумели отбиться от всяческих противников и интервентов и настала пора строить что-нибудь на месте разрушенного «до основания» мира! Вот тогда-то все и началось...

ГЛАВА 1 «НАСЛЕДНИКИ ИЛЬИЧА»

...В чем было преимущество партии большевиков перед остальными партиями российского политического спектра — так это в практичности ее руководства. Практичности неожиданной и нежданной, ибо на первый взгляд оно ничем не отличалось от прочих, приехавших в plombированном вагоне. В октябре семнадцатого взять власть труда не стоило, подбирай с полу да держи, сколько сможешь. Не хитро было брать, хитро удержать и не угодить в петлю, оттого-то более трезвомыслящие политики о том и думать боялись. А эти словно в компьютерную стрелялку играли, не пугаясь и не комплексуя, — и в результате сделали невозможное, не только взяв, но и удержав власть. У них не было ни опыта руководства страной, ни даже какой-либо практики, но они помнили теорию и знали историю. Не говоря уже о том, что во главе большевистской партии стоял политический гений. Может статься, он был никудышным стратегом — если относиться всерьез к его теоретическим работам — зато был совершенно гениальным тактиком, что в конце концов и решило дело.

Сразу же после Октября, 29 ноября 1917 года, ЦК РСДРП(б), понимая, что демократическими методами управлять страной невозможно, создает «четверку» для решения самых важных, не терпящих отлага-

тельства вопросов. Это и была верховная власть Страны Советов (во время Великой Отечественной войны аналогичный орган назывался Государственный комитет обороны). Посмотрим же, кто персонально входил в эту верховную власть.

Первый, конечно — это Ленин. Тут много говорить не приходится, его значение и так понятно. Он, может быть, довольно путанный теоретик и довольно экзотичный практик, но он — «мотор» партии большевиков и новой власти, мастер экстраординарных решений и в качестве главы исполнительной власти — председателя Совнаркома — оперативной работы.

Второй — Сталин. В правительстве он занимает небольшой пост наркома по делам национальностей, однако если отрешиться от постов, то это самая серьезная фигура большевистской «теневого» колоды, сугубый практик, в публичной политике не засвеченный и к парламентской котловне не причастный, зато поистине великий организатор.

Третий — Троцкий. Это фигура непонятная. В партии без году неделя, в качестве наркома по иностранным делам едва не провалил Брестский мир, его деятельность на посту наркомвоенна тоже часто напоминала провокацию. Почему Ленин держал его возле себя, какие их связывали отношения — непонятно. После смерти вождя в кратчайшие сроки даже не Сталин вышиб его с высокого поста — он сам слетел оттуда, поскольку к любой позитивной деятельности был категорически неспособен.

И, наконец, четвертый — фигура загадочная, этакий «пиковый король», и не понять, то ли простая это масть, то ли козырная. Роль его в революции не то что до конца не ясна, а и вообще непонятна. Это человек, известный в партии как Андрей Уральский, а в историю вошедший под своим собственным именем — Яков Свердлов. Вторым главным практиком большевистской партии, в 1912 году он входил наряду со Сталиным в Русское бюро ЦК (их там было всего-то четверо — двое организаторов рабочего движения и два депутата Думы). После победы революции Свердлов стал председателем ВЦИК — то есть формальным главой государства, а в партии отвечал за расстановку кадров, которые, как известно, решают все. Это был подлинный «человек-оркестр». После его смерти для выполнения работы, с которой справлялся один Свердлов, пришлось ввести должности трех секретарей ЦК с помощниками. Когда Сталин позже, став генеральным секретарем, снова объединил эти функции в одном лице, про него стали говорить, что он сосредоточил в своих руках необъятную власть. Против необъятной власти в руках Свердлова никто не возражал.

Именно Свердлов вскоре стал вторым после Ленина (или же первым наравне с ним) человеком в государстве. Даже в его официальной, насквозь социалистической биографии проскальзывает упоминание о негласном договоре между Лениным и Свердловым: если с одним что-нибудь случится, второй принимает на себя всю полноту власти. Не факт, что это правда — но написано такое было, а подобные вещи просто так не пишутся...

«Четверка», впрочем, продержалась недолго. Весной 1918 года Сталин уехал на фронт, а Троцкий стал наркомом по военным и морским делам и занялся военным строительством. В первые послереволюционные годы у партии и, соответственно, у страны было два лидера, два кита, на которых держалось все, — Ленин и Свердлов.

Но не прошло и пяти лет, как положение изменилось, причем быстро и кардинально. В 1919 году умирает Свердлов. Этого никто не ждал — такой молодой! А в начале двадцатых тяжело заболевает Ленин. Уже к 1923 году становится ясно, что Ильич к работе больше не вернется. При должном уходе и лечении он, пожалуй, мог бы прожить еще несколько лет, но человек в таком состоянии — не работник. Оставшиеся «наверху» могли теперь рассчитывать только на себя.

В 1923 году в партии было три лидера, претендующих, хотя бы формально, на первую роль, — Троцкий, Зиновьев и набирающий силу Сталин. Пока Ленин был работоспособен, он как-то ухитрился привести эту разношерстную компанию хотя бы к относительному единению. Но когда его не стало, тут же выяснилось, что для практической работы состав Политбюро крайне неудачен. Троцкий был к ней неспособен в принципе, от коминтерновца Зиновьева и стоявшего за ним теоретика Каменева тоже оказалось мало толку, и очень скоро почти вся она легла на Сталина. С этим надо было что-то делать, но пока Ленин незримо присутствовал в Кремле, в Политбюро царил атмосфера ожидания. Откровеннее всех вел себя несдержанный Троцкий. Он фактически отошел от работы, даже присутствуя на заседаниях Политбюро, не участвовал в обсуждении, а демонстративно читал английский или французский роман либо же выискивал ошибки и оговорки у товарищей по власти, чтобы затем обрушиться на них с язвительной критикой.

Впрочем, толку от всей демонстративности Троцкого было мало, потому что все большее влияние приобретали Сталин и его команда. Сын грузина-сапожника был абсолютно чужд интеллигентско-эми-

грантскому братству, и вставать в позу перед ним обычно оказывалось бессмысленно, а то и себе дороже.

И все же пока вождь был жив и мог, хотя бы гипотетически, выздороветь, разобраться с дальнейшей судьбой власти было и неприлично, и страшновато. Это только в сказках все рвутся в цари, а на деле принять на себя ответственность за такую огромную страну, да еще в такое время... Это ведь были не демократические «политические деятели», готовые при первой же трудности прижать ушки и сложить полномочия. Эти в отставку не подавали, даже на тот свет. Самоубийство тоже считалось дезертирством, «легким выходом» из жизненных тупиков.

А время на дворе стояло веселое...

«Революционеры» и «государственники»

— Если бы сейчас была дискуссия, — начала женщина, волнуясь и загораясь румянцем, — я бы доказала Петру Александровичу...

— Виноват, вы не сию минуту хотите открыть эту дискуссию? — вежливо спросил Филипп Филиппович.

*М. Булгаков
«Собачье сердце»*

Война закончилась, исчезла смертельная опасность для молодого советского государства — но исчезла и внешняя вынуждающая сила, сплывавшая большевиков против смертельной опасности. И сразу же с уменьшением давления проявились разногласия, отложенные «на потом». Собственно партия, или, пользуясь терминологией Оруэлла, «внутренняя партия», проявила отчетливую тенденцию по любому поводу вступать в бесконечные дискуссии, подавая дурной пример партии «внешней». То есть ничего нового-то не происходило, процесс этот шел с самого начала существования партии, в бесконечных дискуссиях проходила вся ее жизнь, не исключая и военного времени — но во время войны спорили как-то между делом и по не слишком глобальным поводам. А теперь словесная река вырвалась наконец из теснины и разлилась на просторе...

Первым вестником нового жизненного этапа — еще, кстати, до окончания Гражданской войны, стала «дискуссия о профсоюзах». Часть видных большевиков, размышляя о том, как организовать государство после победы в войне, выступила за передачу верховной власти профсоюзам. Троцкий тут же потребовал заодно их чистки и всеобщей милитаризации.

(У него был свой интерес, он рассчитывал играть в этих милитаризованных профсоюзах ведущую роль.) Очередной теоретический спор, делов-то! — мало ли глупостей уже предлагали и еще будут предлагать. Охота в такое время заниматься такими проектами!

Но, как без труда догадается хоть немного продвинутый в реальной политике человек, дело-то было совсем не в профсоюзах. Вот ведь интересно — когда в наше время в верхах происходит какое-нибудь новое назначение или изменение, политическое ли, партийное или какое другое, то все правильно понимают происходящее и спрашивают, не кто что предлагает, а кто чью руку держит и в чьей команде шагает. А как речь заходит о двадцатых годах, так словно туман глаза застит. Кто бы об этом времени ни писал, сразу же начинает разбираться, кто что говорил, кто на каких позициях стоял, кто был не прав и в чем именно, и так там, в этом идеологическом болоте, и остается.

На самом деле все куда проще. Как писал эмигранту Илье Британу кто-то из видных большевиков (подозревали, что Бухарин): «Помните, когда пресловутая дискуссия о профсоюзах угрожала и расколом партии, и заменой Ленина Троцким (в этом была сущность дискуссии, скрытая от непосвященных тряпьем теоретического спора...)» Вот именно: тряпье теоретического спора — а суть-то совсем иная, самая банальная борьба за власть в партии была сутью как этой, так и последующих дискуссий. И партийные массы, кстати, прекрасно это понимали. Они могли быть малограмотными и не отличать Второго Интернационала от Третьего, но чего хочет оппозиция, знали четко, ибо это вопрос житейский, а в житейских вопросах излишняя грамотность только помеха.

Надо сказать, что время для вершущечных разборок было самое подходящее. Семь лет войн и революций отбросили и без того далеко не передовую Россию на добрых полстолетия назад. Сельское хозяйство давало 65% продукции от далеко не идеального для страны уровня 1913 года, промышленность — всего лишь 10%. Нэп оживил торговлю, но неспособен был поднять производство. Железнодорожный транспорт агонизировал. Голод в Поволжье унес миллионы жизней. Положение было хуже некуда, но выходить из него предполагалось по-разному.

Трещины проходили по поверхности — теория, идеология, политика, — но раскол-то шел гораздо глубже, до самой коренной породы, до природы человеческой. Психологически тогдашних большевиков можно поделить на «революционеров» и «государственников». Первые — нормальные, чистопородные смутьяны-радикалы — не видели для себя ни малейшего интереса в какой бы то ни было хозяйственной прозе.

Возиться с промышленностью, сельским хозяйством и прочей экономической дребеденью им было смертельно скучно, как скучно было бы путешественнику-землепроходцу работать председателем колхоза. Это были по сути своей че гевары, горевшие желанием «раздуть мировой пожар на горе буржуйам», нести знамя социалистической революции в Европу, которая почему-то задерживалась с выступлением. Поэтому их совершенно не интересовали никакие экономические проблемы, они хотели одного — продолжать делать мировую революцию. А не выйдет — так на что им эта страна?

«Государственники» же — некоторое количество случайно оказавшихся в этой лихой компании нормальных людей — собирались заняться приведением в порядок страны. «Мировая революция»? Ну ладно, может быть, но это когда-нибудь потом... Едва ли нашелся бы в то время среди большевиков человек, который не верил бы в мировую революцию, но эти верили в нее как в светлое будущее, а не в то, чем надо заняться срочно и немедленно.

Это не взгляды и не позиции, это психологические типы, они легко прослеживаются и в обычной жизни. Кто-то работает, а кто-то воду мутит. Беда в том, что к власти в 1917 году пришли левые радикалы — сила, где первых, то есть «революционеров», было подавляющее большинство.

Чистопородным смутьяном оказался Троцкий, взгляды которого несколько позже вылились в теорию «перманентной революции», суть которой ясно видна из названия. «И вечный бой, покой нам только снится!» Победу большевиков в России он считал «недоразумением» и мог примириться с ней лишь как со ступенькой к долгожданной революции на Западе, которую он готов был приближать и разжигать любыми способами, вплоть до вооруженной интервенции. В середине 30-х годов троцкизм дошел до совершенно безумной теории о том, что в России вообще все «неправильно», что надо вернуть ее в капитализм, «дорастить» до состояния, соответствующего промышленно развитой державе «по Марксу», и потом вместе с Западом вести к революции. Но это будет потом. А пока что Троцкий рассматривал мир как «передышку» перед «последним и решительным боем» и проявлял полное отсутствие интереса к какому бы то ни было мирному строительству, тем более что в принципе был не способен ни к какому созидательному труду, разваливая все, к чему прикасался.

Однако авторитет в массах, как правило, добывается не созидательным трудом, а митинговыми талантами, и авторитет у Троцкого был

чрезвычайно велик. Он опирался на «молодых» партийцев, вступивших в партию в годы Гражданской войны. Молодежь сама по себе не любит рутинной работы, зато легко находит «упоение в бою и бездны мрачной на краю», не задумываясь, что другие поколения, может быть, хотят совсем другого. Большинство молодых партийцев и не знали, что до 1917 года Троцкий являлся меньшевиком и противником Ленина. Для них он был прежде всего победоносным наркомом, портреты которого висели на каждом углу. Сам же Лев Давидович видел себя, конечно, только на первых ролях. «Я не гожусь для поручений, — писал он впоследствии в автобиографии. — Либо рядом с Лениным, если бы ему удалось поправиться, либо на его месте, если бы болезнь одолела его».

Что он стал бы делать на месте Ленина — о том Троцкий умалчивает. Впрочем, и так ясно — воевать, а поскольку строить он не умеет, то выигрывать битву нельзя, ибо за выигрышем неминуемо придет стройка. А значит, следует гордо проиграть и в эмиграции писать мемуары о героическом прошлом — именно этим, кстати, и кончилась для него борьба со Сталиным за власть.

Основным «государственником» в большевистских верхах был Сталин, практический ум которого двигался не от теории к теории, а от задачи к задаче. Если же надо было что-нибудь теоретически обосновать, то он, вооруженный изобретенным им «творческим марксизмом» и семинарским образованием, мог без труда придумать обоснование «по Марксу» для всего, что бы ни происходило в стране. Уж на что Молотов — твердокаменный сталинист, и тот признавал, что Сталин в теории был не особенно силен, зато как практика равного ему не было. Но в той мере, в какой это было необходимо, он мог пристегнуть марксизм к текущему моменту и, главное, объяснить это массам простым и доходчивым языком. Попробуй-ка, пойми писания Троцкого, даже имея за плечами университет! А Сталина любой красноармеец с церковно-приходской школой понимал превосходно...

...Первым начал Троцкий — сколько же можно на Политбюро романы читать! И, верный своей «иудушкиной»¹ привычке, время выбрал самое подходящее — когда Советская Россия, усилиями Коминтерна, намеревалась ввязаться еще в одну войну. Осенью 1923 года, в самый разгар германского «красного октября», когда Красная Армия готова была вторгнуться в Польшу, чтобы прорваться на помощь начинающейся

¹ «Иудушкой» как-то раз со злости назвал Троцкого Ленин.

германской революции, его сторонники выступили с оппозиционной платформой под названием «Заявление 46-ти». Всем было ясно, что выступление это инспирировано Троцким. В тот момент такой шаг был воспринят партийной элитой как акт прямого предательства.

В 90-е годы много говорили и писали о нашей храброй оппозиции, о том, как она отважно противопоставляла себя Сталину. Но почему-то не очень любили публиковать документы этой самой оппозиции. Почему бы это? Может быть, все прояснится, если прочесть хотя бы одно оппозиционное воззвание? Итак, вот оно, «Заявление 46-ти в Политбюро ЦК РКП(б)» от 15 октября 1923 года.

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжелыми бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутривнутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией, как в области хозяйства, так и особенно в области внутривнутрипартийных отношений.

Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство или, вернее, на отсутствие всякого руководства, не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым экономическим кризисом.

Мы стоим перед близящимся потрясением червонной валюты, которая стихийно превратилась в основную валюту до ликвидации бюджетного дефицита, перед кредитным кризисом, когда Госбанк без риска тяжкого потрясения не может финансировать не только промышленность и торговлю промышленными товарами, но и закупку хлеба для экспорта, перед остановкой сбыта промышленных товаров вследствие высоких цен, которые объясняются, с одной стороны, полным отсутствием планомерного организаторского руководства в промышленности, с другой стороны, неверной кредитной политикой; перед невозможностью осуществления хлебэкспортной программы вследствие невозможности закупать хлеб; перед крайне низкими ценами на пищевые продукты, разорительными для крестьянства и грозящими массовым сокращением сельскохозяйственного производства; перед перебоями

в выдаче зарплаты, вызывающими естественное недовольство рабочих; перед бюджетным хаосом, непосредственно создающим хаос в государственном аппарате; «революционные» приемы сокращений при выработке бюджета и новых явочных сокращений при его реализации стали из переходных мер постоянным явлением, которое непрерывно сотрясает госаппарат и вследствие отсутствия плана о сокращениях — сотрясает его случайно, стихийно.

Все это суть некоторые элементы уже начавшегося хозяйственного, кредитного и финансового кризиса. Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними политическими осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности. А последняя, как всякому понятно, нужна нам теперь больше, чем когда-либо, от нее зависят судьбы мировой революции и рабочего класса всех стран...»

Как видим, первая часть письма посвящена констатации того ну прямо-таки никому не ясного факта, что положение хреновое. С ума сойти, какое открытие! Впрочем — нет, не совсем хреновое, ибо были достигнуты некоторые успехи, и даже крупные — хотя руководство страны тут ни при чем, достигнуты они были совершенно стихийно, вот взяли и родились сами собой из хаоса. Но все равно много хренового, и надо принимать меры. И, по-видимому, сейчас мы познакомимся с планом этих самых широких, продуманных и пр. мер, разработанных партийной оппозицией.

Ан фиг вам, любезные! Все это, оказывается, была преамбула, и дело совсем не во всеохватывающем кризисе, который вот-вот грядет. Потому что дальше речь пойдет совсем о другом.

«Точно так же и в области внутрипартийных отношений мы видим ту же неправильность руководства, парализующую и разлагающую партию, что особенно ярко сказывается во время переживаемого кризиса.

Мы объясняем это не политической неспособностью нынешних руководителей партии; наоборот, как бы мы ни расхотелись с ними в оценке положения и в выборе мероприятий к его изменению — мы полагаем, что нынешние руководители при всяких условиях не могут не быть поставлены партией на передовые посты рабочей диктатуры (то есть речь о смене власти не идет. Кто пахал, те пусть и пашут. Тогда о чем вообще весь базар? — *Авт.*). Но мы объясняем это тем, что под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний, при-

способляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий. В результате искаженного такими узкими расчетами партийного руководства партия в значительной степени перестает быть тем живым самодеятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни...»

Что, интересно, имеют авторы в виду под «общественной жизнью»? Как сложившаяся иерархия может помешать устраивать субботники, организовывать кружки политграмоты и школы ликбеза, шефствовать над заводами и стройками? Оказывается, под общественной жизнью оппозиция имеет в виду нечто весьма специфическое.

«...Это факт, который известен каждому члену партии. Члены партии, недовольные тем или иным распоряжением ЦК или даже губкома, имеющие на душе те или иные сомнения, отмечающие «про себя» те или иные ошибки, неурядицы и беспорядки, боятся об этом говорить на партийных собраниях, более того — боятся беседовать друг с другом, если только собеседник не является совершенно надежным человеком в смысле «неболтливости»; свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло. В наше время не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губернские конференции и партийные съезды, которые в свою очередь выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия, иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии. Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим; он убивает самодеятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно даст осечки в момент кризисов и который грозит оказаться совершенно несамостоятельным перед лицом надвигающихся событий...»

Теперь мы видим, что под общественной жизнью понимаются дискуссии — как показала практика, бесконечные и по любому вопросу, ибо известно, что где соберутся два политика, там непременно присутствуют три мнения, а в отдалении маячит четвертое. Ну как же так: у них есть мнения, а высказать их не дают... Что же касается нормальной и не-

нормальной работы, то тем, кто согласен с авторами письма, предлагаю провести эксперимент: попробовать организовать на дискуссионно-демократических началах работу, например, бригады ремонтных рабочих из пяти человек и посмотреть, что они вам наремонтируют.

А дальше пошли уже совсем интересные вещи:

«Создавшееся положение объясняется тем, что объективно сложившийся после X съезда режим фракционной диктатуры внутри партии пережил сам себя. Многие из нас сознательно пошли на непротивление такому режиму. Поворот 21-го года (нэп. — *Авт.*), а затем болезнь т. Ленина требовали, по мнению некоторых из нас, в качестве временной меры, диктатуры внутри партии. Другие товарищи с самого начала относились к ней скептически или отрицательно. Как бы то ни было, к XII съезду партии этот режим изжил себя. Он стал поворачиваться своей оборотной стороной. Внутрипартийные сцепы стали ослабляться. Партия стала замирать. Крайне оппозиционные, уже явно болезненные течения внутри партии стали приобретать антипартийный характер, ибо внутрипартийного товарищеского обсуждения наболевших вопросов не было. А такое обсуждение без труда вскрыло бы болезненный характер этих течений как партийной массе, так и большинству их участников. В результате — нелегальные группировки, выводящие членов партии за пределы последней, и отрыв партии от рабочих масс...»

А мы-то думали, что этот процесс начался после 1927 года! А он, оказывается, уже в 1923-м шел полным ходом...

Дальше идет снова все та же риторика о кризисе и единстве — мы уж пожалеем себя и читателя, не станем ее приводить. И вот, наконец, резюме.

«В партии ведется борьба тем более ожесточенная, чем более глухо и тайно она идет. Если мы ставим перед ЦК этот вопрос, то именно для того, чтобы дать скорейший и наименее болезненный выход раздирающим партию противоречиям и немедленно поставить партию на здоровую основу... Фракционный режим должен быть устранен — и это должны сделать в первую очередь его насадители, он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии».

Одним словом, ЦК и Политбюро поставили перед фактом: либо они возрождают в партии свободу дискуссии без конца и без края, либо она распадается на нелегальные группировки. Перспективочка, однако...

И это все. Вот оно, знаменитое «Заявление 46-ти», о котором столько говорили, но которое почему-то не публиковали — теперь, надеемся,

ясно почему? Ничего иного, кроме как требования свободы бесконечной болтовни, в этом письме не содержится. Видно, уж очень приперло, если этот вопрос сочли столь актуальным, что подняли его в такое время. Впрочем, одно радует: это письмо сыграло свою роль в принятии решения по «германскому вопросу», и Красная Армия не сунулась в Польшу. И таковы все подобные документы — много слов и никакой конкретики. И требование свободы дискуссий, дискуссий без конца!

Тем не менее шум был до неба. 27 декабря начальник политуправления Красной Армии Антонов-Овсеенко даже написал в Политбюро письмо с угрозами: если тронут Троцкого, то вся армия станет на его защиту. Обстановка была такой, что в начале 1924 года кое-кто всерьез ждал переворота. Однако Троцкий то ли был болен, то ли струсил — но «демон революции» отмолчался, а без него начинать никто не решился.

Ну, и что было делать с оппозиционерами? Они хотели дискуссии — они ее получили. Состоявшаяся в декабре 1923 — январе 1924 года партдискуссия закончилась полным поражением оппозиции. В партийных организациях ЦК поддержали 98,7% членов партии, а троцкистов — 1,3%, о чем и было торжественно объявлено на XIII партконференции. Пьедестал, который Троцкий столь старательно сколачивал для себя из тел своих сторонников, торжественно под ним развалился. Кстати, сам он на конференцию не явился — «лечился от простуды» в Сухуми. Еще одно предательство «демона революции»...

Не приехал Троцкий и на похороны Ленина, заявив, что его поздно известили и он не успевает в Москву — хотя самолеты в то время уже летали. Нельзя сказать, чтобы товарищи по Политбюро были этим так уж сильно расстроены — без него как-то потише и поспокойней...

Левая, правая где сторона?

Поскольку мир, как выяснилось, круглый,
То даже если левый ты и бравый,
Не слишком влево забирай от левых,
А то недолго оказаться справа.

Из латиноамериканской поэзии

Итак, оппозиция проиграла этот бой, как будет проигрывать и все последующие. Причина тому крайне проста. Можно сколько угодно утверждать, что это интриган и тиран Сталин своей железной рукой всех

зажал и всем заткнул рот, но на самом деле все проще: за ним всегда было большинство. Причем большинство подавляющее. Даже в партийной среде оппозиция никогда не набирала больше 4% голосов, не говоря уже о беспартийной. Что, народ правды не чуял?

В том-то и дело, что чуял. Еще как чуял ту правду, что оппозиция всегда была кучкой болтающей интеллигенции. «Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа». В милой полудетской книжечке «Как закалялась сталь» достаточно подробно описывается, как проходила партдискуссия в одной из низовых организаций. Когда, потерпев поражение, местные оппозиционеры заявили, что имеют право организовать фракцию меньшинства, зал взвыл: опять большевики и меньшевики! Сколько же можно? ДОСТАЛИ!!!

...Потерпев поражение, оппозиция ничего не поняла и ничему не научилась. Не успел закончиться базар с «заявлением 49-ти», как подспела история с пресловутым «ленинским завещанием». Содержание этого документа так широко растиражировано, что пересказывать его нет смысла. Достаточно сказать, что, когда читаешь его целиком, видно, что составлено это «завещание» явно в пользу Троцкого, чего от реального Ленина, который в последний год собирал Политбюро, не приглашая на него «демона революции», ждать не приходилось. Кроме того, из этого документа во все стороны торчат усы, зубы, уши и когти тех, кто к 1924 году понял, что терпеть не может Сталина. Кстати, и в ближайшем окружении Ленина такой человек имелся. Надежда Константиновна Крупская, как показали ее дальнейшие действия, политически явно склонялась на сторону оппозиции.

Тут надо вспомнить, что собой представляло это самое «завещание Ленина». В мае 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, Крупская передала в ЦК конверты со всеми работами Ильича, надиктованными в период болезни, сказав, что Ленин просил огласить «Письмо к съезду» после своей смерти, на съезде партии. Письмо представляло собой машинописный текст, Лениным он был не то что не написан собственноручно (писать он не мог), но даже не подписан. Документ просто кричал о своей сомнительности, как формой так и содержанием. Тем не менее с вдовой вождя спорить не стали, документы приняли, разве что «Письмо» не стали читать с трибуны, а произвели оглашение по делегациям, в перерыве. Строго

говоря, серьезно повредить «Письмо» могло только Сталину, однако предложение заменить генсека съезд не стал даже обсуждать, и все делегации без исключения высказались за него. Что любопытно, в его защиту горячо и страстно выступил Зиновьев. Тем и закончилась история с «завещанием», воскресшая в годы «перестройки» как сенсация и ни в коей мере не являвшаяся таковой в то время, когда она произошла.

А по большому счету, даже если бы Ленин на самом деле написал эту бумагу — ну и что? Это ведь не распоряжение о судьбе миллиона долларов, нажитых непосильным трудом. Партия не была собственностью Владимира Ильича, и он никому ее завещать не мог..

...Лето — время отпусков. Каждый проводит отпуск по-разному, а советское руководство любило ездить на юг.

Еще летом 1923 года, на прогулке в горах, Зиновьев и Бухарин, забравшись в какую-то пещеру в компании с Лашевичем, Евдокимовым и Ворошиловым, стали обсуждать положение в партии, предаваясь извечному русскому вопросу: что делать? Родилась идея — создать новый партийный секретариат из Троцкого, Сталина и кого-нибудь третьего — Каменева, Зиновьева или Бухарина. Читай: Сталин будет работать, Троцкий саботировать, а «третий» заниматься демагогией. Ворошилов вроде бы покрутил пальцем у виска и отправился восвояси, остальные же принялись за реализацию своего плана всерьез.

Однако идея резко не понравилась как Сталину, которому хотелось хотя бы в секретариате обойтись без дискуссий, так и Троцкому, не желавшему делить необъятную власть секретаря ЦК ни с кем, даже с тем, кто эту власть создал. Сталин ответил со своим обычным юмором: «На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии...» Угроза отставки — то, что сразу же примиряло противников Сталина с его персоной. Демократия демократией, но и работать ведь кому-то надо!

Резюме Сталина было коротким: «С жиру беситесь, друзья мои!» И кто скажет, что он был не прав? Сталин-то сидел в Москве, пока они прохладжались на юге, и, по его собственному выражению, «тянул ляжку».

Сезон 1924 года вроде бы прошел спокойно. Но это только вроде бы... 19 июля Сталин пишет следующее письмо:

«В Пленум ЦК РКП(б). Полутороговая совместная работа в политбюро с т. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. Секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро ЦК). Прошу дать отпуск для лечения месяца на два. По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-нибудь за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела давать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма».

Интересно, чем именно Зиновьев и Каменев так уели Сталина, что он просится от них в Туруханский край? Но ведь чем-то же уели, это ясно...

Не отпустили. Снова и снова он просится в отставку с этого поста — в декабре 1926 года, в декабре 1927-го — и не отпускают, даже слышать не хотят. Тут надо понимать еще один момент: Сталин — человек достаточно сентиментальный. Не зря он всегда был миротворцем. Один из самых старых по стажу членов партии, он пока еще не может отрешиться от того, что оппозиционеры — это его вчерашние товарищи по борьбе, что Каменев — тот самый Лева Розенфельд, который в 1903 году укрывал его на конспиративной квартире после побега из ссылки. Гитлер через какой-то год после прихода к власти устроил «ночь длинных ножей». Сталин был на это не способен в принципе. В конечном итоге это дорого обошлось.

...Осень 1924 года принесла возобновление дискуссии. Троцкий, поверженный «демон революции», не в силах смириться с поражением, выступил уже в открытую, напечатав статью «Уроки Октября». В ней он снова припомнил октябрьское предательство Каменева и Зиновьева и выступил против них с открытым обвинением в оппортунизме. Будоражить память о позорном и неудачном выступлении было что ткнуть в больной зуб. Оба, естественно, возмутились и потребовали исключить обидчика из партии. Спас его... Сталин, выступивший в защиту Троц-

кого, так что дело кончилось всего лишь отстранением последнего в январе 1925 года от руководства военными делами, что в любом случае следовало сделать, потому что бардак в армии он развел невообразимый.

Но политическая команда Троцкого осталась при нем. Кто же в нее входил?

В начале перестройки многочисленными публикациями пытались сформировать образ троцкиста как левого экстремиста, сторонника тотального обобществления, трудовых армий и мировой революции. На самом деле это устойчивый миф, который был создан самим Троцким еще в 20-е годы и сохранился до наших дней. Внешне его платформа действительно состояла из трех групп левых лозунгов. Это критика бюрократических порядков в партии, борьба за «соблюдение внутрипартийной демократии». Это критика слева политики нэпа и — сугубо теоретическая часть платформы — критика теории построения социализма в одной стране. На самом же деле так всего-навсего было удобнее критиковать правительство и вербовать сторонников. Когда правительство резко взяло влево, Троцкий тут же начал наскакивать на него уже с правой стороны.

Фактически же раскол шел не по идеологической, а совсем по иной плоскости. Если вынести за скобки лозунги — кто на самом деле поддерживал Троцкого? Ну, во-первых, конечно, вечные «революционные мальчишки», неспособные к работе горлопаны. Во-вторых, «обиженные» всех уровней, которых всегда много, охотно присоединились к дискуссии о «внутрипартийной демократии». В-третьих, на его стороне выступили всевозможные национал-уклонисты. Например, у Троцкого было очень много грузин — 10—15 процентов. Грузины почти поголовно в то время были националистами. Сделали ставку на Троцкого и сепаратисты-украинцы. В общем, прослеживалась закономерность — где сепаратизм был развит сильнее, там и троцкизм был развит сильнее. Затем его поддерживали децисты, сторонники «демократического централизма», — а это уже сепаратисты в квадрате. На словах «децисты» были сторонниками ультралевого крыла в партии, а на деле — поборниками парада региональных суверенитетов, то есть полного развала государства. На его стороне было много иностранных коммунистов, осевших в СССР, вроде Раковского и Радека, — ну, это буреветники из Коминтерна, с ними все ясно. Кстати, что касается политики, то Радек по всем позициям был куда более правым и все время состоял при Ленине — а теперь вдруг оказался при Троцком, предпочтя роль «хвоста у Льва», как позднее сам писал в знаменитой эпиграмме на Ворошилова:

Ах, Клим, пустая голова,
Навозом доверху завалена.
Ведь лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина.

Трудно сказать, чем лучше — что хвост, что задница, все одна сторона тела...

Если что и могло быть хуже, чем Политбюро образца 1921 года, — так это его состав в 1925 году. К прежним, уже притершимся друг к другу «закадычным врагам» добавились еще Бухарин, Рыков и Томский. Идеальным вождем троих новых членов был Бухарин. Он почему-то считался вождем «правых» в партии, хотя его взгляды были куда левее сталинских. Впрочем, он постоянно менял свои теоретические позиции, одно лишь было неизменно — он видел Россию как плацдарм и резерв для будущей мировой революции. Правда, он был в то время еще и за укрепление крестьянского хозяйства, и даже бросил лозунг «Обогащайтесь!», который вскоре успешно сменил на противоположный. Может быть, поэтому и в правых ходил?

Казалось бы, Политбюро должно было разделиться на «правых», «триумvirат» (Сталин, Зиновьев, Каменев) и героя-одиночку Троцкого, который будет гордо стоять над схваткой. Однако все вышло не так.

...Осенью 1925 года Зиновьев осознал, что власть медленно, но верно ускользает из его рук. Коминтерн терял влияние, тем более что в капиталистических странах началась стабилизация, курс на мировую революцию явно проваливался. Ленинград, где он сидел первым секретарем, все больше превращался в провинциальный город. Фундаментальный труд Григория Евсеевича под названием «Ленинизм», где он продолжал упорно настаивать на мировой революции, не произвел ожидаемого впечатления, более того, подвергся критике со всех сторон.

И в августе «ленинградцы» внезапно восстали против Сталина. На октябрьском Пленуме они выступили с «теоретическим» обоснованием своей позиции, однако присутствующие быстро разобрались в ситуации. Когда, после длиннейшей двухчасовой речи, Каменев сделал вывод, что «товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. Мы против единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!», в зале послышались выкрики: «Вот оно в чем дело!» «Раскрыли карты!». В общем, и эта атака провалилась.

В результате на XIV съезде партии в декабре 1925 года Зиновьев и Каменев выступили во главе новой оппозиции. Их поддержал крайне правый по своим взглядам наркомфин Сокольников, а в качестве «свадебного генерала» выступала Надежда Константиновна Крупская. Новая оппозиция отражала взгляды питерских рабочих, требовавших — а чего могут требовать рабочие? — повышения зарплаты. А также ограничения прав партийного и государственного аппарата, рабочего контроля над производством, обуздания нэпа. Требования не слишком умные, но популистские. Таким образом, Зиновьев и Каменев как бы выступали в качестве центристов при «левом» Троцком и «правом» Сталине, хотя на самом деле ни Троцкий не был левым, ни Сталин — правым, ни они центристами, да и вообще вся эта анатомия была тут совершенно ни при чем.

Масса партийцев отнюдь не являлась слепой толпой, замороженной марксизмом. Это были нормальные, практичные люди, которые понимали, что к чему, и прекрасно видели теоретический разнородности оппозиции, каждый из представителей которой говорил свое, да еще и чуть ли не каждый год меняя позиции. В 1925 году Сталин смеялся над этим их свойством: «Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич — третье, Сокольников — четвертое. Но, несмотря на разнообразие, все они сходились на одном. На чем же они сошлись? В чем же состоит их платформа? Их платформа — реформа Секретариата ЦК. Единственное общее, что вполне объединяет их — вопрос о Секретариате. Это странно и смешно, но это факт».

Новая оппозиция была так же торжественно разгромлена, как и старая. В январе 1926 года первым секретарем Ленинградского обкома партии стал верный сталинец Киров. Из членов Политбюро Каменев был переведен в кандидаты и лишился поста председателя Совета труда и обороны, а Зиновьев — поста председателя Петросовета, оставаясь, правда, пока что главой Коминтерна. Сокольникова исключили из кандидатов в Политбюро и убрали с поста наркомфина. Причины для следующего выступления были налицо.

1926 год принес с собой новое в поведении оппозиции. Во-первых, она наконец объединилась. В апреле 1926 года был создан объединенный блок, к которому примкнули и суперлевые «децисты», и грузинские националисты, и прочие осколки всех ранее существовавших оппозиционных блоков и групп на платформе «левых». Получился союз весьма противоречивый, но жизнеспособный, поскольку объединился

бессмертным принципом: «Против кого дружить будем?» Даже рядовые партийцы поняли, что стоит за «принципиальностью» поверженных вождей.

Во-вторых, Троцкий стал разыгрывать провокационную карту — он поставил на Политбюро вопрос об антисемитизме, совершенно по классическому принципу, сформулированному в известном анекдоте: «Если Иванова посадили за воровство, то он просто вор, а если Рабиновича — то это антисемитизм». Поскольку подавляющее большинство видных оппозиционеров были евреями, то Лев Давидович представил дело так, что борьба с оппозицией была проявлением антисемитизма. Сталин стал его опровергать, заявив, что ЦК борется с оппозицией не потому, что они евреи, а потому, что оппозиционеры. По поводу чего мы имеем роскошный образчик провокационной логики Троцкого: «Каждому политически мыслящему человеку была совершенно ясна намеренная двусмысленность этого заявления... “Не забывайте, что руководители оппозиции — евреи” — вот настоящий смысл слов Сталина, опубликованный во всех центральных газетах». Трудно сказать, знали ли народные массы о национальности Зиновьева, Каменева, да и самого Троцкого, с их русскими псевдонимами, однако после этого заявления внимание масс к национальности партийных верхов было привлечено всерьез и надолго.

Третье новое, что появилось в поведении оппозиции, было только что забытым старым. Они начали нелегально печатать свои воззвания, на чем попало, вплоть до пишущих машинок. И это третье значило очень много. За тридцать лет до того российские социал-демократы тоже начинали свою деятельность именно с нелегальных прокламаций. Эти жалкие листочки означали, что отношения оппозиции с властью перешли в новую фазу — нелегальной борьбы.

И вот свершилось то, что рано или поздно должно было свершиться. Оппозиция «достала» партийцев. В самом деле — работы по горло, надо восстанавливать хозяйство, создавать армию, а тут в верхах черт знает что творится, свистопляска какая-то. На очередных обсуждениях в партийных ячейках Москвы и Ленинграда лидерам оппозиции просто не давали выступать. Впервые в жизни Троцкий, один из величайших ораторов XX века, провалился — его слова перекрывал рев толпы. Еще повезло, что не побили... Туда же, куда Троцкого, послали и остальных ораторов. Из 87 тысяч присутствовавших на собраниях в этих двух го-

родах за оппозицию проголосовало 496 человек. И не надо искать здесь тоталитарную партийную дисциплину, все куда проще. Потихоньку восстанавливалась промышленность, поднималось сельское хозяйство, все это прекрасно видели, и оппозиция выглядела просто кучкой крикунов, мешающей Сталину и его команде работать. Как оно на самом деле и было.

Они еще долго группировались друг с другом, сходились и расходились, меняли позиции и устраивали дискуссии. Все это перечисляется в десятках книг, и все это очень скучно. Какая, собственно, разница — когда Каменев объединился с Троцким, когда разошелся и когда к ним ко всем примкнул Рыков? Так или иначе, вскоре все, кто выступал против Сталина, оказались рядом, защитниками одной баррикады, и методично проигрывали схватку за схваткой — но не унимались. Не могли уняться. Чисто психологически не могли.

Но одной борьбой вокруг секретариата ЦК деятельность оппозиции не ограничивалась. Это была практическая сторона, а имелась и теоретическая, точнее, мировоззренческая подоплека. В 1926 году Сталин сформулировал принципиальное разногласие между «генеральной линией» и столь любимой нашими господами демократами оппозицией. «В чем состоит эта разница? В том, что партия рассматривает нашу революцию как революцию социалистическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, способную идти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оппозиция рассматривает нашу революцию как бесплатное приложение к будущей, еще не победившей пролетарской революции на Западе, как “придаточное предложение” к будущей революции на Западе, как нечто, не имеющее самостоятельной силы».

Неудивительно, что господа «перестроечные демократы» так возлюбили оппозиционеров — они ведь тоже не видят в России самостоятельной ценности, рассматривая ее как придаток западной экономики. Впрочем, привычка «задрать штаны, бежать за Западом» — это не Явлинские с Собчаками придумали, и не Троцкие с Каменевыми, это свойство старое, вековое свойство русских «верхов» — смотреть на Запад преданными собачьими глазами, повернувшись к родной стране, пардон, противоположной частью и ощущая себя по причине таких предпочтений элитой среди ничего не понимающего быдла.

И пусть хоть один человек, прочитавший изложенное в этой главе, скажет, что эту оппозицию не пытались убедить, подчинить партийной дисциплине, хоть как-то к делу приспособить. Пытались. Не вышло. И не могло

выйти никогда по одной очень простой причине: деятели оппозиции были сплошь «революционеры», а «революционер» не может быть приспособлен к делу по причине абсолютной деструктивности всей своей деятельности. Ну не выйдет из пулемета нужная в хозяйстве вещь, на какой бок его ни положи! Из него можно только стрелять. Так и революционер — он может только делать революцию, ни на что иное он не пригоден.

Ну хорошо, допустим, дали бы Троцкому власть. И что? Чем бы все кончилось, вполне можно предугадать. Всенародным бунтом при попытке всеобщей милитаризации всего либо войной при прорыве Красной Армии на помощь мировому пролетариату. А после неудачи по первому или второму типу Лев Давидович отправился бы в эмиграцию, побежденный, но не сломленный, и занялся разработкой теории мировой революции. Собственно, этим все и кончилось, только с меньшими потерями для Советской России и с большей рекламой для самого Троцкого, за спиной которого не было позорного поражения, ибо злодей Сталин не дал ему осуществить свои гениальные планы.

ГЛАВА 2 ОППОЗИЦИЯ УХОДИТ ПОД ЗЕМЛЮ

Мы пойдем другим путем!

В. Ульянов (Ленин)

Потерпев столь сокрушительное поражение, оппозиционеры вроде бы должны были смириться, тем более этого недвусмысленно требовала партийная дисциплина. Однако они и не думали складывать оружие. Оппозиционеры, как истинные большевики, пошли по конспиративному пути. Дело это было привычным — до революции только такой работой и занимались! Начали проводить подпольные сходки — в лесу, на кладбищах, на конспиративных квартирах, создавали подпольные типографии. Вскоре появилась настоящая «параллельная партия», имевшая свои ячейки, райкомы, обкомы. Отделения этой партии имелись в Москве, Ленинграде, Харькове, Одессе, в Грузии, на Урале, в Сибири. Они явно решили поступить, как в том анекдоте: «Уехал в Женеву. Начинаю все сначала».

«Народ здесь все больше душевный...»

Впрочем, началось это не в 1926 году, а гораздо раньше. В брошюре, посвященной своему сыну Льву Седову, Троцкий писал: «В 1923 году Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг

искусство заговорщической деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов».

О нелегальных группах внутри партии упоминается и в «Заявлении 46-ти». Но и это не было началом. Уже осенью 1923 года были арестованы члены двух конспиративных групп: «Рабочая группа» и «Рабочая правда» — рабочие-большевики с солидным дореволюционным стажем. Чем они, интересно, занимались, что с ними так круто поступили — ведь в то время за инакомыслие даже из партии не исключали?

Уже начиная с 1923 года, если не раньше, процесс пошел проторенным путем российских социал-демократических «дискуссий», сразу в двух направлениях. С одной стороны, сторонники «линии ЦК» были властью, против которой оппозиционеры знали, как бороться, — двадцать лет учились. С другой, они все-таки были товарищами по партии, а с товарищами споры традиционно решались мелкими пакостями и митингами, плавно переходящими в мордобой.

В Ленинграде, вотчине оппозиции, царил культ Зиновьева. Посланный ему на смену Киров не мог поначалу даже подыскать помещение для собраний сторонников линии ЦК. В конце концов его выручил командующий Ленинградским военным округом Шапошников — беспартийный, бывший царский полковник. Его мало интересовали партдискуссии, зато он хорошо понимал, что такое лояльность и присяга. (Между прочим, только двоих военных Сталин называл по имени и отчеству — Шапошников и Рокоссовского.) Мы еще не раз встретимся с ним.

Неожиданно Кирову помогли... троцкисты. Не то чтобы они приняли сторону Сталина, но они были противниками зиновьевцев и воспользовались ситуацией для того, чтобы решить старые свары и, по возможности, напакостить. Начальник Высшей кавалерийской школы Туровский с револьвером разгонял митинги сторонников Зиновьева. (Что, впрочем, не помешало боссам в апреле 1926 года заключить союз.)

Но Киров долго еще получал нежные письма вроде следующего: «Посмотри на свою рожу, которую за три дня не обсерешь. Ты имеешь три автомобиля, питаешься так, как цари не жрали, а нас, несчастных, когда нет ни войн, ни эпидемий, ни стихийных бедствий, держишь в голоде. Сволочь ты несчастная, и место тебе на виселице...»

...Надо сказать, что противники Сталина предвидели события и неплохо подготовились к непарламентским методам борьбы. Еще в конце весны 1926 года «объединенная оппозиция» организовала свой конспиративный центр. (Об этом, в частности, писал венгерский историк,

сын Бела Куна, Миклош Кун). Во главе центра стояли сами лидеры — Троцкий и Зиновьев. Подпольные заседания проходили на квартире Ивара Смилги.

Работа была поставлена серьезно. Центр имел свою агентуру в ЦК и ОГПУ, специальную группу, которая вела работу среди военных (туда входили Примаков и Путна, будущие «герои» процесса генералов). Такие же центры имелись в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах. Для связи с оппозиционными группами в других компартиях использовали единомышленников, работавших в Наркоминделе и Наркомвнешторге. Одно время материалы оппозиции вывозила за границу Александра Коллонтай — пока очень своевременно не перешла на сталинские позиции. Как известно, заигрывания с троцкистами благополучно сошли ей с рук.

По старой большевистской привычке оппозиционеры пошли в народ. В Москве и Ленинграде они устраивали тайные собрания на квартирах рабочих. По возможностям квартир, туда приходили от нескольких десятков до полутора-двух сотен человек. Собрания были полуконспиративными, однако представители ЦКК и ОГПУ прекрасно знали о сходках, нередко даже являлись туда с требованием разойтись. Обычно их посылали подальше, с мордобоем или без оно-го, и продолжали работу. На подобных собраниях перебивало около 20 тысяч человек.

Что с ними поделаешь? Пока что руководители страны не в силах были переступить через себя и начать арестовывать старых товарищей по борьбе. ЦК, в свою очередь, тоже обратился к рабочим, призвав разгонять собрания силой. Обстановка стала как-то уж очень напоминать 1905 год в Грузии. Вот воспоминания одного из участников событий тех незабываемых дней: «Маленков... организовал многочисленные шайки из партийно-комсомольского хулиганья. Специально натасканные Маленковым и снабженные палками, камнями, старыми галошами, тухлыми яйцами и т.д., эти шайки, именуя себя «рабочими дружинами», срывали дискуссионные собрания, забрасывали выступавших оппозиционеров камнями, галошами и т.д., разгоняли их собрания, орудуя палками...» Маленковские отряды получили кличку «СББ» — «Сталинские батальоны башибузуков» (в них, кстати, начинали свою карьеру многие будущие чекисты). Оппозиционеры, естественно, не оставались в долгу у «рабочих дружин», и, когда оппозиция организовывала свои демонстрации, стычки превращались в настоящие побоища.

Так что партдискуссия была веселой.

Ноябрьские праздники 1927 года тоже прошли, мягко говоря, активно. Ленинград посетили Зиновьев и Радек. Результатом их визита стало то, что пришлось задействовать конную милицию. Миклош Кун вспоминал: «Конные милиционеры крупами лошадей сталкивали старых питерских рабочих в Лебяжью канавку, а на Марсовом поле притаившиеся в подворотнях хулиганы забрасывали демонстрантов камнями». Ну, на самом деле не так уж это и страшно, воды в оной канавке аккурат по колено, в ней можно утонуть разве что очень спьяну. Да и камень — не пулемет.

Кстати, оппозиционеры также в долгу не оставались.

В Москве тоже было не скучно. 9 ноября 1927 года Троцкий жаловался в ЦК: «Налет был организован на балкон гостиницы “Париж”. На этом балконе помешались т.т. Смилга, Преображенский, Грюнштейн, Альский и др. Налетчики после бомбардировки балкона картофелем, льдинами и пр. ворвались в комнату, путем побоев и толчков вытеснили названных товарищей с балкона... Ряд оппозиционеров был избит. Тов. Троцкая была сбита с ног. Побои сопровождалась тем более гнусными ругательствами, что среди налетчиков были пьяные».

«Рабочие дружины» Маленкова успешно разогнали целую колонну троцкистов. Дружинникам Рютина повезло меньше: они попытались вытолкать Троцкого и Каменева из приемной Калинина, куда те отправились после митинга, но очень хорошо получили сами. (Через несколько лет Рютин тоже станет оппозиционером, и еще каким!)

В общем, праздничек вышел такой, что Шапошников, ставший к тому времени командующим Московским военным округом, вывел на улицы броневика — лишь это чуть-чуть отрезвило участников политических дебатов.

Ничего особо выдающегося в таком стиле политических взаимоотношений не было. В куда более воспитанной и флегматичной Западной Европе разборки коммунистов с социал-демократами и фашистами часто принимали форму потасовок, где с обеих сторон бывали и раненые, и убитые. У нас все-таки не убивали...

Но это было еще только начало...

Партскандалисты уходят в подполье

К концу 20-х годов положение в стране обострилось. Промышленность кое-как удалось восстановить, однако скудные производственные фонды времен Российской империи не могли обеспечить потребности

страны, да и изношены были до предела. Нэп из маленькой забавной тварюшки вырос в дракона: рыночные игры частных торговцев с государством превратились в войну и каждый год ставили страну перед призраком голода.

Власть объявила курс на индустриализацию, но для того, чтобы поднять промышленность, нужны были деньги — много денег, и люди — много людей. Ни того, ни другого не было. Отсталое сельское хозяйство связывало 80% населения — а толку от него было чуть. Крестьяне едва-едва кормили себя сами, да еще и отказывались сдавать хлеб по государственным ценам. Промышленных товаров почти не производилось, все — от лопат до тракторов — ввозили из-за границы.

В довершение радости, в 1927 году прошла серия английских провокаций против СССР — налеты китайской полиции на советское посольство, а английской — на торговое представительство в Лондоне (китайский налет тоже был инспирирован англичанами). Англия всегда имела свои интересы, но отчасти тут и Коминтерн подсобил — ну зачем было так уж откровенно поддерживать стачку английских шахтеров? В сентябре в Польше был убит советский полпред — ситуация могла разрешиться войной. В ответ население, готовясь к войне, опустошило и без того скудные магазинные полки, а крестьяне окончательно отказались сдавать хлеб. К перспективе войны прибавилась еще и перспектива голода. Самое время для выступления оппозиции. И она, конечно, не замедлила...

В 1927 году объединенная оппозиция выступила со своим манифестом. «Площадь опоры», по сравнению с 1923 годом, увеличилась почти вдвое — теперь это была «платформа 83-х». Нечего делать, ЦК снова объявил общепартийную дискуссию, которая закончилась с тем же результатом: около 730 тысяч членов партии проголосовали за ЦК и только 4 тысячи — за оппозиционеров. Воздержалось 2600 человек.

Нельзя сказать, что эти цифры точно отражают соотношение сил, потому что голосование проводилось на основе так называемых «императивных мандатов». Если в первичной парторганизации сторонники ЦК оказывались в большинстве, то все голоса ее членов автоматически отдавались ЦК, и наоборот. Поэтому число троцкистов явно было больше, чем четыре тысячи, но, в любом случае, большинство оказалось слишком сокрушающим, чтобы сомневаться в правильности окончательного результата. Ну, не полпроцента стояло за оппозицию, но даже если в десять раз больше — пять процентов, разница-то...

Теперь сторонники ЦК рассердились всерьез — достали! Сколько же можно? XV съезд ВКП(б) дал жестокий бой оппозиции и фактически вы-

дал Сталину мандат на расправу с ней. За неполные два года, прошедшие от XIV до XV съезда, из партии было исключено 970 оппозиционеров. За последующие два с половиной месяца — 2288 человек. 36,4% исключенных были рабочими, еще 10,5% — рабочими по происхождению. Исключали, кстати, не всех троцкистов, а «с разбором» — за активную деятельность, и большую часть исключенных тут же сослали в дальние районы, чтобы воду не мутили. Оппозиция была сильна в больших городах, где имелось много традиционных носителей смуты — интеллигенции и учащейся молодежи. В российских тьмутараканях бузить было куда труднее. Пока труднее...

Троцкого выслали в Алма-Ату. Выходить из дома своими ногами он отказался, тогда сотрудники ОГПУ вынесли его на руках и отвезли на вокзал. Провожать «демона революции» отправилось около трех тысяч человек. Проводы вылились в демонстрацию, завершившуюся уже традиционными столкновениями с милицией, 19 человек было задержано.

Оппозиционеры тоже начали понимать, что время шуток прошло. Со времени XIV съезда 3381 человек подали заявление об отходе от оппозиции. Причем 37% заявлений было подано в период между съездами, а 63% — все в те же два с половиной месяца. Но далеко не все делали это искренне — за время, прошедшее с 1923 года, они успели вспомнить волшебное слово «конспирация».

После XV съезда троцкизм оказался в партии в положении «вне закона». В 1928 году режим в стране был еще не так суров, чтобы не только расстреливать, но даже арестовывать оппозиционеров. Максимальная мера, которую применяли к нераскаившимся, и то к самым зловредным и активным, — ссылка. Привычные к такой жизни старые большевики, будучи сосланными, привычно объединялись в политические кружки, вербовали сторонников из числа местных жителей, вели активнейшую переписку с другими колониями. Для наиболее важных сообщений организовали секретную почту.

Их оставшиеся на свободе единомышленники привычно занялись созданием подпольных групп — наконец-то появилось дело по душе! В эти группы принимались только коммунисты, как не подписавшие, так и подписавшие «отречение»: все понимали, что многие из «отрекшихся», старые революционеры и опытные конспираторы, заявляли о разрыве с оппозицией чисто формально, чтобы иметь больше возможностей тайно на свободе продолжать борьбу. Троцкий призывал держаться насмерть, отказов не подписывать — но кто его слушал? Трещина расколола партию сверху донизу — тайные оппозиционеры

сидели во всех органах государственной власти, вплоть до верхушки партаппарата и ОГПУ.

Подпольщики печатали и распространяли среди рабочих прокламации с обращениями и статьями лидеров оппозиции. Широчайшее хождение, частично в среде рабочих, а в основном, конечно, среди интеллигенции, имел троцкистский самиздат. Троцкистов можно найти во главе забастовок, которыми в то время часто завершался процесс заключения коллективных договоров на заводах. Они создали свой собственный «Красный Крест», собирали средства для помощи уволенным и высланным товарищам.

Во главе этого сопротивления стоял сам партийный скандалист номер один — Троцкий. Начиная с апреля 1928 года он за семь месяцев отправил из Алма-Аты 550 телеграмм и 800 писем, получил около тысячи писем и 700 телеграмм (большая часть их были коллективными). Деятельность троцкистов все более становилась уже не просто политической, а откровенно антиправительственной. С ними надо было что-то делать, и в первую очередь нейтрализовать их вождя.

Левые сами это понимали. В 1928 году, отчасти опасаясь за жизнь вождя, а еще больше, пожалуй, в рекламных целях, они выпустили листовку: «Если товарища Троцкого попытаются убить, за него отомстят... Возлагаем личную ответственность за его безопасность на всех членов Политбюро...»

Героического самопожертвования не понадобилось. Троцкого никто не собирался убивать и даже арестовывать. К нему применили другую меру пресечения — выслали за пределы СССР, за «железный занавес». Это был непростой шаг — не потому, что советские власти опасались мести троцкистов, а потому, что ни одна страна не соглашалась принять Троцкого. Наконец, согласилась Турция. Высылка, состоявшаяся в конце января 1929 года, действительно затруднила Льву Давидовичу руководство оппозицией. Многие группы ушли в «свободное плавание», отчего стало еще веселей. Другие все же ухитрились поддерживать связь со своим патроном, который, впрочем, и не думал успокаиваться, о чем открыто заявил в интервью немецкому писателю Эмилю Людвигу.

«Людвиг: Когда вы рассчитываете снова выступить открыто?»

Троцкий: Когда представится благоприятный случай извне. Может быть, война или новая европейская интервенция, тогда слабость правительства явится стимулирующим средством».

Запомним эти слова — на будущее. Может быть, это объяснит, почему одной из мер подготовки к войне с Германией стало убийство Троцкого...

А сразу же после высылки «демона революции» по всей стране начались массовые аресты «подпольщиков». 24 января 1929 года «Правда» сообщала: «Несколько дней назад ОГПУ была арестована за антисоветскую деятельность нелегальная троцкистская организация. Арестовано всего 150 человек... при обыске конфискована антисоветская нелегальная литература».

Новая волна арестов прошла весной 1929 года. Тогда впервые за оппозиционную деятельность начали приговаривать к заключению в концлагере (хотя это был еще далеко не тот многократно описанный ГУЛАГ). В одной из троцкистских листовок говорилось, что только в Москве арестовано 200 человек. В других листовках имелись сведения, которые нельзя было получить из газет: имена арестованных рабочих, рассказ о смертельной голодовке заключенных в Тобольской тюрьме. Требования оппозиции были поддержаны на рабочих собраниях некоторых заводов Москвы и Московской области. Секрет поддержки не хитер — в их число, кроме чисто политических условий, входили и требования, близкие нуждам рабочего класса: публикация данных о движении реальной зарплаты, требование сокращения расходов на аппарат, понижение ставок высокооплачиваемых категорий, прекращение продажи водки в рабочих центрах (!), прекращение выпуска бумажных денег... Заодно рабочие голосовали и «за политику».

А самое главное не называется, а угадывается. Троцкисты об этом молчат насмерть, но догадаться нетрудно. Где в то время был «фронт № 1» Советской России? Конечно, в деревне — в 1929 году началась коллективизация. Кто может сказать, сколько загубленных жизней, сожженных амбаров, зарезанного скота было на совести оппозиционеров? Скольких восстаний не было бы, если бы их не подталкивала оппозиция? Какова роль их листовок среди причин голода, охватившего в 1933 году один из оплотов троцкизма — Украину?

Подполье

Уже к 1930 году деятельность оппозиции далеко не ограничивалась дебатами вождей на съездах — это были так, ритуальные мелочи, что-то вроде участия дореволюционных большевиков в Госдуме. К тому времени центр тяжести их работы давно уже находился в подполье — отсюда и суровость применяемых к ним мер. А то у нас пишут, что Сталин, мол, совсем озверел — стал сажать старых товарищей по партии. Не надо обольщаться — эти товарищи сами были то еще зверье!

Благодаря появившимся в стране в 90-е годы материалам из зарубежных архивов Троцкого, больше всего мы знаем о деятельности троцкистского подполья. Оно было многочисленно (для подполья), хорошо организовано и неуловимо, во главе стояли старые революционеры с огромным опытом нелегальной работы. Правда, в основном занимались они болтовней — то есть агитацией и пропагандой, но хорошая листовочка, брошенная в доведенную до точки кипения деревню, да с объяснением того, что надо делать, стоила кавалерийского эскадрона.

Кстати, именно существование подполья во многом объясняло тот факт, что многие подвергались репрессиям за прошлую принадлежность к троцкистской оппозиции, даже при условии раскаяния и последующей честной работы. Сколько среди них было невиновных, а сколько подпольщиков, мы не узнаем, наверное, никогда — после XX съезда невиновными стали все.

Впрочем, троцкистскими организациями оппозиционное подполье не ограничивалось. Существовали и другие. Например, «децисты». В теории они были сторонниками парада региональных суверенитетов и неограниченной демократии в руководстве. А по жизни — еще в 1928 году уже выступали против сбора подписей под документами оппозиции и призывали своих сторонников переходить на нелегальное положение. Их вожди Т.В. Сапронов и В.М. Смирнов были из тех, кто не каялся ни при каких обстоятельствах. 20 декабря 1928 года Смирнов послал из ссылки заявление в «Правду» и ЦКК, где говорилось: «...Теперешние вожди ВКП(б) изменили пролетариату... нынешнее правительство, действующее под вывеской Советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным рабочему классу».

Предусмотрительно созданные заранее подпольные организации «децистов» действовали в Москве, Ленинграде, Харькове, Орехово-Зуево и других городах. По данным ОГПУ, только ленинградская группа насчитывала до 300 человек. Уже в начале 1928 года эти организации распространяли листовки, где призывали к «устранению руководства, которое способно на все, только не на большевистскую политику».

Столь же непримирим был и уже упоминавшийся Мартемьян Рютин, проделавший по отношению к оппозиции «обратную эволюцию». В 1927 году, будучи секретарем райкома партии в Москве, он создал «рабочую дружину», которая активно занималась драками с оппозицией, а уже в 1928 году пересмотрел свои позиции и столь же активно выступил против правительства. (Кстати, именно Рютин назвал Сталина

«поваром, который будет готовить очень острые блюда».) Сначала ему не понравилась кампания против Бухарина — именно тогда за «примиренческую позицию» по отношению к правому уклону тот был снят с поста секретаря ЦК. А посетив в 1928 году родную Сибирь, крестьянский сын Рютин окончательно перешел на сторону оппозиции.

Что было дальше, не совсем ясно, но стоит отметить нехарактерную реакцию Сталина на этого человека. В августе 1930 года генсек пригласил его в Сочи. О чем они там два дня разговаривали, так и осталось неизвестным, но 13 сентября Сталин назвал Рютина «контрреволюционной нечистью», санкционируя исключение последнего из партии и высылку из Москвы. К тому времени Рютин уже всюду вел со старыми большевиками беседы о том, что руководство ведет страну к краху. В том же 1930 году он был исключен из партии и арестован — однако коллегия ОГПУ признала обвинение недоказанным и освободила его из-под стражи.

После этого Рютин открыто выступил против власти. Весной 1932 года он вместе с В.Н. Каюровым создал собственную организацию — «Союз марксистов-ленинцев» и разработал так называемую «рютинскую платформу», которую Сталин охарактеризовал как прямой призыв к восстанию.

Что же такого крамольного содержалось в «рютинской платформе», что даже знакомство с ней считалось преступлением? В начале 90-х на эту тему писал Б.А. Старков, который и привел в своей статье основные пункты рютинского манифеста... Вы будете смеяться — нет, вы будете очень смеяться!

«В области внутрипартийных отношений:

Ликвидация диктатуры Сталина и его клики.

Немедленный слом всей головки партийного аппарата. Назначение новых выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и создание твердых организационных гарантий против узурпации прав партии партаппаратом.

Немедленный чрезвычайный съезд партии.

Решительное и немедленно возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов (Интересно, каких именно? — *Авт.*)

В государственной области:

Немедленные новые выборы Советов и решительное действительное устранение назначенчества.

Смену судебного аппарата. Введение строгой революционной законности. (Это что — снова ЧК, классовый подход и пр.? — *Авт.*)

Смену и решительную чистку аппарата ГПУ. (От кого их чистить и на кого менять? Там же полно троцкистов! — *Авт.*)».

Любой человек, имеющий хотя бы элементарное представление о том, как функционирует государство (т.е. не являющийся профессиональным политиком), попробовав представить себе, как будет выглядеть ситуация на местности, и пригладив поднявшиеся дыбом волосы, согласится: таким образом советский народ будет вмиг избавлен от тоталитаризма. Впрочем, и от государства тоже, равно и от какого-либо призрака порядка. Но пока все не передохнут с голоду, подискутировать можно будет от души!

Но это еще не все, ибо товарищ Рютин распространял свои интересы и на экономическую сферу.

«В области индустриализации:

Немедленное прекращение антиленинских методов индустриализации и игры в ленинизм за счет ограбления рабочего класса и крестьян в деревне, за счет прямых и косвенных, откровенных и замаскированных налогов и штрафов. Проведение индустриализации на основе действительного и неуклонного роста благосостояния масс».

Интересно, каким образом он собирался этого благосостояния достигнуть с разваленной промышленностью и допотопным сельским хозяйством, да еще без налогов? И откуда должно было в таком случае взяться благосостояние масс?

«2. Приведение вложений в капитальное строительство в соответствие с общим состоянием всех наличных ресурсов страны». То есть полное свертывание индустриализации, потому что денег нет, а надо еще и благосостояние масс обеспечивать. Это и есть «ленинские методы»?

«В платформе определялись также задачи сельского хозяйства, торговли, финансов и социально-экономической политики».

Жаль, что не приведены подробно. Автору Рютин нравится — должно быть, постеснялся все показывать...

Вам это ничего не напоминает? Это же перефразированное и изложенное другим языком «заявление 46-ти» образца 1923 года. Десять лет прошло, а ничего не изменилось, ровным счетом ничего, разве что прибавилось популистских пунктов по поводу народного хозяйства.

«Члены партии призывались не ждать начала борьбы сверху, начинать ее снизу.. — продолжает Б.А. Старков. — Можно считать, что политические и теоретические взгляды М.Н. Рютина в отдельных случаях носили спорный, дискуссионный характер, но нигде и никогда в его высказываниях не содержалось призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти».

В самом деле? А получившийся бы в итоге хаос — это не подрыв и не ослабление?

Впрочем, кое-что все-таки за десять лет изменилось — лексика. «Ненависть, злоба и возмущение масс, наглухо завинченные крышкой террора, кипят и клокочут... Политбюро, Президиум ЦК, секретари областных комитетов... превратились в банду беспринципных, изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин — в неограниченного, несменяемого диктатора, проявляющего в десятки раз больше тупого произвола, самодурства и насилия над массами, чем любой самодержавный монарх...

От товарища к товарищу, от группы к группе, от города к городу должен передаваться наш основной лозунг: долой диктатуру Сталина и его клику, долой банду беспринципных политиканов и политических обманщиков! Долой узурпатора прав партии! Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует ленинизм!»

При ближайшем рассмотрении видно, что вся эта «платформа» — глупость невероятная. Но в числе потомков Адама всегда было немало людей, как написано в повести о Ходже Насреддине, «с избытком наделенных благородством, но немного обиженных умом». Да и чего тут думать. В семнадцатом долго не думали, скинули Временное правительство и сели сами. Также и теперь, главное — скинуть Сталина, а там видно будет. В конце концов, можно ручками развести и сказать: «Ну что ж, не вышло...» А потом уехать если не в Женеву, то куда-нибудь в Мексику и строить там партию — в изгнании, но зато с совершенным соблюдением внутрипартийной демократии. Ибо, как сказал другой человек и по другому поводу, «цель — ничто, движение — все!».

Хотя, по большому счету, и это была болтовня, не нашедшая широкой поддержки, но меры на сей раз приняли суровые. Оппозиционеров надо было проучить, и их проучили. 2 октября 1932 года Объединенный пленум ЦК и ЦКК, рассматривавший дело «Союза», принял решение об исключении из партии его членов и всех, знавших о его существовании (!) и не сообщивших о нем в ЦК или ЦКК. 11 октября без суда, решением коллегии ОГПУ, всем 24 человекам, проходившим по делу «Союза», вынесли приговор. Сталин потребовал расстрела Рютина — а ведь в то время он отнюдь не бросался смертными приговорами направо и налево (так, например, он был против смертного приговора обвиняемым по «шахтинскому делу», где были не призывы, а конкретный саботаж). Одним из аргументов Сталина стали сводки ОГПУ о том, что среди молодежи усиливаются террористические настроения.

Однако приговор не прошел. При голосовании на Политбюро против высказались Киров, Орджоникидзе, Куйбышев. Воздержались даже Молотов и Каганович. Рютина приговорили к десятилетнему одиночному тюремному заключению. Остальные тоже получили срок тюрьмы или ссылки, в том числе Зиновьев и Каменев. Всего по делу «Союза марксистов-ленинцев» было привлечено к партийной и уголовной ответственности в 1932—1933 годах тридцать человек. Впоследствии всем им приговоры были ужесточены, а в 1937 году большинство «рютинцев» приговорили к расстрелу.

Сталин придавал исключительное значение возникновению «Союза». На процессах 1936—1938 годов большинство подпольных «центров» признавалось выросшими из «Союза», а тот факт, что коммунист читал «рютинскую платформу», уже сам по себе был тяжелым государственным преступлением. Рютина и его товарищей не реабилитировали ни в 1956-м, ни в 1963-м, ни даже в 1986 году. В ответ на очередную просьбу о реабилитации В.Н. Каюрова Прокуратура СССР ответила: «К уголовной ответственности за участие в контрреволюционной деятельности и проведение антисоветской агитации был привлечен обоснованно». Только в 1988 году, когда оправдывали всех, Верховный суд реабилитировал участников «рютинского дела».

Несмотря на то, что многие оппозиционеры в 1930—1931 годах заявили о прекращении фракционной деятельности, ОГПУ, на всякий случай, за ними присматривало. В январе 1933 года Сталину донесли о существовании глубоко законспирированной организации во главе с И.Н. Смирновым, включавшей более 200 бывших активных троцкистов. Организация имела филиалы в Ленинграде, Харькове, Горьком, Киеве, Ростове-на-Дону и в других городах, группы в Госплане, Наркомтяжпроме и других учреждениях. Это было уже очень серьезно. И дело тут не в том, что обнаружили очередную троцкистскую группу, дело в личности ее руководителя.

Иван Никитич Смирнов был привычен к нелегальной работе. В партию он вступил в 1898 году, прошел через аресты и ссылки, участвовал в Московском вооруженном восстании в декабре 1905 года. В 1917 году был в числе руководителей военной организации большевиков в Сибири. Во время Гражданской войны, будучи членом Реввоенсовета при Тухачевском, он обеспечивал «предварительное» взятие сибирских городов красными партизанами, причем обеспечивал так хорошо, что иногда город, как перезрелый плод, сам падал в руки Красной Армии.

Его (а не Тухачевского) называли «победителем Колчака». Упорный и последовательный троцкист, он был в конфликте с большинством в партии еще со времен войны. (Так, в 1921 году Ленин был против избрания Смирнова в состав ЦК.) В 1923 году его из военного ведомства убрали, сделав наркомом почт и телеграфа. С самого начала И.Н. Смирнов входил в состав руководства троцкистской оппозиции, за что был отправлен в ссылку и «покаялся» в 1930 году. После восстановления в партии сразу же занялся созданием антисталинской группировки.

Провалилась группа случайно. Один из ее членов в 1932 году был арестован и выдал остальных. (Смирнов имел своего человека в ОГПУ и потому обо всем этом знал.) Всего взяли 89 человек — почти все в свое время исключались из партии за фракционную деятельность, 35 человек из них потом восстановились, «покаявшись». Среди арестованных были известные оппозиционеры, такие, как сам Смирнов, Тер-Ваганян, Преображенский. Особое совещание при коллегии ОГПУ осудило 41 человека на лишение свободы сроком от 3 до 5 лет, а 45 человек были отправлены в ссылку. Смирнов получил десять лет.

...И все-таки к старым большевикам относились пока что более-менее лояльно. В августе 1933 года Преображенский был освобожден из ссылки, в октябре восстановлен в партии. На XVII съезде он выступил с покаянной речью. Тер-Ваганян тоже в 1934 году был восстановлен, но в мае 1935 года снова исключен — в третий раз! — и отправлен в ссылку. Большая часть членов группы не пережила 1937 года.

Ни о каком покаянии самого Смирнова не было даже и речи. Он был осужден в 1936 году, на процессе Зиновьева и Каменева. Его жена, А.Н. Сафонова, видная оппозиционерка, сотрудничала с НКВД и была отпущена на свободу. Уже после XX съезда она обратилась к Хрущеву с письмом, в котором утверждала, что многое из того, в чем обвинялся ее муж, было правдой. Но он все равно, как и другие, до самого последнего времени числился «невинно пострадавшим».

В довершение прочих радостей, подняли голову (точнее, они никогда ее и не опускали) националисты. При Сталине их называли «буржуазными» — но на самом деле эта порода находится вне классов. Тем, в чьей памяти еще живет 1991 год, толпы на улицах Вильнюса и Тбилиси, требующие отделения от России, странно думать, что в двадцатые — тридцатые годы не было национальных движений. Были, конечно. Прибалтика кушала свою независимость, но в состав СССР входила Украина, входил Кавказ со своей извечной тягой к смуте и «самостийности».

На XVII съезде ВКП(б) Ярославский сообщил, что со времени предыдущего съезда только в 13 республиканских, краевых и областных организациях было исключено из партии за «националистические уклоны» 799 человек. Большею частью на Украине. Там, как сказал Сталин, националистический уклон стал государственной опасностью и «сомкнулся с интервенционистами». Война показала, что он был прав. Однако национализм представлял собой серьезную проблему не только на Украине.

Одним из первых дел «буржуазных националистов» стало дело о «султан-галиевской контрреволюционной организации». Ее глава М.Х. Султан-Галиев в 1918—1920 годах работал председателем Центральной мусульманской военной коллегии при наркомвоенморе Троцком. В противовес великодержавной политике Сталина, Султан-Галиев сначала предлагал поднять до уровня союзных статус некоторых автономных республик, затем выдвигал план создания четырех крупных национальных образований на равных правах с союзными республиками — федерация Урало-Волжских республик, Общекавказская федерация (республики Закавказья и Северного Кавказа), Туранская республика (четыре республики Средней Азии), Казахская республика. Все это, конечно, не просто так, и буквы правительственных постановлений бывают беременны большими бедами. За этими планами стояли усиление национальных и региональных суверенитетов, ограничение власти центра и, при продолжении этих тенденций, тот же 1991 год и развал России. И не в том странность, что дела «националистов» есть, а в том, что их так мало...

В 1928—1929 годах за участие в «антипартийной группировке Султан-Галиева» был исключен из партии ряд работников Татарской и Крымской АССР. «Султан-галиевцев» обвиняли в связи с пантюркистским движением и с генеральными штабами нескольких зарубежных стран. Что весьма похоже на правду — достаточно посмотреть на нынешних сепаратистов. Среди них нет ни одного, кто не находился бы под патронажем заинтересованных иностранных государств.

В 1930 году коллегия ОГПУ осудила Султан-Галиева и еще 20 человек к высшей мере наказания, заменив ее впоследствии заключением на 10 лет. Однако в 1934 году Султан-Галиев был уже освобожден (!). В 1937 году его вновь арестовали и в декабре 1939 года расстреляли, равно как и большинство его соратников.

В 1930—1931 годах были арестованы один из секретарей ЦК, несколько наркомов и другие высокопоставленные работники Белоруссии. Их

обвиняли в связи с организацией «Союз освобождения Белоруссии», по делу которой было осуждено 86 представителей науки и культуры республики. (Вспомним о тесной дружеской смычке партийных секретарей и интеллигенции, составлявшей основу антигосударственных «народных фронтов» в отделившихся республиках времен перестройки. Интеллигенция играла роль творца обеспечивающей идеологии и детонатора, а за ней стояли политические интересы матерых партбоссов, которые весьма неплохо финансировались — уж не из-за границы ли?)

Что же касается Украины, то там даже крестьянские восстания часто проходили под националистическими и сепаратистскими лозунгами. В начале 30-х годов появились подпольные националистические организации «Союз освобождения Украины», «Украинский национальный центр» и «Украинская войсковая организация». Это уже были подлинные антисоветчики.

Кроме откровенно националистических организаций, стремящихся к отделению Украины от России, в КП(б) У разглядели еще и некий «националистический уклон», возглавляемый заместителем председателя Совнаркома Украины Скрыпником.

В январе 1934 года в Москве арестовали заместителя председателя бюджетной комиссии ЦИК СССР М.Н. Полоза. Его обвинили в участии в «Украинской военной (войсковой) организации», подготовке вооруженного восстания и террористических актов и сначала осудили на 10 лет, а 9 октября 1934 года приговорили к расстрелу в числе 134 украинских «буржуазных националистов». А ведь еще был жив Киров, и времена были совсем не такие суровые, тогда расстрельными приговорами просто так не бросались.

Можно, конечно, в порядке всеобщей реабилитации объявить необоснованно репрессированными всех — но как же все-таки быть с 1991 годом? И, право же, военные базы Гитлера под Киевом нужны были Сталину не более, чем военные базы НАТО в Севастополе, которые у нас все еще есть шанс заполучить.

Оппозиция объединяется

Официальное следствие по делу троцкистского подполья так и не сумело раскрыть истинную роль И.Н. Смирнова в работе нелегальной оппозиции — следователи ОГПУ не могли тягаться со старым подпольщиком. Однако из заграничного архива Троцкого стало известно, что именно Смирнов стал инициатором создания глубоко и надежно законспирированного широкого антисталинского блока.

В июле 1931 года Смирнов, тогда начальник строительства нижегородского автомобильного завода, ездил в командировку в Берлин. Во время поездки он несколько раз встречался с сыном Троцкого Львом Седовым, который являлся главным помощником отца и редактором «Бюллетеня оппозиции». Прерванные на время контакты были налажены. Осенью 1932 года оппозиционер Э. Гольцман встретился в Берлине с Седовым и передал ему для Троцкого письмо Смирнова и статью «Хозяйственное положение СССР», которая вышла в «Бюллетене оппозиции». В статье, в частности, говорилось, что в результате «неспособности нынешнего руководства выбраться из хозяйственно-политического тупика в партии растёт убеждение в необходимости смены партруководства».

Но, что еще более важно, Смирнов заявил, что бывшие оппозиционные группы в СССР объединились и хотят наладить связь с Троцким. В письме он сообщает про переговоры между четырьмя группами о создании единого оппозиционного блока. Это были группы самого Смирнова, зиновьевцев, Ломинадзе — Стэна и Сафарова — Тарханова.

О создании блока также сообщил Седову старый большевик Ю.П. Гавен, входивший в группу «О». Кто такой «О», до сих пор неизвестно. (У Троцкого тоже хватало старых конспираторов, прятавших все, что только возможно.) Об этой группе вообще не известно ровно ничего, кроме названия и того, что она существовала.

Через Гольцмана и, возможно, через Гавена Смирнов и его товарищи узнавали мнение Троцкого о процессах, проходивших в СССР, а Лев Давидович, в свою очередь, получал через них подробную информацию о том, что на самом деле происходит в Советском Союзе.

Из архива также видно, что в это время Седов имел многочисленные связи в СССР и в некоторых советских миссиях за рубежом. Большинство его корреспондентов скрыто под псевдонимами. Троцкий и Седов называли между собой Смирнова «Ко», Гольцмана — «Орлов», Гавена — «Сорокин». Неизвестный старый большевик, работавший в советской торговой миссии в Лондоне, фигурировал как «Свой», И.Н. Переверзев — «Петр». Кочерец, переводчик Арагона, посылал Троцкому секретные партийные документы. Слали информацию бывшая чекистка Н. Островская, бывший оппозиционер Рафаил и многие другие.

Зиновьев и Каменев тоже обменивались информацией с зарубежными единомышленниками, особенно с Рут Фишер и Масловым. Связным у них был старый большевик Г.Л. Шкловский и, возможно, советский посол в Праге Аросев, старый, еще гимназический друг Молотова, его товарищ по ученическому социал-демократическому кружку. Поэтому он был одним из наиболее информированных советских дипломатических представителей за рубежом.

С 1928 года Аросев возглавлял советскую дипломатическую миссию в Чехословакии. И вот представьте себе такой кульбит: в 1932 году уже немолодой заслуженный большевик вступает в брак с некоей Гертой Фрейнд, дочерью крупного пражского торговца. Девушка была известна широким образом жизни, состояла в «Союзе свободомыслящей молодежи», а ее брат, Гарри Фрейнд, являлся активнейшим троцкистом. Несмотря на попытки советской разведки вмешаться в сложившуюся скандальную ситуацию, ЦК ВКП(б) (не иначе как Молотов) взял Аросева под защиту, и, вплоть до мая 1933 года, он по-прежнему возглавлял советское представительство в Праге. После возвращения в СССР Аросев получил еще более лакомый для Троцкого кусочек — возглавил ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей за границей). Можно только догадываться, какой объем информации и какие денежные средства перекачивались через «сладкую парочку» к «демону революции».

В 1932 году организовался единый блок, состоявший, как уже говорилось, из четырех групп. Но начать работу он не успел. В 1932—1933 годах большинство входивших в него оппозиционеров были арестованы по делам «своих» групп. Сначала за связь с рютинцами выслали Зиновьева, Каменева и Стэна, затем арестовали «бухаринцев». Два месяца спустя были арестованы Смирнов и другие «троцкисты». Уцелевшие зиновьевцы решили временно прервать работу своей группы.

Впрочем, аресты затронули далеко не всех подпольщиков. Многого сохранилось, сохранились и связи с рабочими, и если бы не последующие события, этот мощный блок имел полную возможность вырасти и добиться успеха.

В конце 1933 года была арестована троцкистка А.П. Лифшиц. После долгих допросов она признала, что по поручению Раковского должна была объехать все места ссылки троцкистов, чтобы объединить оппозиционеров. У тех, кого она назвала, при обысках изъяли статьи и письма Троцкого, а также листовку, написанную заключенными Верхнеуральского политизолятора. Так ОГПУ узнало о существовании единого троцкистского подполья, которое поддерживало более-менее регулярную связь со своим высланным из Советской России лидером. Нелегальный центр этой организации готовил побегі ссыльных оппозиционеров и перевод их на нелегальное положение.

Основу центра составляли исключенные из партии в 1927—1930 гг. и сосланные троцкисты. Всего по делу «нелегального троцкистского центра» было привлечено 39 человек. Большинство из них приговорили

к лишению свободы или ссылке и почти всех репрессировали в конце 30-х годов.

...Итак, есть достаточное количество данных, говорящих о том, что к 1934 году в стране оформился мощнейший стан противников правительственного курса. В 1932 году в ряде городов прошли выступления рабочих — особенно внушительными они были, как и за пятьдесят лет до того, в Ивановской области. Рабочих мало интересовали вопросы ленинизма и внутрипартийной демократии — они протестовали против снижения норм снабжения по карточкам. Поднимали голос руководители промышленности, заговорившие об обнищании рабочих. Недовольны были и мало понимающие в сути происходящего рядовые коммунисты. Это потом, в 1936-м, когда все получится, они будут за Сталина. А тогда...

А что опасней всего, программа оппозиции была очень привлекательна — куда привлекательней правительственной, в очередной раз требующей «напряжения всех сил». Конечно, призывы к снижению темпов индустриализации, возврату к нэпу и росту демократии всегда притягательны. А вот стоит ли верить, что, если их выполнить, станет лучше — на этот вопрос читатель может ответить сам...

И, в довершение всего, существовало еще и мощное разветвленное подполье (точнее, даже несколько таковых). Их участники имели навыки пропагандистской и конспиративной работы, опыт Гражданской войны, были достаточно сильны и организованны. Имели они и знаковую фигуру на место Сталина — опального «демона революции». И готовы были действовать как легальными, так и нелегальными методами.

Мы почти не писали о той части оппозиции, о которой широко известно и о которой пишут все, о бесконечных блокировках и разблокировках вождей. Это малоинтересно и абсолютно ничего не объясняет, так что неудивительно, что в качестве объяснения репрессий при таком подходе потребовалась легенда о сталинской паранойе.

Что же касается «подводных» процессов, то в последние годы на поверхность выходит все больше информации о нелегальных политических группах — тех, что провалились и поэтому стали известны. А сколько их так и остались нераскрытыми? Среди противников Сталина имелись не только болтуны, но и люди чрезвычайно серьезные — а вот о них и об их глубоко законспирированных организациях мы почти ничего не знаем. Кроме, конечно, судебных процессов 30-х годов — но кто же верит судебным процессам? Ведь совершенно точно известно, что все

подсудимые находились под гипнозом и сами не знали, что говорят! Или все-таки знали?

Но пока что до этих процессов еще далеко. На дворе 1934 год — странный, непонятный год. Это только внешне кажется, что все просто — сумасшедший Николаев убил Кирова, Сталин воспользовался этим и начал расправу с оппозицией, перешедшую в широкомасштабный террор. На самом деле вопросов тут куда больше, чем ответов...

«Неужели нет никого, кто мог бы его убрать?»

На достаточно мирного и безобидного царя Александра Второго было совершено восемь покушений, и его в конце концов убили. Сталин, капитан, у которого корабль давал такие виражи, что черпал бортом воду, остался в живых. Между тем его противниками были вовсе не парламентские сидельцы, а старые партийные бойцы. Неужели они не мечтали убить Сталина?

Мечтали, конечно, как же не мечтать? Рой Медведев в работе «О Сталине и сталинизме», ссылаясь на воспоминания жены деятеля Коминтерна Р.Г. Алихановой, упоминает, что Рютин не раз говорил ближайшим единомышленникам: единственный способ избавиться от Сталина — убить его. Рютин, по сути — такой же болтун, как и прочие, всего лишь более заметный. Но весь ход событий, вся логика происходящего говорят нам, что таких, лелеявших мечты о смерти Сталина, должно быть великое множество.

В ноябре 1932 года два старых большевика — Н.Б. Эйсмонт (член партии с 1907 года) и В.Н. Толмачев (член партии с 1904 года, начальник Главдортранса СНК РСФСР) были вызваны на допрос в ЦКК и ОГПУ. Согласно информации, поступившей от некоего Никольского, члена партии, Эйсмонт вел активную работу, нацеленную на то, чтобы снять Сталина с поста генсека. Вождя он не любил, и сильно. Говорилось в письме Никольского и кое-что еще. Одна приписываемая Эйсмонту фраза звучала так: «Вот мы завтра поедем с Толмачевым к А.П. Смирнову², и я знаю, что первая фраза, которой он нас встретит, будет: “И как это во всей стране не найдется человека, который мог бы его убрать”».

Правда, на допросах Эйсмонт интерпретировал эту фразу следующим образом: «Неужели в партии нет человека, который мог бы заменить Сталина». Однако уже в 60-е годы Никольский, вызванный в парткомиссию

² Член партии с 1896 года, кандидат в члены Оргбюро, снятый в 1930 году с поста секретаря ЦК и зампреда Совнаркома РСФСР как сочувствующий «правым».

при ЦК КПСС, несмотря на все усилия хрущевских «партследователей», твердо держался своей версии — была сказана именно эта фраза. Слово «убрать» врезалось ему в память.

Показательно отношение к угрозе Эйсмонта И.Н. Смирнова — того самого Смирнова, организатора красного подполья в Сибири и опытейшего конспиратора. Его жена, тоже известная троцкистка А.Н. Сафонова, вспоминает: «После получения сведений по делу Эйсмонта Смирнов по этому поводу сказал: “Эдак, пожалуй, Сталин будет убит”».

Когда шло следствие по делу группы Слепкова, один из ее членов, Астров, сообщил, что «правые» говорили о необходимости «дворцового переворота и кто-то даже выкрикнул: «Дайте мне револьвер, я застрелю Сталина!» Однако револьвер ему не дали, а сам взять не удосужился, так слова и остались словами...

Авторханов, которого уж точно нельзя считать сталинистом, вспоминал: еще в 1929 году один из группы «правых» говорил ему: «Государственный переворот не есть контрреволюция, это только чистка партии одним ударом от собственной подлости. Для этого не нужен и столичный гарнизон Бонапарта. Вполне достаточно одного кинжала советского Брута... Ни одна страна не богата такими Брутами, как наша. Только надо их разбудить».

Воспоминания Авторханова бесценны, потому что говорят о фактах, которые нигде не всплывали, и о людях, которых никто не знает. Так, он вспоминает о некоем «салоне» Королевой и кружке Сорокина. В этих дискуссионных клубах разрабатывалась идеология террора. «Самый острый вопрос, который ставили именно молодые коммунисты, — но участники Гражданской войны, — гласил: нужно ли ответить на массовый террор группы Сталина контртеррором против Сталина?»³ Сорокин отвечал на этот вопрос положительно и оправдывал террор историческими экскурсами, а идеологию террора разрабатывал его наиболее убежденный сторонник Миша, которого члены кружка шутя называли «Кибальчич». Эта кличка подходила к нему не меньше, чем к оригиналу».

Этот самый «Миша» был сыном старого большевика, из последнего класса гимназии ушел добровольцем в Красную Армию. В армии стал коммунистом. Работал в белых тылах, получил за это орден Красного Знамени (орденоносцы тогда исчислялись десятками, не более). Окончил университет. В 1927 году участвовал в хлебозаготовках. Суровой

³ Здесь необходимо отметить, что «массовый террор» ограничивался, в основном, ссылками и высылками, в крайнем случае заключением в лагерь, а под «контртеррором» понималось нечто совсем другое.

реальности обостренной классовой борьбы «не вынесла душа поэта» — он примкнул к оппозиции и стал размышлять о терроре. Биография «Миши» чрезвычайно типична. Куда они делись, молодые и не очень молодые участники Гражданской войны, которые побывали на хлебозаготовках и стали по ту сторону баррикады?

Впрочем, все это несерьезно. Болтающая интеллигенция может призывать к убийству, но организовать его не способна, и наши местные брутты так и остались неразбуженными. Исключение могли бы составлять такие люди, как Смирнов, однако тот был противником террора.

Но имели место и реальные попытки покушения. Первая произошла еще в те времена, когда Сталин, который был далеко не трус, ходил пешком по Москве в сопровождении одного лишь личного охранника.

Все-таки эпоха мало походила на наши представления о ней...

Вот какую записку направило ОГПУ Сталину в ноябре 1931 года.

«Записка ОГПУ И.Сталину номер 40919 от 18 ноября 1931г.

По полученным нами сведениям, на явочную квартиру к одному из наших агентов в ноябре м-це должно было явиться для установления связи и передачи лицо, направленное английской разведкой на нашу территорию.

12-го ноября на явку действительно, с соответствующим паролем, прибыл (по неизвестной нам переправе английской разведки), как вскоре выяснилось, белый офицер — секретный сотрудник английской разведки, работающий по линии РОВС и нефтяной секции Торгпрома.

Указанное лицо было взято под тщательное наружное и внутреннее наблюдение.

16-го ноября, проходя с нашим агентом в 3 часа 35 мин. дня по Ильинке около д.5/2 против Старо-Гостиного двора, агент английской разведки случайно встретил Вас и сделал попытку выхватить револьвер.

Как сообщает наш агент, ему удалось схватить за руку указанного англоразведчика и повлечь за собой, воспрепятствовав попытке. Тотчас же после этого названный агент англоразведки был нами секретно арестован.

О ходе следствия буду Вас своевременно информировать.

Фотокарточку арестованного, назвавшегося ОГАРЕВЫМ, прилагаю.

Зам. председателя ОГПУ Окулов».

На записке резолюция: «Членам ПБ. Пешее хождение т.Сталину по Москве надо прекратить. В.Молотов». И подписи Кагановича, Калинина, Куйбышева и Рыкова.

Следствием этого случая стало усиление личной охраны генсека — до совершенно «колоссальных» размеров. У него стало аж целых трое телохранителей да десять человек на даче в Кунцево — трое в самой даче, трое на ее территории и четверо снаружи.

Второй случай произошел летом 1933 года, когда Сталин отдыхал в Грузии, на берегу озера Рица. В Закавказье были свои порядки, и вождем ездил всегда в сопровождении целой свиты. В тот день в первом автомобиле ехала охрана, во втором — Сталин, в третьем — Первый секретарь ЦК республики Берия и нарком внутренних дел Грузии Го-глидзе, в четвертом — obsлуга и в пятом — опять охранники. Вдруг на полдороге Берия попросил вождя пересесть из второй в четвертую машину, сославшись на некое «предчувствие» (правда, кроме мистического предощущения, имелось еще и донесение агента). И действительно, когда кортеж переезжал через горную речку, именно под второй машиной мост рухнул. Естественно, считается, что это происшествие было подстроено Берией — как же иначе, ведь врагов в стране не существовало...

Еще об одной попытке покушения стало известно по чистой случайности. В 1993 году доктор исторических наук Петр Черкасов участвовал в изучении документов из французского Особого архива, который немцы захватили во время оккупации Франции. После 1945 года архив оказался в Москве и теперь, в соответствии с договоренностью между Россией и Францией, подлежал возвращению на родину. Там, в одном из донесений французской разведки, Черкасов нашел сведения о неизвестном ранее покушении на Сталина.

11 марта 1938 года, во время вечерней прогулки генсека по территории Кремля, некий человек в форме офицера войск ГПУ попытался его убить. Как выяснилось потом, это был лейтенант Данилов, военнослужащий тульского гарнизона. В Кремль он попал по поддельным документам. На допросе Данилов показал, что его целью было отомстить за маршала Тухачевского, и признался, что состоит в тайной террористической организации. Можно относиться к этому признанию как угодно, однако четыре человека, которых он назвал как своих со-общников, не дождавшись ареста, покончили с собой (естественно, о показаниях Данилова они знать не могли). Это были инженер Астахов, штабной майор Войткевич, капитан Одивцев и капитан Пономарев. Запомним эту историю, пригодится...

ГЛАВА 3 УДАР МОЛНИИ

Душно. Густой тяжелый воздух. Весь мир притих и смотрит туда, где от края земли поднимается темно-синяя туча. Она растет, обнимая полнеба, наливаясь грозной тяжестью. Еще мгновение, и она расколется блистающей стрелой молнии. Древние считали, что молния разумна. Материалисты уверены, что она слепа.

Так слепа или разумна?

Напряжение в стране нарастало. Оппозиция консолидировалась, угрозы становились решительнее, пропаганда острее. Все пока что оставалось на уровне болтовни, однако ситуация должна была развиваться — либо вверх, либо вниз. Вниз — значит прекращать сопротивление и начинать наконец заниматься делом. Вверх — переходить к другим формам борьбы. Манифесты и подпольные типографии были уже пройденным этапом. Следующим, по логике борьбы, должен стать террор.

Поэтому когда в Ленинграде убили первого секретаря Ленинградского обкома Кирова, ни у кого и мысли не возникло, что это может быть чем-либо иным, кроме как происками врага. Да и враг казался очевидным: Ленинград — бывшая вотчина Зиновьева, где оставалось множество его сторонников, затаившихся, выжидающих своего часа.

Между тем с этим убийством до сих пор не ясно ничего. Где-то в России должно было произойти подобное преступление, и оно произошло. То, что должно было случиться, случилось, однако как-то не так, странно и нелепо...

Так слепа молния или разумна?

Этот вопрос, в применении к одному из самых громких преступлений в советской истории, не дает покоя исследователям вот уже семьдесят лет. Причем совершенно безрезультатно.

«Съезд победителей», он же «съезд расстрелянных»

Итак, противостояние нарастало. А с другой стороны, к 1934 году стало ясно, что политика властей оправдывает себя. Страна понемногу выбиралась из разрухи, не той, что, по выражению профессора Преображенского, «не в клозетах, а в головах», а той, что происходила по причине отсутствия клозетов. Равно как заводов, электростанций, урожаев и прочего. Политика власти оправдывала себя, авторитет ее рос, и страна понемногу сворачивала на путь, который носители русского имперского

сознания узнали бы из тысяч путей. А носителем одного сознания был весь народ. Оттого-то и вспоминают те, кто жил в 30-е годы, это время как удивительно светлое. Не потому, что ели сладко, а потому, что жили сообразно менталитету.

В известном смысле, очередной вехой стал XVII съезд партии, который со временем начал носить двойное название. Его называли «съездом победителей» и «съездом расстрелянных». Самое любопытное — что так оно и было. Просто первое название имеет отношение к экономике и государственной жизни, а второе — к политике.

«Съездом победителей» XVII съезд называли, поскольку основным тоном на нем были рапорты об успехах и победах индустриализации — кстати, достаточно честные. Проблем было много, но и успехи налицо. Второе название ему дали по той причине, что большинство его делегатов впоследствии были репрессированы. А еще XVII съезд может быть назван «днями восхваления». Не было ни одного выступления, в котором не говорилось бы о «величайшем», «гениальнейшем» и пр. Само собой, эпитеты адресовались Сталину. Что весьма забавно, поскольку Сталин восхвалений не любил, и его отношение к собственному культу варьировалось от насмешки до презрения. Многие делегаты это знали, в силу своего положения в партии не могли не знать — и тем не менее...

Отвлечемся ненадолго от политики, от оппозиции и поговорим о «культе личности». Безусловно, какой-то культ в государстве должен существовать и поддерживаться властями, по той же причине, по какой страна должна кормить свою армию — иначе ей придется кормить чужую. Точно так же обстоит дело и в области идеологии. У советского правительства большого выбора в этой области не было, а точнее, не существовало никакого. Надо было заставить работать классическую российскую триаду: «За Веру, Царя и Отечество». Судя по тому, как Сталин действовал, он это прекрасно понимал.

Отечество для населявших нашу шестую часть суши людей таковым и оставалось, веру худо-бедно, на некоторое время, могли заменить марксизм-ленинизм и мечты о построении справедливого общества. Что же касается второго члена триады, то и здесь тоже все было ясно. Попытки создать культ Ленина увенчались успехом, но на роль Царя тень Ильича не годилась. Так что Сталину пришлось смириться с неизбежным.

Тут ведь что интересно? Есть такой любопытный психологический казус: когда один человек говорит о другом, мы подчас мало узнаем о человеке, о котором говорят, но почти все — о том, кто говорит. Если, например, некто сексуально озабочен — ему кажется, что всем в мире

движет секс. Если он одержим жадной власти, он и другим приписывает те же побуждения. И так далее...

Так вот: большая часть расхожих представлений о Сталине, если проследить их до истока, исходит от Троцкого. А уж вот кто был озабочен собственным «я» и старательно трудился над созданием своего культа, так это Лев Давидович! Само собой, те же побуждения он приписывал своему оппоненту и тиражировал их на правах «соратника по борьбе». Хотя какие они были соратники? До 1917 года Сталин и Троцкий и знакомы-то фактически не были, а после 1917 года все время собачились. Так что по-человечески узнать друг друга у них возможности не было, и все рассуждения Троцкого о личности Сталина в основном являются плодом его буйной фантазии.

Между тем воспоминания людей, которые действительно знали Сталина, особенно знали его до 1917 года, когда у него не было необходимости заниматься собственным «имиджем», свидетельствуют, что это был очень скромный человек. До того, как он занял ведущее положение в государстве, эта скромность была исключительной, можно сказать, на грани патологии — достаточно хотя бы почитать его письма из сибирской ссылки. Проблемой самоутверждения до сорока лет он несколько не страдал, и где у нас основания думать, что эта черта появилась у него после сорока? Другое дело, что в той ситуации, которая сложилась в 30-е годы, от его личных качеств ничего не зависело. Россия должна иметь Царя, и человек, стоявший во главе государства, был обречен им стать... либо оказаться Петрушкой на царстве, но сие не про Сталина.

По этому поводу мы имеем свидетельство человека, которому уж точно нет никакого смысла врать. Леон Фейхтвангер, посетивший в 30-е годы Советский Союз, немало строк уделил именно культу, даже не столько самому культу, сколько отношению к нему его предмета.

«Он не позволяет публично праздновать свой день рождения. Когда его приветствуют в публичных местах, он всегда стремится подчеркнуть, что эти приветствия относятся исключительно к проводимой им политике, а не лично к нему...»

«Сталину, очевидно, докучает такая степень обожания, и он иногда сам над этим смеется. Рассказывают, что на обеде в интимном дружеском кругу в первый день нового года Сталин поднял свой стакан и сказал: “Я пью за здоровье несравненного вождя народов великого, гениального товарища Сталина. Вот, друзья мои, это последний гост, который в этом году будет предложен здесь за меня”».

Кстати, и по поводу «всеобщей преданности» он не питал никаких иллюзий. «Я (Фейхтвангер. — *Авт.*) указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты — да еще какие! — в места, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. “Подхалимствующий дурак, — сердито сказал Сталин, — приносит больше вреда, чем сотня врагов”»,

Так что сам культ Сталина был идеологически обусловлен, а его особенности в какой-то мере происходили от излишнего усердия самих льстящих, сладострастно вылизывавших седалищное место главы государства, а в какой-то были порождением «черного юмора» тайных оппозиционеров. И то, и другое характеризует тогдашнюю верхушку партии далеко не самым лестным образом. Кстати, товарищам подхалимам можно от всей души посочувствовать — они попали в крайне неприятное положение. Ужасно льстить ничтожеству, но втройне ужаснее — умному человеку, который все понимает и относится к льстящим так, как они того заслуживают. Стоит подумать, чего не могли простить Сталину впоследствии разоблачители «культа» — самого культа или понимания их собственной подлости?

Но вернемся в зал съезда. Надо сказать, что «подхалимствующие дураки» отнюдь не ограничивались лестью в адрес Сталина — хватало и на долю местного начальства: «Блестящий доклад я позволю себе назвать поэмой пафоса социалистического строительства, поэмой величайших побед рабочих и трудящихся Таганрога. На фоне этих исторических побед ярко вырисовывается фигура Степана Христофоровича... Я хотел бы — и это желание делегатов — доклад Степана Христофоровича издать брошюрой на хорошей бумаге и раздать каждому присутствующему здесь делегату... и пусть этот доклад, эта героическая поэма, симфония нашего строительства, будет понята каждым».

На главу государства те из льстецов, кто уцелел, осмелились поднять хвост лишь после XX съезда. Очередь «Степанов Христофоровичей» придет куда раньше — через три-четыре года.

Особенно прогибались перед Сталиным бывшие лидеры оппозиции. Те, которых Киров, со всем презрением победителя к капитулянтам,

назвал «обозниками» (в том смысле, что до тех пор они были «в обозе»). Исходя из того, что лидеры оппозиции вместе с прочими превозносили гениальность вождя, многие наши публицисты от истории почему-то делают вывод, что все они не только пострадали безвинно, но даже и мыслей о сопротивлении режиму у них не возникало. Как будто слово — это дело.

Впрочем, существует легенда, что именно на XVII съезде была принята последняя легальная попытка снять Сталина. Рассказывают о некоем тайном совещании на квартире Орджоникидзе, участники которого всерьез говорили о замене Сталина Кировым. Киров их высмеял: «Что вы глупости говорите! Какой я генеральный?» Кто-то рассказал про это совещание Сталину — по некоторым данным, сам Киров — и Сталин, выслушав его, сказал: «Спасибо, я тебе этого не забуду!» И не забыл.

Такова легенда.

Может статься, впрочем, это совещание и было. Может быть, и нет — не в этом суть. «Хотеть» и «обсуждать» может кто угодно, как угодно и где угодно. Важно не кто хочет, а кто решает. А решался этот вопрос голосованием. Тайным, между прочим...

Так что же решил съезд? Даже по самым «ужасным» оппозиционным данным, которые, скорее всего, надо делить на десять, в результате тайного голосования против Сталина было подано 292 голоса из 1225 возможных. Эту цифру назвали три члена счетной комиссии, дожившие до 50-х годов, — то есть, возникла она уже после XX съезда.

С другой стороны, есть ведь и архивные документы съезда. Там указано, что против Сталина было подано 3 голоса, против Кирова — 4. Однако самих бюллетеней сохранилось всего 1054, хотя на съезд было выдано 1225 мандатов. Допустим, результаты голосования действительно были сфальсифицированы и бюллетени «против» уничтожили. В таком случае, недостает 171 голоса. Будем считать, что это и были те, кто проголосовал «против». Поверим, что так оно и было, что бюллетени не потеряли по разгильдяйству, что никто из делегатов съезда к моменту голосования не сидел с приятелями в буфете, не проспал решающий момент и не лежал пьяный где-нибудь в уголке. И что у нас получается? Получается, что, по полностью непроверенным данным, в самый разгар оппозиционных настроений против Сталина было около 25 процентов партийной верхушки, а по данным, поддающимся хоть какой-то проверке, их было 13 процентов, и говорить о том, что на съезде оппозиция имела хотя бы какие-то шансы снять Сталина, сами понимаете...

Так что если XVII съезд и был победой оппозиции, то лишь по интеллигентской логике времен «застоя», когда в качестве победы рассматривалось что-либо вроде: «А я ему руки не подал! Вот!» А на самом-то деле даже «нефальсифицированные» результаты голосования были сокрушительным поражением. Если в партийных верхах, где оппозиционные настроения были наиболее сильны, противники Сталина смогли набрать всего лишь 25% голосов — то как это назвать? А внизу сторонников оппозиции было значительно меньше. Так что большинство по-прежнему одобряло правительственный курс. Все попытки легального снятия Сталина, если они, конечно, имели место, провалились. Оппозиция проиграла и, проиграв, стала особенно опасна.

Все дальнейшие события объяснимы только с двух точек зрения. Одна — официальная: вождь был параноиком и устроил «охоту на ведьм» в соответствии со своими бредовыми галлюцинациями. Другая — альтернативная: он был психически нормален, зато в стране существовала нелегальная оппозиция, точный списочный состав которой был неизвестен (старые конспираторы!), однако весьма мощная, захватывающая верхушку партии и имеющая разветвленную сеть низовых групп. Сдаваться она не собиралась. А поскольку все легальные попытки снять главу государства провалились, культ его утверждался все прочнее, то естественно было ожидать, что оппозиция перейдет к «нелегальным» методам, то есть к террору либо к попытке государственного переворота. А может быть, и к тому, и к другому.

И тут, ну прямо как по заказу, это убийство!

1 декабря 1934 года

Сейчас точно известно, что делал Киров в тот роковой день и чего он не делал. А также что делал его убийца. И, что бы ни писали про трассологическую экспертизу, сперму на кальсонах и пр., пока что подвергать эти данные сомнению нет оснований.

...На 1 декабря в Ленинграде было назначено собрание партийного актива, посвященное итогам ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). Время начала — 18 часов, место проведения — Таврический дворец. Киров, который должен был выступать на этом собрании, в тот день в Смольный не поехал. Он остался дома и готовился к докладу. Курьер возила ему материалы. Приезжать в Смольный он не собирался, так что ждать его там было бессмысленно.

В тот же самый день Леонид Николаев, бывший служащий РКИ⁴, а ныне безработный, пришел в Смольный с целью добыть билет на собрание партактива, на котором он намеревался убить Кирова. На допросе он показал, что пришел в Смольный примерно в 13.30 и пробыл там около часа. Достать билет ему не удалось. Один из старых знакомых, секретарь сельскохозяйственной группы Петрашевич, пообещал ему билет, если останется, и предложил зайти вечером. Николаев вышел на улицу, погулял и вернулся обратно в 16.30.

Киров около 16 часов позвонил в гараж, находившийся в том же доме, где он жил, и попросил подать машину. Он прошел пешком несколько кварталов, затем у Троицкого моста сел в автомобиль и поехал в Смольный, куда прибыл также около 16.30.

Дальше рассказывает сам Николаев: «Поднявшись на третий этаж, я зашел в уборную, оправился и, выйдя из уборной, повернул налево (к выходу. — *Авт.*). Сделав два-три шага, я увидел, что навстречу мне по правой стене коридора идет Сергей Миронович Киров на расстоянии 15—20 шагов. Я, увидев Сергея Мироновича Кирова, остановился и отвернулся задом к нему, так что, когда он прошел мимо, я смотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя на 10—15 шагов, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошел за Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина коридора была пуста — я подбежал шагов пять, вынув на бегу наган из кармана, навел дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз».

Затем Николаев попытался застрелиться, но неудачно. На шум выстрела тут же отовсюду выбежали люди. Коридор также не был пуст — там работали электрики. Один из них прямо со стремянки бросил в убийцу молоток — скорее всего, именно поэтому тот и не смог попасть в себя.

Точное время убийства — 16 часов 37 минут.

Николаев никогда не отказывался от того, что убийство совершил он. В качестве мотива он называл отчаянное моральное и материальное положение. Действительно, к тому времени он был безработным, исключенным из партии, на просьбы о материальной помощи никто не откликался. И тогда он нашел виновника всех своих бед.

С другой стороны, Николаев был уж очень примечательной личностью. По правде сказать, им давно следовало бы заняться психиатрам.

⁴ Рабоче-крестьянская инспекция.

Патологически скандальный и склочный, внешне уродливый, терзаемый жесточайшими комплексами. Вот кто был параноиком с манией преследования, а не Сталин! Если снимать фильм о том, как маньяк-одиночка совершает громкое политическое убийство, то героя особо искать не надо — бери Николаева и работай.

О подготовке преступления, о личности убийцы известно множество подробностей. Никаких несовпадений там нет. Человек полувменяемый, убийство готовил долго, ход подготовки записывал в дневник. После убийства впал в истерику, кричал то «я отомстил!», то «что я наделал!». Следов его участия в каких-либо оппозициях не обнаружено. Бывают такие преступления, бывают, кто же спорит...

Но есть в этом деле и некоторые странности. Во-первых, в нем имеется несколько совпадений. Совпадения эти, на первый взгляд, вполне возможные. На второй... тоже вполне возможные. Но если собрать их вместе — то что-то их многовато, этих самых совпадений.

Первое. Киров, как известно, не собирался приезжать в этот день в Смольный. Однако почему-то, неожиданно для всех, передумал и приехал.

Второе. Это совпадение поистине роковое. Именно в ту самую минуту, когда Киров входил в штаб революции, Николаев собирался из него уходить. Они столкнулись в коридоре третьего этажа, совершенно случайно. Если бы Киров пришел минутой раньше или Николаев вышел из туалета минутой позже, ничего бы не произошло.

Третье. В момент покушения Киров оказался в коридоре один. Его личный охранник Борисов отстал, причем отстал конкретно — находился за углом коридора. Разгильдяйство, конечно, но Советская Россия в то время была страной разгильдяев. Кто его знает, почему он отстал. Может, в туалет зашел, может, покурить захотелось, а может, и потому отстал, что Киров не любил, чтобы охрана за спиной маячила. Но факт, что человек, который по долгу службы должен перехватить руку убийцы, который для того и приставлен, находился за углом. Бывает. Но...

Четвертое. На следующий день, когда в Ленинград приехал Сталин, он почти сразу же потребовал, чтобы к нему привезли охранника Кирова. И вот как раз в то время, когда его везли к Сталину, Борисов погиб. Погиб нелепо — грузовик, в котором он ехал, врезался в стену. И ударом был несильным, ни машина, ни те, кто в ней находились, почти не пострадали — кроме Борисова, который стукнулся так неудачно, что

погиб на месте. Причем и акт о смерти, и описание происшествия выглядят крайне убедительно, комар носу не подточит. Просто совпадение.

Нет, как хотите, а в этой истории что-то многовато совпадений.

Четыре совпадения и два вопроса:

Зачем Кирову понадобилось приезжать в Смольный?

Что делал Николаев между двумя визитами в здание обкома?

Ответим сначала на второй: неизвестно. По его словам, гулял где-то неподалеку от Смольного.

А теперь вернемся к первому вопросу. Что могло заставить Кирова изменить свои планы?

Самыми первыми, естественно, успели дать ответ на этот вопрос сексуально озабоченные «желтые» журналисты. Мол, Киров приезжал в Смольный по вызову своей любовницы Мильды Драуле, жены Николаева. Не то проблему какую решить, не то просто ее трахнуть.

Ну, тут уж позвольте не поверить. Покажите мне крутого и серьезного мужика (а Киров был мужик крутой и серьезный), который, будучи по горло занятым, побежит разбираться с любовницей. «Дорогая, — скажет он, — все, что хочешь, но потом. Прочитаю свой доклад, и любую тебе камасутру предоставлю, а пока ко мне не лезь».

Впрочем, было одно ведомство, по вызову которого в той обстановке секретарь обкома сорвался бы с места и поехал, невзирая на расписание и погоду. Ведомство это называлось НКВД. Оно же вполне могло разобрататься и с охранником. В его силах было организовать любое убийство.

Так вот: оказывается, Киров действительно приехал в Смольный, чтобы встретиться с начальником УНКВД по Ленинграду и области Ф.Д. Медведем. Встреча была назначена на 16.30. Очевидцы вспоминают: минут через 10—15 после убийства появился Медведь, вид у него был растерянный. На встречу он опоздал. В 16.30, когда Киров входил в здание Смольного, главный чекист еще только вызвал машину. Может быть, такое опоздание при тогдашнем бардаке было и в порядке вещей. Кто их там знает, но все же как-то странновато: первое лицо в области, секретарь обкома, приезжает вовремя, а главный чекист так непунктуален.

Вот и еще одно, пятое странное совпадение: опоздание начальника УНКВД на встречу, которое повлекло за собой столь роковые последствия.

По отдельности все эти странности значат немного, но все вместе представляют дело в таком свете, что и теперь, несмотря на вроде бы

убедительные доказательства того, что убийство Кирова было делом рук маньяка-одиночки, в это все равно не верится.

Стоит ли удивляться, что и Сталин не поверил?

«Дело Николаева» и его последствия

Итак, выстрел в Смольном был однозначно, всеми в стране расценен как начало террора со стороны оппозиции. Этим объясняется все то, что происходило в дальнейшем.

Более того, именно так оно было воспринято даже самой оппозицией. Эренбург, узнавший об убийстве от Бухарина, вспоминал: «На нем не было лица. Он едва выговорил: “Вы понимаете, что это значит? Ведь теперь он сможет сделать с нами все, что захочет. — И после паузы добавил: — И будет прав”».

Считается, что Сталин воспользовался убийством Кирова как предлогом, чтобы разобраться наконец с оппозицией. Считается так же однозначно, как то, что Земля круглая, а Волга впадает в Каспийское море. Сомневаться в этом неприлично. И все же усомнимся. Поскольку не та была ситуация, чтобы чем-то «пользоваться», искать какие-то «предлоги». Повторим: никакая другая версия, учитывая общую обстановку в стране и в партии, просто не могла прийти в голову. И не пришла.

Сразу же после убийства газеты подняли шум о терроре, и первое последствие было закономерным — ужесточение мер против террористов. Еще 1 декабря Президиум Верховного Совета принял постановление за подписью Калинина и Енукидзе, которым предписывалось: «...вести дело обвиняемых в подготовке или свершении террористических актов ускоренным порядком; судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайства преступников данной категории о помиловании... Органам Наркомвнудела — приводить приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников вышеуказанных категорий немедленно по вынесении судебных приговоров». Текст постановления написан рукой Кагановича, но без Сталина тут, конечно же, не обошлось. Чрезвычайные меры — это было первое, что он предпринял, услышав об убийстве, а потом уже отправился в Ленинград.

Спустя несколько дней были даны и конкретные рекомендации.

«1. Следствие по этим делам заканчивается в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения в суде.

3. Дело слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение по вынесении приговора».

Только не надо говорить тут о «невинных жертвах». Речь идет о подлинных террористах. Одни из них были заброшены из-за границы, где к тому времени имелось немало белогвардейских террористических организаций — хотя бы тот же РОВС. Другие выросли дома — например, коллективизация ознаменовалась колоссальной вспышкой террора, его жертвы исчислялись тысячами.

Можно подумать — и подумали, конечно! — что по этому постановлению были расстреляны тысячи людей. Между тем последствия «страшного» указа оказались невелики. «Правда» опубликовала сообщения о расстреле в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске 94 человек по обвинению в подготовке терактов. Террористы, как говорилось, тайно проникли в СССР через Польшу, Румынию, Литву, Финляндию. То есть, судя по газетному сообщению, указ коснулся белогвардейских боевиков.

...А в Ленинграде набирало обороты «дело Николаева». Естественно, его сразу же стали «раскручивать» как члена террористической оппозиционной организации, выискивая в его окружении тайных и явных оппозиционеров.

Находясь в тюрьме, убийца переходил от депрессии к истерике и наоборот, совершил несколько попыток самоубийства, так что в камере с ним все время находился охранник. Первые дни он утверждал, что сделал все один. Следствие давило на него отчаянно, заместитель Ягоды Агранов самолично проводил допросы. 6 декабря его допрашивали семь раз — и дожали: он начал называть «подельников», а точнее, просто людей, с которыми был знаком, вплоть до друзей детства и в конце концов дал все нужные показания.

«Группа Котолынова готовила террористический акт над Кировым, причем непосредственное его осуществление было возложено лично на меня. Мне известно от Шатского, что такое же задание было дано и его группе, причем эта работа велась ею независимо от нашей подготовки террористического акта... Котолынов сказал, что... устранение Кирова ослабит руководство ВКП(б) ... Котолынов проработал непосредственно со мной технику совершения акта, одобрил эту технику, специально выяснял, насколько метко я стреляю; он является непосредственно моим руководителем по осуществлению акта. Соколов

выяснил, насколько подходящим является тот или иной пункт обычного маршрута Кирова, облегчая тем самым мою работу.. Юскин был осведомлен о подготовке акта над Кировым: он прорабатывал со мной вариант покушения в Смольном...»

Впрочем, остальные оказались крепче. Как ни усердствовало следствие (кстати, насколько известно, пытки ни к Николаеву, ни к остальным не применялись), из четырнадцати человек, привлеченных по делу, только трое, кроме самого Николаева, признали свою причастность к убийству. Остальные признавали лишь прошлую принадлежность к оппозиции, а Шатский отрицал все. Тем не менее «подельники» Николаева были не случайными людьми: на их квартирах устраивались нелегальные встречи с приезжавшими в Ленинград деятелями оппозиции, у некоторых нашли оппозиционные документы, такие, как «рютинская платформа», «ленинское завещание» и т.п. К.Н. Емельянов держал дома почти весь архив ленинградской оппозиции, ставший незапланированным «уловом» чекистов.

Все четырнадцать человек были приговорены к высшей мере наказания. И вот еще одна из многочисленных странностей этого дела. Процесс считается полностью фальсифицированным (за исключением, конечно, приговора Николаеву). Однако не только хрущевская, но даже яковлевская реабилитационная комиссия, ознакомившись с материалами дела, в реабилитации по нему отказала. И лишь в 1990 году, когда реабилитировали всех, она состоялась.

Тут вот в чем тонкость: «дело Николаева» — это около ста томов протоколов допросов, очных ставок и т.п. Человеку, который захочет досконально в этом деле разобраться, придется прочесть их все. Если даже кто-либо из историков и способен на такой великий подвиг, толку от этого будет немного, потому что прочесть мало — надо осмыслить, и для этого нужно быть юристом⁵. Не думаю, что какие-либо юристы, кроме тех, кто по долгу службы занимался реабилитацией, данным чтением озаботились. И что, в таком случае, значат эти два отказа?

...Из Ленинграда расправа с оппозиционерами переместилась в Москву. По так называемому делу «Московского центра» проходило 19 человек во главе с Зиновьевым и Каменевым. Их обвиняли не в терроризме, а в «подпольной контрреволюционной деятельности» — чем

⁵ Самый простой тому пример: «дело Берии». Сколько было споров о степени его достоверности — но стоило этому замечательному «следственному делу» попасться на глаза профессиональному юристу, от него бумажки на бумажке не осталось, и спорить стало не о чем.

они, по сути, и занимались. Расстрельных приговоров там не выносились. Трое, в том числе Зиновьев, были приговорены к 10 годам тюрьмы, остальные получили меньшие сроки, Каменев — пять лет.

Затем появилась еще и так называемая «ленинградская контрреволюционная террористическая группа Сафарова, Залуцкого и других». Входило в нее 77 человек, и обвиняли их в «содействии контрреволюционной зиновьевской группе» — тоже, по всей вероятности, совершенно обоснованно. Там приговоры оказались еще мягче — все, кроме тех, что были вынесены родственникам Николаева. Его жена Мильда Драуле, ее сестра и муж сестры в феврале 1935 года были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Что тоже странно. В то время в СССР еще не бросались в массовом порядке расстрельными приговорами. Если бы их судили в декабре, по самому «делу Николаева», это можно было бы понять — но что значит такой приговор два месяца спустя?

По этому поводу современные исследователи выдвигают версию, что Николаева использовали «втемную», поощряя и разжигая его ненависть к Кирову. Если так, то без родственников тут и вправду трудно обойтись. Но зачем идти таким сложным и неверным путем — разжигать ненависть психически неуравновешенного человека, — когда можно по-простому организовать теракт?

Есть и один крохотный, но странный фактик, имеющий отношение к Мильде Драуле. В донесении на имя Сталина председатель Военной коллегии Верховного суда Ульрих пишет: «Мильда Драуле на тот вопрос, какую она преследовала цель, добиваясь пропуска на собрание партактива 1 декабря с.г., где должен был делать доклад т. Киров, ответила, что “она хотела помогать Леониду Николаеву”. В чем? “Там было бы видно по обстоятельствам”». Получается, что пропуска добивался не только муж, но и жена? Зачем? И действительно, в чем Мильда собиралась помогать мужу?

...Новый начальник Ленинградского УНКВД Заковский суммировал итоги разборки с оппозицией в следующей справке:

«С 1-го декабря (1934) по 15 февраля 1935 г. всего было арестовано по контрреволюционному троцкистско-зиновьевскому подполью — 843 человека.

Эта цифра складывается из репрессированных:

По делу “Ленинградского центра”.

По делу “Московского центра”.

Членов зиновьевской контрреволюционной организации, связанной с обоими центрами.

Участников зиновьевско-троцкистского подполья, арестованных до 3 февраля 1935 г.

Зиновьевцев и троцкистов, арестованных по трем последним операциям в количестве 664 человек»⁶.

Так что, как видим, «дело Кирова», что и предвидел Бухарин, послужило предлогом для репрессий против оппозиции. А с другой стороны — чего эти товарищи, собственно, ожидали? Талонов на усиленное питание?

Одновременно с разбирательством по самому «делу Николаева» и делам-спутникам последовал и удар по оппозиции вообще. Члены Политбюро явно считали, что убийство Кирова — это только начало. Они хорошо знали привычки своих бывших товарищей по революции, а кровавые тени Столыпина, Володарского, Урицкого и многих других жертв «революционного террора» едва ли служили доводом в пользу гуманности. Да и самому Сталину в его революционной молодости приходилось организовывать теракты в родной Грузии, так что он знал, как это делается.

26 января Сталин подписал Постановление Политбюро о высылке на север Сибири и в Якутию 663 «зиновьевцев». Еще одну группу бывших оппозиционеров отправили на работу в другие районы. Кроме того, из Ленинграда было выслано, по официальным данным, 1074 человека «из бывших». По другим свидетельствам, их было больше, по данным 90-х годов — до нескольких десятков тысяч. Впрочем, по данным 90-х годов, в СССР было расстреляно несколько десятков миллионов человек. (На одной Колыме число погибших исчисляли миллионами, совершенно не смущаясь технической невозможностью их туда доставить.) Так что остановимся все же на этом числе: 1074 человека.

Ничего кошмарного тут опять же нет, это обычная практика коллективной ответственности. Кстати, в той же Российской империи людей арестовывали и высылали за одну лишь принадлежность к радикальным партиям. Или возьмем, например, любимую страну наших «прорабов перестройки», оплот и гордость демократии — Соединенные Штаты. В 1942 году более сотни тысяч жителей западных штатов были внезапно отправлены в концлагеря по совершенно бредовым обвинениям. Их обвиняли в том, что они отравляли овощи и фрукты, что их цветочные клумбы указывали на ближайшие аэродромы, и т.п. Вся вина этих людей заключалась в их японском происхождении. При этом на территорию Штатов не упала ни одна японская бомба, даже перспективы такой не было.

А вы говорите — оппозиционеров ссылали...

⁶ Цит. по: *Кирилина А.* Неизвестный Киров. СПб., 2001. С. 373.

Кстати, репрессии были отнюдь не слепыми, Сталин знал, куда направить удар. Ежов позднее вспоминал, что он почти сразу сказал: «Ищите убийцу среди зиновьевцев». Это было самое естественное предположение — ведь именно Зиновьева Киров сменил на посту секретаря Ленинградского обкома.

Историк Юрий Жуков по этому поводу писал: «За убийством Кирова последовали беспрецедентные, небывалые еще по масштабам аресты, жесточайшие репрессии. На пяти процессах приговорили к расстрелу 17 человек, к тюремному заключению на различные сроки — 76 человек, к ссылке — 30 человек, да, к тому же, сугубо партийным постановлением к высылке — 988 человек⁷. Затронула же столь суровая кара в подавляющем большинстве бывших участников оппозиции, но лишь зиновьевской, а не, скажем, троцкистской».

Выходит, репрессии не были такими уж слепыми, как нам пытаются их представить. Они были нацелены на вполне определенную группу. И попала она в «зону особого внимания» не в 1934 году, а гораздо раньше.

Еще 25 июня 1925 года Сталин пишет Молотову: «Я... несколько раз приходил к различным мнениям и, наконец, утвердился в следующем:

1) До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Троцкий, рабочая оппозиция и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо;

2) С появлением группы Зиновьева оппозиционные течения стали нагнать, ломать рамки лояльности;

3) Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии...»

Сейчас принято думать, что лидером и вдохновителем оппозиционных течений был Троцкий. А почему, собственно? Потому что он и его последователи громче прочих об этом кричали? Да, за Троцким стояли военные. Но и за Зиновьевым была немалая сила, и отнюдь не одни питерские партийцы...

Продолжим чтение письма Сталина:

«...Такая роль выпала на долю группы Зиновьева потому, что: а) она лучше знакома с нашими приемами, чем любая другая группа; б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках Исполком Коминтерна, представляющий собой серьезную силу...»

Сейчас опять же принято считать, что Зиновьев являлся человеком безобидным. Возможно, сам он таким и был — но не его окружение. До 1926 года он был не только секретарем Ленинградского обкома,

⁷ Оставим термин «жесточайшие» на совести Ю. Жукова.

но и председателем Исполкома Коминтерна, и не стоит думать, что после ухода с этих постов он потерял свои связи.

О Коминтерне пишут мало и невнятно, и в сознании народном он предстает эдаким сборищем вдохновенных революционеров с горящими глазами, вроде тех, какие в 1917-м пришли к власти в России. Между тем Коминтерн был не только организацией, занимавшейся экспортом революции, это была еще и крупнейшая по тем временам террористическая организация с колоссальными, не выявленными и по сей день международными связями. Достаточно упомянуть, что лучшая в мире довоенная советская разведка была таковой, потому что опиралась на международную сеть Коминтерна. И вот ребятам из этой структуры организовать террористический акт любого уровня было, пардон, раз плюнуть...

Что стоит за убийством Кирова?

В 90-е годы самой модной версией являлась та, что убийство организовано по приказу Сталина, который «заказал» Кирова как возможного конкурента. Имеет ли эта версия под собой реальную основу? Да, имеет, целых две. Первая: Сталин был параноик с маниакальной жадной власти — на эту тему мы говорить не будем, кому интересно, пусть Антонова-Овсеенко почитает. Вторая — вождь был психически нормален, зато Киров являлся фаворитом оппозиции и его конкурентом.

В этом случае вопрос, кто и почему убил Кирова, прямым упирается в другой: на чьей стороне был Киров? Если тут возможны хоть какие-то сомнения. Насколько известно, единственное сомнение может быть основано на мемуарах старого французского коммуниста Марселя Боди, который в воспоминаниях упоминал о встрече с кремлевским врачом Л.Г. Левиным. Левин рассказывал Боди о «тайных мыслях» Кирова, который хотел положить конец всем и всяческим внутрипартийным расколам, отказаться от коллективизации, вернуться к нэпу. А также восстановить внутрипартийную демократию и право на существование всех течений, в том числе и троцкистов, а возможно, и допускал возвращение Троцкого в СССР. Однако в архиве Троцкого упоминаний об этом разговоре не нашлось. Да и уж больно не верится в сусальную фигурку такого идеального «внутрипартийного демократа», удовлетворяющего чаяния всех без исключения недовольных и делящегося своими планами исключительно с кремлевским врачом и ни с кем другим, ибо иных свидетельств подобных взглядов

Кирова не обнаружено. Зато обратных — сколько угодно. Если Киров и был настроен антисталински, то внешне это настроение никак не проявилось. Наоборот, он считался твердокаменным сталинцем и ничем не дал оснований подозревать, что это не так.

Дать приказ о ликвидации верного сторонника, которых у Сталина было не так уж и много? Ради чего — чтобы оправдать террор? Или во всей стране больше некем пожертвовать? Если уж очень хотелось «Кобе» кого-то убить для обоснования террора, мог бы выбрать того же Бухарина — урона для дела никакого, а что шуму-то будет! Или, скажем, Тухачевского, против которого уже тогда имелся очень серьезный компромат, и на этой основе развернуть репрессии. У Сталина не прослеживается даже тех мотивов, которые были у Бориса Годунова — ну абсолютно никаким образом не нужна была ему смерть Кирова. Изобрести-то мотивацию можно, было бы желание, и наизобретали — а вот реальных мотивов что-то не видеть.

Откуда же пошла та уверенность, что «заказчиком» покушения был Сталин? Да оттуда же, откуда и все остальное. Недвусмысленные намеки на это содержались в докладе Хрущева на XX съезде. По словам того же Хрущева, Микоян говорил, что Киров в последнее время молчал на заседаниях Политбюро. Рассказывали о конфликтах, связанных с попытками улучшить продовольственное снабжение Ленинграда, и о критике Кирова Сталиным. Что, это повод для убийства? Ну не надо таких песен, нынче все-таки не 1990-й год...

Давайте займемся любимой игрой многих нынешних писателей и вступим в область безответственных предположений, называемых одними аналитикой, а другими политологией. В «деле Кирова» возможны три варианта:

- преступление маньяка-одиночки;
- теракт оппозиции;
- политическое убийство.

С первым вроде бы все ясно, почти все основные факты «за» и «против» мы уже рассмотрели (хотя есть еще пара незадействованных козырей).

Если рассматривать второй вариант, то, в общем-то, все тоже выглядит почти логично.

Почему был избран Киров? Ну, во-первых, он сменил Зиновьева, одного из лидеров оппозиции, в его вотчине — Ленинграде. Это было очень обидно и вполне могло поставить его в круг мишени.

Во-вторых, убийство Кирова было жестоким ударом по Сталину. Если, допустим, хотеть причинить ему наибольшую боль, то это именно та фигура.

Мария Сванидзе, жена брата Екатерины Сванидзе, первой жены Сталина, вела дневник. Знала она своего высокопоставленного родственника хорошо, нисколько его не боялась и относилась очень нежно, с трогательной любовью. Потерю Кирова по воздействию на Сталина она приравняла к смерти Надежды Аллилуевой. Вот что она пишет:

«На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мертвого Сергея Мироновича. Картина раздирает душу, зная, как они были близки...

...9-го вечером пошли в Кремль... И. был, как всегда, мил. Он осунулся, побледнел, в глазах его скрытое страдание. Он улыбается, смеется, шутит, но все равно у меня ныло сердце смотреть на него. Он очень страдает. Павлуша Аллилуев был у него за городом в первые дни после смерти Кирова — и они сидели вдвоем с Иосифом в столовой. Иосиф подпер голову рукой (никогда я его не видела в такой позе) и сказал: “осиротел я совсем”...

...Иосиф говорил Павлуше, что Киров ухаживал за ним, как за малым ребенком. Конечно, после Надиной трагической смерти это был самый близкий человек, который сумел подойти к И. сердечно, просто и дать ему недостающие тепло и уют. Мы все как-то всегда стесняемся лишний раз зайти, поговорить, посмотреть на него...»

Приезжая в Москву, Киров в последние годы останавливался у Сталина и даже, единственный из всех, парился с ним в бане. Так что это был удар по очень близкому вождю человеку, а ненависть оппозиционеров к Сталину была именно личной.

Как это могло состояться организационно? Например, так...

Допустим, в Ленинградском УНКВД, как и везде в городе, существовала группа подпольщиков-оппозиционеров. Входил в нее Медведь или не входил — не столь уж и важно. Он мог вызвать Кирова на встречу как согласно планам заговорщиков, так и по другому поводу. Например, предупредить, что, по данным чекистов, вечером на него планируется покушение — тем более что оно на самом деле планировалось. Тогда можно объяснить и более чем странное совпадение, когда Николаев и Киров совершенно случайно встретились на третьем этаже Смольного — если Николаев, пока «гулял», позвонил по телефону, и ему сообщили, что Киров к 16.30 прибудет в Смольный. Не обязательно это Медведь, он мог разговаривать и с кем-либо другим,

кто был в курсе планов главного чекиста — у того имелись секретари, порученцы — да мало ли кто мог об этом узнать? Ну, а Борисов и вправду мог погибнуть случайно. Всякие совпадения в жизни бывают. Но не пять же сразу!

Нет, еще раз повторимся: вполне возможно, что убийство Кирова было и случайным. За эту версию есть один мощный аргумент: при тогдашнем уровне непрофессионализма и разгильдяйства везде, в том числе и в наших славных органах, трудно поверить, чтобы удалось так виртуозно сфабриковать «бытовое» убийство. А главное — зачем? Ведь смысл теракта как раз в устрашении властей. Выдать бытовое убийство за террористический акт — такое бывает. Но наоборот? Смысл?

А вот если говорить не о теракте, а о политическом убийстве, все сразу приобретает иную окраску. Потому что политическое убийство, в отличие от теракта, вовсе не обязательно должно быть демонстративным. Его главная цель — устранить человека, а как — это уже второй вопрос.

Да, но зачем понадобилось устранять Кирова? Мы уже говорили о версии, что его убрал Сталин как возможного конкурента. Конкурентом вождю он быть не мог — не той силы фигура. А вот преемником — вполне...

Вернемся в 1918 год. В это критическое для новой власти время Ленин и Свердлов договорились между собой: если что-то случится с одним, то другой примет на себя всю полноту власти. Опасно строить все лишь на одном человеке. Обязательно должен быть второй, тот, который, если что-то случится с главой государства, возьмет в свои руки штурвал.

Если говорить о планируемом государственном перевороте, то вполне логично вывести из игры сначала второго, а потом уже замахиваться на первого. Мог ли Киров быть таким вторым? Современные аналитики считают, что не тянул он на возможного преемника Сталина.

Но преемника выбирают не из тех, кто достоин, а из тех, кто есть. Остальные члены команды Сталина откровенно не тянули. Киров, может статья, тоже — но меньше прочих. Да и почему, собственно, не тянул?

Ведь кто такой был Киров? Дело в том, что преемником Сталина мог стать только человек, имеющий опыт не наркомовской, и тем более не аппаратной работы, а опыт руководства регионом, комплексного руководства — политического, хозяйственного и прочего. То есть один из секретарей обкомов, крайкомов, республик и т.д.

Тогдашняя Ленинградская область была совсем не тем, чем является сейчас. Она включала в себя почти весь Северо-Запад России. Это

колоссальная территория и второй по значимости, после Москвы, регион Советского Союза. В Москве сильный секретарь обкома был не нужен, там хоть кого посади, поскольку Кремль рядом. И тогда логично выдвинуть на второе место в государстве руководителя второго по значимости региона.

Непосредственно перед покушением Сталин официально, на Политбюро предложил избрать Кирова секретарем ЦК и освободить его от работы в Ленинграде, мотивируя это состоянием своего здоровья (!) и возрастом (!!). Если не Кирову предназначалась роль наследного принца, будущего преемника Сталина — то к чему такие аргументы?

Вождь в то время был, правда, не старик, но уже и не молод. Более того, по некоторым данным, и без того не слишком крепкое здоровье его серьезно пошатнулось — что и неудивительно после таких испытаний. Да и возможность покушения тоже следовало учитывать. Нет, надо, надо готовить преемника, чтобы было кому принять выпавшую из рук главы государства власть. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы предвидеть, какой кабак получится, если штурвал хотя бы ненадолго останется бесхозным. У всех на памяти еще был позорный «демократический» период 1917 года.

Киров хорошо подходил на роль наследника. Достаточно молодой, пользующийся огромным авторитетом, внешне привлекательный. Русский, что тоже важно. Сталин компенсировал свою национальную принадлежность откровенной, подчеркнуто великорусской позицией. Кирову такая компенсация была бы ни к чему. Да и кто, кроме него, мог возглавить в то время страну? Каганович не вышел профилем, Молотов — характером, Ворошилов, Микоян, Орджоникидзе — вообще несерьезно...

Нечто похожее произошло в Испании. Когда серьезно заболел генерал Франко, жертвой покушения оппозиционеров стал не умирающий вождь, а его довольно бодрый преемник, адмирал Карреро Бланко. Логика здесь элементарная: вождь и так умрет, а преемника за один день не воспитаешь, и власть сама падает в руки оппозиции.

Кстати, о политических убийствах. В «деле Николаева» есть один маленький нюанс — общеизвестный, но, как нам кажется, недооцениваемый, который представляет всю эту историю в некоем новом свете.

«Немецкий след»

Уже 1 декабря, разбираясь по горячим следам с документами убийцы, следователи обнаружили, что в записной книжке Николаева имеется адрес и телефон германского консульства. Информация была признана

настолько важной, что ночью, в 0.40, начальник Ленинградского УНКВД Медведь телеграфировал об этом наркому внутренних дел Ягоде. Выяснилось также, что летом — осенью 1934 года Николаев неоднократно посещал германское консульство, а потом покупал товары в валютном магазине Торгсин, расплачиваясь немецкими марками. Оказалось, что и жил он не так плохо, как об этом кричал. Например, летом его семья отдыхала в престижном и недешевом Сестрорецке. А деньги вроде бы давала знакомая немецкая семья...

Сам Николаев заявил, что нашел телефон консульства в телефонной книге, позвонил туда, представился украинским писателем и попросил консула связать его с иностранными журналистами, заявив, что есть материал для иностранной прессы. Учитывая, какое это было время (всего несколько месяцев спустя после голода на Украине), приманка была хорошей. Но кто поверит, что ему за эту туфту еще и деньги платили?

В общем, НКВД нащупал «немецкий след». Ну, теперь пойдет дело о шпионаже и международном терроризме!

Ничуть не бывало. Да, следователи отработывали связи Николаева с границей — но почему-то лишь по одной линии — контактов с Троцким. Информация попала в международную прессу. Газеты писали о некоем консуле, который осуществлял связь между убийцами и «демоном революции». Консульский совет потребовал объяснений, и советское правительство согласилось назвать совету имя дипломата, которого немедленно выслали. В марте 1938 года, на процессе правотроцкистского блока, его имя было названо и в печати. Им оказался консул Латвии Бисенекс.

Простите, но...

Вот именно — но!

Каким образом германское консульство превратилось в латвийское?

Но и это еще не самое интересное. Убийство Кирова послужило завершением целой серии политических убийств, которые имели место в течение года в Европе. 19 декабря 1933 года был убит румынский премьер Иона Дуки, 15 июля 1934 года — югославский король Александр, 9 октября 1934 года — министр иностранных дел Франции Жан Луи Барту. Киров вполне вписывался в этот ряд. Он был хозяином огромного региона и крупным государственным деятелем.

Все предыдущие убийства тем или иным образом были связаны с фашистами и через них, прямо или косвенно, с Германией. Более того, как утверждает Алла Кирилина, автор книги «Неизвестный Киров», исследователь крайне добросовестный, немецкий консул в день ареста Николаева покинул страну.

Имея такие данные, самым естественным для следствия было связать Николаева именно с нацистской Германией. Ленинградские чекисты так и сделали. Но как только дело попало к москвичам, как немцы тут же превратились в латышей и «немецкий след» испарился.

Почему?

А вот это очень интересно!

«Чекистский след»

...Они так и не поверили, что все совершил один Николаев. Они так и не считали, что дело раскрыто. Об этом говорит то, что происходило при расстреле приговоренных по делу «Ленинградского центра». После XX съезда присутствовавший при казни работник НКВД Кацафа рассказывал, что когда уже были расстреляны тринадцать человек и остался один Котолынов, Агранов и Вышинский спросили у него: «Вас сейчас расстреляют. Скажите, все-таки, правду, кто и как организовал убийство Кирова?»

Но Котолынов и перед лицом смерти ответил, что все они, кроме Николаева, в убийстве неповинны. Скорее всего, так оно и было.

Почему-то принято считать спецслужбы послушным орудием в руке государства. Орудие — да, но орудие одушевленное, которое вполне может иметь собственную волю и вести свою игру.

Роль НКВД в событиях, происходивших в СССР в 30-е годы, не то что недооценивается, а вообще не замечается. Налицо странное предубеждение: ну почему, например, армию сплошь и рядом рассматривают как политическую силу, а органы внутренних дел — практически никогда? Почему автоматически считается, что НКВД выполнял волю Сталина и был послушным орудием в руках правительства? Кто, собственно, такое придумал?

...Сталин с самого начала не очень-то доверял ни ленинградским чекистам, ни Ягоде. Спустя три дня после убийства ленинградских следователей заменила московская следственная группа во главе с заместителем наркома внутренних дел Аграновым. Он же был назначен начальником Ленинградского управления НКВД, а через несколько дней заменен на этом посту Заковским. А контроль над следствием Сталин поручил Ежову, зам. председателя Комиссии партийного контроля. Ягода и его помощники пытались противиться участию Ежова в следствии, тогда Сталин вроде бы позвонил Ягоде и сказал: «Смотрите, морду набьем». Места для дискуссий по этому вопросу не оставалось.

Спустя неделю после завершения дела «Московского центра» состоялся еще один процесс — над двенадцатью руководящими работниками Ленинградского управления НКВД во главе с его начальником Медведем. Судили их за «преступную халатность», за то, что они, имея сведения о готовящемся террористическом акте, не приняли мер к тому, чтобы его предотвратить.

Основания для такого обвинения действительно имелись. Например, множество изданий обошли ссылки на донос психически ненормальной осведомительницы НКВД Волковой, которая вроде бы подслушала, как ленинградские чекисты обсуждали будущее убийство Кирова.

...М.Н. Волкова была секретной сотрудницей НКВД с 1931 года. Как вспоминала работавшая в 1934 году в Ленинградском горкоме партии Д.А. Лазуркина, за месяц до убийства Кирова Волкова сообщила секретарю председателя исполкома, что в доме отдыха слышала разговоры пьяных чекистов о подготовке убийства Кирова. Председатель, вернувшись из командировки, попытался найти Волкову, но оказалось, что она находится в психбольнице. Эта женщина смогла все-таки передать свою информацию по назначению — но только уже правительственной комиссии, после убийства, когда было безнадежно поздно. Кстати, в своем письме она правильно называла фамилии и должности многих чекистов — что является информацией, вообще-то говоря, не каждому доступной.

Впрочем, дама эта вроде бы и вправду была сумасшедшей. Но имеются ведь и свидетельства иного рода.

15 октября 1934 года Николаев был задержан ленинградскими чекистами. В его портфеле нашли пистолет и, что было еще более интересно, записную книжку с маршрутом Кирова. Тем не менее он был отпущен по распоряжению начальника оперативного отдела Ленинградского УНКВД, который, в свою очередь, получил такое указание от заместителя начальника Управления Запорожца⁸. Как хотите, но это уже выходит за рамки простой халатности. Если бы просто пистолет — но еще и маршрут Кирова! А самое интересное — кто такой Николаев, что его отпускают по личному указанию заместителя начальника УНКВД?

Остается добавить, что хотя осужденных чекистов и отправили на Колыму, но не в лагеря, а на работу в руководство Дальстроя. Расстреляны они были в 1937 году.

⁸ Эти сведения содержатся в записке П.Н. Поспелова, человека, который готовил материалы для доклада Хрущева на XX съезде, то есть это хоть в какой-то мере официальные материалы. Поспелов, в отличие от Хрущева, излишней фантазией вроде бы не страдал.

...Какие-то странные пируэты совершает следствие по «делу Николаева», вы не находите? Руководит им почему-то не чекист, а партконтролер. Информация о посещении Николаевым германского консульства, обнаруженная ленинградскими чекистами, отправлена в Москву лично Медведем лично Ягоде и тихо кем-то куда-то припрятана. А что самое любопытное — так это четкое ощущение фальсификации, возникающее даже при беглом знакомстве с материалами дела.

Самое распространенное объяснение этому — дело «шилось» по указанию Сталина в порядке расправы с оппозицией. Но эта версия, скажем так, несколько нелогична. Все можно было бы сделать куда красивей. Например, пристегнуть «московский центр» к «ленинградскому» и добиться для москвичей расстрельных приговоров — но ведь этого делать не стали! Попросту пришли им некую общую «контрреволюцию» и на этом успокоились. А в Питере московские чекисты развили могучую деятельность именно с целью доказать, что за Николаевым стояла некая террористическая оппозиционная организация, и пристегивали к ней явно случайных, мелких персонажей. А ведь следствие вели очень серьезные люди, заместитель наркома лично проводил допросы.

Эту странность можно объяснить по-разному. В очередной раз спихнуть все на «ужасного» Сталина, перед которым Агранов трепетал до потери речи. Но ведь можно придумать и другое объяснение. Например, что это была деза, предназначенная самому Сталину, — чекисты «переводили стрелки» на случайных оппозиционеров, отвлекая внимание от кого-то важного и значимого.

Возможно, некоторые ответы мы найдем, рассмотрев совсем другое дело. Малоизвестное, нерекламируемое, непопулярное — хотя едва ли можно отыскать лучший пример абсурдности «сталинских репрессий». Тем не менее даже на самом гребне «перестроечной» волны о нем всегда упоминали глухо...

ГЛАВА 4 ЗАБЛУДИВШИЙСЯ «КЛУБОК»

О «кремлевском деле» упоминают мало и неохотно. Хотя странно это, признаться, — ведь что может быть лучшим доказательством абсурдности «сталинского террора», как не арест и осуждение кремлевских уборщиц за какие-то разговоры? Именно так это дело и подавалось долгие годы. Пока господствовало мнение о сталинской паранойе и «стране ужаса», все катило. Но чем дальше, тем более странной казалась эта история, нелепая и нелогичная по любым меркам.

Тем не менее, похоже, что именно в «кремлевском деле» или, как его еще называют, «деле “Клубок”», и лежит ключ к началу репрессий 1937 года (к той их части, которую можно назвать этим словом без кавычек).

Уборщицы-контрреволюционерки и порученцы-террористы

Согласно материалам дела, кремлевские служащие: библиотекари, уборщицы, работники комендатуры и пр. участвовали в заговоре с целью убийства Сталина. Само собой, их действия были увязаны с оппозиционерами, меньшевиками, монархистами, белогвардейцами и пр. «Сам ход и характер следствия... при тщательном изучении не могут не оставить впечатления противоречивости, настойчивого сокрытия чего-то весьма важного, почему “дело” изначально несло черты двойственности, своеобразной эклектики, — пишет историк Юрий Жуков, один из немногих, получивший доступ к материалам дела. — Самым же загадочным остается повод, послуживший для возбуждения “дела”».

Итак, что мы знаем о «кремлевском деле»? В начале 1935 года НКВД, по инициативе Сталина, внезапно занялся проверкой кремлевских служащих на предмет контрреволюционных бесед, намерений и действий.

Все началось с доноса на трех уборщиц, которые вели между собой «контрреволюционные разговоры» примерно такого типа: «Товарищ Сталин хорошо ест, а работает мало. За него люди работают, потому он такой и толстый». «Сталин убил свою жену. Он не русский, а армянин, очень злой и ни на кого не смотрит хорошим взглядом». «Вот товарищ Сталин получает денег много, а нас обманывает, говорит, что он получает 200 рублей... Может, он получает несколько тысяч, да разве узнаешь об этом?» И прочее, тому подобное — обычные разговоры прислуги, «перемывающей косточки» хозяевам.

Начало 1935 года, у НКВД в связи с убийством Кирова дел по горло. Тем не менее девушек допрашивают не кто-нибудь, а лично начальник секретно-политического отдела НКВД Г.А. Молчанов и начальник оперативного отдела К.В. Паукер. Им что, заняться больше нечем?

А дело развивается. В конце января 1935 года с какого-то перепугу, хотя уборщицы о них ни словом не упоминали, арестовывают Б.Н. Розенфельда, племянника Каменева, и А.И. Синелобова, порученца коменданта Кремля. И практически сразу же первый дает показания на отца, Н.Б. Розенфельда, брата Каменева, и на мать (кстати, урожденную княжну Бебутову), работавшую в кремлевской библиотеке. Допросы

второго дали основания для ареста помощника коменданта Кремля В.Г. Дорошина, начальника спецхраны и помощника коменданта Кремля И.Е. Павлова, коменданта Большого Кремлевского дворца И.П. Лукьянова и еще нескольких человек.

И покатилося. В деле были выделены группы: уборщиц, библиотекарей, комсостава комендатуры. Все эти люди, правда, уличались всего лишь в том, что вели «антисоветские разговоры» — но согласитесь, что когда в охране и обслуге правительственной резиденции в таком массовом порядке и столь увлеченно предаются антиправительственной болтовне, это говорит о том, что в оной резиденции что-то очень и очень не так. Это было бы не так даже в 80-е годы, когда большинство населения было настроено антиправительственно, — а ведь в 30-е годы большинство населения, по меньшей мере городского, было лояльно.

В то время подобные разговоры карались в уголовном порядке. Можно осуждать за это правительство СССР, а можно и не осуждать, тем более что за двадцать лет до того подобная несдерживаемая и ненаказуемая болтовня едва не привела к гибели России (а пятьдесят лет спустя привела к гибели СССР). Как бы то ни было, сие деяние являлось уголовно наказуемым, о чем подследственные не знать не могли.

Однако на этом следствие не успокоилось. Им стали «шить» террористические намерения с целью убийства Сталина. Делали это активно и напористо, не хуже, чем за два месяца до того в Ленинграде, и вполне успели в своем начинании. В начале марта двое — библиотекари Розенфельд и Муханова — в таких намерениях признались.

В конце концов дело довели до суда, который состоялся 10 июля. Главными фигурантами являлись Л.Б. Каменев, его жена (кстати, сестра Троцкого), его брат и еще 35 арестованных. Это по одним данным. По другим, всего по делу было арестовано 110 человек. 30 из них судила Военная коллегия Верховного суда, остальных — Особое совещание.

Военная коллегия признала доказанным существование четырех террористических групп, в том числе одной «троцкистской». 14 подсудимых не признали себя виновными, 10 признались в том, что слышали «антисоветские высказывания», 6 человек признали себя виновными в «террористических намерениях». Двое подсудимых были приговорены к расстрелу, все остальные — к разным годам заключения и ссылки. В общем, яркая иллюстрация «липового» дела на волне страха перед террором.

Это то, что лежит на поверхности и достаточно широко известно. А теперь то, что известно куда менее широко.

Петерсон: рокировка

Все началось не с доноса на уборщиц, а с письма, полученного Сталиным в начале 1935 года. Писал вождю брат его первой жены А.С. Сванидзе, который был тогда председателем правления Внешторгбанка. Согласно этому письму, комендант Кремля Петерсон совместно с членом президиума и секретарем ЦИК СССР Енукидзе, при поддержке командующего войсками Московского военного округа Корка из-за «полного расхождения со Сталиным по вопросам внутренней и внешней политики» составили заговор с целью отстранения от власти Сталина и его команды. Арест высшего руководства страны должен был осуществить кремлевский гарнизон по приказу Петерсона — у них на квартирах, в кабинете Сталина во время какого-нибудь заседания или же в кинозале на втором этаже Кавалерского корпуса Кремля.

Это уже не измышления сумасшедшей сексотки. От таких предупреждений не отмахиваются. Тем более персонажи в центре обрисованной в письме комбинации стояли нешуточные.

Авель Енукидзе вот уже пятнадцать лет являлся секретарем ЦИК СССР, то есть занимал одну из важнейших должностей в государстве (ЦИК был высшим органом страны, одновременно законодательным и исполнительным). Этот человек, готовивший постановления ЦИК, являлся связующим звеном между законной и надзаконной властью Страны Советов, и переоценить его значимость едва ли возможно. Очень крупный был деятель.

Более того, он был связан со Сталиным старой дружбой и почти родственными узами. Оба хорошо знали друг друга еще по дореволюционной работе в Закавказье (кстати, Сванидзе — из той же компании старых закавказских большевиков). Енукидзе был крестным отцом Надежды Аллилуевой. Просто так от сигнала на подобного человека не отмахнешься, но и напролом не пойдешь.

Что же касается первого имени в записке Сванидзе — то это персонаж еще более интересный. Он был назначен комендантом Кремля 17 апреля 1920 года под грубым нажимом Троцкого, тогда председателя Реввоенсовета, и являлся перед тем начальником бронепоезда Троцкого и начальником его личной охраны. Пожалуй, ближе в то время «демон революции» была лишь его собственная кожа. Между тем никакие чистки Петерсона не коснулись, и в 1935 году он по-прежнему оставался комендантом Кремля, что говорит о полном бардаке в деле охраны правительства. Пусть даже Петерсон ни в каких оппозициях не замечен, однако убрать его с этого поста требовала элементарная осторожность.

Есть и вторая версия того, с чего началось дело «Клубок». По другим данным, менее надежным, в январе 1935 года в кремлевской библиотеке молодая женщина из графского рода Орловых-Павловых стреляла в Сталина (хотя и не попала). Если это так, то становится понятным, почему начали шерстить кремлевскую обслугу и почему допросами уборщиц занимались высокие чины НКВД.

Впрочем, Енукидзе и Петерсона ни следователи, ни Сталин не трогали, хотя и по разным причинам. О первой поговорим потом, а второй причиной могла быть опять же элементарная осторожность. Правительство в то время жило как на вулкане, жерло которого уже недвусмысленно попыхивало сернистым дымом. Один неверный шаг — и грохнет! Комендант Кремля, почувствовав опасность, мог перейти к активным действиям, а возможности у него были большие.

Поэтому с Петерсоном не спешили, зато поспешили с другим: уже 14 февраля нарком внутренних дел Ягода представил на утверждение Политбюро новую систему охраны Кремля. Само собой, как у нас все и бывает, потребовалось убийство государственного деятеля, чтобы наконец навести в правительственной охране порядок — но убийство дало и предлог для наведения этого порядка. Из ведения комендатуры Кремля выводилась любая хозяйственная деятельность — теперь она занималась только охраной, подчиняясь НКВД по внутренней охране и наркомату обороны по военной охране (до того она подчинялась ЦИК и НКО). Соответственно, охраной теперь ведали два заместителя коменданта. Власть самого Петерсона становилась номинальной.

Впрочем, эта рокировка не имела бы смысла, если бы в Кремле сохранился прежний бардак, при котором по нему гуляли толпы постороннего люда. Поэтому решено было вывести из Кремля многочисленные советские учреждения, где было множество работников и еще больше посетителей. Теперь попасть за кремлевскую стену стало куда труднее.

И, пожалуй, самое главное — с территории убрали Школу имени ВЦИК, которая являлась военным гарнизоном Кремля и насчитывала восемь рот, то есть полторы тысячи человек. Имея внутри Кремля такую силу, устроить государственный переворот было легче легкого. А пока, впредь до вывода школы, для контроля за ней 19 февраля было создано особое отделение — орган военной контрразведки, который напрямую подчинялся наркому внутренних дел Ягоде.

Как видим, Сталин отнесся к письму Сванидзе очень серьезно — серьезней некуда.

Итак, параллельно шли два процесса — «кремлевское дело», которое должно было вычистить оппозиционеров из охраны и обслуги Кремля,

и очень серьезные меры, направленные на то, чтобы нейтрализовать Петерсона и тех его людей, которые по этому делу не проходили.

Впрочем, сам комендант отделался на редкость легко. Комиссия партийного контроля вынесла ему строгий выговор «за отсутствие большевистского руководства подчиненной комендатурой, слабую политико-воспитательную работу среди сотрудников и неудовлетворительный подбор кадров». 9 апреля его освободили от обязанностей коменданта Кремля и некоторое время спустя назначили помощником коменданта Киевского военного округа Якира по материальному снабжению.

Енукидзе: путь вниз

Авель Енукидзе никогда не был замешан ни в каких оппозициях. Чекисты тоже не давали на него материалов. Тем не менее, по-видимому, что-то там такое было. Дело в том, что кроме собственно следствия, существует еще и осведомление. ВЧК, унаследовавшая свои навыки от царской полиции, была в тайной работе куда сильнее, чем в следовательской. По понятным причинам, показания осведомителей не фигурировали открыто — ни в материалах дел, ни тем более в судебных процессах. И едва ли мы когда-либо узнаем, какой реальный компромат был подложен под следующее постановление ЦИК СССР, опубликованное 3 марта:

«В связи с ходатайством ЦИК ЗСФСР о выдвижении тов. Енукидзе Авеля Сафроновича на пост председателя Центрального исполнительного комитета ЗСФСР, удовлетворить просьбу тов. Енукидзе Авеля Сафроновича об освобождении его от обязанностей секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР».

Формально Енукидзе возвращался на родину, туда, где начинал свой революционный путь, фактически же это была почетная ссылка под очень хороший надзор. «Хозяином» Закавказья в то время был Берия, молодой руководитель региона, но в свои 35 лет уже старый чекист и убежденный сталинист. Рядом с таким не разгуляешься.

21 марта появилось на свет «Сообщение ЦК ВКП(б) об аппарате ЦИК и тов. Енукидзе». В этом документе, прочитанном по партийным организациям, кратко рассказывалось о «кремлевском деле», а затем говорилось: «Многие из участников и в особенности участниц кремлевских террористических групп... пользовались прямой поддержкой и высоким покровительством тов. Енукидзе. Многих из этих сотрудниц тов. Енукидзе принял на работу и с некоторыми из них сожительствовал».

Однако его по-прежнему никто ни в чем официально не обвинял. Более того, в том же документе говорилось: «Само собой разумеется, что тов. Енукидзе ничего не знал о готовящемся покушении на товарища Сталина, а его использовал классовый враг как человека, потерявшего политическую бдительность, проявившего несвойственную коммунисту тягу к бывшим людям».

Енукидзе ни с чем не спорил, лишь попросил двухмесячный отпуск и уехал в Кисловодск.

О том, что конкретно имелось в виду под «использованием классовым врагом» и «тягой к бывшим людям», пишет в своем дневнике Мария Сванидзе, и портрет, который перед нами предстает, прямо скажем... Тут уже не сплетни уборщиц, эти люди были почти что одной семьей и знали друг друга много лет.

«Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на наш быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив — он смрадил все вокруг себя, — ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для всех... он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Тошно говорить и писать об этом, будучи эротически ненормальным и, очевидно, не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более и более юных и наконец докатился до девочек в 9—11 лет, развращая их воображение, растлевая их, если не физически, то морально. Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам... В учреждение набирался штат только по половым признакам... Контрреволюция, которая развилась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков: стоило ему поставить интересную девочку или женщину, и все можно было около его носа разделять...»

Неудивительно, что, как было сказано в закрытом сообщении ЦК, «действительные мотивы этого перемещения не могли быть объявлены официально в печати, поскольку опубликование могло дискредитировать высший орган советской власти».

Перспектива оказаться «под крылышком» Берии Енукидзе не радовала до такой степени, что он предпочел отказаться от новой должности. 8 мая он попросил освободить его от обязанностей председателя ЗакЦИКа и назначить уполномоченным ЦИК по курорту, на котором пребывал. Едва Политбюро получило письмо, как в тот же день удовлетворило просьбу.

Но и это было еще не все. Получив новое назначение, Енукидзе вернулся в Москву для участия в Пленуме ЦК. На этом пленуме председатель Комиссии партийного контроля Ежов делал доклад о «кремлевском деле» и об использовании заговорщиками Енукидзе. Трудно сказать, кто тут кому морочил голову: чекисты ли Ежову, Ежов ли всем остальным, но заговор предстал мощным, разветвленным и выходящим далеко за пределы Кремля. Тем не менее о Петерсоне там не упоминалось вовсе, а о Енукидзе — очень мало: лишь то, что часть своих планов заговорщики строили на использовании личных связей с Авелем Сафроновичем.

Пропесочили Енукидзе на пленуме основательно и в результате вывели из состава ЦК и исключили из партии «за политико-бытовое разложение». Кстати, через год он, с санкции Политбюро, в партии восстановился...

Дело закончилось судом, который состоялся 27 июля. Ягода требовал самых суровых приговоров, в частности, предлагал расстрелять 25 человек. Однако Военная коллегия Верховного суда вынесла смертные приговоры лишь двоим из 30 подсудимых, остальных приговорили к тюремному заключению. Особое совещание НКВД отправило в тюрьму на срок от трех до пяти лет 42 человека, приговорило к ссылке 37 человек и одного — к высылке из Москвы.

Несколько раньше была проведена чистка работников Кремля. Из 107 человек на своих местах остались лишь девять.

И как ни крути, с какой стороны ни подходи — дело это странное. Началось оно с доноса на Енукидзе и Петерсона — и именно эти персонажи вышли сухими из воды. Следователи к ним даже не подбирались, а весь свой пыл потратили на уборщиц и библиотекарей.

Очередь главных фигурантов подошла только через два года. В 1937 году Енукидзе и Петерсон были арестованы: первый — 11 февраля в Харькове, второй — 27 апреля в Киеве. Оба сразу же, в день ареста, дали признательные показания — то есть до того, как их, даже гипотетически, могли начать мало-мальски серьезно бить. Показания были одинаковыми вплоть до деталей. Они рассказали о том, что готовили переворот и арест либо убийство государственной верхушки — Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе. Так завершилось дело «Клубок».

Часть 2

НАСЛЕДНИКИ ДЕКАБРИСТОВ

И вот вопрос — а могла ли такая деятельность обойтись без военных? «Конечно, могла! — отвечает официальная история. — Военный не способен участвовать в заговоре. Военный связан присягой и свято ее соблюдает».

«Ну-ну...» — качают головами поднявшиеся из недр российской истории кровавые тени императоров: Петра Третьего, Павла Первого, Николая Второго.

«Ну-ну!» — усмешается Николай Первый, откладывая в сторону бумаги, повествующие о заговоре декабристов.

«О, по!» — повторяют теснящиеся в отдалении призраки королей, свергнутых и убитых собственными гвардейцами.

«Доннерветтер!» — комментирует Гитлер, разглядывая то, что осталось от его штаба после взрыва, устроенного полковником Штауффенбергом.

«Ну, хорошо! — отступает на шаг отечественная история. Эти все могли. А Тухачевский — не мог!»

Не мог? А почему, собственно?

Здесь аргументация дает трещину. Конечно, то, что Тухачевский невиновен — это все знают. Однако «все знают» — аргумент, конечно, эффектный, но не абсолютный. То, что все фигуранты «заговора генералов» реабилитированы, в свете нынешнего правового беспредела тоже не убеждает.

Но ответ все же существует и неоднократно приводится везде — в исторических трудах, статьях в СМИ, в блогах и на форумах. Великолепный, классический ответ блондинки:

«А потому!»

ГЛАВА 5
ПОРУЧИК ГОЛИЦЫН В КРАСНОЙ РОССИИ

Есть такая работа — Родину защищать.

Из фильма «Офицеры»

...Взять власть в октябре 1917 года было нетрудно. Удержать ее после октября — немислимо. Поначалу никто и не думал, что большевики продержатся долго. Девять из десяти — они и сами так не думали. Абсолютно неопытное, сверхдилетантское правительство во взбаламученной до дна стране. Правительство, до такой степени ни за что не отвечающее, что посмело выкинуть сверхгениальные лозунги. «Чего вы хотите? Земли? Мира? Так берите!» После этого любой успех белых отзывался по стране стоном: «Придут баре, снова на шею сядут! На фронт погонят!!! Землю отберут!!!» Никаким политическим путем сбросить красных после такого было невозможно. Оставалось одно — прийти и усмирить, утопив страну в крови. И не надо думать, что те, кто был выброшен за борт революцией, остановились бы перед этим. Ибо движущие силы были мощнейшие.

Нет, многого верхушка Российской империи, развязавшая в стране февральскую демократическую смуту, могла ожидать, но не такого — что все кончится классовым подходом, при котором она вся, в одночасье, лишится всего — собственности, положения, даже элементарного уважения, даже избирательных прав... даже продовольственных карточек! Вчерашние баре по общественному положению оказались ниже вчерашних поломоек. Можете себе представить, какой силы ненависть была у этой верхушки к «торжествующему хаму» и «жидам-комиссарам»? Ради того, чтобы вернуть свое, они пошли бы на все. Тем более что, говоря умными словами, геополитическое положение России заставляло каждую минуту ее государственного существования думать об обороне от милых соседей, и стоило государству чуть-чуть ослабнуть, как начиналось: шведы в Пскове, поляки под Смоленском, англичане в Баку, японцы во Владивостоке, немцы на Украине...

Европа — не то место, где можно отвлечься на зализывание ран. Сожрут-с!.. Тем более что армии у Советской России в первые полгода ее существования не было — вообще никакой.

И сожрали бы — однако тут большевикам попросту повезло. В восемнадцатом году, если бы кто-нибудь взялся за Советскую Россию всерьез, ее раздавили бы мгновенно. Но окружающие европейские хищники еще целый год занимались собственной кровавой сварой. Ни у кого не было особого желания снимать войска с фронта приличной цивилизованной

войны и отправлять в Россию, которая к тому времени стала диким полем, где носились из конца в конец вооруженные банды, а озверевшее население встречало в топоры любого чужака. И это еще вопрос, как повлиял на судьбу Германии вроде бы выгоднейший для нее Брестский мир, по которому она получила неограниченный доступ на огромный кусок российской территории. Получила, да — а потом вынуждена была вводить туда до зарезу необходимые ей войска, чтобы обеспечить хоть какой-то порядок.

Так что в начале 1918 года против красных банд (назвать эти отряды иначе язык не поворачивается) выступали точно такие же белые банды, так же плохо вооруженные и такие же неуправляемые. Отличались они друг от друга в основном тем, что у красных были ленточки на шапках, а белые рисовали себе на плечах погоны. Нормальной воинской частью являлась лишь двухтысячная армия генерала Корнилова, но она была исключением. Не имея сильного врага, Советы получили передышку, позволявшую им создать хоть какую-то армию.

Товарищ Троцкий и его военспецы

25 октября 1917 года русская армия и пальцем не шевельнула, чтобы спасти засевшее в Зимнем так называемое «правительство». Пусть оно ничем уже не управляло, кроме дворцовых лакеев, но оно было вроде как бы законным. Впрочем, военных легко понять, если представить себе, как российские офицеры должны были это правительство ненавидеть! Пришедшие к власти «демократы» всех мастей развалили все, что только можно было развалить, в том числе и армию. Да, разваливали армию Советы и солдатские комитеты, но правительство на то и правительство, чтобы подобным инициативам противостоять. А господа из Зимнего вместо наведения порядка провели политическую чистку, принявшись убирать монархически настроенных офицеров. Самое, надо сказать, время!

К октябрю 1917 года армии как таковой уже не существовало — на ее месте колыхалась некая полуоформленная структура, которая хотела — подчинялась офицерам, не хотела — не подчинялась. И эту разваливающуюся на ходу машину по-прежнему бросали в пекло боев, в которых она, естественно, терпела поражение за поражением.

Так что когда на место Временного правительства пришли большевики, все оказалось далеко не так однозначно, как пытаются сейчас представить певцы Белого движения.

Поначалу большевики были полны совершенно розовых иллюзий. Первым народным комиссаром по военным делам стал Подвойский — революционер с семинарским образованием, который военной службы и не нюхал. Вместе с Лениным они принялись делать в армии «революцию». 16 декабря 1917 года были опубликованы декреты: «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Власть передавалась солдатским комитетам, командиры стали выборными, прежних офицеров ссылали в кухню и на конюшню. Армия окончательно перестала существовать, осталась масса, которая все еще сидела в окопах и потребляла определенное количество продовольствия. Впрочем, она таяла на глазах, солдатики бросали фронт и разбегались по домам, что немало радовало интендантов.

Однако при том, что новое правительство по опыту управления было не лучше старого, у него все же имелось одно серьезное отличие от прежнего. «Временные» так ничего и не поняли и ничему не научились. Новая же власть умнела прямо на глазах. И неудивительно: министры Временного правительства в случае неудачи рисковали разве что отставкой, а над этими болталась петля.

Начав с роспуска армии и прекращения выпуска оружия и боеприпасов, они очень быстро сообразили, что дела плохи и надо, чтобы новую власть тоже кто-то защищал. Уже 26 декабря Подвойский представил план создания новой армии, пока что трехсоттысячной. Напомним то, что сейчас прочно забыто: большевики не собирались воевать ни с кем — ни с немцами, ни тем более с собственным народом. В декабре 1917 года речь шла об армии мирного времени. 15 января 1918 года Совнарком принял декрет о создании РККА. Ленин подписал этот декрет 28 января.

Первоначально армия предполагалась добровольческой. Принимали в нее не вольным набором, а по рекомендации партийных, советских или профсоюзных органов. Бойцам, кроме полного государственного обеспечения, предполагалось платить по 50 рублей в месяц. Много это или мало? А кто его знает! Полное обеспечение в то время было куда важнее...

Впрочем, коммунарские иллюзии горели одна за другой. 4 марта 1918 года Ленин подписал постановление о создании Высшего военного совета. Военным руководителем этого органа назначили М.Д. Бонч-Бруевича, который являлся «фигурой компромисса» между делом и революцией: с одной стороны, генерал с опытом штабной работы, с другой — брат известного большевика. Первое, что предложил Бонч-

Бруевич, — отменить добровольческий принцип формирования армии, отменить выборность командиров и коллегиальное управление войсками, ввести единоначалие. Таков был конец демократии в армии, больше о ней не заикались, хотя сами вооруженные силы молодой республики пришлось «нормализовывать» еще очень долго, отучая от усвоенных за год торжествующей демократии привычек. А 13 марта наркомом по военным и морским делам был назначен Троцкий, а вместо Высшего военного совета появился Революционный военный совет республики, Реввоенсовет, РВС.

Назначить военным министром Троцкого — это был далеко не самый худший выбор. Могло быть и хуже. Правда, служить в армии Льву Давидовичу не приходилось, но в 1912 — 1913 годах он побывал военным корреспондентом на Балканах. Журналист Троцкий на должности военного министра был все же предпочтительнее прапорщика Крыленко в роли главнокомандующего, ибо любому прапорщику хочется поиграть в генералы, а любой более-менее толковый журналист отлично понимает разницу между собой и специалистом. И, паче всяких ожиданий, Троцкий справился. В мае 1918 года Рабоче-крестьянская Красная Армия (РККА) насчитывала 300 тысяч бойцов, осенью ее численность дошла до миллиона, а к концу Гражданской войны это была уже армия, по численности соответствующая стране, — пять с половиной миллионов человек.

Начав все с той же идеи создания Добровольческой армии, Троцкий практически сразу от нее отказался — набрать нужное количество добровольцев было немислимо. Уже 19 мая 1918 года ВЦИК принял постановление о всеобщей мобилизации. Но проблема была не только в рядовых а и в командирах, и здесь все оказалось куда сложнее. Ленин по-прежнему предавался мечтам о «классовой» армии. Даже осенью 1918 года, когда Сталин с Троцким уже полгода как препирались из-за «военспецов», он все еще говорил: «Теперь, строя новую армию, мы должны брать командиров только из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм». А вы думаете, зря его прозвали «кремлевским мечтателем»?

Все бы ничего, но к тому времени жизнь уже показала, во что превращается Добровольческая армия с выборными командирами из народа. 24 сентября 1918 года член Реввоенсовета 1-й армии С.П. Медведев писал Ленину: «Я убедился, что у нас есть толпы вооруженных людей, а не крепкие воинские части... Во всех этих вооруженных толпах не прощялось никакого понятия о дисциплине, о подчинении командному

составу во время операций. Сам же командный состав оказался настолько слабым, безвольным, терроризированным негодными элементами части, что не он командовал частями, а его части тянули, куда хотели...

Части нашей Красной Армии формировались в различных местах и совершенно по-разному. Большая часть из них состояла из добровольцев. Никакой военной выучке они не подвергались, и поэтому слишком трудно совершать с ними военные операции. Они могут совершить партизанский набег, но чуть только попадут под военный, а не партизанский огонь — они обнаруживают всю слабость свою и панически бегут от жалкой горстки опытного противника».

Воевать постепенно учились, что же касается дисциплины — то чего-то приемлемого в этом отношении удалось достичь лишь к началу 30-х годов. Если же говорить об этике, о морали... то не было в этой войне ни этики, ни морали, ни милосердия. Об этом писал в своем дневнике Исаак Бабель, который был в польском походе с Первой Конной армией Буденного — право же, не самой худшей воинской частью РККА.

«Страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые белые нагие тела сверкают на солнце...»

Стало быть, после боя раненых добивали, мертвых раздевали — одежда еще пригодится...

«История — как польский полк четыре раза клал оружие и защищался вновь, когда его начинали рубить».

Это к вопросу о том, почему в 1920 году так отчаянно сопротивлялись поляки...

Житомир. «Полки вошли в город на три дня, еврейский погром, резали бороды, это обычно, собрали на рынке сорок пять евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Пожгли шесть домов, дом Конюховского на Кафедральной — осматриваю, кто спасал — из пулеметов, дворника, на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца, — прикололи, ксендз приставил к задней стене лестницу, таким способом спасались...»

Сокаль. «Сапожник, сокальский сапожник, пролетарий. Сапожник ждал Советскую власть — он видит жидоедов и грабителей, не будет заработку, он потрясен и смотрит недоверчиво...

Лавчонки все открыты, мел и смола, солдаты рыщут, ругают жидов, шляются без толку, заходят в квартиры, залезают под стойки, жадные глаза, дрожащие руки, необыкновенная армия. Организованное ограбление писчебумажной лавки, хозяин в слезах, все рвут... Ночью будет грабеж города — это все знают».

Здесь комментарии излишни...

И как символ Гражданской войны: «Все бойцы — бархатные фуражки, изнасилования, чубы, бои, революция и сифилис».

Когда мы говорим об офицерах и чекистах 30-х годов, надо помнить: они родом — отсюда. Бархатные фуражки, изнасилования, бои, революция и сифилис...

...С самого начала бывший военный журналист подошел к делу прагматически и принялся строить армию с опорой на профессионалов, царских офицеров. Это противоречило «классовому» подходу — а куда денешься!

Забегая вперед, надо сказать, что это его решение на каждом шагу отзывалось скандалами. «Военспецы» плохо уживались с партийным окружением и, что хуже всего, обнаруживали неистребимую склонность к саботажу и предательству. Сам же Троцкий в свое время говорил: «У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом со стороны офицеров, занимавших более видные посты. Но у нас редко пишут о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава... И если спросить, что причинило нам до сих пор больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ».

Тем не менее он упорно продавливал свой принцип опоры на профессионалов — и продавил! Переломным стал день 23 ноября 1918 года, когда появился приказ Реввоенсовета о мобилизации бывших офицеров. По одним данным, в Красной Армии в Гражданскую войну служило пятьдесят тысяч офицеров царской армии, по другим — семьдесят пять тысяч, в том числе более шестисот бывших офицеров Генерального штаба. Кадровыми офицерами являлись семнадцать из двадцати командующих фронтами, восемьдесят два из ста командующих армиями. А начальниками штабов практически везде были полковники и генералы царской выучки.

...Первые офицеры, служившие в Красной Армии, пошли туда добровольно. Тут надо понимать еще один момент. Сейчас расклад сил после октября 1917 года усиленно стараются представить следующим образом: новая власть большевиков против старой царской России, или же «России, которую мы потеряли». В том, чтобы вбить в голову

наших людей такое представление, постарались все: и коммунисты, и демократы, каждый по своим причинам.

Однако на самом деле это было совершенно не так! Потому что и те, и другие почти всегда упускают из виду, считают «промежуточным» период с февраля по октябрь 1917 года. Да, этот период был коротким. Но совсем не промежуточным, отнюдь, а очень и очень важным. Настолько важным, что без него вообще ничего не понять!

На самом деле в то время новую Россию представляли не большевики, а Временное правительство. Именно оно противопоставлялось «старой», царской власти. А большевики были «фактором X», некоей силой, которая захватила власть в стране, но сама по себе совершенно неизвестно, что представляет. Поэтому логично было бы видеть в ней — и многие именно так ее и воспринимали! — как раз силу, противную новой России. У большевиков была совершенно другая идеология, совершенно иные устои, чем у властей Российской империи, но это была, во-первых, власть, а не кучка болтунов, а во-вторых, власть центральная. И как только стало ясно, что большевики намереваются сохранить страну, многие патриотически настроенные офицеры пошли к ним на службу.

Очень четко выразил это помощник военного руководителя Высшего Военного совета генерал-майор С.Г. Лукирский. Уже в 1930 году он говорил: «Накануне революции февральской 1917 года в среде офицеров старой армии определенно сложилось недовольство монархическим строем... Поэтому февральская революция была встречена сочувственно в основной массе всего офицерства вообще. Однако вскоре наступило разочарование и в новой власти в лице временного правительства: волнения в стране даже обострились; ряд мероприятий правительства в сторону армии (в том числе подрывающие престиж офицеров) быстро ее развалили; личность А. Керенского не возбуждала доверия и порождала антипатию...

Наступившая октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала как орудие целостности страны. Принято было решение идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный: решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало. Поэтому крупнейшая часть офицерства перешла к сотрудничеству с большевиками, хотя и не уясняла еще в полной мере программу коммунистической партии и ее

идеологию. Патриотизм явился одним из крупных побуждений к продолжению работы на своих местах и при этой новой власти».

После октября 1917 года офицерство расколосось. Другой высокопоставленный сотрудник Полевого штаба РВСР (так в сентябре 1918 года был назван штаб ВВС), К.И. Бесядовский, говорил: «Надо сказать, что поступление в Высший Военный Совет на службу к “большевикам” было сделано не без трудных внутренних переживаний: большинство офицеров... отворачивались от нас — добровольцев. Я же считаю, что в сложившейся обстановке, когда немцы хозяйничали в наших пределах, нельзя оставаться посторонним зрителем, и потому стал на работу».

К середине июня 1918 года в Красной Армии насчитывалось уже 9 тысяч офицеров-добровольцев.

Раскол шел почти посередине. Из 250 тысяч офицеров царской армии около трети попало к большевикам, около 40% — к белым, остальные не примкнули ни к одной стороне — уходили за границу или, сняв форму, оставались в красной России, устраивались в ней, как могли.

Тут надо понимать еще одну вещь: противостояние красной и белой армий отнюдь не было противостоянием большевиков и монархистов. Как раз наоборот: исходя из вышеприведенных соображений, именно монархистам-государственникам было по дороге с большевиками, которые, кем бы они ни были, являлись все же властью центральной и стремились сохранить страну. И недаром в 1930 году, когда органы ГПУ распутывали дело «Весна» и в этой связи шерстили старых офицеров, те сплошь и рядом заявляли о себе именно как о монархистах по убеждению.

А вот в белой армии имелось всякой твари по паре. Например, денкинская пропаганда являлась в основном демократической, и получалось, что белые выступали как раз от имени этой самой «новой России», которую офицеры ненавидели с той же страстью, что и «красных хамов». И все они жили и воевали на иностранные деньги, которые, в случае победы, надо было отдавать — а после того, как русская армия три года воевала неизвестно за чьи интересы, иностранцев в ней тоже не очень-то жаловали...

Оставшиеся на «красной» стороне все это прекрасно видели и понимали. Об этом говорит тот же Лукирский: «...Победа белогвардейцев несла с собою вторжение иноземцев, деление России на части и угрожала закабалением нашей страны иностранцами. На стороне белогвардейцев не видели и базы, обеспечивавшей им симпатии народных масс».

О том, каким образом белая армия собиралась отдавать долги своим заграничным кураторам, говорит тайный договор между бароном Вран-

гелем и его французскими союзниками, опубликованный в английской газете «Дейли Геральд» 30 августа 1920 года. В случае победы Врангель признавал все старые и новые долги России и ее городов и должен был уплатить их, исходя из 6,5% годовых, что по тем временам являлось совершенно грабительским процентом. Погашение долга вместе с процентами гарантировалось:

«а) Передачей Франции права эксплуатации всех железных дорог Европейской России на известный срок; б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей; в) предоставлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и в Кубанской области в течение известного количества лет, причем за исходную точку берется довоенный экспорт⁹; г) предоставлением в распоряжение Франции трех четвертей добычи нефти и бензина на известный срок, причем в основание кладется добыча военного времени; д) передачей четвертой части добычи угля в Донецком районе в течение известного количества лет». Кроме того, для контроля «при русских министерствах финансов учреждаются официальные французские финансовые и коммерческие канцелярии, права которых должны быть установлены специальным договором»¹⁰.

А еще говорят, что большевики страну распродавали. Куда им до этих...

...Если говорить совсем уж просто и грубо, то за белыми стояла верхушка российского общества, которая пыталась на иностранные деньги вернуть себе имения, заводы и всю свою прежнюю красивую жизнь. Любой ценой, даже если за это придется отдать половину России. А верхушка российского общества в начале XX века была невыразимо отвратительна. Некоторое количество идеалистов, одержимых «белой идеей», ничего тут не меняли. И стоит ли удивляться, что к концу Гражданской войны среди офицеров Красной Армии насчитывалось около четырнадцати тысяч белогвардейцев-перебежчиков?

В целом настроения тех офицеров, которые служили большевикам из принципа (были и другие), выразил Деникин в своих «Очерках русской смуты». Высказывание, которое он приводит, приписывается Тухачевскому: «Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем бить

⁹ Советский экспорт зерна велся с учетом урожая. Эти бы выгребали все, вне зависимости от возможного голода.

¹⁰ Цит. по: *Пыхалов И.* Великая оболганная война. М., 2005. С. 15–16.

их самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся».

...Все, конечно, решалось индивидуально, иной раз настолько на примитивно-бытовом уровне... Кому-то нахамили при проверке документов, обозвали в лавке, глаза устали от постоянного лицемерия «торжествующего хама», и он подался к белым. Другой, поставленный в те же условия, пожал плечами — ну что поделаешь! — и вернулся к работе. А третий был полон лютой ненависти к мужикам, разорившим родовое имение. А четвертый стремился сделать карьеру и считал, что у красных это проще. Одни из мобилизованных служили из простой лояльности, другие — опасаясь за семьи. Кто-то стоял за Россию как патриот, а кто-то — за армию как профессиональный военный. Эти последние настроения лучше всех выразил знаменитый генерал Брусилов: «Я, как с малых лет военный, за эти годы страдал развалом армии, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один? ... Убежден, что многие, помогавшие Троцкому воссоздать русскую армию, хотя бы она и называлась “Красной”, думали так же, как я».

Разные бывали офицеры, совершенно разные, и судьбы у них были разными. Чего стоит один подполковник Муравьев! Крестьянин по происхождению, боевой офицер, левый эсер по партийной принадлежности, он 4 февраля 1918 года, перед штурмом Киева, отдал приказ: «Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции». Но это было только начало. Назначенный командующим Восточным фронтом (!), Муравьев, находясь в Симбирске, 10 июля 1918 года заявил, что прекращает борьбу с чехословаками, разрывает Брестский мир и объявляет войну Германии. По счастью, тогдашние власти комплексами приличия не страдали и, вызвав на переговоры, Муравьева попросту шлепнули. Бывали и такие офицеры...

А с другой стороны, возьмем того же царского полковника Шапошниковова. Раз присягнув советской власти, он всю жизнь оставался непоколебимо лояльным, и, несмотря на происхождение и послужной список, никакие репрессии его не коснулись. Шапошников дослужился до очень больших высот, три раза был начальником Генерального штаба. В последний раз он сменил на этом посту Жукова в 1941 году, после июньского разгрома советской армии, и оставался на нем практически до смерти. Тоже офицер, и даже почти в том же чине...

...Нельзя сказать, что им было легко служить. Но, с другой стороны, нелегко было и с ними. Фурманов, чапаевский комиссар, писал: «Спецы — полезный народ, но в то же время народ опасный и препотешный. Это какое-то особое племя — совершенно особое, ни на кого не похожее. Это могокане. Больше таких Россия не наживет: их растила нагайка, безделье и паркет». Конфликт «господ» и «хамов» стоял в Красной Армии остро — а куда денешься?

Впрочем, вопросы межличностных отношений худо-бедно, но как-то решались. Хуже оказалось то, что «военспецам» элементарно нельзя было доверять. Они сплошь и рядом переходили из армии в армию, и порой не по одному разу. Если убежит к белым командир взвода или эскадрона — это, конечно, неприятно, но пережить можно. Если командующий или начальник штаба дивизии или армии — это уже беда немаленькая. Если же не перейдет открыто, а начнет работать на белых — такие случаи тоже бывали — то это настоящая катастрофа.

Власти обеспечивали их верность, как могли. Для надзора за старыми спецами был введен институт комиссаров. А вы думали, что комиссары должны были следить за «политической благонадежностью» командиров? Ага, делать им было больше нечего! Политграмотой он занимался с рядовым составом, а что касалось командного, то комиссар должен был следить, чтобы вверенные его попечению командиры не установили связей с белыми, не участвовали в разного рода заговорах, не дезертировали и не перебежали к противнику. А кто виноват, если без надзирателей было не обойтись? Есть такая наука арифметика: так вот — из восемнадцати начальников объединений РККА (весьма крупная должность) в 1918 году восемь бежали к белым или были расстреляны, трое в 1919 году, с началом собственно Гражданской войны, оставили службу в войсках, и лишь семь человек в конечном итоге остались в Красной Армии.

Тот же Бесядовский вспоминал: «Нелегка была и непривычная обстановка работы: тебе не доверяют, комиссар ходит по твоим пятам, следя за каждым твоим шагом. “Комиссар — это есть дуло револьвера, приставленное к виску командира” — так определил взаимоотношения командира и комиссара один из моих комиссаров. Партийная среда держалась от нас в стороне (партийцы почти сплошь были комиссарами), и мы, остальная масса, чувствовали себя бесправными... Ясно, что все эти черты нашего быта, службы не могли вызывать довольства... Коммунистические идеи были нам чужды, в марксизме мы не разбирались...»

А с другой стороны, как иначе, если в Постановлении ВЦИК от 29 июля 1918 года говорилось: «За побег или измену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела»?

Никто не спорит, 1917 год поставил офицеров перед жестоким выбором. Но и само время было жестокое. Впрочем, сплошь и рядом офицеры сражались не из-за каких-то убеждений, а просто потому, что судьба поставила их по ту или иную сторону баррикады. Когда в 1922 году проходила проверка политической грамотности командного состава Западного фронта, уже командиры на уровне батальонов довольно слабо понимали, что такое советская власть. Как анекдот, рассказывали о командире роты, который на вопрос, чем отличаются красные от белых, ответил, что белые носят погоны, а красные — нарукавные знаки. При этом товарищ сначала послужил у Колчака, потом у Советов, и так и не понял, у кого и за что боролся. И это те, которые прошли всю войну. Что же было в 1918-м?

Опять же, Тухачевскому приписывают слова: «Я — беспечный ландскнехт¹¹».

«Помните ландскнехтов? — говорил он еще в 1914 году. — Дрались они, где и когда возможно за тех, кто их нанимает, и главное, не для каких-то высоких идей, а для себя, чтобы взять от войны все, что она может дать!»

И надо понимать еще одну вещь, без которой мы никогда не осознаем того, что было дальше: в любом обществе офицеры — это каста. Правительства всегда борются с этим, и всегда безуспешно. А если, паче чаяния, удастся, то такая армия почему-то начинает стремительно разлагаться (пример — советская армия образца позднего социализма).

Еще и поэтому они с такой легкостью переходили из армии в армию, что зачастую коллеги по ту сторону фронта были им ближе, чем собственное начальство. И как в 1917-м, так и в 1937 году были такие — и немало, для которых присяга значила меньше, чем офицерская солидарность.

Публицист Ф. Степун так писал об обстановке в среде военспецов: «Слушали и возражали в объективно-стратегическом стиле, но по глазам и за глазами у всех бегали какие-то странные, огненно-загадочные вопросы, в которых перекликалось и перемигивалось все — лютаая ненависть к большевикам с острою завистью к успехам наступающих до-

¹¹ Ландскнехтами в эпоху Возрождения называли наемных солдат.

бровольцев; желание победы своей, оставшейся в России офицерской группе над офицерами Деникина и явным отвращением к мысли, что победа своей группы будет и победой совсем не своей Красной Армии; боязнь развязки — с твердой верою: ничего не будет, что ни говори, наступают свои».

Впрочем, по мере озверения обеих воюющих сторон становилось ясно, что будет, и еще как! Практика была такой. Возьмут белые красную часть, солдатам меняют звездочки на кокарды, командиров — к стенке или в петлю. Возьмут красные белую часть — то же самое. С генералами поступали мягче, но все же среди убитых белыми можно назвать начальника Главного штаба командования Красной Армии в Сибири бывшего генерал-лейтенанта Таубе, генерал-майора Николаева, повешенного в Ямбурге. Они могли спасти жизнь, перейдя на службу к белым, — но не захотели. Другие захотели и остались живы.

В конце концов из этих семидесяти пяти тысяч выкристаллизовались те, кто, наравне с «новыми» командирами, составил ядро Красной Армии.

В десять раз

...Гражданская война заканчивалась. Еще шли последние бои, а правительство уже задумывалось о демобилизации. Армию в пять с половиной миллионов человек предполагалось сократить сперва до миллиона, потом до 500 тысяч — в одиннадцать раз!

Красноармейцы разошлись по домам или же кто куда, дав, кроме прочего, колоссальный всплеск уровня преступности, который традиционно связывают с нэпом. Логичнее было бы связать его с демобилизацией. Но, как бы то ни было, рядовые красноармейцы в жизни не пропали, вернулись к своим мирным профессиям. Надо полагать, с большим удовольствием демобилизовались и многие офицеры военного времени, которые имели гражданские специальности. И все равно командиров оставалось слишком много. Между ними развернулась жесточайшая борьба за место в оставшейся крохотной армии мирного времени, в военных училищах и академиях. Борьба, в которой стороны не стеснялись в средствах.

Нетрудно догадаться и об аргументах в этом споре за места. Еще в 1919 году любимец Троцкого, тогда командующий 5-й армией Восточного фронта Тухачевский (тот самый) подготовил для Политбюро доклад «Об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава». Всех «военспецов» он подраз-

деляет на старое и «скороспелое» офицерство. Ничего нового тут нет, это разделение известно во всех армиях мира: «старые» — это кадровые, обученные офицеры, «скороспелые» — офицеры военного времени, прошедшие ускоренные курсы или произведенные непосредственно из нижних чинов. Но посмотрите, аргументация-то какова!

«Для того, чтобы понимать характер и формы гражданской войны, необходимо сознавать причины и сущность этой войны. Наше старое офицерство, совершенно незнакомое с основами марксизма, никак не может и не хочет понять классовой борьбы и необходимости диктатуры пролетариата. Поэтому генералам совершенно непонятны условия комплектования армии родственными классами при наступлении, условия обеспечения тылов в зависимости от классовой группировки населения, непонятна зависимость между шириной фронта армии и ходом общей классовой борьбы...» И далее: «При таком уровне развития офицерства в политическом отношении ему, конечно, трудно понять основы гражданской войны, а, как следствие того, и вытекающие из них оперативные формы...»

О склонности товарища Тухачевского к дешевой демагогии, а также о его специфическом чувстве юмора мы поговорим чуть позже. Здесь важно другое: еще в девятнадцатом году он четко наметил линию будущего противостояния. Пока шла война, без этих непродвинутых в классовом отношении военспецов почему-то получалось плохо. Самого «великого стратега» время от времени весьма чувствительно били, поскольку противник о великой роли классовой теории в ведении войны, по-видимому, не знал и воевал не как надо, а как лучше.

В армейских «низах» это противостояние доходило уже до полного неприличия. В справке ГПУ по Западному фронту говорится: «Комсостав в своей среде сохранил старые привычки и замашки и третирует краскомов как лишний для армии элемент.. В 27 дивизии создались две группировки — офицерская и краскомовская; среди краскомов была даже тенденция убить одного из старых офицеров; атмосфера была разряжена после переброски части комсостава в другие места. В бронеполку Запфронта офицерский состав всячески выживает младший комсостав, краскомов и членов РКП(б)».

Впрочем, «новые» командиры успешно перенимали от «старых» и некоторые особенности прежней армии. Читаем ту же справку: «Случаи проявления грубости комсостава в обращении с красноармейцами, эксплуатация красноармейцев, использование их в качестве денщиков довольно распространены... Грубость комсостава в 3 пехотной запасной

школе вызвала сильное возбуждение курсантов, и только благодаря умелому подходу политсостава удалось избежать эксцессов. В продбазе ВХУ Запфронта начбазы и военком¹² требуют от красноармейцев и служащих стоять навтыжку и отвечать: “так точно” и “никак нет”. В бронеполку Запфронта красноармейцы одного дивизиона объявили голодовку вследствие грубости комсостава... Отмечено много случаев использования красноармейцев в качестве денщиков, нянек, поломоек и т.п...»

И конечно же, все время, от одной части к другой, неизменное: «Пьянство комсостава сильно распространено... В частях Запфронта пьянство также сильно распространено... В 16 армкорпусе пьянство сопровождается азартной и картежной игрой, что влияет разлагающе на красноармейцев. В 37 дивизии Запфронта имел место случай, когда пьяный начштаба одного из полков, обнажив шашку, кричал: “Бей жидов, спасай Россию”...»

Естественно, переведенная на мирное положение, звереющая от непривычного безделья армия была горючим материалом для любой антиправительственной деятельности. «В казармах эскадрона Белорусской дивизии отмечено распространение прокламации “Союза защиты родины и свободы”. Антисоветские группировки комсостава отмечены на Запфронте — одна монархическая в частях 4 армкорпуса и анархо-интеллигентская в 37 дивизии... В 6 кавдивизии отмечается резкое отрицательное отношение к коммунистам, в 32 полку раздавались заявления: “В случае войны будем бить коммунистов”. В частях связи имели место заявления, что в случае войны красноармейцы разбегутся или перейдут к белым. В 6 кавдивизии, 37 дивизии наблюдается рост антисемитизма... В 6 Чонгарской дивизии и 33 полку отмечены случаи отказа красноармейцев от исполнения распоряжений комсостава и падение дисциплины...»

И так по всем фронтам: рост антикоммунистических настроений, грубость, падение дисциплины — и пьянство, пьянство без конца... Пили все, от бойцов до командармов. Помощник начальника информотделения разведчасти Западного фронта Довбор был в 1920 году исключен из партии за то, что в пьяном виде явился на переговоры с поляками. Куда уж дальше!

С подвигами на «пьяном» фронте могли бы соперничать подвиги на «женском», если бы не определенная нехватка женщин в воинских частях. И все же...

¹² Военком — военный комиссар.

«В Приволжском военном округе помощник командира роты в пьяном угаре разделся сам и раздел проститутку, с которой начал плясать русского. Остальные подняли стрельбу из револьверов, подняв много шума...

В Уральском военном округе попойки носили характер оргии, где некоторые жены комсостава танцевали чуть ли не нагими. Была попойка специально женская, на которой присутствовали все жены комсостава 20-го полка. Попойка продолжалась танцами, дебошами, руганью, и дошло до того, что случайно попавший командир был повален на пол, были спущены брюки, и ему стоило много трудов вырваться оттуда неизнасилованным».

Впрочем, с «распушенностью» боролись, иногда не без успеха. В 1924 году партийная ячейка одного кавалерийского полка выдала следующий документ: «Заслушав доклад о коммунистической этике и классовой морали, постановили... воздержаться всем членам ячейки от половых сношений в течение двух лет для того, чтобы показать пример не на словах, а на деле беспартийным массам».

Развлекались, как могли. После окончания войны внезапно вспыхнула эпидемия дуэлей среди командиров. В 1925 году в РККА произошло около 90 дуэлей. Из них 60 — со смертельным исходом: «товарищ маузер» и «товарищ наган» оказались получше традиционных дуэльных пистолетов, да и стреляли из них по-фронтовому. Положенное наказание — до 6 лет лишения свободы — командиров, только что прошедших тяжелейшую войну, не останавливало. (Любопытно, что такая же вспышка произошла в советской армии после введения в 1942 году новой формы с погонами и прочими атрибутами старого офицерства. Но тут уж явление задавили на корню, по законам военного времени.)

...С другой стороны, война окончилась, и хотелось жить красиво. Тот самый Довбор, которого исключили из партии за то, что пьяным явился на переговоры, в 1923 году после службы переодевался в штатский костюм, надевал шляпу, брал тросточку и шел развлекаться. Как — история умалчивает, но, должно быть, гулял хорошо, если его по этой причине обратно в партию так и не приняли. Но это, так сказать, развлечения армейской мелочи. «Наверху» все обстояло куда круче. После разгрома Колчака бывший начштаба Южного фронта И.Х. Паука был назначен начальником штаба войск Киевского округа. Прибыв в Киев, он первым делом занял губернаторский дом, где принялся давать приемы, на которые приглашал военную и партийную верхушку. Верхушка туда с удовольствием ходила. Бывший помощник

Фрунзе В.А. Ольдерогге, ставший инспектором пехоты Украины и Крыма, привез с собой двух великолепных лошадей. Вскоре он стал устраивать на киевском ипподроме скачки, а его дочери держали там тотализатор, так что выручки хватало на красивую жизнь. Товарищи поняли революцию просто: были белые бары, а теперь будут красные бары, то есть мы...

Наверху кипела жестокая конкуренция за «места под солнцем» — мест было мало, особенно для «военспецов». Масла в огонь подлила новая политика большевиков, нацеленная на возвращение из эмиграции бывших белых офицеров. Их приглашали, обещая полное прощение и хорошую работу, и коллеги, которые прошли всю войну в рядах Красной Армии, видели в них естественных конкурентов. Впрочем, те далеко не всегда стремились связаться в эту борьбу.

В свое время Михаил Булгаков написал роман «Бег» — о судьбах белой эмиграции. Прототипом генерала Хлудова в нем послужил генерал Слащев, имевший во время Гражданской красноречивое прозвище «Слащев-вешатель». После окончания войны большевики провели целую операцию, чтобы вернуть его в СССР — нет, не затем чтобы свести счеты, а решив, что вслед за ним станут возвращаться и другие эмигрировавшие белогвардейцы. Слащев действительно вернулся в Россию, никто его здесь не трогал, он спокойно преподавал себе на курсах усовершенствования комсостава «Выстрел» до тех пор, пока в 1929 году его не прикончил брат кого-то из повешенных им.

Впрочем, несмотря на громадный авторитет в офицерской среде, приобретением Слащев оказался весьма сомнительным. Не знаем, каким он был педагогом, но вне школы он учил курсантов тому, в чем им совершенствоваться было не обязательно, да и не нужно — сами умели...

Один из его коллег по курсам, С. Харламов, когда его чекисты спросили, велись ли у Слащева антисоветские разговоры, честно сказал, что обстановка там была совершенно неподходящая не только для контрреволюционных, но и вообще для каких бы то ни было разговоров.

«И сам Слащев, и его жена очень много пили. Кроме того, он был морфинист или кокаинист. Каждый, кто хотел выпить, знал, что надо идти к Слащеву. Выпивка была главной притягательной силой во всех попойках у Слащева. На меня не производило впечатления, что все вечеринки устраиваются с политической целью: уж больно много водки там выпивалось». Дошло до того, что командование курсов категорически запретило бывшему генералу приглашать к себе в гости слушателей — не потому, что «бывший», а чтобы не спаивал командиров.

...В начале 1924 года комиссия ЦК РКП(б) обследовала состояние Вооруженных сил и пришла в ужас. «Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас в настоящее время нет. В настоящем виде Красная Армия небоеспособна».

С этой армией надо было что-то делать, причем быстро.

Почему-то принято думать, что угроза войны возникла с приходом к власти Гитлера, а до того все было мирно. Да ничего подобного! С приходом к власти Гитлера она даже отчасти уменьшилась на какое-то время, поскольку европейское сообщество отвлеклось на новую Германию и на время отвело взоры от Советского Союза.

Гражданская война закончилась в 1921 году, к 1924-му страна кое-как оклемалась, начала армейскую реформу — и тут же разведка стала сообщать кремлевскому руководству об усилении агрессивных планов западных соседей СССР, в первую очередь Англии и Польши. Причем «наиболее вероятным противником» считалась именно последняя.

С Польшей Россия грызлась традиционно, тысячу лет, с переменным успехом: то мы их, то они нас. В 1920 году победили они, и Советская Россия лишилась значительных территорий. Из войны обе стороны вышли неудовлетворенными: советская — по причине поражения и территориальных потерь, польская — оттого, что не удалось захватить больше (им бы и Киев отнюдь не помешал).

В 1926 году в Польше пришел к власти матерый антисоветчик Пилсудский. После этого подготовка к войне уже как-то и не скрывалась. Не зря большинство политических переговоров 20-х годов между СССР и Германией вертелось вокруг системы совместной обороны против Польши.

Что же касается Англии, то виды британцев на лес, нефть и другие многочисленные богатства России нисколько не переменились. Ну, а повод к неудовольствию найти нетрудно — например, деятельность товарищей из Коминтерна (вот только не надо говорить, что британцы не занимались подобной работой везде, где, как они считали, присутствуют их интересы).

Весной 1927 года в Китае, стране, где наиболее резко схлестнулись советские и британские интересы, проходит серия антисоветских провокаций, инспирированных англичанами. Самой громкой из них стал обыск в советском консульстве в Пекине, но имели место и другие. В мае британская полиция совершила налет на советское торговое

представительство в Лондоне, после чего последовал разрыв дипломатических отношений.

В СССР в ответ была объявлена «военная тревога». Советское правительство заявило, что англичане намерены развязать войну против Советского Союза — не сами, а силами сопредельных государств, что вполне в британском духе. Каждое из этих государств имело к СССР территориальные претензии. Польша зарилась на Украину, Финляндия на Карелию, румыны боялись, что придется возвращать Бессарабию, и т.д. Каждое из этих государств по отдельности было слабее СССР, но вместе они были сильнее. А когда 7 июня 1927 года в Варшаве был застрелен советский полпред, в воздухе явственно запахло порохом.

В 1927 году войны удалось избежать. Однако начавшийся в конце 20-х годов мировой экономический кризис вызывал еще большие опасения. Капиталистические государства вполне могли начать искать выход из кризиса на путях интервенции против СССР, чтобы решить свои экономические проблемы за наш счет. (Как известно, тогда это не удалось, зато было благополучно проделано в 90-е годы, на пороге нового кризиса, но уже без всякой интервенции.)

Само собой, в таких условиях и все антисоветски настроенные элементы внутри страны — а их было множество! — сразу подобрались. Ждали интервенции, которая снесет, наконец, ненавистную «хамскую» власть и, естественно, готовились встретить освободителей и по мере сил помочь им. Именно в 1927 году оппозиция, а также заговоры резко активизировались, и, в числе прочего, стали искать поддержку за рубежом.

Найти ее было нетрудно, тем более что за границей существовало множество «промежуточных» структур, охотно помогавших кому угодно в любых действиях против своей бывшей родины.

ГЛАВА 6 КОРНЕТ ОБОЛЕНСКИЙ ВОЙНУ НЕ ЗАКОНЧИЛ

...В начале 1990-х годов у нас много писали о судьбе поэта Николая Гумилева, который был расстрелян в 1921 году, по обвинению в участии в офицерском заговоре. Само собой, он считался безвинно умученным большевиками. Эти стенания продолжались до тех пор, пока в Санкт-Петербург не приехала старая поэтесса Одоевцева, в свое время хорошо знавшая Гумилева. И когда какая-то журналистка спросила ее, мог ли

Гумилев участвовать в заговоре — ожидая, само собой, очередной порции вздохов по поводу невинно убиенного поэта, — девяностолетняя Одоевцева, просяя от воспоминаний, радостно ответила: «А как же! Я нисколько не сомневаюсь!»

Современным интеллигентам не стоило бы мерить Гумилева по себе. Биография его специфична. Сын корабельного врача, учился в Сорбонне, к двадцати пяти годам совершил три путешествия в Африку, непонятно зачем и на какие деньги — впрочем, предполагают, что он работал на русскую разведку, и это очень в его духе. На войну Гумилев пошел добровольцем, и не куда-нибудь, а в войсковую конную разведку, известен был невероятной храбростью, получил два Георгиевских креста, произведен в офицеры. Воин и авантюрист, он сам писал о себе и таких, как он, в стихотворении «Мои читатели»:

«Я не оскорбляю их неврастением,
 Не унижаю душевной теплотой,
 Не надоедаю многозначительными намеками
 На содержимое выеденного яйца,
 Но когда вокруг свищут пули,
 Когда волны ломают борта,
 Я учу их, как не бояться,
 Не бояться и делать, что надо».

Мог ли такой человек тихо жить в Петрограде 1919 года и не ввязаться в борьбу? Он должен был или служить большевикам, или с ними бороться. Он выбрал последнее, проиграл и был расстрелян, как и положено по законам военного времени. Кто-нибудь из его любимых африканских вождей мог бы сказать: «Хорошая жизнь и хорошая смерть».

Такой подход к событиям был, в общем-то, типичен для офицеров, не принявших советскую власть. Еще до окончания Гражданской войны чекисты раскрыли целый ряд контрреволюционных организаций, в том числе знаменитый «Тактический центр», а также «Петроградскую боевую организацию», по делу которой и был расстрелян Гумилев. Или, скажем, существовала некая «Добровольческая армия Московского района», насчитывавшая 700 (!) бывших офицеров. Это надо знать, чтобы понимать, почему ВЧК — ОГПУ чуть что, сразу бралось за бывших офицеров царской армии. У них были для этого все основания!

Тем более что вторая часть российского офицерского корпуса, с не менее активной жизненной позицией, оказалась по ту сторону границы.

По ту сторону кордона

После Гражданской войны огромное число россиян оказались рассеянными по всему миру. Многие из них были хорошими патриотами, непримиримыми врагами большевизма и не желали мириться с поражением. Другие любили деньги. Третьи были просто безумны. Их интересы сошлись воедино, когда они выбрали борьбу с большевиками. Нашлось и достаточное количество «меценатов», щедро финансировавших любые действия против Советской России.

Сразу после революции крупные деятели русской промышленности, оказавшиеся в эмиграции, создали в Париже так называемый «Торгово-промышленный центр» (сокращенно Торгпром). В 1922 году, когда стало ясно, что власть большевиков не намерена обрушиться в ближайшие дни, в Торгпроме появился секретный совет. Цель его была проста и откровенна — организация борьбы с советской властью. В его состав вошли такие акулы бизнеса, как Густав Нобель, бывший владелец нефтяных предприятий, миллионеры братья Гукасовы, С.Г. Лионозов, С.Н. Третьяков и др. Все они сумели спасти свои капиталы от революции, поэтому в средствах Торгпром недостатка не испытывал.

Одним из видов деятельности секретного совета стало прямое финансирование террора. Ну, а когда есть деньги и заказ, то найти исполнителей — это уже технический вопрос.

Первой из эмигрантских террористических организаций — по времени и по известности — можно считать «Народный союз защиты родины и свободы», созданный знаменитым эсеровским террористом Борисом Савинковым в 1921 году в Варшаве. В его рядах было немало бывших офицеров, воевавших как в белой армии, так и в разнообразных бандах.

Базируясь в Польше, «Союз» перебрасывал на советскую сторону небольшие боевые группы, в основном состоявшие из уцелевших членов банд Булак-Балаховича (редкие были отморозки — даже по тем временам) и остатков сил белорусских буржуазных националистов из организации «Зеленый дуб». Деятельность «Союза» довольно «близко к тексту» показана в одной из серий фильма «Государственная граница».

Когда весной 1921 года красноармейцам удалось разгромить несколько крупных отрядов, выяснилось, что их начальники были переброшены на советскую территорию «Народным союзом защиты родины и свободы». В мае ВЧК раскрыла в Гомеле областной комитет «Союза», имевший отделения в разных городах Белоруссии и России, арестова-

ла несколько сот участников организации. Но до заграничных корней чекистам было не дотянуться.

Савинков, в свою очередь, решил превратить свой «Союз» во всероссийский антисоветский центр. Он заключил соглашения с эмигрантским петлюровским правительством, белорусскими националистами, казачьими антисоветскими группами. 13—16 июня 1921 года в Варшаве состоялся съезд «Народного союза», на котором присутствовал 31 человек, в том числе иностранцы: офицер французской военной миссии майор Пакелье, офицеры английской, американской военных миссий в Варшаве и офицер службы связи между министерством иностранных дел и военным министерством Польши Сологуб. В состав руководства «Союза» вошли братья Савинковы, а также деятель бывшего «Союза защиты родины и свободы» Диктоф-Деренталь, литератор профессор Философов, штабс-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка Эльвенгрэн, казачий полковник Гнилорыбов и др.

Савинковцы занимались не только террором. Почти все их агенты работали на польскую разведку. Сведения передавались в польский генштаб и французскую военную миссию, которые, в свою очередь, финансировали организацию. Внесли свой вклад и некоторые промышленники и капиталисты, которых склонил к спонсорству промышленник А.И. Путилов (не путать с Н.И. Путиловым, основателем одноименного завода, — тот давно умер).

На территории России и Белоруссии «Союз» создал целую сеть — областные комитеты, которые, в свою очередь, организовывали более мелкие подчиненные комитеты и ячейки, в том числе и в некоторых советских учреждениях и в частях РККА. Они должны были подготовить вооруженное выступление против советской власти. Однако организации не нашли социальной опоры на месте, и, кроме бандитских налетов, толком ничего савинковцам сделать не удалось. Весной 1921 года «Союз» пытался организовать покушения на Ленина, Чичерина и Раковского — не получилось. Затем его боевики были отправлены в Россию с заданием — по мере возможности проводить террористические акты в войсках. Несколько человек, каждый с двумя килограммами цианистого калия, купленного в варшавских аптеках и предназначенного для того, чтобы травить красноармейцев, были задержаны чекистами. В октябре 1921 года активистов «Союза», после многочисленных протестов советского правительства, выслали из Польши, и деятельность организации была парализована. Однако к его руководителю у советского правительства имелись старые счеты.

В 1922 году началась операция ОГПУ под названием «Синдикат», в ходе которой Савинкова заманили в СССР и арестовали. В 1924 году он был приговорен к 10 годам лишения свободы и спустя год покончил с собой в заключении. После его смерти организация распалась. Часть заграничных боевиков пополнила ряды РОВСа, часть занималась шпионажем, продавая свои услуги любому покупателю. Кому перешли по наследству агенты Савинкова внутри СССР, неизвестно.

...Как показал на допросе бывший штаб-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка террорист Эльвенгрен, в 1922 году представитель Торгпрома Павел Тикстон предложил ему создать антисоветскую группу. Вскоре он и Савинков встретились с Нобелем. На этом свидании последний говорил: «Мы люди коммерческие, нас интересует только активная борьба с большевизмом, и мы видим ее сейчас только в том, чтобы уничтожить всех главных руководителей этого движения. Внутри России мы бессильны что-либо совершить, но здесь мы можем при желании это сделать. Сделайте хоть одно дело, наш кредит к вам сразу вырастет и для дальнейшего... Сейчас, в связи с Генуэзской конференцией, нужно торопиться. Мы ассигновали на это дело пока 70—80 тысяч франков — только непосредственно на террористическую деятельность. Нас не интересуют мелкие служащие. Нас интересуют такие имена, как Красин, Чичерин».

В 1923 году в Лозанне эмигрант Конради убил полпреда СССР в Италии Воровского. В 1927 году другой эмигрант, Коверда, застрелил в Варшаве полпреда Войкова. В том же году эмигрант Тройкович пытался убить временного поверенного в делах СССР в Польше Ульянова, а год спустя было совершено еще одно неудачное покушение на полпреда в Вильнюсе Богомолова. В мае 1928 года Войцеховский покушался на советского торгпреда в Варшаве Лизарева, в 30-е годы Ярохин — на советского полпреда в Японии Юренева. Логика покушений была простая: даже если представителей СССР не часто удавалось убить, то, по крайней мере, можно заставить их бояться. Тем более что власти тех стран, где проходили теракты, относились к террористам чрезвычайно мягко. Конради и Ярохина, например, вообще оправдали.

А вот несколько самых крупных попыток индивидуального террора в СССР. В конце 1926 года готовилось покушение на председателя ЦИК УССР Петровского и председателя СНК УССР Чубаря. Примерно в то же время состоялось покушение на председателя ленинградского ОГПУ Мессинга. Покушавшийся, сын петлюровского полковника

Трубы, принадлежал к той же группе, что и организаторы «украинской» попытки. 12 марта 1927 года Гуревич, журналист, сын купца, пытался убить Бухарина в Большом театре. Он же готовил покушения на Рыкова и Сталина.

10 мая 1927 года была арестована группа бывших колчаковских офицеров, связанная с заведующим консульской частью британской миссии в Москве Уайтом (!). Группа готовила взрывы в Кремле и Большом театре во время какого-нибудь крупного собрания. Вскоре заместитель уполномоченного ОГПУ Белорусского военного округа Опанский погиб в подстроеной железнодорожной катастрофе. 16 августа 1928 года восемнадцатилетний Любарский покушался на Бухарина. В 1931—1932 годах террористическая организация генерала Хоршевского в Чехословакии готовила покушение на Сталина, а организация генерала Туркула в Югославии покушалась на Горького и Литвинова.

Особняком стоит известное нападение на советских дипкурьеров, состоявшееся в Латвии 5 февраля 1926 года. При этом один дипкурьер, Теодор Нетте, был убит, второй, Иоганн Махмасталь, сумел застрелить убийц, неких братьев Габриловичей, и отстоять диппочту. Как выяснилось только в наши дни, организаторами покушения являлись английский военный атташе в Риге Ллойд и офицер немецкой военно-морской разведки капитан-лейтенант Газе. В каких целях проводилась эта операция, что везли дипкурьеры — по-прежнему неизвестно.

Кадры для новой Гражданской

...Очень серьезной организацией был «Русский Общевоинский союз» (РОВС), созданный бывшими белогвардейцами в 1924 году. Эта крупная организация объединяла около 30 тысяч бывших военных. Формальным главой РОВСа являлся главнокомандующий русской армией за границей барон Врангель, что придавало Союзу некоторый оттенок легитимности. Фактическим же лидером организации стал генерал Кутепов.

С самого начала деятельность Союза мыслилась как временный переворот в гражданской войне в ожидании нового похода. РОВС, по замыслу его основателей, должен был представлять собой армию, переведенную на гражданское положение, разбросанную по разным странам, но сохранившую структуру и иерархию подчиненности, дисциплину, традиции. Всевозможные учебные курсы, свои органы печати помогали держать наличный состав Союза в боевой готовности. Неофициальным органом РОВСа был журнал «Часовой», основанный в 1929 году и просуществовавший до 1989 года.

Отделения РОВСа охватывали весь мир. Первый отдел — Франция с колониями, Италия, Польша, Дания, Финляндия, Египет. Второй отдел — Германия, Венгрия, Австрия, Данциг, Литва, Латвия, Эстония, Англия, Испания, Швеция, Швейцария, Персия. Третий отдел — Болгария и Турция. Четвертый — Югославия, Греция и Румыния. Пятый — Бельгия, Люксембург. Шестой — Чехословакия. Были и отделы на Дальнем Востоке во главе с генералом Дитерихсом, в Северной и Южной Америке, отделение в Австралии.

Так как возобновление гражданской войны затягивалось, генерал Кутепов сделал ставку на подпольную работу и террор, тем более что из СССР поступали сведения о мощной монархической организации, которая только и ждет помощи и руководства из-за границы. Генерал Врангель не поддержал подобные методы, опасаясь ОГПУ, — и был абсолютно прав. Опробовав метод создания подставной подпольной организации еще на Савинкове («Синдикат»), ОГПУ начало игру против РОВСа. Самой известной из операций этой игры стал пресловутый «Трест». В 1927 году один из «трестовцев», агент ОГПУ Опперпут, бежал за границу и разоблачил подставу. Для эмиграции это сообщение стало потрясением. До сих пор неясно, входило ли это разоблачение в планы ОГПУ или нет, порвал Опперпут с чекистами или оставался их агентом и после побега.

Пока существовал «Трест», его люди всячески удерживали эмиграцию от активных террористических действий в России. После разоблачения игры при РОВСе тут же возникает Союз национальных террористов во главе с Марией Захарченко-Шульц, известной по фильму «Операция “Трест”». (Кстати, фильм очень корректный и снят близко к реальности.)

Внутри страны организация Кутепова действовала в двух направлениях. Первое — установление связей с офицерами Красной Армии (многие из них были кадровыми офицерами царской армии, однокашниками и однополчанами ровсовцев) и подготовка военного переворота в Москве. Второе — так называемый «средний террор» (против советских и партийных учреждений.)

В союз ровсовских террористов, по воспоминаниям его активистов, входило около трех десятков боевиков. (На самом деле их было больше, однако конспирацию генерал Кутепов поставил неплохо.) Но даже три десятка — это немало, учитывая, что это люди, прошедшие войну и спецподготовку в эмиграции, пользующиеся полной поддержкой спецслужб сопредельных с Россией государств и не стесненные в средствах, прекрасно ориентирующиеся на русской территории... По открытым

источникам можно вычлениить следующие «походы» ровсовских боевиков в Россию:

7 июня 1927 года бывший капитан белой армии Виктор Ларионов, Дмитрий Мономахов и Сергей Соловьев бросили гранату в зале Ленинградского партклуба на Мойке. В это время в партклубе некто Ширвиндт, представитель философской секции научно-исследовательского института, читал лекцию об американском неореализме. В результате взрыва было ранено 26 человек, из них 14 — тяжело. Все террористы благополучно вернулись назад. При чем тут американский неореализм, так никто и не понял.

4 июня 1927 года Мария Захарченко-Шульц, Эдуард Опперпут и Юрий Петерс пытались взорвать здание общежития ГПУ на Малой Лубянке — неудачно. Бежали к западной границе, по дороге убили шофера и ранили несколько человек, но и сами погибли.

14—22 августа 1927 года Александр Болмасов, тоже бывший капитан царской армии, и Александр Сольский прошли по маршруту Финляндия — Карелия по направлению к Киеву с целью совершить там несколько террористических актов. С начала 20-х годов Болмасов восемь раз нелегально переходил границу. Девятый стал для него роковым. Оба были арестованы и через месяц расстреляны в Ленинграде.

14—26 августа 1927 года Александр Шорин и Сергей Соловьев шли по тому же маршруту. По дороге они убили лесника, но и сами чуть позже были убиты около Петрозаводска. В том же августе с территории Латвии границу перешли бывший мичман Николай Строевой, Василий Самойлов и Александр фон Адеркас. Строевой четыре раза нелегально бывал в СССР, а Самойлов — дважды. Все трое были арестованы. Строевой и Самойлов по одному процессу с Болмасовым и Сольским приговорены к высшей мере и расстреляны, Адеркаса приговорили к десяти годам. На суде выяснилось, что оружие и бомбы подсудимые получили от капитана финской армии Розенстрема, начальника разведки Второй дивизии. Он же обеспечил их и проводниками.

Как сообщала советская разведка, «в 1927 году Кутепов перед террористическими актами Болмасова, Петерса, Сольского, Захарченко-Шульц и др. был в Финляндии. Он руководил фактически их выходом на территорию СССР и давал последние указания у самой границы. По возвращении в Париж Кутепов разработал сеть террористических актов в СССР и представил свой план на рассмотрение штаба, который принял этот план с некоторыми изменениями. Основное в плане было: а) убийство Сталина; б) взрыв военных заводов; в) убийство руководи-

телей ОГПУ в Москве; г) одновременное убийство командующих военными округами — на юге, востоке, севере и западе СССР. План этот, принятый в 1927 году на совещании в Шуани, остается в силе. Таким образом, точка зрения Кутепова на террористические выступления в СССР не изменилась. По имеющимся сведениям, Кутепов ведет “горячую” вербовку добровольных агентов, готовых выехать в СССР для террористической работы».

4 июля 1928 года Георгий Радкевич и Дмитрий Мономахов прошли через Финляндию в Москву и 6 июля бросили бомбу в бюро пропусков ОГПУ. Обнаружены около Подольска. Радкевич застрелился, Мономахов сумел уйти.

31 мая — 25 июня 1928 года. «Бубнов» и «Могилевич» (настоящие имена неизвестны) совершили попытки покушения на Бухарина, Крыленко, взрыва здания МОПР. Все попытки неудачны. Оба террориста благополучно вернулись. Интересно, что одновременно на Бухарина вел охоту некий прибывший с территории Польши молодой человек. Столь усиленное внимание к персоне Николая Ивановича явно объясняется не его личными достоинствами, а тем, что он в это время возглавлял Коминтерн и считался крупным политическим деятелем. Не найдя Бухарина, юноша совершил-таки настоящий теракт: застрелил одного из руководящих работников Политуправления РККА.

В 1929 году несколько боевиков пытались пробраться в СССР с территории Польши. Этими группами руководил генерал-майор Харжевский. В октябре 1929 года в СССР проникли Александр Анисимов (трижды ходивший ранее), Владимир Волков и Сергей Воинов. В ходе рейда Анисимов застрелился, а Волков и Воинов вернулись в Польшу. Через месяц они вновь ходили в СССР. В декабре 1929 года перешел границу, был арестован и расстрелян бывший капитан Трофимов.

Это лишь те случаи, которые стали известны — очень малая, надводная часть айсберга. Например, эмигрантский автор Николай Виноградов в газете «Переключка» за 1963 год сообщил, что Захарченко-Шульц и Ко убили в том же году «главу минского ОГПУ Опанского, Наимского в Петербурге, Турова-Гинзбурга под Москвой, Орлова в самой Москве». Следов Наинского и Орлова найти не удалось, однако Туров-Гинзбург оказался персоной весьма интересной. Длительное время он был агентом иностранного отдела ОГПУ в Германии, а также человеком, через которого на Запад переправлялись деньги и драгоценности для финансирования компартий. Что же касается Опанского, то странным образом его гибель пришлось на тот самый день, 7 июня 1927 года, когда произошел

взрыв на Мойке и убийство в Варшаве советского полпреда Войкова. Может, у них в РОВСе был какой-нибудь праздник?

В 1924 году в Болгарии под руководством капитана Клавдия Фосса была сформирована тайная организация «Долг Родине», трансформировавшаяся в 1927 году в так называемую «внутреннюю линию» ровса. Эта организация также активно занималась засылкой людей в СССР, морем и через Румынию, и, похоже, гораздо более успешно, нежели это делалось на финском, прибалтийском и польском направлениях.

Чекисты относились к РОВСу очень серьезно и уделяли ему не в пример больше внимания, чем другим организациям. ОГПУ имело в окружении Кутепова своих людей. Узнав, что неудачи 1927—1928 годов не остановили неукротимого генерала, ОГПУ организовало похищение и убийство генерала Кутепова (по версии КГБ, опубликованной в открытой печати, он умер от сердечного приступа на судне во время транспортировки в Новороссийск).

Преемник Кутепова генерал Миллер, поначалу свернувший террористическую и шпионскую работу РОВСа, постепенно снова возобновил ее. Объяснялось это достаточно просто: спонсоры куда более охотно давали деньги под террор, чем под прочие виды деятельности. Кроме того, ровсовцы рассматривали своих террористов как детонатор будущего взрыва, который должен смести большевистскую власть с лица земли. В секретных документах РОВСа, которые стали известными ИНО ОГПУ, организация ставила перед руководством террористов задачу подготовки кадров для ведения партизанской войны в тылу Красной Армии в случае войны с СССР.

Итак, Миллер постепенно вернул организацию на прежний курс. Под руководством генерала Головина в Париже и Белграде были созданы курсы по переподготовке офицеров РОВСа, своеобразная «Академия Генштаба в изгнании». На курсах также проходила обучение военно-диверсионному делу эмигрантская молодежь. В 1931—1934 годах ОГПУ удалось захватить и обезвредить 17 террористов, заброшенных в СССР, и вскрыть 11 явочных пунктов в Москве, Ленинграде и Закавказье. Естественно, не все попытки проникнуть в страну приводили к арестам — часть людей, выполнив поставленную задачу, благополучно возвращалась.

В Белграде были созданы унтер-офицерские курсы для подготовки молодежи, а во Франции подготовкой диверсантов занималась сформированная Миллером в 1934 году организация «Белая идея». Она же

организовывала переброску боевиков через финскую границу. Руководил ею капитан Ларионов, тот самый, что бросил гранату в помещении партклуба. Чекисты предприняли ответные меры, и в 1937 году Миллер был похищен, вывезен в СССР и позднее расстрелян.

Организаций, подобных РОВСу, существовало множество, с более или менее красивыми названиями: «Братство русской правды», «Национально-трудовой союз нового поколения» и пр. В начале 30-х годов стали появляться и фашистские группы.

Естественно, эмигрантские организации поставляли всем европейским и прочим спецслужбам информацию и агентов на территории СССР. Весьма характерное признание по этому поводу сделал летописец русской эмиграции Михаил Назаров, который сам некоторое время был активным членом НТС. В своей книге «Миссия русской эмиграции» он пишет: «Работа на Россию могла вестись только при помощи штабов приграничных государств-лимитрофов, подконтрольных Антанте, — что в какой-то мере было продолжением связей времен гражданской войны». Стоит ли говорить, что штабы помогали русским не за просто так, а эмигрантам было не жалко и не трудно услужить покровителям.

Как писал в своих публикациях Борис Прянишников, в свое время руководивший нелегальной работой НТС, его организация и РОВС имели связь со штабами Финляндии, Польши, Прибалтики и Румынии, которые давали проводников для перехода границы, снабжали документами и оружием. Взамен от русских боевиков требовали передавать интересующую штабы информацию. Прянишников приводит пример сотрудничества НТС даже с японцами.

Во всех этих организациях важную, а часто и ведущую роль играли бывшие офицеры. У многих из них имелись в СССР сослуживцы и однокашники. Стоит ли удивляться, что ОГПУ регулярно начинало шерстить бывших царских (и не только царских) офицеров? В данном случае чекисты исходили из хорошо известного принципа: «Лучше перебдеть, чем недобдеть».

Чекисты и военные

...Забавно читать некоторые книги. Вот, например, работа Н. Черушева «Невиновных не бывает», посвященная взаимоотношениям ОГПУ и военных. Хорошее название. Сейчас мы узнаем о колоссальных расправах злобных чекистов над невинными жертвами.

И в самом деле: «Не будем скрывать, что в годы Гражданской войны нередки были случаи, когда карающая десница пролетарского правосудия опускалась на головы невинных людей, честных командиров Красной Армии, бывших офицеров, оболганных и оклеветанных подлыми доносчиками, завистниками, недоброжелателями. Достаточно сказать, что аресту и следствию подвергались по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации бывший главком Вооруженных сил Республики И.И. Вацетис, бывший помощник военного руководителя Высшего Военного Совета С.Г. Лукирский... и др. Названным лицам еще сравнительно повезло — после недолгого разбирательства их чекисты отпустили, и они продолжили свою службу в рядах Красной Армии...»

Погодите-ка! Если чекисты их отпустили, да еще «после недолгого разбирательства», то при чем тут «карающая десница пролетарского правосудия»? Кстати, и у нас сплошь и рядом в ходе следствия сажают людей в тюрьму, а потом освобождают, хотя нынче в России вроде бы демократия...

В той же книге тот же автор приводит конкретный пример работы начальника особого отдела группы войск Киевского направления Фомина. Пример, надо сказать, тоже крайне неудачный для целей автора. После взятия Киева в особый отдел попали фотографии, на одной из которых был запечатлен гетман Скоропадский со своим штабом. Среди изображенных там офицеров особисты опознали одного из заведующих отделом штаба их армии — должность, как сами понимаете, не из последних. И что же сделали звери-чекисты? Думаете, потащили несчастного полковника на допрос? Ничуть не бывало.

Сначала сообщили о неприятном открытии члену военного совета Щаденко и начштаба Дубовому. Потом подозреваемого полковника вызвали по какому-то делу, чтобы внимательно его рассмотреть и сравнить с фотографией. Вроде бы он! Но и после того его не арестовали — а вдруг все же ошибка! Сперва провели негласный обыск на квартире подозреваемого и, лишь обнаружив там секретные документы, взяли его. Полковник оказался офицером для особых поручений при гетмане Скоропадском, начальником нескольких карательных экспедиций, был заслан в красный штаб разведкой белых, а учитывая, сколько информации проходило через его руки... В общем, даже у насковзь ангажированного автора не хватило решимости записать его в «жертвы чекистов». Здесь другое: посмотрите, как тщательно проверяют особисты свои подозрения!

Не везде, наверное, было так. Поэтому мы и говорим, что для книги под названием «Невиновных не бывает» оба примера крайне неудачные. Можно было бы найти и получше.

...Но с историческими трудами бывает и еще веселей, так что уже не знаешь, плакать или смеяться. Возьмем, например, монографию Ярослава Тинченко: «Голгофа русского офицерства». Цитируем предисловие, написанное неким безымянным «редактором»: «После победы в гражданской войне сама по себе прошедшая служба в царской или белой армии, казалось бы, не должна служить поводом для репрессий. Однако ВЧК, а затем и ОГПУ не только продолжали тщательно следить за бывшими офицерами, но время от времени арестовывали кого-то из них... Действия, предпринимавшиеся ОГПУ по отношению к бывшим офицерам, не ограничивались их учетом и “разработкой”. Имели место и случаи арестов с предъявлением обвинений в контрреволюционной деятельности...»

Забавно, что в голову господина редактора даже не заглядывает та простая мысль, что причиной для ареста может послужить не «сама по себе служба в царской или белой армии», а сама по себе «контрреволюционная деятельность», в которой арестованных обвиняют.

Но это еще что! Дальше он начинает приводить примеры. В ходе перечисления «зверств большевиков» рассказывается о расстреле в 1927 году двадцати человек, из которых двенадцать были бывшими офицерами. Делалось все абсолютно гласно, легально, в «Правде» об этом прошло сообщение за подписью Менжинского. Затем на нескольких страницах книги приводятся стенания некоего чешского «осведомленного дипломата» Й. Гирсы, который видит в этом расстреле начало нового «красного террора», повествует в донесении своему правительству о казнях, о переполненных тюрьмах, о том, что советское правительство «хочет жестко подавить всякую попытку сопротивления и тем самым опять держать широкие массы в состоянии ужаса, чтобы сделать их легче управляемыми».

Да, но затем автор приводит имена тех, кто взошел на эту «голгофу». Не будем перечислять всех, они все ребята веселые. Назовем «номер второй», поскольку он хорошо известен по некоторым другим делам. Это Эльвенгрэн, бывший штаб-ротмистр гвардейского кирасирского полка. Как пишет автор: «ему вменялось в вину организация Ингерманландского и Карельского восстаний в 1918—1919 гг., подготовка вместе с Сиднеем Рейли покушения на делегацию СССР на Генуэзской конференции, участие в контрреволюционных организациях, в крон-

штадтском мятеже, причастность к убийству В.В.Воровского». Кроме того, как мы знаем и сами, штаб-ротмистр кирасирского полка Эльвенгрэн был в числе руководства савинковского «Союза защиты родины и свободы», террористической организации, перебрасывавшей боевиков на советскую территорию.

И ничего себе, «невинная жертва»!

Есть все-таки подозрение, переходящее в уверенность, что те «широкие массы», которые лично сталкивались с деятельностью господина Эльвенгрэна, приветствовали его казнь киданием шапок в воздух, а дай им возможность — так и сами бы руку приложили. Особенно население пограничных районов, где гуляли савинковские банды.

Кстати, вопрос об этом расстреле и об отношении к нему Запада был затронут даже на Пленуме ЦК и ЦКК. По этому поводу выступал сам Сталин. Что великолепно доказывает: никаких репрессий в СССР в то время не было. Потому что когда идут репрессии, вопрос о двадцати расстрелянных террористах на таком уровне не решается. В 1934 году, после убийства Кирова, с тогдашними террористами разобрались на местном уровне в течение нескольких дней и без всякого шума.

Репрессий не было, а дела — были! Не очень много, но и не мало. Иные — совершенно безумные, такие, как арест нескольких сотен морских офицеров после Кронштадтского восстания, из-за которых военный наркомат и сам нарком насмерть переругались с чекистами. Иные вполне правдоподобные.

Вспомним еще раз: во все времена и во всех обществах офицеры были кастой. Еще в первой половине 20-х годов Деникин опубликовал мемуары под названием «Очерки русской смуты», где писал о тех своих товарищах, которые пошли на службу к большевикам: «Почти все они находились в сношениях с московскими центрами и Добровольческой армией. Не раз к нам поступали от них запросы о допустимости службы у большевиков... Они оправдывали свой шаг вначале необходимостью препятствовать германскому вторжению, потом “недолговечностью большевизма” и стремлением “кабинетным путем” разработать все вопросы по воссозданию русской армии и пристроить так или иначе голодных офицеров...»

То есть, как видим, во времена Гражданской войны многие ощущали себя все еще частью единого русского офицерского корпуса. И если это ощущение сохранилось даже тогда, когда они были по разную сторону фронта, то уж точно потом никуда не делось.

После окончания войны бывшие царские офицеры потихоньку начали возрождать старые традиции. Уже с 1922 года стали появляться «полковые землячества», все чаще нынешние красные командиры вспоминали, кто в каком училище учился: «павлоны», «александроны» и пр. С ностальгией вспоминали о старых обычаях, даже нашивали на гимнастерки канты прежних полков.

Или, например, «георгиевские вечера» генерала Снесарева. На них приглашались лишь георгиевские кавалеры из высшего царского офицерства — генералы и полковники. Собирались в штатском, но непременно с орденом Св. Георгия. Когда один из генералов пришел с орденом Красного Знамени, ему мимоходом «поставили на вид», что это знак Сатаны. Ну и разговоры велись соответствующие, и у чекистов мог возникнуть вполне законный вопрос: на чью сторону станут эти люди в случае новой войны?

Таких «землячеств», «кружков», вечеров устраивалось множество. Естественно, разговоры за чаем не считались криминалом, но все же ОГПУ потихоньку присматривало за бывшими офицерами, особенно за кадровыми. Причем их не только проверяли на «благонадежность», но, главным образом, отслеживали другие вещи: связи с предполагаемым белым подпольем и с границей. В ОГПУ эти материалы были собраны в деле «Генштабисты», где фигурировало более 350 человек. Далеко не всех даже арестовывали, не говоря уж об осуждении — например, того же Тухачевского еще десять лет никто не трогал (может, и зря, кстати...). Это был просто сбор информации — в основном с помощью осведомителей, именно присматривали, не более того... Но кое-какую информацию получали.

Некоторые сведения о деятельности подполья в СССР удалось собрать в эмигрантских кругах в ходе таких дел, как «Трест», «Синдикат» и других. На чувстве прежнего товарищества строил важную часть своей работы РОВС. Пользуясь старыми знакомствами, засланные в СССР агенты Кутепова устанавливали связи с офицерами Красной Армии и готовили военный переворот в Москве. Эмиссары РОВСа не так уж и рисковали, обращаясь к старым товарищам. Их могли принять или послать восвояси — но не донести, поскольку внутри касты понятие чести было не пустым звуком. Теперь это называется корпоративной солидарностью, а тогда честью — и честь офицера не позволяла бежать в ГПУ.

Так все и шло потихоньку до 1930 года, когда грянуло дело «Весна».

«Весна» тревоги нашей

Как ни странно, о нем до сих пор писали очень мало, хотя конъюнктурно оно крайне выгодно «реабилитаторам» — целая волна арестов офицеров, да еще в начале 30-х годов, да еще с расстрельными приговорами. Возможно, не заинтересовало оно господ из «Огонька» и иже с ними потому, что эти люди не были им близки, то есть не относились к интеллигенции и «старым большевикам», возможно, и иная тому причина. Как бы то ни было, дело «Весна» не трогали очень долго.

В чем же оно заключалось?

В 1930—1931 годах в СССР прошли крупные аресты, в основном среди бывших кадровых офицеров царской армии. Арестовано было более 3000 человек. Само собой, дело считается полностью сфабрикованным — тем более что как раз в это время в ОГПУ вспыхнул очередной крупный скандал, из тех, что время от времени сотрясали ведомство, и одна часть славного аппарата обвинила другую его часть в фальсификации дел. Склока была такой, что потребовалось вмешательство Политбюро. В первую очередь этим обвинением припечатали как раз украинских чекистов, ведущих дело «Весна».

Вообще-то тут черт ногу сломит. По первому впечатлению это дело представляет собой репрессии 1937 года, так сказать, в миниатюре. Судя по объективным обстоятельствам и по началу, в основе «Весны» лежит какое-то реальное дело о реальном заговоре, на которое наслоилося много всякой дряни. Тут и излишнее усердие следователей — а представление о законности и правопорядке в органах в те времена было весьма своеобразное. Тут и война группировок в Красной Армии, где противостояли друг другу кадровые офицеры и «красные командиры», а также «группы влияния» крупных военачальников — и все они делали друг другу разнообразные пакости, в том числе с привлечением этих самых органов. Тут и сведение самых различных счетов: виновные могли оговаривать и запутывать в дело тех, кто отказался сотрудничать, невинные — приплетать личных врагов... Но некие тенденции все же прослеживаются.

...До сих пор неясно, что именно дало толчок делу «Весна», но началось оно в 1930 году и, по некоторым данным, именно на Украине. Какое-то время оно тлело себе потихоньку, а затем в один и тот же день — 14 августа 1930 года — в Москве и других городах прошли аресты бывших белых генералов и офицеров. То, что большинство арестов состоялось в один день, показывает, что дело не «разматывали», начиная

с какого-нибудь доноса, а говорит о долгой предварительной работе ОГПУ, которое отслеживало организацию. Многие из арестованных были реэмигрантами — в частности, например, Ю. Гравицкий, участник Ледяного похода 1918 года, человек, достаточно близкий к лидеру РОВС генералу Кутепову. (Кстати, именно в это время сам генерал был похищен чекистами — весьма интересное совпадение.)

Арестованным вменялись в вину подготовка вооруженного восстания и шпионаж. 31 человек приговорили к расстрелу — очень много для такой группы! — и все приговоры были приведены в исполнение, что для того времени не совсем типично.

Что там могло быть? Это нетрудно угадать, если вспомнить, в какое время все произошло. Август 1930 года, в самом разгаре коллективизация и связанный с нею террор. Кажется, еще чуть-чуть — и вспыхнет новая гражданская война. Только что закончился XVI съезд партии, на котором дан очередной бой правой оппозиции. И вдруг, внезапно, в самое горячее время, правительство разъезжается по отпускам, и каким — на два-три месяца. Конечно, они и на отдыхе работали — и все же как-то уж очень это похоже на то, что они не уехали, а удалились из Москвы в безопасное место. И, кстати, для оппозиции вполне естественно в случае поражения на съезде перейти к силовым действиям. Любое восстание в СССР было чревато неизбежной интервенцией.

И вот после этого стало раскручиваться дело «Весна».

Известно, что самые массовые «репрессии» по нему пришлось на Киевский военный округ. По уровню напряженности его можно было в то время сравнить разве что с Дальневосточным: здесь рядом была Польша, там — Япония. Если ждать интервенции, то, скорее всего, именно тут, на плодородной Украине, и сейчас, на пике коллективизации.

Всего в округе по делу «Весна» проходило 343 человека. В киевском гарнизоне арестовали 150 человек, из них обвинительное заключение было составлено на 121 человека. В Киеве вообще было все серьезно. Впрочем, чтобы не быть голословными, лучше процитируем Н. Черушева.

«В чем же обвиняли бывших генералов и офицеров? Какие из существенных обвинений им могли приписать? Конечно же, в первую очередь подготовку восстания сначала в Киеве, а затем и по всей Украине. Характерная деталь, разработанная “стратегами” из ОГПУ: восстание в Киеве должно было начаться с выступления стрелковых полков 14-го стрелкового корпуса при подходе к городу иноземных войск. В роли участников восстания, по версии ОГПУ, должны были выступать быв-

шие офицеры, домовладельцы, представители интеллигенции и часть студенчества. Таких “повстанцев” в Киеве к маю 1931 г. ОГПУ “выявило” и арестовало 740 чел. Около половины из них “оказались” бывшими офицерами царской армии...

Руководство таким восстанием в Киеве ОГПУ “возложило” на бывшего генерал-майора В.А. Ольдерогге, главного военного руководителя гражданских киевских вузов. Для удобства руководства Киев был разделен на секторы — “районные контрреволюционные организации” с назначенными руководителями. Всех повстанцев предполагалось вооружить за счет оружия военных кафедр гражданских вузов (это 200—250 винтовок, 5—6 пулеметов и до 100 тысяч патронов к ним). Оружие также должны были выделить полки 45-й и 46-й стрелковых дивизий и в первую очередь 135-й стрелковый полк».

А теперь давайте сравним этот отрывок с другим — с рассказом о восстании, которое готовилось на отошедших к Польше российских территориях в 1924 году, навстречу предполагаемому походу Красной Армии. Вот как описывает то, что получилось в результате, Г. Беседовский: «Главная работа... проводилась органами Разведупра, создавшими вдоль польско-советской границы ряд специальных пунктов. Эти пункты... создали на польской Волыни большую боевую организацию, включавшую в свои ряды около десяти тысяч человек. Организация эта была создана по военному образцу: она делилась на полки, батальоны и роты, которые должны были служить кадрами развернутых повстанческих частей после первых успехов восстания...»

Ну и что, скажите, такого уж невозможного в обвинениях по делу «Весна»?

Кстати, Владимир Александрович Ольдерогге — человек очень серьезный, не какой-то там отставной интендант. Его боевой путь начался еще в русско-японскую войну. В Первую мировую он командовал пехотным полком, бригадой и затем Туркестанской пехотной дивизией. В Гражданскую некоторое время командовал Восточным фронтом, затем был командующим войсками Западно-Сибирского военного округа. Как раз там-то и применялся наиболее широко метод «встречных» восстаний, когда город иной раз сам падал в руки подходящих красных частей.

Ольдерогге признался в том, что был руководителем контрреволюционной организации, приговорен к расстрелу и действительно расстрелян, что в то время бывало не так уж часто. Даже приговоренных к высшей мере казнили далеко не всегда. Обычной практикой являлась замена высшей меры наказания десятью годами заключения, которое,

как правило, даже не отбывали полностью. Через несколько лет заключенного освобождали. Если приговор приводили в исполнение, для этого должны были существовать очень серьезные основания.

По сведениям Я. Тинченко, всего в УВО осуждено 328 командиров и еще почти столько же взято на учет ОГПУ. Из них одни были вскоре уволены из армии по политическому недоверию, другие переведены во внутренние округа, подальше от польской границы.

Прошли аресты бывших офицеров и в других округах. Форменный погром устроили в Военной академии им. Фрунзе, еще в некоторых высших военных учебных заведениях. Правда, смертных приговоров выносилось мало. Обычный срок — пять лет, иногда десять, с почти неизбежным досрочным освобождением. Так в то время часто поступали с ценными специалистами, замешанными в какой-нибудь антигосударственной деятельности. Как правило, одного раза хватало, чтобы навсегда отбить охоту к подобным вещам. (Многие из этих людей, впрочем, были арестованы и расстреляны позднее, во время ежовщины. Но это уже совсем другие «органы» и совсем другая история.)

Дело, как видим, непонятное, смутное. С одной стороны, учитывая обстановку в стране и вокруг нее, что-то подобное неминуемо должно было возникнуть. С другой стороны, почти все оно строилось на агентурных данных и показаниях арестованных, других доказательств практически не имелось. И если человек ни в чем себя виновным не признавал, то у него были хорошие шансы отбиться от следователей, как отбилсь Верховский, бывший военный министр Временного правительства. Был ли он замешан в чем-либо или нет — но он непоколебимо настаивал на своей невинности и после трех лет следствия вышел на свободу. С третьей стороны, такие дела — степной простор для разного рода «липачей». С четвертой, тогда в органах ОГПУ еще не были. О том же самом Верховском Черушев пишет, что ему «грозили неминуемым расстрелом в случае дальнейшего запирательства, обещая всего лишь три-четыре года тюрьмы, если он “разоружится”, то есть признает себя виновным... Следователь Николаев не раз обещал согнуть его в бараний рог и заставить на коленях умолять о пощаде...»

Уж на что не любит ОГПУ Ярослав Тинченко, и тот вынужден признать, что если подследственные держались стойко, то у следователей ничего не выходило. «Затем были арестованы преподаватели “Выстрела” из бывших белогвардейцев: полковник Б.А. Козерский, подполковник В.К. Головкин, поручик И.В. Медведков. Но и они ничего “интерес-

ного” сообщить следствию не пожелали: пьянки, мол, были, “Боже, Царя храни” иногда пели, лясы точить — тоже было, но чтобы состоять в контрреволюционной организации — ни-ни. Не дал “нужных” показаний и арестованный 18 февраля 1931 года в прошлом полковник Генштаба и именитый красный командарм С.Д. Харламов, теперь занимавшийся скромной преподавательской работой. Его взяли на основе показаний ряда лиц, что Харламов, мол, бывший помещик и очень богатый человек, а главное — тоже любитель попеть старый русский гимн. Но Харламов вообще ни в чем не признался и в конце концов был приговорен к 3 годам тюрьмы условно, причем сразу же по выходе из тюрьмы восстановлен на всех должностях. В общем, с “Выстрелом”... у ОГПУ не сложилось».

Вот и спрашивается: что же говорили и почему признавались те, с кем у ОГПУ «сложилось»? Вопросов по персоналиям дела «Весна» больше, чем ответов. А вот по самому делу так не скажешь. Выглядит оно довольно убедительно, уже хотя бы по той причине, что что-то подобное в данной внутривосточной и международной ситуации неминуемо должно было возникнуть. Ну жизнь так устроена!

Кстати, в деле «Весна» имели место два маленьких эпизода, которые дошли до самых верхов и рассматривались членами Политбюро. Касались они двух высших чинов тогдашней военной иерархии — начальника штаба РККА Б.М. Шапошников и начальника Ленинградского военного округа, бывшего начальника штаба М.Н. Тухачевского.

На первого показал помощник начальника штаба УВО Бежанов-Сакварелидзе. Будучи арестован, заговорил он сразу же, в тот же день — то есть ни о каком прессинге не может быть и речи, и говорил много.

«Первое мое свидание с Шапошниковым на почве контрреволюционной работы было осенью 1928 года во время маневров в Киеве. Здесь Шапошников сообщил мне, что настроение за границей, особенно во Франции, в определенных кругах все больше обостряется по отношению к Советскому Союзу, что в этих кругах все решительно готовятся к интервенции и что во французском генштабе план этой интервенции якобы уже проработан». Затем он заявил, что Шапошников собирался поднять восстание, чтобы помочь интервентам.

Дело дошло до самых верхов, и 13 марта 1931 года состоялась очная ставка Бежанова и Шапошникова в присутствии Сталина, Молотова, Орджоникидзе и Ворошилова. Надо сказать, что Борис Михайлович

отбился от всех обвинений — и неудивительно, если обвинения были такими. Помогла эта очная ставка и арестованному бывшему начальнику Бежанова С.А. Пугачеву, которого после нее освободили.

А вот показания на второго из высших советских чинов, проходившего по делу «Весна», куда более интересны. Заговорил о нем полковник Какурин, преподаватель Военной академии РККА, сказав буквально следующее:

«В Москве собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки¹³. В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский... В момент и после XVI съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклона и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслится как военная диктатура, приходящая к власти через вышеупомянутый правый уклон...

Далее Михаил Николаевич говорил, что, наоборот, можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы. Я не исключаю возможности, сказал он, в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические, и личные разгораятся настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы. Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина...

У Мих. Ник., возможно, есть какие-то связи с Углановыми, возможно, с целым рядом других партийных или околопартийных лиц, которые рассматривают Тухачевского как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией. Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все случившееся, я не исключаю и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности».

Похожие показания дал и друг Какурина И.А. Троицкий.

Дело кончилось, опять же, очной ставкой в присутствии Сталина, где оба арестованных повторили те же показания.

В тот раз история завершилась ничем. Тухачевского решили не трогать. Но что тут важно: еще в то время он заговорил о военной диктатуре

¹³ Мелихова-Морозова, любовница полковника Какурина.

как некоей «высшей ступени». Далеко не каждую голову посещают подобные мысли. И об убийстве тоже — в таком контексте такие предположения просто так не делаются...

ГЛАВА 7 СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ В РЕАЛЬНОСТИ «ЗАГОВОР ГЕНЕРАЛОВ»?

...Первым ту мысль, что никаких преступлений расстрелянные генералы не совершали, а Сталин попросту уничтожил цвет Красной Армии, вбросил в мировое информационное поле все тот же неумный Троцкий, и мировая пресса тут же принялась склонять ее на все лады. Уже 17 июня 1937 года германское посольство в Париже сообщало в свой МИД: «В связи с кровавым приговором нет ни одной газеты... которая решилась бы найти слова оправдания для самого действия. Трудно верить обоснованию приговора из-за чудовищности обвинения».

Троцкий, как журналист, отлично знал, на какой именно пахучий кусочек клюнут газеты. В самом деле, ну кого в 1937 году можно было удивить военным заговором — хоть удавшимся, хоть неудавшимся? В Испании вовсю чудил генерал Франко, далеко не одинокий воин — по Европе катился целый вал государственных переворотов, большей частью профашистских. Подбитый на взлете заговор — это, конечно, неплохая сенсация, но куда романтичней и тревожней — невинные жертвы, загадка, туман событий и мотивов, в котором так хорошо ловить рыбку тиражей. Неудивительно, что газеты клюнули и из обычного, в общем-то, заговора принялись лепить политический роман.

Затем идею Троцкого, уже из своих соображений, подхватил Хрущев и принялся развивать дальше. Третий пик обсуждения проблемы пришелся на 90-е годы, и там тоже были свои конъюнктурные соображения, не имеющие ничего общего с исторической правдой.

Однако никто из тех, кто с воздеванием рук и придыханиями пишет о «необоснованных репрессиях», так и не смог объяснить, зачем это понадобилось Сталину. Если подходить к делу цинично, то Сталин мог «в порядке чистки» перестрелять своих политических противников: в конце концов, толку от этой публики было крайне мало, так что потеря для державы невелика. Но чтобы просто так, накануне надвигающейся войны, уничтожить высший командный состав собственной армии — надо быть безумцем. Сталин безумцем не был, никогда и ни в чем.

...28 июня 1937 года Джозеф Дэвис, посол США в Москве, отправил президенту Рузвельту телеграмму: «В то время как внешний мир благодаря печати верит, что процесс — это фабрикация... мы знаем, что это не так. И может быть, хорошо, что внешний мир думает так».

Нет, определенно, что-то там было.

Но что?!

Суэта вокруг «красной папки», или Как Гейдрих Сталина обдурил

О спецслужбах сказок сочинено не меньше, чем о чертях. В числе распространенных и совершенно непотопляемых легенд — история о «красной папке», вот уже полвека кочующая по страницам прессы, словно фамильное привидение по этажам замка. Какую книгу ни открой — если она хотя бы каким-то боком касается 1937 года, немецких спецслужб или маршала Тухачевского — «красная папка» тут как тут. Каждый автор считает своим долгом повторить старую сказочку о злоредном Шелленберге, глупом Бенеше и легковерном Сталине, о том, что компромат на Тухачевского подсунили «вождю народов» немецкие спецслужбы и он вот так прямо взял да и поверил...

Кто запустил эту версию в оборот? В Советском Союзе она всплыла в ходе хрущевской реабилитации. Ранее достаточно подробно она описывается в изданных вскоре после войны мемуарах бывшего руководителя зарубежной разведки фашистской Германии Вальтера Шелленберга. Мемуары разведчиков редко имеют отношение к тому, чем они на самом деле занимались, — баек в них, как правило, куда больше, чем информации. А уж запихнуть туда несколько популярных легенд, чтобы книжка лучше продавалась, — самое милое дело... (Кстати, бравый начальник немецкой разведки славился среди коллег любовью к невинным розыгрышам.)

Наш легендарный разведчик, генерал-лейтенант Павел Судоплатов, пишет:

«Миф о причастности немецкой разведки к расправе Сталина над Тухачевским был пущен впервые в 1939 г. перебежчиком В.Кривицким, бывшим офицером Разведупра Красной Армии, в книге “Я был агентом Сталина”. При этом он ссылаясь на белого генерала Скоблина, видного агента ИНО НКВД в среде белой эмиграции. Скоблин, по словам Кривицкого, был двойником, работавшим на немецкую разведку. В действительности Скоблин двойником не был. Его агентурное дело

полностью опровергает эту версию. (Более того, нынешние сотрудники службы внешней разведки числят его одним из лучших агентов за всю историю этой службы. — *Авт.*)

Выдумку Кривицкого, ставшего в эмиграции психически неустойчивым человеком, позднее использовал Шелленберг в своих мемуарах, приписав себе заслугу в фальсификации дела Тухачевского».

Впрочем, не то важно, кто сказку придумал, а то, сколько народу в нее поверило. На Западе она до сих пор гуляет по книжкам о спецслужбах, а у нас долгое время вообще была официальной версией.

Если собрать воедино перемещающуюся вот уже пятьдесят лет из издания в издание информацию, то выглядит эта история так...

...16 декабря 1936 года в Париже белоэмигрант, бывший царский генерал Скоблин сообщил представителю немецкой разведки, что в СССР готовится военный заговор, во главе которого стоит первый заместитель наркома обороны маршал Тухачевский, и что верхушка заговорщиков находится в контакте с генералами вермахта и разведывательной службы. Сообщение, в общем-то, вполне правдоподобное. Такой информации в то время, разным адресатам и по разным каналам, поступало немало.

Получив сообщение Скоблина, начальник службы безопасности Германии СД (аналог нашего КГБ) Гейдрих... Предоставим дальше слово Шелленбергу:

«...Правда, Скоблин не смог представить документальных доказательств участия германского генералитета в плане переворота, однако Гейдрих усмотрел в его сообщении столь ценную информацию, что счел целесообразным принять фиктивное обвинение командования германского вермахта, поскольку использование этого материала позволило бы приостановить растущую угрозу со стороны Красной Армии...

Янке (сотрудник аппарата Гейдриха — *Авт.*) предостерегал Гейдриха от поспешных выводов. Он высказал большие сомнения в подлинности информации Скоблина. По его мнению, Скоблин вполне мог играть двойную роль по заданию русской разведки. Он считал даже, что вся эта история инспирирована. В любом случае, необходимо было учитывать возможность того, что Скоблин передал нам планы переворота, вынашиваемые якобы Тухачевским, только по поручению Сталина. При этом Янке полагал, что Сталин при помощи этой акции намеревается побудить Гейдриха, правильно оценивая его характер и взгляды, нанести удар командованию вермахта, и в то же время уничтожить генеральскую «фронду», возглавляемую Тухачевским, которая стала для него обузой;

из соображений внутрипартийной политики Сталин, по мнению Янке, желал, чтобы повод к устранению Тухачевского и его окружения исходил не от него самого, а из-за границы. Свое недоверие Янке обосновывал на сведениях, получаемых им от японской разведки, с которой он поддерживал постоянные связи, а также на том обстоятельстве, что жена Скоблина, Надежда Плевицкая, была агентом ГПУ...

Гейдрих не только отверг предостережение Янке, но и считал его оружием военных, действовавшим беспрекословно в их интересах, конфиденциально все его материалы и подверг трехмесячному домашнему аресту...»

Короче говоря, Янке решил, что это все — провокация Сталина, который хотел, чтобы Гитлер расправился со своими генералами и дал ему повод расправиться со своими. А Гейдрих посадил его под арест и начал действовать. Он довел дело до сведения Гитлера. Фюрер почему-то не стал трогать собственных генералов, зато решил расправиться с их советскими партнерами. После того, как вождь германского народа решил судьбу советского маршала, коварные немецкие спецслужбисты начали готовить провокацию.

«...В соответствии со строгим распоряжением Гитлера, — продолжает Шелленберг, — дело Тухачевского надлежало держать в тайне от немецкого командования, чтобы заранее не предупредить маршала о грозящей ему опасности. В силу этого должна была и впредь поддерживаться версия о тайных связях Тухачевского с командованием вермахта; его как предателя необходимо было выдать Сталину. Поскольку не существовало письменных доказательств таких тайных сношений в целях заговора, по приказу Гитлера (а не Гейдриха) были проведены налеты на архив вермахта и на служебное помещение военной разведки... (Имелся в виду секретный архив вермахта, где хранились документы “Спецотдела R”, организации рейхсвера, которая в 1923—1933 годах курировала дела с Россией. — *Авт.*). На самом деле, были обнаружены кое-какие подлинные документы о сотрудничестве немецкого вермахта с Красной Армией. («Досье» содержали записи бесед между немецкими офицерами и представителями РККА, в том числе Тухачевским. — *Авт.*) Чтобы замести следы ночного вторжения, на месте взлома зажгли бумагу, а когда команды покинули здание, в целях дезинформации была дана пожарная тревога.

Теперь полученный материал следовало надлежащим образом обработать. Для этого не потребовалось производить грубых фальсификаций, как это утверждали позже; достаточно было лишь ликвидировать “пробелы” в беспорядочно собранных воедино документах. Уже через

четыре дня Гиммлер смог предъявить Гитлеру объемистую кипу материалов. После тщательного изучения усовершенствованный таким образом “материал о Тухачевском” следовало передать чехословацкому генеральному штабу, поддерживавшему тесные связи с советским партийным руководством. Однако позже Гейдрих избрал еще более надежный путь. Один из его наиболее доверенных людей, штандартенфюрер СС Б., был послан в Прагу, чтобы там установить контакты с одним из близких друзей тогдашнего президента Чехословакии Бенеша. Опираясь на полученную информацию, Бенеш написал личное письмо Сталину. Вскоре после этого через президента Бенеша пришел ответ из России с предложением связаться с одним из сотрудников русского посольства в Берлине. Так мы и сделали. Сотрудник посольства тотчас же вылетел в Москву и возвратился с доверенным лицом Сталина, снабженным специальными документами, подписанными шефом ГПУ Ежовым. Ко всеобщему изумлению, Сталин предложил деньги за материалы о “заговоре”. Ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Гейдрих не рассчитывали на вознаграждение. Гейдрих потребовал три миллиона золотых рублей — чтобы, как он считал, сохранить “лицо” перед русскими. По мере получения материалов он бегло просматривал их, и специальный эмиссар Сталина выплачивал установленную сумму. Это было в середине мая 1937 года... 4 июня Тухачевский после неудачной попытки самоубийства был арестован...

Часть “иудиных денег” я приказал пустить под нож, после того как несколько немецких агентов были арестованы ГПУ, когда они расплачивались этими купюрами. Сталин произвел выплату крупными банкнотами, все номера которых были зарегистрированы ГПУ».

Другие источники дополняют Шелленберга некоторыми пикантными подробностями. Например, Гейдрих будто бы, перед тем как начать действовать, заявил: «Даже если Сталин хотел просто ввести нас в заблуждение этой информацией Скоблина, я снабжу дядюшку в Кремле достаточными доказательствами того, что его ложь — это чистая правда». Хотя «дядюшка» — это скорее в духе наших англоязычных союзников, которые называли Сталина «дядюшка Джо».

Так состоялась эта суперсделка, в ходе которой фальшивое досье было продано за меченые деньги.

Не будем пускаться в высокую аналитику — нет нужды. Изъянов, видимых невооруженным глазом, у этой романтической сказки и без того предостаточно.

Самый мелкий из них — тот подмеченный Виктором Суворовым факт, что переписать номера золотых рублей при всем желании невозможно, так как монеты номеров не имеют. Ну да ладно, спишем на то, что немецкий генерал золото с червонцами перепутал. Зачем ему вообще рубли понадобились? Мог бы фунты спросить... Но, согласитесь, если немецкие спецслужбы все-таки требуют рубли, а потом не могут найти им легального употребления, то это диагноз под названием «клиническая глупость». И такие спецслужбы обыграли Сталина? Не говоря уже о том, что запись разговоров, сделанную одной стороной, не примет в качестве доказательства даже сержант отделения милиции, не говоря уж о советской контрразведке.

Следующий изъясн — побольше. Пресловутая «красная папка», великолепный козырь в руках обвинения, не фигурировала ни на процессах 1937 года, ни позже. Ни в следственных, ни в судебных делах арестованных нет даже упоминаний об этих документах, их нет в архивах ЦК КПСС, архивах Советской армии, ОГПУ—НКВД — их нет нигде. Никто этой папки в глаза не видел, в руках не держал и даже не слышал, чтобы кто-то видел или держал. Объясните, какой смысл платить колоссальную сумму в три миллиона рублей за компромат, судьба которого — испариться сразу по получении?!

Судоплатов, работавший в то время в НКВД, пишет:

«Как непосредственный куратор немецкого направления наших разведорганов в 1939—1945 гг. утверждаю, что НКВД никакими материалами о подозрительных связях Тухачевского с немецким командованием... не располагал. Сталину тоже никто не направлял материалов о Тухачевском по линии зарубежной разведки НКВД.

В архиве Сталина были обнаружены данные о том, что так называемые компрометирующие материалы об амбициях Тухачевского, поступившие из-за рубежа, были не чем иным, как выдержками из материалов зарубежной прессы...»

Более того, есть данные, что немцы не только не делали фальшивки под названием «красная папка», но и были не в состоянии ее изготовить. Дадим слово генерал-майору в отставке Карлу Шпальке, который в то время был начальником отдела «Иностранные войска Восток» в германском генеральном штабе.

«Ни господин Гейдрих, ни СС, ни какой бы то ни было партийный орган не были, по-моему, в состоянии вызвать или только запланировать подобный переворот — падение Тухачевского или его окружения. Не хватало элементарных предпосылок, а именно, знания организа-

ции Красной Армии и ее ведущих личностей. Немногие сообщения, которые пересылались нам через «абвер 3» партийными инстанциями на предмет проверки и исходившие якобы от заслуживающих доверия знатоков, отправлялись нами почти без исключения обратно с пометкой «абсолютный бред»!¹⁴

При подобном недостатке знаний недопустимо верить в то, что господин Гейдрих или другие партийные инстанции смогли-де привести в движение такую акцию, как афера Тухачевского. Для этого они подключили якобы еще и государственных деятелей третьей державы — Чехословакии. И напоследок немыслимое: о подготовке, проведении и в конечном результате успешном окончании столь грандиозной операции не узнал никто из непосвященных! Другими словами: вся история Тухачевский — Гейдрих уж больно кажется мне списанной из грошовой детективной, историей, сконструированной после событий на похвалу Гейдриху и СС, с пользой и поклонением Гитлеру».

Теперь о президенте Чехословакии Бенеше, который будто бы передал компромат Сталину. Если так, то он человек совершенно невероятной выдержки — держал в руках документ такой важности и даже в него не заглянул. Потому что есть свидетельство, что до рокового июня 1937 года он не имел о «заговоре Тухачевского» ни малейшего представления.

По крайней мере, это следует из письма, которое прислал советский посол в Праге Александровский 15 июля 1937 года, уже после «процесса генералов»:

«...Усиленные разговоры о возможности чехословацко-германского сближения... относятся к началу этого года. В конце апреля у меня был разговор с Бенешем, в котором он неожиданно для меня говорил, почему бы СССР и не договориться с Германией, и как бы вызывал этим меня на откровенность... Весь этот период я решительно опровергал какую бы то ни было особую нашу связь с Германией.

Мой последний разговор (3 июля 1937 г. — *Авт.*) ... разговор с Лауриным 13.VII (Лаурин — доверенное лицо Бенеша. — *Авт.*), мне кажется, не оставляет на этом фоне сомнений в том, что чехи действительно имели косвенную сигнализацию из Берлина о том, что между рейхсвером и Красной Армией существует какая-то особая интимная связь и тесное

¹⁴ Шпальке утверждает лишь то, что знаний о Красной Армии не было у СС и партийных органов, но отнюдь не то, что их не было у немцев вообще. Наоборот, если генеральный штаб рейхсвера был в состоянии анализировать поступающую информацию, значит, у него-то эти знания как раз имелись.

сотрудничество. Конечно, ни Бенеш, ни кто бы то ни было другой не могли догадаться о том, что эта сигнализация говорит об измене таких крупных руководителей Красной Армии, как предатели Гамарник, Тухачевский и др. Поэтому я легко могу себе представить, что Бенеш делал из этих сигналов тот вывод, что советское правительство в целом ведет двойную игру и готовит миру сюрприз путем соглашения с Германией... Никто из нас не понял и не мог понять этого смысла поведения Бенеша и его клеветы Лаурина, не зная о том, что против нас работает банда изменников и предателей. Зная же теперь это, мне становится понятным очень многое из тех намеков и полупризнаний, которыми изобиловали разговоры со мною не только Лаурина, Бенеша, Крофты, но и ряда других второстепенных политических деятелей Чехословакии».

Из этого письма следует, что Бенеш никаким посредником в передаче «красной папки» быть не мог. Иначе его бы так не волновали странные советско-германские контакты.

Да, сказок о спецслужбах придумано не меньше, чем о чертях...

Предупреждали! И еще как предупреждали!

Это для газет «заговор генералов» грянул, как гром посреди ясного неба. Лукавят и те, кто говорит, что сведения о заговоре поступали в НКВД и правительство только в 1937 году от уже арестованных оппозиционеров. Информация о некоей формирующейся «военной партии» в СССР приходила еще в середине 20-х годов.

Едва закончилась Гражданская война, эмигрантские газеты начали поговаривать о «заговоре в Красной Армии». А нечто, напоминающее информацию о «заговоре Тухачевского», впервые поместила еще в феврале 1924 года белоэмигрантская газета «Руль». Комментируя события 1923 года, она писала:

«Выступление Троцкого против “тройки” заставило ее насторожиться против тех военных начальников, которые особенно близки к председателю Реввоенсовета. Среди них видное место занимает Тухачевский, командующий Западным фронтом и имеющий пребывание в Смоленске. Тухачевскому был предложен перевод в Москву, чтобы держать его под непосредственным надзором. Хотя перевод был сопряжен с повышением, но и от позолоченной пилюли Тухачевский отказался. Тогда ему предложение было повторено в ультимативной форме, а Тухачевский вновь категорически отказался. «Тройка» кипит

негодованием, но ничего поделать не может. Не идти же походом на Смоленск!»¹⁵

История (мы обратимся к ней несколько позже) действительно вышла колоритная и хорошо отражающая уровень дисциплины среди командного состава Красной Армии. Антураж там был иной, не политический — но эмигрантам так хотелось переворота в СССР, что они поневоле выдавали желаемое за действительное. Тем более в эмигрантских тусовках собиралась все та же демократическая публика, которая мыслить иначе, чем политически, просто не умела.

Тогда же в Париже заседал так называемый Русский национальный комитет, и там тоже много говорилось о военном перевороте и установлении «красной диктатуры», а в качестве предполагаемого диктатора также называли Тухачевского.

Генерал фон Лампе, резидент РОВСа в Берлине, в январе 1924 года встречался с неким большевиком «Арсением Грачевым» (само собой, имя не настоящее). 30 января он отправил в парижскую штаб-квартиру РОВС секретную справку, в которой говорилось:

«По заслуживающим доверия сведениям, проехавший недавно через Берлин в Париж коммунист Арсений Грачев... сообщил, что в толще Красной Армии имеется значительная организация, поставившая себе целью производство переворота в стране и в самой армии. Группа эта основной своей противоправительственной пропаганды ставит выступление оппозиции против еврейского засилья и в силу одного этого не примыкает к оппозиции, возглавляемой Троцким, и действует не только независимо, но и против него. Возглавляется группа командующим Западным фронтом, бывшим подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка Тухачевским, находящимся с Троцким лично в неприязненных отношениях. Находится вся организация в Смоленске, где расположен штаб Западного фронта»¹⁶.

Так что, как видим, в 1923 году белые эмигранты уже всюю раскручивали Тухачевского как будущего «красного Бонапарта». И не без оснований.

Уже в 1925 году один из секретных агентов ОГПУ сообщал о двух течениях среди кадровых офицеров: «монархическом» и «бонапартистском» и отметил, что вторые группировались вокруг Тухачевского. В 1926 году было установлено агентурное наблюдение за «кружком бонапартистов».

¹⁵ Цит. по *Минаков С.* Сталин и его маршал. М., 2004. С. 203–204.

¹⁶ Там же. С. 208 – 210.

Пока что ни о каком заговоре речь не шла — просто кружок друзей, центром его был Тухачевский, которого все они рассматривали уже как политическую фигуру. Но в Кремле слишком хорошо знали историю и помнили, чем закончилась французская революция. Поэтому чекисты особо присматривали за всеми сколько-нибудь видными военачальниками, и в первую очередь за Тухачевским — учитывая его характер и громкую славу.

Впрочем, с газет многого не возьмешь, ибо врут они отчаянно — как теперь, так и тогда. Однако по другим, более серьезным линиям тоже шла информация о том, что в военной среде весьма и весьма неблагополучно.

...Дивный документ был составлен в 1964 году. Подготовлен он по заказу Хрущева специальной комиссией по реабилитации жертв политических репрессий во главе со Шверником и называется «Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене родине, терроре и военном заговоре». Документ, само собой, абсолютно оправдательный, а дивен он тем, что безымянным исполнителям этого заказа, по-видимому, очень уж противно оказалось его выполнять. Все-таки они были профессионалами! Поэтому при чтении «Справки» все время вспоминается слово «саботаж». А как еще назвать тот случай, когда приводится множество подлинных фактов — выдержек из следственных дел, данных разведки, а потом все это прикрывается фразами вроде: «Можно сказать, что все эти сведения были частично сознательной дезинформацией, выдуманной самими агентами, частично дезинформацией, поступившей из германских разведывательных органов...» — ну и так далее, по желанию заказчика. А в 1997 году (не в 1991-м, заметьте!) сей документ был опубликован — по сути, послужив доказательством, что «заговор генералов» на самом деле существовал. До того времени подозрения такие имелись, но все как-то фактов не хватало. А теперь их вывалили прямо-таки огромную кучу, в том числе и секретнейшие материалы разведки.

Германия

...Во-первых, конечно, если где за границей должны были знать о заговоре — так это в Германии, поскольку в 20-х годах между Красной Армией и рейхсвером контакты были теснейшие. Ну, уж в этой-то стране наши разведчики чувствовали себя как дома! Оттуда, по разным

каналам, сведения о формирующейся в СССР так называемой «военной партии» начали поступать еще с 1926 года. Хотя, конечно, разведка — дело сложное, там идет такая игра информации и дезинформации... Вот, например, достаточно обычная ситуация: в июне 1929 года немецкий журналист Гербинг, которого упорно подозревали в связях с германской разведкой, сообщает агенту ОГПУ Зайончковской, что С.С. Каменев и Тухачевский работают в пользу Германии по заданиям германского генштаба, «причем Каменев работает давно и активно, а Тухачевский очень вяло».

Информация серьезная, но... Пикантные подробности всей этой истории в том, что Зайончковская была задействована в деле «Трест», а РОВС к тому времени уже раскрыл эту операцию — точнее, ее сдал бежавший за границу чекист. А теперь данные для решения задачи: перебежчик мог назвать Зайончковскую в числе агентов ОГПУ, а мог о ее связях с чекистами и не знать; РОВС мог передать сведения о Зайончковской немецкой разведке, а мог и не передать. Наконец, сам Гербинг мог быть связан с разведкой, а мог быть всего лишь достаточно информированным лицом, которое не предупреждают о раскрытых агентах ОГПУ. А то и просто мог, по журналистскому обычаю, трепаться. Вот и ищи в такой обстановке шпионов!

Однако у разведки есть и методы, чтобы разобраться, гонит постоянно работающий источник дезинформацию или же нет. Донесения между тем идут одно за одним, и чем дальше, тем серьезней. В марте 1934 года Зайончковская сообщает:

«Гербинг говорит, что ему известно, что существует заговор в армии, точнее, среди высшего комсостава в Москве, и еще точнее, среди коммунистов высшего комсостава. Заговор имеет пока целью убийство Сталина, уничтожение существующего сейчас Политбюро и введение военной диктатуры. Конкретная работа заговорщиков должна начаться в недалеком будущем. Происходящие в данное время аресты — последние конвульсии ГПУ, не могут беспокоить армию, т.к. в ее среде не могут иметь место аресты».

Последняя фраза любопытна. «Происходящие аресты» — это, надо понимать, разборки с оппозиционными группировками. Почему же они не могут затронуть армию? Потому что армия неприкасаема? Чепуха, дело «Весна» показало, что это не так. Потому что военный заговор к тому времени уже оторвался от своих политических союзников? Или же он опирался на какие-то другие круги, не затронутые этими разборками? В то время сажали в основном троцкистов — за зинovieвцев взяли лишь после убийства Кирова, до которого еще

девять месяцев, а Енукидзе попал в поле зрения органов вообще в начале 1935 года.

2 мая 1934 года Зайончковская сообщает: «В командном составе Красной Армии, по словам Гербинга, в самых верхах имеется уже реальная измена соввласти с смягчающими ее конкретность видоизменениями по нисходящей линии. Помимо этого в командном составе Красной Армии идет совершенно самостоятельное, самобытное, так сказать, явление в виде скрытого кипения».

Если перевести на нормальный русский язык, это означает, что в армии существует заговор, который формируется сверху, а снизу, ему «навстречу», поднимается недовольство офицеров. Может быть, существуют ситуации и опасней для государства, чем эта, но сразу как-то не сообразить, какие именно.

Дальше немецкий журналист пускается в рассуждения. «Что такое большевики для русской армии? Это враги, а тот, кто не враг, тот уже по существу и не большевик. Тухачевский — не большевик, им никогда и не был, Уборевич — тоже. Каменев тоже. Не большевик и Буденный. Но их выбор, сказал как бы про себя Гербинг, пал на Тухачевского».

А вот тут самое любопытное — это коротенькое словечко: «их». Кого — их? Армейских заговорщиков? Их политических партнеров? Или «друзей» из-за границы?

А 9 декабря того же 1934 года Зайончковская сообщает: «Из среды военных должен раздаться выстрел в Сталина... выстрел этот должен быть сделан в Москве и лицом, имеющим возможность близко подойти к т. Сталину или находиться вблизи его по роду служебных обязанностей».

На этом рапорте начальник Особого отдела ГУГБ (Главного управления государственной безопасности) НКВД Гай пишет: «Это сплошной бред глупой старухи, выжившей из ума. Вызвать ее ко мне». И, что интересно, сомневается начальник Особого отдела (то есть военной контрразведки) не в Гербинге, он сомневается в Зайончковской. Какие у него на это основания? Бессмертный аргумент: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»?

Кстати, Зайончковская — не просто информатор ОГПУ, а дочь бывшего царского генерала, сыгравшего в свое время ведущую роль в пресловутом «Тресте» — он там числился главарем МОЦР, так что семья «с заслугами». Была она в то время отнюдь не старухой, да и в ее умственной полноценности вроде бы никто никогда не сомневался...

А теперь давайте еще раз взглянем на дату. 9 декабря 1934 года. Неделю назад был застрелен Киров. И как же реагируют «органы» на ин-

формацию, что кто-то из высокопоставленных военных, с самого верха, должен совершить террористический акт против Сталина?

Нет, что ни говори, чекисты в то время вели себя чрезвычайно странно...

Впрочем, о заговоре в РККА сообщала далеко не одна Зайончковская. Множество сведений шло и из самой Германии.

...В Берлине у ИНО ОГПУ существовал агент «А-270», среди информаторов которого имелся другой агент, под псевдонимом «Сюрприз». Люди это были посерьезнее журналиста и дочери генерала. Оба — профессиональные разведчики. «А-270» — барон Курт Позаннер, австриец, один из руководителей разведки НСДАП. «Сюрприз» — Адольф Хайровский, летчик, участник Первой мировой войны, в 1932 году работал внештатным экспертом по делам авиации в абвере — военной разведке Германии.

В 1932 году «Сюрприз» сообщил, что беседовал с доверенным лицом абвера Германом фон Бергом, и тот поведал ему о своей встрече с советским военным атташе в Берлине Яковенко. Атташе рассказывал о «военной партии» в СССР, которая «стоит на антикапиталистической платформе, но в то же время национальна и хочет отстранить евреев от руководства государством». (Это какие же евреи в 1932 году руководили Советским Союзом? Делать переворот ради того, чтобы убрать Кагановича?) Атташе утверждал, что сам состоит членом этой партии, — стало быть, знает, о чем говорит...

Вскоре «Сюрприз» сообщает новые данные: «Идеологической головой этого течения Берг называет “генерала Турдеева”. Турдеев якобы бывший царский офицер, около 46 лет, в этом году (1932) приезжал в Германию на маневры. Турдеев в штабе Ворошилова является одним из наиболее ответственных организаторов Красной Армии... Берг говорит, что Турдеев произвел на него впечатление определенного националиста».

То есть советский военный атташе тут уже ни при чем. Берг, оказывается, сам знает этого генерала, даже, по-видимому, лично с ним общался и лишь чуть-чуть «прикрывает» его, меняя фамилию (на маневры советские военачальники приезжали под собственными именами, и никакого Турдеева среди них не было).

В других донесениях называются другие варианты псевдонима «генерала Турдеева»: Тургалов, Тургулов, Тургуев. На одной из копий донесения в ОГПУ кто-то синим карандашом написал: «Тухачевский».

Впрочем, это еще ничего не значит, поскольку неизвестно, кто написал и на каких основаниях...

И в самом деле, в 1932 году на маневры в Германию приезжала целая делегация высокопоставленных советских военных, во главе с Тухачевским. А всего у наших немецких друзей в этом году побывало 33 работника штаба Ворошилова. Впрочем, как впоследствии оказалось, вычислили-то «Тургуева» без труда, и это на самом деле был Тухачевский. И... ОГПУ благополучно похоронило эту информацию.

...Летом тревога стала серьезней. В июне 1933 года в ОГПУ поступили сообщения от агента «А-256» («Августа»), как специально подчеркивалось в донесении, источника проверенного и осведомленного. В них говорилось, что среди заговорщиков есть люди из окружения Сталина. Тут уже и авторы хрущевской справки сбиваются на серьезный тон.

«В июне — июле 1933 г. тот же агент сообщил, что германское правительство не только связано, но и совместно работает со сформированным уже будущим русским правительством, что это правительство в ближайшее время произведет переворот в СССР.. Агент сообщил, что Геббельс поддерживает “национально-большевистскую” группировку в русском контрреволюционном лагере. Она имеет значительное количество своих сторонников в крестьянстве, в Красной Армии и связана с видными работниками Кремля — оппозиционерами, которые добируются экономических реформ и падения Сталина».

Но и это еще не все. Дальше — больше. Тот же «А-256» сообщает о беседе Гитлера с польским послом, где обсуждался «восточный вопрос». Оба государства увязывали свою предполагаемую политику с планами переворота в СССР. Агент утверждал, что в СССР существуют две организации — «польская» и «немецкая» — то есть завязанная на Польшу и на Германию, и эти организации собираются объединиться.

Мило, не правда ли? Но ведь это еще не все...

В декабре 1934 года в НКВД поступила информация от агента «Венера» — о том, что германские национал-социалисты совместно с троцкистами разрабатывают террористические планы и что эта совместная организация имеет в СССР много сторонников, в основном, в Красной Армии. Учитывая запаздывание информации — пока еще она, через всех связанных, доберется до Москвы, можно отнести эти разговоры к ноябрю. А ведь 1 декабря был убит Киров, и НКВД так и не раскопал (точнее, не стал раскапывать), какую роль во всем этом играет германское консульство, глава которого в тот же день покинул Ленинград. Так что, возможно, это и вправду была попытка переворота... (Кстати, нет

уверенности, что за границей так уж хорошо различали оппозиционные группировки в СССР — тем более что они к тому времени объединились. Их вполне могли называть по тому единственному лидеру, который на весь мир кричал о своем подполье.)

В сентябре и декабре 1936 года опять-таки агент «А-256» сообщил, что в заговоре участвует маршал Блюхер, который симпатизирует Германии, и что недовольство правительством в Красной Армии возросло. Были сведения и о том, что Блюхер намерен добиваться отделения Дальнего Востока от Советской России...

Да, но почему же тогда по этим данным ничего не предпринималось? (Забьем вперед: судя по тому, как развивались события, правительство почти до самого конца, до весны 1937 года, не имело сведений о том, что в армии существует группа заговорщиков.) Да потому не предпринималось, что большая их часть так и погибла в недрах ОГПУ.

Бывший начальник Третьего отделения ИНО ОГПУ¹⁷ Отто Штейнбрюк, который разрабатывал агентурное дело о «военной партии», на допросе в 1937 году рассказывал, что «генерал Тургуев» довольно быстро был идентифицирован как Тухачевский.

О том же 27 мая 1937 года, тоже на допросе, говорил и бывший начальник ИНО Артузов: «Одним из ценнейших работников был агент № 270 — он выдавал нам информацию о работе в СССР целой военной организации, которая ориентируется на немцев и связана с оппозиционными элементами внутри компартии... Ведь еще в 1932 году из его донесений мы узнали о существующей в СССР широкой военной организации, связанной с рейхсвером и работающей на немцев. Одним из представителей этой организации, по сообщению 270-го, был советский генерал Тургуев — под этой фамилией ездил в Германию Тухачевский».

Это он в 1937 году так заговорил, а в 1932-м все было иначе. Штейнбрюк вспоминал, что «эти материалы были доложены Артузову, а последним — Ягоде, причем Ягода, ознакомившись с ними, начал ругаться и заявил, что агент, давший их, является двойником и передал их нам по заданию германской разведки с целью дезинформации. Артузов также согласился с мнением Ягоды и приказал мне и Берману больше этим вопросом не заниматься». Ну, и как это понимать?

«Артузов, в свою очередь, объяснял, — продолжает Штейнбрюк, — что имя Тухачевского было легендировано по многим делам, что его

¹⁷ ИНО ОГПУ — Иностранный отдел ОГПУ, советская политическая разведка.

представляли как заговорщика бонапартистского типа, и нет никакой уверенности в том, что полученные сведения не являются эхом тех самых дезинформаций ОГПУ. Существование заговора в СССР, в особенности в Красной Армии, едва ли возможно — так говорил Артузов».

Однако не кажется ли вам поведение чекистов несколько странным? Получив информацию огромного государственного значения, что обязан сделать нормальный разведчик? Естественно, доложить ее «наверх», сопроводив, если надо, своими соображениями о надежности источника и пр. Но так вот, «ругаясь», отметить информацию с порога — не слишком ли много на себя берет шеф ОГПУ?

Интересно, правда? Но это еще что! Дальше будет веселее...

Вернемся к «А-270» — барону Курту Позаннеру. Этот профессиональный разведчик, член НСДАП, в ноябре 1931 года сам пришел к сотруднику нашего полпредства с предложением работать на советскую разведку. Свое решение он объяснял тем, что попал в немилость к руководству и решил таким образом ему отомстить. А может быть, просто хотел заработать — кто его знает... Разведчики трудятся далеко не в белых перчатках и агентов не выбирают — а если и выбирают, то отнюдь не по моральным качествам.

Составители «Справки», обрабатывая заказ, характеризуют его плохо, равно как и «Сюрприза», — но им так положено. Зато авторы шеститомной «Истории советской внешней разведки», не связанные никакими руководящими указаниями, как Позаннера, так и Хайровского относят к наиболее ценным агентам ИНО ОГПУ.

Весной 1933 года Позаннер трагически и загадочно погиб. В марте он был арестован немецкой полицией, однако через несколько дней освобожден, и сразу же после освобождения таинственно убит. Его сильно обезображенный труп с несколькими ножевыми и огнестрельными ранениями был найден в лесу около Потсдама. После его смерти связь с «Сюрпризом» была потеряна, и восстановить ее так и не сумели.

А непосредственно перед убийством Позаннера в нашей политической разведке произошло небольшое кадровое перемещение. Из Берлина был отозван резидент по странам Западной Европы Абрам Слуцкий, и после его устранения поток информации о деятельности «военной партии» в СССР прекратился. И как раз после отзыва Слуцкого из Берлина, спустя краткое время, был убит Позаннер. А в следственном деле Артузова есть вполне прозрачные намеки, что за убийством «А-270» стояли наши оперативники из ИНО ОГПУ.

Интересная получается вещь: стоило заменить резидента, и один агент, информировавший о наличии в СССР «военной партии», таинственно погибает, а связь с другим прервана, и возобновить ее не удается, хотя прекрасно известно, кто он такой. Только в 1935 году, когда Артузова переводят в военную разведку, а начальником Иностранного отдела ОГПУ становится Слуцкий, работа по «военной партии» снова активизируется.

...В конце концов вспомнил об этом деле и Артузов. В конце января 1937 года, когда он уже был снят с поста заместителя начальника Разведупра и дело явно близилось к аресту, он отправил Ежову записку, в которой доложил о старых донесениях «Сюрприза» по поводу «военной партии», а заодно приложил к записке список «бывших сотрудников Разведупра, принимавших активное участие в троцкизме», показав себя, тем самым, банальным стукачом. Так бесславно закончилась карьера одного из самых заметных советских чекистов...

...О неких нежелательных процессах в Красной Армии писал из Берлина корреспондент «Правды» А. Климов (точнее, один из лучших наших разведчиков, работавший в Берлине под правдинской «крышей»). Письма эти не проходили через ОГПУ — редактор газеты Мехлис передавал их непосредственно Сталину. Так, например, в письме от 16 января 1937 года говорилось: «Мне стало известно, что среди высших офицерских кругов здесь довольно упорно говорят о связях и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве. Этим делом по личному поручению Гитлера занимается будто бы Розенберг. Речь идет о кружках в Кр., Ар., объединяющих антисемитски и религиозно настроенных людей. В этой связи называлось даже имя Тухачевского... Источник, на который сослался мой информатор: полковник воздушного министерства Линднер. Он монархически настроенный человек, не симпатизирует нац.-соц., был близок к Секту и принадлежит к тем кругам военных, которые стояли и стоят за соглашение с СССР».

Линднер был не просто «полковником», а работником разведки ВВС Германии. От него Климову стали известны и кое-какие другие любопытные вещи: об аресте маршала Тухачевского немецкий военный атташе сообщил в Берлин уже через несколько часов, хотя арестован маршал был в Куйбышеве. На каких же верхах сидели немецкие информаторы? И далее Климов сообщает: Линднер сказал, что устранение Тухачевского и других хоть и потрясло германские военные круги, одна-

ко это не очень страшно, «так как у Германии остались еще в Красной Армии весьма влиятельные друзья, которые будут работать и впредь в том же направлении».

Были и другие сообщения. Кое о чем можно только предполагать. Например, 9 февраля 1937 года чешский посол в Берлине сообщил президенту Бенешу следующую информацию: «...Граф Траутмансдорф... сообщил с одновременной просьбой сохранять эти сведения в тайне, что действительной причиной решения канцлера о переносе переговоров является его предположение, основывающееся на определенных сведениях, которые он получил из России, что там в скором времени возможен неожиданный переворот, который должен привести к устранению Сталина и Литвинова и установлению военной диктатуры».

Если эти сведения получила чешская разведка, то почему их не могла получить и советская?

Или еще пример: Виттиг, немецкий журналист и гестаповский агент, в 1934 году сообщил своим хозяевам об информации, полученной от генерала Людендорфа, — мол, после 1933 года сотрудничество рейхсвера и Красной Армии продолжалось, причем «приобрело политический характер и было направлено против государств, подписавших Версальский договор». А вот это уже очень интересно! Сотрудничество военных помимо правительств? Их политический альянс против других стран? Входит ли в число этих стран Германия — ведь она тоже подписала Версальский договор?

Польша

Впервые имя Тухачевского появилось в донесениях из этой страны по поводу абсолютно анекдотическому. 29 и 30 января 1928 года вдруг вся польская пресса сообщила о восстании Красной Армии, о том, что четыре дивизии идут на Москву и ведет их Тухачевский. Из польской прессы сведения попали в английскую, затем снова перепечатывались поляками, уже со ссылками на англичан. Галиматъя полная. Но почему-то в этой галиматье вылезло имя Тухачевского, а не кого-то еще. Или они никого другого не знали?

А теперь кое-что посерьезней. В Польше работал агент Винценты Илинич, поставлявший информацию по самым важным политическим вопросам. Человек это был достаточно сложный. В свое время один из руководителей «Польской организации войсковой» (разведки Пилсудского), он с начала 20-х годов работал на СССР — сначала на военную

разведку, потом на ИНО ОГПУ. Работал хорошо, сообщал информацию как по внешнеполитическому, так и по внутреннему положению СССР, — в частности, сведения о тайных организациях на территории СССР, таких как «Трудовая крестьянская партия» и пр. Давал достоверную информацию о политических намерениях польского правительства. Позже выяснилось, что бесценный Илинич с 1932 года был двурушником — работал еще и на польскую разведку. Однако его информация оказывалась, как правило, правдивой (ведь все сообщения проверяются и перепроверяются). В 1936 году Илинича арестовали, вскоре осудили и расстреляли. Странный это был человек. Так и осталось непонятным, на кого он работал, что в его биографии правда, а что ложь. Но не в этом дело, а дело в том, что он, даже будучи перевербованным поляками, давал верные сведения.

Так вот, в 1932 году Илинич сообщал о некоей политической партии, действовавшей в СССР. По его сведениям, «эта партия возглавлена крупными общественными деятелями СССР.. а также имеются в ее руководстве люди, занимающие высокие командные должности в Красной Армии».

В ноябре 1932 г: «Работа ведется в верхах Красной Армии, обрабатываются командиры крупных частей, и есть какие-то командиры, на которых очень надеются» (помните информацию из Германии о «польской организации», которая собиралась объединиться с «немецкой?»).

В 1934 году он сообщал: «...Польской разведкой был добыт скопированный доклад английской разведки о том, что германское командование в лице генерала Хаммерштейна нашло в лице т. Блюхера человека, который, опираясь на Германию, совершит переворот в СССР».

Любопытно: ведь Блюхер сидит на Дальнем Востоке, ему до Москвы далековато, зато Япония рядом — так чего же на Германию-то опираться? Но вот и такая информация проскочила...

...И даже Япония

Если сейчас кому сказать, что диппочту перевозят в обычном почтовом вагоне, без сопровождения — так ведь никто не поверит. Тем не менее один из бывших руководителей советской внешней разведки В.Г. Павлов вспоминал, как это выглядело в 30-е годы:

«Японский МИД доставлял свою диппочту, упакованную в вализы, во Владивосток, где они отправлялись японскими курьерами с почтовым поездом без сопровождения, а в Москве, прямо из почтового вагона,

диппочту принимали сотрудники японского посольства. Таким образом, создавалась возможность ознакомиться с японскими вализами в пути от Владивостока до Москвы, который в то время длился от 6 до 8 суток. План спецотдела наметал организовать прямо в почтовом вагоне небольшую лабораторию, в которой и вскрывать вализы, фотографировать их содержание и вновь запечатывать так, чтобы никаких следов вскрытия на диппочте не оставалось».

Эту лабораторию действительно организовали, сумев преодолеть почти непреодолимые трудности, так как японцы разработали хитроумную систему защиты своей почты. Но «нет у вас методов на русского хакера» — наши все-таки их переиграли. Тогда-то и попал в руки НКВД один довольно занятый документ.

В апреле 1937 года чекисты, вскрывавшие японскую диппочту, сфотографировали очередную партию документов... и вскоре, к своему удивлению, были за эту операцию награждены знаком «Почетный чекист». Правда, их следовало бы заодно лишить премии за брак в работе, ибо качество фотографии оказалось настолько плохим, что переводчики ИНО НКВД не смогли справиться с текстом. Пришлось посылать гонца в Лефортовскую тюрьму, где в то время сидел арестованный работник ИНО НКВД Р.Н. Ким, и поручить ему, как квалифицированному знатоку японского языка, расшифровать документ. Выполнив поручение, арестант был очень взволнован и, отдавая перевод, сообщил, что в документе маршал Тухачевский упоминается как иностранный разведчик.

Получив этот документ, Ежов тут же направил наркомму обороны Ворошилову спецсообщение: «3-м отделом ГУГБ сфотографирован документ на японском языке, идущий транзитом из Польши в Японию диппочтой и исходящий от японского военного атташе в Польше — Савада Сигеру, в адрес лично начальника Главного управления Генерального штаба Японии Накадзима Тецудзо. Письмо написано почерком помощника военного атташе в Польше Арао. Текст документа следующий: “Об установлении связи с видным советским деятелем. 12 апреля 1937 года. Военный атташе в Польше Савада Сигеру. По вопросу, указанному в заголовке, удалось установить связь с тайным посланцем маршала Красной Армии Тухачевского. Суть беседы заключалась в том, чтобы обсудить (2 иероглифа и один знак непонятны) относительно известного Вам тайного посланца от Красной Армии № 304”».

Члены хрущевской комиссии выдвигают версию, что это была японская или чекистская фальшивка. Но в таком случае она не сработала. Сообщение было обнаружено в Центральном государственном архиве

Советской армии и, как говорит «Справка», «...на следствии вопрос о «тайном посланце Тухачевского» и о связях его с японской разведкой вообще никак не допрашивался. В деле нет ни самого документа, ни его копии. Никакой оперативной разработки вокруг этого перехваченного японского документа не проводилось...» Ну и зачем тогда все это было нужно?

ИНТЕРМЕДИЯ СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Более всего сказалась в его жизни вера в «свою звезду», в ниспосланную невесту откуда удачу. В «своей звезде» Наполеон был с какого-то момента непоколебимо убежден. И всю свою жизнь слово «судьба» (Fortune) писал он с большой буквы.

А. Щербаков. Как стать великим

Наполеон Бонапарт, будущий император Франции, родился 15 августа 1769 года на острове Корсика в городе Аяччо, в семье бедного дворянина, адвоката Карло Бонапарта. В семье, кроме него, было еще двенадцать детей. Десяти лет от роду будущего императора отдали в военное училище в городе Бриенне. В шестнадцать лет, став подпоручиком, он отправился служить в артиллерийский полк в городок Валанс. Большую часть и без того нищенского жалования юноша отсылал семье, оставшейся к тому времени без кормильца, — и так прозябал до 1789 года, когда во Франции началась революция.

Всю свою жизнь Наполеон страстно любил армию. С самого начала был на службе чрезвычайно усерден. По собственному почину, считая, что командир должен уметь все, выполнял солдатскую работу — чистил лошадей, орудия. Все свободное время посвящал самообразованию, читая книги по самым разным областям знания — физике, математике, истории... Любил играть в карты — но не в интеллектуальные игры, а в... очко — эта игра была популярна и в тогдашней Франции не меньше, чем в России 20-х годов. Игра, где все зависит от удачи...

Впрочем, как бы подпоручик Бонапарт ни выполнял свои обязанности, больших перспектив это ему не сулило. Успех по службе во Франции того времени определялся происхождением, деньгами и связями, других путей не было. В лучшем случае, дослужился бы до майора.

И тут грянула революция. Понимая, что от службы под королевскими лилиями ждать нечего, Бонапарт без колебаний примкнул к революционерам, более того, к самому левому крылу — якобинцам, малопопулярным в то время ультралибералам. В прежнем обществе он сразу стал отверженным, а в случае победы роялистов его ждала неизбежная смертная казнь. Однако он — в первый раз, но не в последний — поставил на карту все. И в конечном итоге ему выпало именно «двадцать одно».

Побывав на родине, Наполеон в 1792 году возвращается во Францию. К тому времени революционная армия находилась в отчаянном положении: у нее имелись солдаты, но почти не было офицеров. Подпоручик-корсиканец получил назначение, о котором в обычных условиях не мог бы даже мечтать: командовать артиллерией в войсках, осаждавших занятый роялистами Тулон. Там он взял командование на себя — и удачно: после трех дней артобстрела и двухдневного отчаянного штурма город взят. Наполеон сам ведет солдат в атаку, получает штыковую рану и громкую славу — но ненадолго.

После поражения революции к власти во Франции пришла так называемая Директория — нечто вроде Временного правительства в России, только еще хуже. Отсидев некоторое время в тюрьме, Бонапарт вышел на свободу, однако оказался без работы. Ему предлагают командование пехотной дивизией, подавляющей восстание в Вандее, — эти войска получили прозвище «адских колонн» за совершенно запредельную жестокость. Однако стать карателем Наполеон отказался и остался на половинном жалованье, всеми забытый.

Но судьба второй раз улыбается Наполеону Бонапарту. В сентябре 1795 года роялисты подняли восстание в Париже. Несколько десятков тысяч человек направились штурмовать дворец Тюильри, где заседала Директория. Правительство к тому времени ненавидела вся страна, войска также не горели желанием защищать его. И тут кто-то вспомнил о молодом республиканском генерале. Наполеон не испытывал каких-то особенных симпатий к этому правительству — публика была на редкость мерзкой. Позднее он говорил о мятежниках: «Если бы эти молодцы дали мне начальство над ними, как у меня полетели бы на воздух члены Конвента!» Но позвали его другие, и Наполеон выступил на их стороне.

Солдат у него почти что не было, и тогда он — впервые в мире — решил применить артиллерию в уличных боях. Он приказал выкатить пушки на мост через Сену и разогнал повстанцев картечью. Теперь уж и новая власть — поневоле — тоже заметила генерала Бонапарта. В полном соответствии с его желанием, его назначили командующим француз-

ской армией, воевавшей в Италии, в Сардинском королевстве, которое входило в антифранцузскую коалицию. Кроме мелких итальянских государств, в коалиции участвовали Англия, Австрия и Россия.

Наполеону досталась армия, укомплектованная революционным сбродом, сидящая без финансирования, голодная и раздетая, к тому времени уже больше похожая на банду, — но это была армия, а с солдатами Бонапарт всегда находил общий язык. Труднее было найти его с командованием. Возглавляли итальянскую армию тогдашние «военспецы» — генералы еще королевских времен, к тому времени одержавшие несколько побед. И, что было особенно неприятно, высокие и громогласные (а Наполеон был росту очень и очень небольшого). Нового начальника они ни во что не ставили.

В этой ситуации победить можно было только психологическим «наездом». И у Наполеона это блестяще получилось. Он пригласил генералов к себе в палатку, предложил сесть, снял шляпу. Генералы тоже сняли головные уборы. И вдруг во время разговора Наполеон надел шляпу снова и посмотрел на генералов — так, что они сделать того же не посмели.

Кстати, именно тогда будущий император сказал свою знаменитую фразу. Адресовалась она Ожеро.

— Генерал, вы ростом выше меня ровно на одну голову. Но если вы будете мне грубить, то я немедленно устраню это отличие.

А еще Наполеон всерьез взялся за снабжение, расстреливая без пощады воров-интендантов. Популярности ему это прибавило, но положение армии улучшило мало — основные казнокрады сидели в Париже. Тогда Наполеон сказал:

— Солдаты, вы не одеты, вы плохо накормлены. Я хочу повести вас в самые плодородные страны на свете...

Теперь армия готова была идти за ним хоть к черту в зубы. Осталось всего лишь прийти и победить.

И тогда звезда Наполеона ярко засияла на небосклоне. Отчаянно рискуя, он провел солдат по берегу моря, где в любой момент могли появиться английские корабли — в этом случае армии пришел бы конец. Молодой генерал обрушился на итальянцев с той стороны, откуда его не ждали. 12 апреля 1796 года произошло первое сражение — победа! Он тут же бросил армию снова в бой — еще раз победа!

«Здесь впервые проявилось в действии золотое правило наполеоновской тактики — собирать свои силы в кулак и бить противника по частям, не давая ему собраться с силами. Главное тут — не заморачиваться на всякие сложные комбинации. Лупить всех, кто попадет на пути. Наполеон, а не Ленин сказал фразу: «главное — ввязаться в драку, а там видно будет».

Итальянская эпопея получила название “шесть побед в шесть дней” и является с тех пор одной из самых ярких страниц не только в биографии Наполеона — но и вообще в истории военного искусства. Ее изучают будущие офицеры всех стран. Как единодушно говорят историки, даже если бы Бонапарт больше ничего не совершил, он и этими битвами уже обеспечил бы себе почетное место в истории»¹⁸.

Кроме полководческого гения, новый командующий демонстрировал и личную храбрость — но только тогда, когда это требовалось. Армию того времени генералом, идущим в атаку впереди своих солдат, было не удивить. Бонапарт считал это глупостью: смерть командующего ставит под удар всю кампанию. Но когда войско три раза штурмовало Аркольский мост, и все три раза неудачно, Наполеон сам возглавил атаку. Судьба по-прежнему улыбалась ему. Почти все, кто шел рядом с ним, были убиты, а неистовый корсиканец не получил ни одной царапины.

Бонапарт блестяще выиграл итальянскую войну и прославился на весь мир как полководец. Его возвращение в Париж было триумфальным. (Кроме прочего, он получил самую дорогую для себя награду — Национальный Институт избрал его в число «бессмертных». Если пользоваться современными аналогиями, это что-то вроде звания академика.) Но он хотел большего. Молодой генерал все чаще задумывался: а с какой стати он должен работать на «этих адвокатов» из Директории?

Но прежде был Египет. Неправы те, кто считает, что молодой Бонапарт не знал поражений и все его неприятности начались с русского похода. Впервые это случилось в Египте, причем все было очень похоже на Россию. Он так же успешно завоевал страну, но...

Однако началось все с невероятной удачи. Суда, переправлявшие в Египет французские войска, были собраны с бору по сосенке, зато Англия, контролировавшая тогда эту территорию, имела лучший флот в мире. Узнав, куда на самом деле направляются французы, они рванули на всех парусах к египетскому побережью и... прибыли туда раньше Наполеона, который со своей «армадой» к тому времени дотуда попросту не дошел. Увидев, что противника нет, англичане ушли — и через два дня пришли французы. Если бы не эти два дня, им бы даже к берегу не дали подойти. Вот и не верь после этого в удачу!

Страну они захватили, но дальше все пошло плохо. Наладить взаимоотношения с местным населением французам так и не удалось. Начались восстания, их подавляли, они вспыхивали снова. 1 августа 1798 года англичане навязали-таки сражение на море и уничтожили

¹⁸ Щербakov А. Как стать великим. СПб., 2005. С. 80.

французский флот — армия оказалась отрезанной от родины. Началась война с турками — правда, турок Наполеон разбил, но вот задуманный им Сирийский поход провалился, пришлось возвращаться в Египет, где перспектив не было никаких. И тогда Наполеон совершил поступок, вообще-то для военного позорный: бросив голодную и раздетую армию на генерала Клебера, он вернулся во Францию¹⁹.

Но на родине дезертировавший генерал неожиданно встретил такой же триумфальный прием, как и после Итальянского похода. За время его отсутствия Директория окончательно развалила страну. Голод, разруха, бандитизм... Срочно необходим был «спаситель Отечества». Именно эту фигуру и увидели в знаменитом молодом генерале. А поражение в Египте никого, в общем-то, и не волновало — тем более что другой кандидатуры на роль спасителя отечества попросту не было.

Общество давно уже созрело для переворота. Были люди, готовые его финансировать, готовые работать в новом правительстве, народ ждал «сильной руки». Оставалось лишь, чтобы кто-то посмел. Это как в октябре семнадцатого — власть валялась на земле, достаточно было ее подобрать. Наполеон посмел, и дальше все пошло как по маслу. Подготовка государственного переворота — от начала до конца — заняла около трех недель. Директория развалилась сама, а с парламентом, который отказался признать «узурпатора», Наполеон разобрался просто: привел гренадеров и приказал: «Вышвырните отсюда всю эту сволочь!»

Вечером остатки парламента послушно утвердили декрет, согласно которому власть передавалась трем консулам. Первым консулом стал Наполеон, остальные два были фигурами чисто декоративными.

Так Наполеон Бонапарт стал главой Франции. Все остальное — как он наводил в стране порядок, как стал из консула императором, как завоевывал Европу — было уже делом техники²⁰. Правда, кончил он плохо. «Построив» всю Европу, он совершил ту же самую ошибку, какую полтора века спустя совершил Гитлер — и тогда счастливая звезда Бонапарта стала злой звездой. Но когда говорят о «бонапартизме» — имеют в виду, естественно, не конец, а начало...

¹⁹ Клебер продержался до 1801 года и в конце концов сдался англичанам.

²⁰ Желаящим более подробно познакомиться с биографией Наполеона рекомендуем, кроме уже известных работ, книгу *Алексея Щербакова* «Как стать великим».

Часть 3 «КРАСНЫЙ БОНАПАРТ»

Ну вот, мы и добрались до главного героя. Михаилу Николаевичу Тухачевскому крупно не повезло: в середине 50-х годов он попал в центр политических разборок, и с тех пор, что бы о нем ни писали, это так плотно завязано на политику, что человека за всем этим ворохом пропагандистских клише и не видно (да никто им и не интересовался). Хрущевские времена воздвигли памятник репрессированному маршалу Тухачевскому, невинному герою-страдальцу тридцать седьмого года, гениальному стратегу и любимцу армии и народа. Разоблачения времен перестройки камень за камнем выбивали фундамент из-под ног монумента, пока не пришел Суворов (не фельдмаршал, а автор «Ледокола») и не заклеил. И на месте многопудья хрущевской бронзы оказался амбициозный недоучка, бездарный карьерист, идеи которого едва не утробили Красную Армию, позер и палач, у которого руки по локоть в крови крестьян и кронштадтских матросиков. Узнаваем незабвенный стиль нашей истории — мазать все одной краской: розовой ли, черной — главное, чтобы в одном цвете.

Между тем Тухачевский — это была-таки личность. И еще какая! По масштабу и яркости он вполне вписывался в созвездие персонажей того времени. Беда в том, что он недотянул до той жизни, которую избрал для себя. Мы не зря предпослали рассказу о нем главку о Наполеоне. С самого начала карьеры его постоянно сравнивали с великим корсиканцем, и с полным основанием — именно этот человек был для него идеалом и путеводной звездой. И для Тухачевского все могло бы быть иначе, если бы не злая звезда Бонапарта — в христианстве это называется соблазном. Идя за этой звездой, он забрался на очень большую высоту... и погубил ту жизнь, которой жил, докатился до того, что стал маршалом, который готовит поражение собственной армии.

Да и Наполеон ведь кончил не лучше. И много ли счастья он принес своей стране?

ГЛАВА 8 «Я ВАС НЕ ШОКИРУЮ?»

Война для меня все!

М. Тухачевский

Михаил Николаевич Тухачевский родился в 1893 году, в Москве, в небогатой дворянской семье, а вырос в Пензе, где у его отца было имение. По тем временам в его происхождении имелся серьезный изъян: мать будущего маршала была крестьянкой. Отец женился на ней по страстной любви, долго боролся за свое счастье, и первые четверо из девяти детей были незаконнорожденными. Лишь в восемь лет Михаила причислили к роду отца. Все это сказалось на его судьбе.

Мальчик с самого раннего возраста рос отчаянно непоседливым, так что для него пришлось даже взять отдельную няньку — невозможно было следить одновременно и за другими детьми, и за Мишей. А когда он подросток, то стал совершенно неистощим на шалости и проказы. Сестры вспоминали, что он был очень сильным и, как теперь бы сказали, спортивным: прекрасно ездил верхом, любил разные игры, а пуще всего — борьбу. Много читал по-русски и по-французски. В доме любили музыку, один из братьев, Александр, стал впоследствии пианистом. Рояль в доме был, но...

«Маленьким Михаил Николаевич мечтал научиться играть на скрипке, — рассказывала его сестра. — Но скрипку ему так и не купили, и, будучи кадетом, он достал руководство по изготовлению скрипок и по этому руководству сам сделал себе скрипку. Делал он ее только по воскресеньям, когда приходил домой... В то время у него не было никаких приспособлений, как впоследствии, все делалось примитивно. Например, обечайки он выгибал на разогретом пестике от медной ступки. Скрипка была очень быстро готова, и я не знаю, кто больше радовался, сам создатель ее или все окружающие...»²¹ Вообще воспоминания родных о нем — очень светлые, теплые, проникнутые горячей любовью. И сам он тоже очень любил свою семью, всегда заботился о ней, а их ведь было много — девять братьев и сестер.

И еще: семья была атеистической, в этом духе отец воспитывал детей. Миша и тут отличался — каким-то особым кощунством. Вообще

²¹ Цит. по: Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 25.

о нем нельзя говорить, если не учитывать эту неистребимую страсть к шалостям, позднее — к эпатажу. С годами она видоизменялась, конечно, но не исчезала никогда...

Но музыка музыкой, а настоящая его любовь проявилась с самого детства и прошла через всю жизнь. Тухачевский любил армию, со всей страстностью своей натуры. Возможно, именно в этом один из секретов его быстрой карьеры: за эту любовь, за горение сердца ему в кредит давали высокие назначения. 1918 год в этом смысле был уникальным, да и сталинское правительство любовь к своему делу ценило высоко, видя в ней залог профессионализма.

По уставу

Еще в раннем детстве его впервые прозвали Бонапартом. Как-то раз двоюродный дед, генерал, спросил семилетнего Мишу, кем он хочет быть, и тот, не задумываясь, ответил: «Генералом». — «Да ты у нас Бонапарт, — засмеялся дед, — сразу в генералы метишь». Имя было произнесено, и не зря: вскоре великий корсиканец стал кумиром русского мальчика, мечтавшего о подвигах и военной карьере. И когда пришла пора выбирать дорогу в жизни, сомнений для него не было.

Отец Тухачевского, в основном из-за «неположенной» женитьбы, вопреки семейной традиции, так и не стал офицером. А Михаил, не будучи сыном офицера, с изъяном в родословной и не имея состояния, не мог рассчитывать на хорошую карьеру — не то было время на дворе. После гимназии он блестяще оканчивает кадетский корпус и в 1912 году поступает в известное, хотя и не самое престижное Александровское военное училище в Москве. Ни на что большее он, по причине происхождения, отсутствия нужных связей и семейной бедности, рассчитывать не мог. А бедность была отчаянная (по дворянским, конечно, меркам) — до того, что отцу пришлось подать прошение о том, чтобы младших детей обучали на казенный счет.

Перспективы удачного назначения и дальнейшей карьеры в Александровском училище были куда беднее, чем в Петербурге, но обучать сына в столице семья бы просто «не потянула». В гимназии он учился кое-как: «прилежание — 3, поведение — 2», но в военном училище с таким отношением можно было рассчитывать разве что на какой-нибудь Урюпинский гарнизон, и Михаил становится первым и по учебе, и по поведению.

Способный к военному делу и одновременно ретивый службист, он быстро выделился из среды прочих юнкеров. Как писал его дядя, он уже тогда «был очень способен и честолюбив, намеревался сделать военную карьеру, мечтал поступить в Академию Генерального штаба». Чтобы сделать карьеру, надо было попасть в гвардию, а для начала зарекомендовать себя в училище, поскольку хороших гвардейских вакансий для выпускников Александровского училища давали немного. Уже на младшем курсе Тухачевский становится портупей-юнкером, а на старшем — фельдфебелем роты.

До какой все же степени разным бывает человек и как по-разному оценивают его люди! Дома это был всеобщий любимец, душа семьи и компании. И совсем по-другому все пошло в военной среде. Начать с того, что еще в кадетском корпусе Михаил категорически не принял так называемого «цука». «Цук» — это неуставные отношения. Во многих военных заведениях бытовал такой обычай: вновь поступивших спрашивали, как они хотят жить: по уставу или «по старым славным традициям». Тот, кто выбирал жизнь по уставу, был избавлен от «цука», но становился в среде юнкеров изгоем. Михаил выбрал устав и держался от всех особняком, очень сдержанно, несколько высокомерно. Ничего в жизни не бывает просто так — неуставные отношения в училище формируют иерархические инстинкты будущего офицера, а армия без иерархии — толпа. И в будущем у него были серьезные проблемы с иерархичностью. Проще говоря, Михаил Николаевич хамил вышестоящим начальникам (очень изысканно, по-дворянски, но все равно хамил) — и ни окружающие, ни он сам ничего не могли с этим поделаться. Ну не мог он полноценно встроиться в систему! В училище над ним посмеивались, называли новоявленным Андреем Болконским — и держались в стороне.

Начальство его любило, чего не скажешь о товарищах по училищу. Причиной были те самые свойства, за которые его так любило начальство, ибо не мог он совместить безмерную преданность букве устава, положенную им в основание карьеры, и внимание к ближнему своему. В 1920 году вышли воспоминания одного из его тогдашних товарищей, Владимира Посторонкина. Правда, их нельзя принимать безоговорочно. Посторонкин после Октября эмигрировал из России, став убежденным противником советской власти, а Тухачевский был воплощением победоносного шествия большевизма по земле. Так что надо учитывать, что это свидетельство врага. И все же...

«Дисциплинированный и преданный требованиям службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной является он сам, сторонится сослуживцев и ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых же шагов, Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем роты или портупей-юнкером... Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский тянулся к “карьере”, он с течением времени становился слепо преданным службе, фанатиком в достижении одной цели, поставленной им себе как руководящий принцип: достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку».

«Властный и самолюбивый, холодный и уравновешенный» — так говорит о Тухачевском Посторонкин, да и многие другие, соприкасавшиеся с ним на поле, очерченном уставом. Горячий, страстный, увлекающийся, невероятно обаятельный, нежно любящий свою семью и этой семьей любимый — таким видели его за ограждением этого поля. Ну, и как все это совместить?

В воспоминаниях Посторонкина проскальзывает один момент, очень важный для понимания натуры Михаила Тухачевского, — случай, после которого он стал портупей-юнкером. «На одном из тактических учений... будучи назначенным часовым в сторожевое охранение, он по какому-то недоразумению не был сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному ему посланным юнкером. Он был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения 2-й роты. На все это потребовалось еще некоторое время. О Тухачевском сразу заговорили, ставили в пример его понимание обязанностей по службе и внутреннее понимание им духа уставов, на которых зиждилась эта самая служба».

Это, конечно, еще игра. Но в военной службе вообще игровой момент силен, как нигде, — от того, что эти игры ведутся на поле, сплошь залитом кровью, они не теряют своей сущности. И Тухачевский всегда, всю жизнь соблюдал эти правила, даже тогда, когда этого не требовалось, и даже тогда, когда это возбранялось.

Иной раз игры были жестокими. Тот же Посторонкин пишет:

«...Все сторонились его, боялись и твердо знали, что в случае какой-нибудь оплошности ждать пощады нельзя... С младшим курсом

фельдфебель Тухачевский обращался совершенно деспотически: он наказывал самой высшей мерой взыскания за малейший проступок новичков, только что вступивших в службу и еще не свыкшихся с создавшейся служебной обстановкой и не втянувшихся в училищную жизнь... Обладая большими дисциплинарными правами, он полной мерой и в избытке раздавал взыскания, никогда не входя в рассмотрение мотивов, побудивших то или иное упущение по службе». Как считали злые языки, его службистское рвение стало причиной двух увольнений и трех самоубийств.

И, что не менее важно, в училище он так же запоем читает, но теперь это уже другие книги — военные. В Академию Генерального штаба, о которой Михаил мечтает, он так и не попадет, но когда судьба бросит его, имеющего полгода боевого опыта, на генеральскую должность — справится не хуже прочих. Учился он всегда: и в бесконечных разговорах в плену, и позже, когда в его штабном вагоне рядом с картами лежали неизменные книги по военному искусству.

...Первой своей цели Тухачевский достиг. Для успешного начала надо было попасть в гвардию — и он, окончив училище первым по баллам, попал в гвардию, стал подпоручиком знаменитого Семеновского полка (кстати, в этом же полку служили и его предки-офицеры). Его ждала блестящая служба в столичном гарнизоне, если бы не дата выпуска, который состоялся 12 июля 1914 года.

Пять орденов и пять побегов

Уже 1 августа их полк оказался на фронте. В первом же бою под фольварком Викмундово рота, в которой он служил, отличилась: преследуя врага, они прорвались через реку по горящему мосту. Оба офицера, бывших на этом мосту, получили награды: командир роты — орден Св. Георгия 4-й степени, Тухачевский, как младший офицер, — Св. Владимира 4-й степени. Награда в первом же бою — о чем еще мечтать! Впрочем, Тухачевский был не слишком-то доволен, считая, что тоже заслужил Георгия — как вспоминали потом товарищи по службе, огорчен он был до слез, в прямом смысле...

...И тут опять споры. В 1918 году Тухачевский в автобиографии упомянул, что имеет пять орденов. Почему-то все, кто пишет о нем, упорно ему в этом отказывают — не вписывается в образ, что ли? Уже почти официально считается, что орден у него один, остальные он себе при-

писал для карьеры. И наконец, произошло то, что и должно было произойти — петербургский историк Юлия Кантор решила выяснить этот вопрос там, где такие вопросы выяснять положено. В Российском военно-историческом архиве сохранился послужной список Тухачевского. Да, так и есть — пять орденов и представление к шестому.

«Даже лаконичное описание в штабных документах подвигов Михаила Тухачевского читается как панегирик. Орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом — за то, что, “переправившись 26 сентября 1914 года на противоположный берег реки Вислы, нашел и сообщил место батареи неприятеля у костела и определил их окопы. На основании этих сведений наша артиллерия привела к молчанию неприятельскую батарею”. С 4 по 15 октября полк воевал в Ивангородской области: за бой 10—13 октября под Ивангородом Тухачевский удостоен ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. С 16 октября по 30 ноября — семеновцы брошены в бой под Краковом, и подпоручик Тухачевский “зарабатывает” орден Св. Анны 4-й степени с надписью: “За храбрость” — за бой 3—5 ноября под Посадом “Скала”. Таким образом, график боев точно совпадает с перечнем боевых заслуг. Упоминание еще об одной награде — ордене Св. Анны 2-й степени с мечами содержится в “списке офицеров лейб-гвардии Семеновского полка по старшинству в чинах” за 1917 год. В этом документе получение награды датировано 1915 годом. Наградной лист свидетельствует “о высочайшем утверждении пожалования командующим 9-й армии... ордена Анны 2-й степени... за боевые отличия, отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий”. Для подпоручика получить такой орден — событие почти невозможное. По существовавшей тогда практике на него могли рассчитывать чины не ниже капитана».

Ведет он себя на фронте так же, как и в училище: серьезный, сухой в общении, несколько отстраненный от всех — впрочем, ничего недостойного за ним никто не заметил. «Бросалась в глаза его сосредоточенность, подтянутость, — вспоминал один из его однополчан. — В нем постоянно чувствовалось внутреннее напряжение, обостренный интерес к окружающему». В наше время этот комплекс свойств называется «пассионарностью».

...И вдруг все кончилось. В феврале 1915 года в тяжелом ночном бою он попадает в плен. Вместо побед, чинов и наград — лагерь, вынужденное безделье и жестокое разочарование.

Узнав, что Михаил в плену, в семье не сомневались, что он очень скоро убежит. Однако не все оказалось так просто. Если составлять хронику

его пребывания в плену, то в ней будут сплошные побеги и конфликты с администрацией лагерей, побеги и конфликты.

«Через два месяца я бежал с подпоручиком Пузино... случайно мы были пойманы охраной маяка на берегу.. В Бескове я был предан военному суду за высмеивание коменданта лагеря... 6 сентября 1916 года я убежал с прапорщиком Филипповым, спрятавшись в ящики с грязным бельем, которое отправили в город для стирки... после этого мы шли вместе 500 верст в течение 27 ночей, после чего я был пойман на мосту через реку Эмс... пока обо мне наводили справки, меня посадили в близрасположенный лагерь Бекстен-Миструп... я опять убежал...»

Юлия Кантор проверила по немецким архивам — все точно. Ничего не придумано, все головокружительные побеги на самом деле были.

Кончилось дело тем, что Тухачевского отправили в форт Ингольштадт, куда собирали неумных «бегунов», — мрачную старинную крепость, побег из которой считался невозможным. Он был одним из знаменитых узников этого лагеря. Вторым стал француз Шарль де Голь.

...Французский лейтенант Реми Рур, сидевший с Тухачевским в крепости, спустя десять лет вспомнил о своем русском товарище и, под псевдонимом Поль Фервак, выпустил о нем книгу.

Впервые они встретились осенью 1916 года.

«Это был молодой человек, — вспоминал Фервак, — аристократически раскованный, худой, но весьма изящный в своей потрепанной форме. Бледность, латинские черты лица, прядь волос, свисавшая на лоб, — придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода».

Условия в крепости по тем временам считались тяжелыми — но это только по тем временам. Кормили вполне прилично, пленные могли общаться между собой, гулять во дворе крепости, имелись мастерские, отличная библиотека, устраивались даже спектакли. Кстати, русские эмигранты посылали пленным политическую литературу, в том числе и социал-демократические брошюры — администрация лагеря этому не препятствовала, воспрещена была только литература, нелояльная к Германии. (Это к вопросу о том, как мог Тухачевский еще до 1917 года познакомиться с марксизмом.) Вообще все было не так, как тридцать лет спустя.

Тухачевский и тут не унимается. Роев подкоп в духе графа Монте-Кристо — правда, в реальной крепости из этого ничего не вышло.

Потом он наорал на унтер-офицера, за что получил шесть месяцев тюрьмы и... тут же подал апелляцию в высший военный суд. Дело тянулось до 1917 года и прекратилось потому, что подсудимый снова удрал, на сей раз уже окончательно. Большое удовольствие пленным доставил другой инцидент. Во дворе форта Тухачевский столкнулся с комендантом. Комендант потребовал, чтобы русский подпоручик отдал ему честь. Тот не обратил внимания. «Лейтенант, вам это дорого обойдется!» — вскипел комендант. Тухачевский поднял глаза и осведомился: «Сколько марок?»».

А что мог сделать комендант? Подал в суд...

...Пленные в крепости вели бесконечные разговоры — не только о войне, картах и женщинах, но и об истории, религии, искусстве. Впрочем, болтовня ради болтовни абсолютно ни к чему не обязывает, особенно в случае с нашим героем, который любил фразу. Ради красного словца в таких разговорах можно наплести чего угодно, и не стоит так уж серьезно ко всему этому относиться. Но кое-что все же любопытно:

«История была одним из больших увлечений Тухачевского, — вспоминал тот же Фервак. — Ему не наскучивали знаменитые личности, которые благодаря их энергии либо отсутствию посредственных качеств, либо игнорированию ими предрассудков, либо, наконец, благодаря их гениальности подавляли людей. Он восхвалял Бонапарта за то, что тот использовал в своих целях якобинцев и сумел найти защиту у Робеспьера...» Хотя француз, отлично знавший свою нацию, считал, что великий корсиканец был человеком практическим, а Тухачевский «шел туда, куда его влекло собственное воображение». Впрочем, это все тоже были разговоры, а в жизни Тухачевский, когда надо, проявлял отменный практицизм. Ему не хватало другого: образования, опыта, расчета — но не практичности, отнюдь...

Десять лет спустя Фервак вспоминал, что говорил Тухачевский о самых разных предметах: о религии, искусстве, России... Впоследствии к этим отрывочным воспоминаниям применяли самые разные методы, вплоть до психоанализа, и все равно будущий «красный маршал» оставался личностью загадочной. Но тот же Фервак дает один ключик. Он вспоминал, как его русский товарищ легко и непринужденно изрекал самые ужасные кощунства. А потом невинно спрашивал собеседника: «Я вас не шокирую? Мне было бы очень досадно...»

«Латинская и греческая культура — какая это гадость! Я считаю Ренессанс, наравне с христианством, одним из несчастий человечества... гармонию и меру — вот что нужно уничтожить прежде всего! В России, у себя в литературе я любил только футуризм». (А как же скрипка и Достоевский с Толстым?)

«Я вас не шокирую?..»

«— Мсье Мишель, скажите, вы верите в Бога?»

— В Бога? Я не задумывался над Богом... Большинство русских вообще атеисты. Все наше богослужение — это только официальный обряд... Однако мы все верующие, но именно потому, что у нас нет веры».

«Я вас не шокирую?»

«Все великие социалисты — евреи, и социалистическая доктрина, собственно говоря — ветвь всемирного христианства. Мне же мало интересно, как будет поделена земля между крестьянами и как будут работать рабочие на фабриках. Царство справедливости не для меня. Мои предки-варвары жили общиной, у них были ведущие их вожди. Если хотите — вот философская концепция... Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому нам больше подходит одеяние деспотизма...»

«Я вас не шокирую?»

«У нас была француженка-гувернантка, которую я выводил из себя. Я и мои братья дали трем котам в доме священные имена Отца, Сына и Святого Духа. И когда мы их искали, мы издавали ужасные вопли: “Где этот чертов Бог Отец?” Мама сердилась, но не очень, а гувернантка-француженка осыпала нас проклятиями...»

«Мне было бы очень досадно...»

Он и позднее иногда выдвигал самые дикие идеи, бредовые настолько, что это заставляло сомневаться в его умственной полноценности. Так, друг семьи Тухачевских, музыкант Л. Сабанеев рассказывал, что Тухачевский как-то раз составил докладную записку, в которой предлагал объявить государственной религией РСФСР.. славянское язычество. Записку он подал в Совнарком. Сабанеев хорошо знал Тухачевского и считал, что тот попросту издевался. Когда в малом Совнаркоме принялись всерьез обсуждать его проект, Тухачевский был счастлив, «как школьник, которому удалась шалость».

«Я вас не шокирую?»

А что он на самом деле думал — кто ж его знает...

...Из Ингольштадта Тухачевский бежит в пятый раз, и снова как во французском романе. Пленных время от времени выводили на прогулку в город, при этом они давали честное слово, что во время прогулки не будут пытаться бежать. Обещание расценивалось серьезно — те, кто нарушал слово, приговаривались к смертной казни. Тем не менее из девяти офицеров, вышедших как-то раз на прогулку, двое не вернулись. Один из них был — угадайте кто?

Впрочем, и тут не обошлось без изысканной проделки. На следующий день лагерная администрация получила письмо — на русском языке, хотя Тухачевский владел немецким. Письмо — тоже замечательный документ и вполне характеризует автора:

«Милостивый государь!

Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том, что слова не убежать я не давал. Подпись моя на Ваших же глазах была подделана капитаном Чернивецким, т.е. попросту была им написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренне сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться.

Примите уверения в глубоком почтении.

Подпоручик Тухачевский.

10 августа 1917 г.»

Удрал, да еще и рукой конвоиру помахал на прощание!

В основном это письмо трактуют как заботу беглецов о своей репутации — как же, нарушили честное слово! Но у него был и сугубо практический смысл. Письмо спасло жизнь товарищу Тухачевского по побегу, капитану Чернивецкому, которому убежать не удалось. Немцы запутались в утонченной казуистике русского лейтенанта, и в итоге капитан вместо смертной казни получил три месяца тюрьмы «за подделку документов».

А Тухачевский добрался до Швейцарии, затем отправился во Францию. В Петроград он приехал 16 октября 1917 года, в канун октябрьского переворота. Над горизонтом поднималось целое созвездие удачи, и одним из самых ярких светил в нем была звезда Михаила Тухачевского. Красная звезда — цвета крови и большевистского знамени.

ГЛАВА 9
КУРС НА ЗВЕЗДУ

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Н. Гумилев

Что может быть лучше для карьеры, чем революция, перемешивающая все табели о рангах? Главное — выбрать сторону, которой следует держаться. Так это кажется со стороны.

На самом деле возможности-то открываются перед всеми, но далеко не все за них хватаются. Потому что делать карьеру в революцию — занятие чрезвычайно опасное. Для этого надо посметь все поставить на карту в игре, которая зависит не от тебя. Если твоя сторона выиграет, ты получаешь все, если проиграет, теряешь не только все, но и саму жизнь. Наполеон ведь тоже прошел в двух шагах от гильотины — то, что он не разделил судьбу своих друзей-якобинцев, так это просто повезло. Поэтому большинство людей, имея все шансы, предпочитает тихо служить на таком месте, на котором, если что, пощадят. Однако Тухачевский был не из их числа. Он поставил на революцию.

Когда читаешь рассуждения на тему: почему он, дворянин и русский офицер, выбрал революцию, становится забавно. Психологии иной раз нагромождают выше крыши. Например, чтобы обосновать большевистский выбор будущего маршала, тот же Поль Фервак вспоминает его слова: «Задача России сейчас должна заключаться в том, чтобы ликвидировать все: отжившее искусство, устаревшие идеи, всю эту старую культуру... Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошивший Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а затем мы встряхнем весь мир... Мы войдем в хаос и выйдем из него, только полностью разрушив цивилизацию».

Не стоит искать в этих словах того, чего в них нет — а именно, каких-то особых большевистских симпатий молодого офицера. Это предощущение грядущего апокалипсиса в то время было всеобщим. Отражая то же ощущение, писал Маяковский:

«Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,

в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год».

О том же «Двенадцать» Блока, о том же — стихи Волошина, где русская смута получает уже космический масштаб, о том же писал по другую сторону баррикады Сергей Нилус, о том же говорили философы, о том же грозно молчали мужики в серых шинелях и пьяно кричали узкогрудые фабричные. В России начала XX века элементарно не хватало воздуха, в ней задыхались все — и пленный подпоручик был всего лишь одним из миллионов голосов русской смуты.

Несерьезны как-то и разговоры о карьеризме. Какой там, к растакой бабушке, карьеризм! Да кто в начале 1918 года всерьез воспринимал большевиков? В то время к ним шли из разных побуждений, но карьерные были на последнем месте.

На самом деле все проще. Человек, с детства зачитывавшийся биографией Бонапарта, просто не мог сделать другого выбора. Тем более в прежней сословной, кастовой России ему нечего было ловить.

Выбор

...Вернувшись из плена, Тухачевский какое-то время покрутился в полку, даже получил звание капитана с дивной формулировкой: «Для уравнивания в чинах со сверстниками». Подачка была унижительной, все карьерные перспективы, связанные с войной, потеряны, время на дворе стояло смутное. Полк вернулся с развалившегося фронта в Петроград, и Тухачевский решил отправиться домой, в Москву.

Жена полковника Бржозовского уже много лет спустя, в эмиграции, вспоминала:

«В 1917 году Тухачевский завтракал у нас, во флигеле Семеновского полка... Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление. Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье “Наполеона”, на что Тухачевский только улыбался. Сам он мало пил. После завтрака мой муж, я и еще несколько наших офицеров уехали провожать его на вокзал, так как он уезжал в Москву.. После предыдущих разговоров я была полна энтузиазма, и мне почему-то казалось, что он способен стать “героем”. Во всяком случае, он был выше толпы. Я редко ошибаюсь в людях, и мне было особенно тяжело, когда впоследствии я узнала, что он будто бы вполне искренне стал большевиком...

После второго звонка, в отделении второго класса, я сказала ему, когда мы расставались: “Прощайте! Благословляю вас на великие дела!” Поцеловала его в лоб и три раза мелко перекрестила. Он поцеловал мне руку, посмотрел на меня искренним серьезным взглядом и сказал: “Постараюсь”. Поезд тронулся после третьего звонка. Тухачевский стоял у окна и смотрел серьезно и грустно на нас...»

Какие там великие дела? Армия развалилась, впереди позорный мир. Казалось, «о доблести, о подвигах, о славе» можно забыть. Тухачевский, не найдя родных в Москве, отправился в деревню, куда, спасаясь от голода, переехала семья. Прислуги не было, сами занимались всеми хозяйственными делами, топили большой барский дом, ездили в лес за дровами...

Там, в деревне, где было время опомниться и подумать, он, по всей видимости, и принял решение. Тухачевский не отправился к Корнилову, а вернулся в Москву и поступил на службу к новой власти, выбрав своей звездой красную, пятиконечную, большевистскую.

В Москве, куда в марте 1918 года переехало правительство, фортуна вспомнила о нем. Один из старых знакомых семьи — Кулябко, которого Тухачевский знал раньше как музыканта, оказался видным революционером, членом ВЦИК и военным комиссаром штаба обороны Москвы! (Кстати, и в историю-то этот персонаж вошел, кажется, только тем, что дал характеристику Тухачевскому.) Вскоре с его помощью Михаил познакомился с тогдашним заведующим Военным отделом ВЦИК Авелем Енукидзе (тем самым!). Молодой офицер понравился и был зачислен в аппарат отдела, который руководил всей военной деятельностью Советов. Одно препятствие стоит перед Тухачевским — беспартийность. Впрочем, это дело поправимое: уже 5 апреля он становится членом РСДРП(б). Большевики того времени были в основном люди глубоко штатские, офицеров с партбилетами — считанные единицы, их ценили и любили.

И снова та же самая особенность исторического зрения! Если промежуток времени маленький, то он и не важный, и нечего на него обращать внимание. Понравился парень Троцкому, дал ему нарком армию: кому хочу — тому даю, вопросы есть? На самом же деле именно работа в Военном отделе и дала старт ослепительному взлету «красного маршала».

Как раз в это время формировался институт военных комиссаров²², занимался этим все тот же его приятель Кулябко. И вот первое задание:

²² Не путать с политкомиссарами: политическим комиссаром Тухачевский никогда не был.

нового работника командировали в Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую губернии, а также на Дон с инспекцией: как идет формирование Красной Армии. Вернувшись, он предоставил по-военному подробный отчет, как было написано в характеристике, «с полным знанием дела, добросовестно и аккуратно». Енукидзе посчитал, что он сможет справиться с должностью губернского комиссара, дал соответствующую рекомендацию, и Тухачевский стал военным комиссаром Московского района, где тоже зарекомендовал себя хорошо.

А Гражданская война тем временем разворачивалась все шире. Летом 1918 года «фронтом № 1» молодой республики стал Восточный фронт («восток» в то время находился на Волге). Конец июня уже застает нашего героя в Казани с мандатом, в котором написано: «...командирован в распоряжение главкома Восточного фронта Муравьева для исполнения работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командования ими».

Много пишут и спорят о достоинствах и недостатках Тухачевского как командующего. А его работа по строительству армии никем, кажется, и не замечена. Между тем уже в отчете о первой поездке он предлагает создавать военные училища по ускоренной подготовке командиров, наладить обучение прямо в войсках. (Забегая вперед, скажем, что в 1919 году он реализовал свою идею, первым в республике открыв на Восточном фронте командные курсы.) В июне 1918 года Тухачевский разрабатывает проект организации курсов военных комиссаров — и те действительно были созданы. А когда говорят, что из подпоручиков он «прыгнул» сразу в командармы, то забывают, что перед словом «командование» в мандате написано «организация и формирование». Сможешь организовать — будешь командовать, не сможешь — так с товарища Троцкого станется и к стенке поставит!

Отдельный разговор — из чего предстояло эту армию организовывать. Обстановка на Восточном фронте летом 1918 года была невообразима и неопишима. Великолепное описание того, что представляла собой эта война, оставил сам Тухачевский.

«Когда 27 июня я прибыл на ст. Инза для вступления в командование 1-й армией, штаб армии состоял только из пяти человек: начальника штаба Шимупича, начальника оперативного отдела Шабича, комиссара штаба Мазо, начальника снабжения Штейнгауза и казначея Разумова. Никаких аппаратов управления еще не существовало; боевой состав армии никому не был известен; снабжались части только благодаря необычной энергии и изобретательности Штейнгауза, который пере-

хватывал все грузы, шедшие через район армии, как-то сортировал их и всегда вовремя доставлял в части.

Сами части, почти без исключения, жили в эшелонах и вели так называемую «эшелонную войну». Эти отряды представляли собой единицы чрезвычайно спаянные, с боевыми традициями, несмотря на короткое свое существование. И начальники, и красноармейцы страдали необычайным эгоцентризмом. Операцию или бой они признавали лишь постольку, поскольку участие в них отряда было обеспечено всевозможными удобствами и безопасностью. Ни о какой серьезной дисциплине не было и речи. Эти отряды, вылезая из вагонов, непосредственно и смело вступали в бой, но слабая дисциплина и невыдержанность делали то, что при малейшей неудаче или даже при одном случае отхода эти отряды бросались в эшелоны и сплошной эшелонной «кишкой» удирали иногда по несколько сотен верст... Были и такие части (особенно некоторые бронепоезда и бронеотряды), которых нашему командованию приходилось бояться чуть ли не так же, как и противника».

Это был тот материал, из которого предстояло создавать воинские части. О профессионализме этой публики и речи не было, это была партизанская вольница, и Тухачевский, первым в Советской России, 4 июля 1918 года издает приказ о мобилизации офицеров.

Уже к началу июля ему удалось наловить достаточно народу, чтобы получилось три дивизии, которыми он и стал командовать. Дивизии были вполне боеспособны — 13 сентября 1-я армия форсировала Волгу по мосту под непрерывным обстрелом, и уж коль скоро бойцы туда пошли, значит, дисциплина у них к тому времени была превыше «эгоцентризма». Добивался ее новый командующий всеми способами, от патетических приказов до военно-полевых судов. И еще кстати: одним из первых, если не первым, он стал перевербовывать пленных белогвардейцев — причем не только рядовых, но и офицеров. Позднее это делали почти все, но летом восемнадцатого такая практика была далеко не повсеместной. Он сколачивал свое войско, как молодая овчарка сгоняет стадо, — может быть, и без должного опыта, но на хороших рефлексках.

Генерал-подпоручик

В общем, с армией все обстояло прилично. Хуже было с личными отношениями. Михаил Николаевич отличался тем еще характером — на любого, кто, по его мнению, мешал ему воевать, он обрушивался всеми видами оружия — от ехидных замечаний до гневных рапортов «наверх». Хотя и ему приходилось нелегко — в свои двадцать пять лет коман-

дарм-1 выглядел еще моложе, совсем мальчишкой, и место в сообществе «красных генералов» приходилось брать лихой кавалерийской атакой.

Во главе Восточного фронта был в то время поставлен подполковник царской армии, левый эсер, лихой командир матросской братвы и отчаянный авантюрист М.А. Муравьев — тот самый, который единолично объявил войну Германии. Отношения нового командарма и его комфронта продолжались всего две недели, однако успели «не сложиться». Позднее Тухачевский дал Муравьеву совершенно убийственную характеристику: «...Теоретически Муравьев был очень слаб в военном деле, почти безграмотен... Мысль сделаться Наполеоном преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках. Обстановки он не умел оценить. Его задачи бывали совершенно безжизненны. Управлять он не умел. Вмешивался в мелочи, командовал даже ротами. У красноармейцев он заискивал... Был чрезвычайно жесток. В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний».

Скорее всего, во многом так оно и было. А уж что касается притязаний комфронта и его жестокости — однозначно. Страшноватая, по правде говоря, была личность. Однако все же Муравьев являлся подполковником царской армии, прошел мировую войну и считался в то время одним из лучших командиров. Впрочем, понять ситуацию можно: два Наполеона на один фронт — это уже многовато.

Субординации Тухачевский не признавал в принципе, ему ничего не стоило «поправить» приказ — мол, мне на месте виднее. (Лишь командующий Восточным фронтом Ольдерогге сумел его взнуздать — но Ольдерогге был все-таки генералом царской армии с опытом японской и Первой мировой войн, тут уж весовые категории оказались слишком неравными.)

Конфликт «бонапартов» разрешился сам собой. В начале июля 1918 года произошло восстание левых эсеров в Москве. Муравьев пошел против правительства и был убит во время переговоров в здании Симбирского губкома. Попутно едва не закончилась раньше времени и карьера командира 1-й армии. Отчего они поругались на этот раз — непонятно: то ли из-за строптивости Тухачевского, то ли из-за того, что он отказался поддержать восстание. Как бы то ни было, Муравьев решил вопрос по-своему — приказал арестовать надоевшего ему командарма. А красноармейцы, судившие обо всем по-простому, вознамерились тут же арестованного и расстрелять. По счастью, перед тем, как поставить к стенке, его все-таки спросили, за что арестован. «За то, что больше-

вик!» — ответил Тухачевский. Ошалевший от такого заявления конвой предпочел его отпустить.

...После убийства Муравьева Тухачевский стал исполняющим обязанности командующего фронтом. Это был тот самый шанс, о котором мечтает любой честолюбивый молодой человек.

Впрочем, надо сказать, что Тулона не получилось, да и получиться не могло. Измена и убийство Муравьева, которого бойцы любили, шквал противоречивых приказов и полное непонимание того, кто на самом деле кого предал, дезорганизовали фронт. За десять дней белые взяли Сызрань, Бугульму, Мелекес, Сенгилей и сам Симбирск. Приехавший новый комфронта, бывший полковник Вацетис, тоже положения не улучшил.

Дела были катастрофически плохи. И тогда на Восточный фронт, к тому времени объявленный главным фронтом Республики, отправился наводить порядок сам наркомвоен Троцкий. По ходу наведения этого самого порядка он обругал практически весь руководящий состав, командиров и комиссаров. Понравился ему один Тухачевский, которому нарком обещал всемерную помощь и поддержку, впоследствии даже писал письма. Чем так приглянулся ему этот «задумчивый, почти рассеянный юноша в тужурке хаки» (так спустя несколько лет охарактеризовал его Михаил Кольцов)? Чем бы ни приглянулся, но Тухачевский стал одним из любимцев Троцкого, и с этим многие связывают его дальнейшую карьеру. Связывают справедливо: пиар Михаилу Николаевичу был сделан отменный, и с назначениями ему явно помогали, отправляя туда, где он мог с наибольшим блеском проявить себя.

Хотя все это несколько однобоко... Армия того времени все же отличалась от советского учреждения 70-х годов, где главное, действительно, было понравиться шефу. Отличалась она тем, что ее командующие не только выстраивали свои отношения с партийными начальниками, но все-таки еще и воевали. И если человек воевал плохо, то никакие связи ему бы не помогли. Разжаловали бы, а то и расстреляли — тогда с этим было легко.

Выяснить, кто воевал лучше на той войне, а кто хуже, как надо было и как не надо — это все гнилые военные разборки, поскольку на самом-то деле никто толком не знает, как надо было маршировать по тому болоту, которое представлял собой в военном отношении восемнадцатый год. В теоретическом плане русская армия попала в сложное положение: сначала одна война, какой еще не бывало, и тут же, без передышки, — другая, совсем уже безумная. А практически каждый справлялся, как

умел, и Тухачевский командовал не хуже прочих. Ну, правда, характер был сильно не подарок — что есть, то есть...

Передвижение Тухачевского по фронтам отмечается радужным хвостом склок и жалоб. Сторонники видят в этом его принципиальность, борьбу за единоначалие в армии и прочие высокие мотивы. Действительно, за власть он с комиссарами боролся — впрочем, не он один. В том-то и дело, что все, происходившее с Тухачевским и вокруг Тухачевского, не было чем-то необычным для того времени. На всех фронтах командиры собачились с комиссарами, и устраивались на фронте сплошь и рядом с совершенно старорежимным комфортом, и приказы выполняли так, как им самим того захочется. Впрочем, Тухачевский на общем фоне все же несколько выделялся. Самому Троцкому как-то раз досталось от его протезе — мы ведь уже говорили, что у Михаила Николаевича были серьезные проблемы с иерархичностью. Троцкий приехал на фронт и застал Тухачевского, когда тот наносил на карту план сражения. Нарком сделал пару замечаний. Тогда командарм положил перед ним свой карандаш и вышел. «Куда вы!» — крикнул в окно Троцкий. «В ваш вагон, — ответил ему Тухачевский. — Вы, Лев Давидович, видимо, решили поменяться со мной постами».

...И все же Тухачевский считался одним из лучших военачальников молодой республики, хотя даже Троцкий, отнюдь не образец сдержанности и расчета, говорил, что «в его стратегии был явственный элемент авантюризма». А с другой стороны — у многих тогда было иначе? Начиная с собственно 25 октября авантюра являлась всеобщим стилем того времени, а военная наука по поводу такой войны, когда разноцветные отряды гоняются друг за другом по необъятным просторам матушки-России, сказать ничего не могла. Тут уж кому как повезет...

Наиболее успешно Тухачевский воевал в Сибири. Противник был к тому времени деморализован, и гнать его оказалось не так уж трудно. Во многом своими успехами красные были обязаны, кстати, одному из членов РВС 5-й армии, Ивану Никитичу Смирнову (тому самому Смирнову, который в 30-е годы пытался создать оппозиционный блок). Он поддерживал связь с мощным сибирским подпольем, которое руководило партизанским движением, а к подходу красных частей готовило восстания в городах. (Но все же называть Смирнова победителем Колчака, как иногда делают, было бы явным преувеличением: армия тоже не мух ловила.)

Результатом войны в Сибири стало то, что 5-я армия была признана лучшей армией Республики, а ее двадцатипятилетний командарм на-

гражден орденом Красного Знамени. К тому времени он был самым популярным полководцем Гражданской войны. И если кто считает его плохим командиром и бездарным стратегом, то пусть объяснит: почему его карьера развивалась с таким блеском? Только не надо говорить, что все это «волосатая рука Льва Давидовича» — возможности наркомвоенна тоже были ограничены. Можно раздуть чью-то славу, но создать ее из ничего партийная обстановка не позволяла.

На самом деле есть и вторая причина, куда проще: Тухачевский не был плохим командиром и бездарным стратегом. Если человек не гений, это еще не значит, что он бездарь! Между этими крайностями существует множество градаций...

Троцкий, который, кто бы что ни утверждал, в военном деле понимал, говорил: «Тухачевский, несомненно, обнаружил выдающиеся стратегические таланты». Высоко его оценивал и Сталин. 3 февраля 1920 года он телеграфирует Буденному и Ворошилову по поводу Кавказского фронта: «Я добился... назначения нового комфронта Тухачевского — завоевателя Сибири и победителя Колчака...» А в 1930 году он же писал Ворошилову, что очень уважает Тухачевского как «необычайно способного товарища». И, несмотря на вызывающее поведение «красного маршала», снова и снова назначал его на высокие посты, прикрывал от неприятностей — вплоть до 1937 года, когда уже пришлось...

Варшавское безумие

...Кавказским фронтом Тухачевский командует успешно. К тому времени белая армия была деморализована, и новый командующий, объявив наступление, в конце марта вышел к Черному морю и взял Новороссийск. Но совсем иного рода противник встретился ему, когда началась война с Польшей. И первое же столкновение с поляками, майское наступление своего нового, Западного фронта, Тухачевский фактически провалил. Лишь после того, как успешное наступление Юго-Западного фронта и прорыв конницы Буденного в польский тыл вынудили поляков перебросить часть войск из Белоруссии на Украину, повторное наступление Западного фронта увенчалось успехом. Зато что было потом! В ходе июльской операции стремительным ударом Красная Армия выбила поляков из Минска и Вильнюса и погнала их на запад. Пилсудский вспоминал позднее, что один из его генералов каждый день начинал доклад словами: «Ну и марш! Какой марш!»

Казалось, противник разбит и полностью деморализован. Но это только казалось. Под Варшавой Красную Армию ждал страшный разгром, который очень дорого обошелся Советской России.

И что удивительно: командующий Западным фронтом никак за него не поплатился. Дальнейшая его карьера развивалась так, словно и не было никакого поражения. Будь он хоть сто раз любимцем Троцкого, это все равно странно. В чем же дело?

Что еще интересней, в 1932 году в Военной академии им. Фрунзе состоялась дискуссия, посвященная Варшавской операции, участники которой возложили часть вины за ее провал на комфронта Тухачевского. На ком же лежит другая часть этой вины?

Мы никогда этого не поймем, если будем рассматривать польскую кампанию (впрочем, как и любую другую) «в безвоздушном пространстве», очерченном стрелочками на карте. Кроме стрелочек, было еще и много всего другого...

...Едва после подписания Версальского мирного договора Польша появилась на карте, как тут же предалась своему любимому занятию — войне с Россией. В начале 1919 года польские войска начали наступление и вскоре заняли пол-Белоруссии, часть Украины и Литвы. В 1919 году, когда Советская Россия находилась в тяжелом положении, ее правительство готово было, в обмен на мирный договор, отдать Польше всю захваченную ею территорию, но ответа не дождалось. Поляки хотели большего. 25 апреля 1920 года они начали наступление на Украину и 6 мая взяли Киев²³. Договориться не получилось, и Красная Армия стала готовиться к наступлению.

Польским войскам к тому времени противостояли два фронта: Юго-Западный — на Украине и Западный — в Белоруссии. Согласно плану наступления, главный удар должен был нанести Западный фронт в направлении на Варшаву, удар Юго-Западного приходился на Брест и

²³ К сведению тех, кто любит сокрушаться о «братьях поляках» и осуждать Сталина за 1939 год: когда в 1928 году красноармейские части проходили через Киев, их в прямом смысле *засыпали* цветами. Ворошилов по этому поводу писал Орджоникидзе: «Весь буквально город был на улице. Я не преувеличу, если скажу, что у семидесяти процентов народа, запрудившего улицы и тротуары, были цветы. Цветов было столько, что не только красноармейцы несли огромные букеты, но даже лошади, тачанки, автомобили, повозки — все тонуло в цветах, которыми засыпало население проходившие войска. Части двигались по ковру живых цветов...» Это было время, когда со дня на день ждали польской интервенции, и такая встреча о многом говорит. Киевляне помнили, как это было в 1920-м...

был вспомогательным. 20 марта по предложению главнокомандующего вооруженными силами РСФСР С. Каменева Тухачевский был назначен командующим Западным фронтом.

К тому времени партизанщину первых лет войны удалось изжить, и уже никто не делал, что левая нога захочет... или, по крайней мере, не всегда действовал по ее указке. Тухачевский честно согласовывал свои действия с главкомом. Он предложил атаковать поляков сразу всеми силами — то самое «необеспеченное наступление», которым его потом будет подкалывать Троцкий. План был одобрен, и 14 мая Западный фронт начал свое первое неудачное наступление. Затем фронт усилили, и 4 июля стартовало столь триумфальное и столь трагическое наступление номер два. Начиналось оно великолепно: красные войска выбили поляков из Минска и Вильно, освободили почти всю Белоруссию и вышли к границе.

А затем идет первая ложь нашей истории. Что говорят и о чем умалчивают? Говорят так: видя, что все хорошо, поляки бегут, Тухачевский, поддержанный своим Реввоенсоветом (Уншлихт, Розенгольц и Смилга), предлагает брать Варшаву силами одного лишь Западного фронта, а не двух фронтов, как предполагалось поначалу. Комфронта не хочет делиться славой. Ему удастся убедить Политбюро, и Юго-Западный фронт получает приказ идти не на Брест, а на Львов.

А теперь о чем умалчивают. В первую очередь о том, что, кроме Политбюро, существовал еще главком Каменев, бывший царский полковник, который и санкционировал предложение Тухачевского. А вы думаете, этот вопрос решали Ленин с Троцким, которые доверились «гениальному стратегу»?

Еще умалчивают, что 22 июля такое же предложение поступило и с Юго-Западного фронта (командующий Егоров, члены Военного совета Сталин, Берзин, Раковский) — наступать на Львов. Им тоже не хотелось быть «на подхвате». И Каменев, с согласия Реввоенсовета Республики, отдал роковое распоряжение — раз они все так этого хотят, начать операции фронтов в расходящихся направлениях.

Согласны: Тухачевский, самый молодой и амбициозный из командующих фронтами, увлекся, рассчитывая пройти всю Польшу одним броском. Ну а опытный главком Каменев о чем думал? Или он не знал, что такое молодой генерал? А может быть, ему было неизвестно, что «необеспеченное наступление» представляет собой фирменный стиль Тухачевского: ввязаться в драку, по доброму наполеоновскому принципу, а там видно будет... Несколько раз от разгрома его спасало только во-

время подошедшее подкрепление. Какие у Каменева были основания думать, что под Варшавой этого не случится?

Именно так все и получилось. К 14 августа красные войска вышли на подступы к Варшаве и ввязались в тяжелые бои. Люди были измотаны тяжелейшим наступлением, тылы отстали, не было боеприпасов, продовольствия, даже обмундирования — кое-где бойцы были элементарно разуты. А поляки, отступая вглубь своей территории, наоборот, копили силы. Хотя инерция наступления у красных еще оставалась, и чем все кончится, не смог бы предсказать никто...

И вот тут сказались все недостатки Красной Армии сразу. И самый главный — вышеупомянутое «правило левой ноги».

Главком Каменев считал, что поляки сосредоточат силы южнее Варшавы, для обороны города. Основания такие у него были. Тухачевский же полагал, что польские войска сосредоточены севернее, и директивы главкома попросту проигнорировал. Сам он находился в Минске, а ведь радиосвязи тогда не было, так что достаточно было прервать телеграфную связь, и командующий оказывался отрезанным от своих войск.

Прав оказался все-таки Каменев, хотя радости это никому не принесло. Когда красные войска, завязнув в боях, что было для них губительно, предприняли отчаянное, из последних сил, наступление на Варшаву, поляки ударили. К 19 августа Западный фронт перестал существовать.

Это было не поражение, а полный и сокрушительный разгром. Удар был жесточайшим. Г. Иссерсон, биограф маршала, писал: «Когда Тухачевскому стала ясна картина уже разразившейся катастрофы, и когда он уже ничего не мог сделать, он заперся в своем штабном вагоне и весь день никому не показывался на глаза... Долгие годы спустя в частной беседе он сказал только, что за этот день постарел на десять лет».

...Но это только половина правды. А вот и ее вторая половина. Дело в том, что директивы главкома плохо выполнял не только Западный, но и Юго-Западный фронт. Вдобавок если Тухачевский каким-то образом справлялся со своим Военным советом, то Егоров или не мог с ним справиться, или же не хотел. 10 августа, отдав приказ о форсировании Вислы, Тухачевский попросил главкома передать ему 1-ю конную и 12-ю армии Юго-Западного фронта. 13 августа Каменев отдал приказ. Однако шло наступление на Львов, и Сталин отказался утвердить директиву. Армию он соглашался отдать только после взятия Львова. В итоге Буденного

все-таки заставили выступить на помощь Западному фронту, но в конце августа это уже никому не было нужно. К тому времени то, что осталось от войск фронта, поляки даже и не преследовали.

У нас говорят, что Первая Конная уже не могла повлиять на судьбу кампании. Но есть и другие мнения — например, полковника Луара, одного из помощников генерала Вейгана, французского военного советника при Пилсудском. В 1925 году в польском журнале «Беллона» тот писал: «Что стало бы с польским маневром, если бы Буденный всей Конной армией обрушился на контратакующие с Вепржа войска, ничем не обеспеченные с юга, а не упорствовал в своем желании пожать лавры, ведя бесполезные боевые действия под Львовом? Операция польских войск потерпела бы полный крах. Какие бы это имело последствия, даже трудно себе представить».

Это вторая сторона правды. Но есть и третья ее сторона. Мы ведь забыли о мировой революции.

В мировую революцию тогда верили все: и теоретик Ленин, и трезвый Сталин, и неистовый Троцкий — едва ли среди большевистской верхушки нашелся бы кто-то, сомневающийся в ней. Тем более буквально только что отгремели восстания в Венгрии и Германии, да и в других странах было неспокойно. Казалось, достаточно лишь чуть-чуть подтолкнуть — и покатится! Бухарин, теоретик «революционной войны», говорил о красной интервенции, которая принесет в Европу коммунизм. Ленин смотрел дальше. В падении Польши он видел крушение Версальского мира и объединение Советской России с Германией, с которой к тому времени уже вовсю шли переговоры о совместных действиях против той же Польши. А уж советизировать Германию по тем временам казалось проще простого. Если же Советская Россия и Советская Германия объединятся — то где взять силы, которые смогли бы им противостоять?

Ставка была колоссальной. И на самом острие этой грандиозной игры находился Тухачевский со своим фронтом. Его постоянно гнали вперед даже не столько приказы, сколько сама обстановка. Да и первый он, что ли, генерал, который теряет соображение, видя отступающего врага, и на полном ходу влетает в ловушку?

О чем, спрашивается, все они там, в Москве, думали, оставляя его в одиночестве? Уж коль скоро с этим человеком и с этим фронтом связаны такие грандиозные планы, то и надо кидать все, что только можно, в топку этого паровоза! Тем более командир там мальчишка — а вдруг он неверно оценил свои силы, у него и раньше такое бывало, и не раз...

Может быть, поэтому его и не наказали? Большевики были отнюдь не образцом человеческой добродетели, но одно хорошее качество у них имелось — свои ошибки они на чужие плечи не сваливали. А Сталин, кстати, поплатился за невыполнение приказа. После жестокой публичной критики его сняли с поста члена РВС фронта.

Польская катастрофа дорого обошлась Советской России. Наша армия потеряла около 25 тысяч убитыми и ранеными, незнамо сколько (по разным оценкам, от 60 до 200 тысяч) пленными, и 45 тысяч были интернированы в Восточной Пруссии — это около 70% личного состава войск Западного фронта. Страна потеряла Западную Украину и Западную Белоруссию, не считая репараций в размере 30 миллионов золотых рублей и обязательств возратить военные трофеи и ценности, вывезенные из Польши аж с 1772 года. И не считая того, что десятки тысяч пленных красноармейцев погибли в лагерях той самой страны, которая нынче предъявляет нам счет за несколько тысяч якобы расстрелянных офицеров. А мы счет не предъявляем, мы оправдываемся...

И Львов, кстати, тоже потеряли...

...Трудно сказать, какие выводы сделал Тухачевский для себя — у него не было привычки каяться вслух. Сам он обвинял в неудаче соседний фронт — но не жаловался на понукания из Москвы, хотя, как известно, особым чинопочитанием не страдал. Говорил, что виноваты не политики, а военные, которые могли выполнить поставленную им задачу, но не сумели...

Не менее трудно сказать, какие выводы сделал для себя Сталин. Можем высказать парочку абсолютно безответственных предположений. Может быть, именно польская кампания стала результатом странной «непотопляемости» Тухачевского? Ведь вторая половина вины за страшное поражение лежала на Сталине, который всю войну считал себя умнее военных, — и вот результат! И ничего нет удивительного в том, что его отношение к военачальнику, которого он, как ни крути, так жестоко подставил, могло быть необъективным. В сторону улучшения, конечно, — а вы как подумали?

...Доблестные действия против мятежного Кронштадта, а особенно «героическое» подавление крестьянских восстаний с расстрелами заложников нельзя сказать, чтобы характеризовали Тухачевского как какого-то исключительного палача. Кронштадтское восстание само по себе чрезвычайно интересно — но как-нибудь в другой раз... Зададим лишь один вопрос: с чего это вдруг «братишки» начали протестовать

против продразверстки и продотрядов? И вообще этот инцидент настолько пахнет эсерами...

Что же касается крестьянской войны... то, во-первых, время было не слишком-то гуманное. Во-вторых, то, как сами мужички зверствовали, очевидцы спустя десятилетия не могли вспоминать без содрогания. В-третьих, когда после расстрела пятерых заложников деревня выдает 68 повстанцев и 88 дезертиров... В-четвертых — а что с «лесными братьями»²⁴ прикажете делать?

Штрих к портрету: два диалога после подавления Кронштадтского восстания. Первый — между главкомом С. Каменевым и Тухачевским.

«Тухачевский: ...В общем, полагаю, что наша гастроль здесь закончилась. Разрешите возвратиться восвояси.

Каменев: Ваша гастроль блестяще закончена, в чем я и не сомневался, когда привлекал вас к сотрудничеству в этой истории...

Тухачевский: Я очень прошу меня не задерживать дольше завтрашнего дня...»

Второй — между главкомом и наркомвоенмором.

«Каменев: Только что по прямому проводу у меня состоялся разговор с Тухачевским. Он сказал, что его гастроль здесь окончилась, и просит разрешения убыть на Западный фронт.

Троцкий: Как, вы сказали, назвал Михаил Николаевич свое пребывание под Кронштадтом — гастролью?

Каменев: Да, так и сказал: гастроль.

Троцкий: Интересное сравнение, но для Тухачевского вполне объяснимое, он же увлекается игрой на скрипке, а в Кронштадте первая скрипка принадлежала ему. Передайте Михаилу Николаевичу мое поздравление и разрешение убыть к прежнему месту службы».

Еще штрих к портрету: Ольга Тухачевская, сестра Михаила, вспоминает:

«...Миша молчал весь вечер, таким расстроенным я до тех пор никогда его не видела, потому и запомнила этот случай. Потом, уступив нашим просьбам, все-таки назвал причину: “Меня посылают в Тамбов, там крестьяне бунтуют. Владимир Ильич приказал покончить”. Брат повторил: “Теперь — крестьян”, — ушел к себе и двое суток пил. Миша всю жизнь был равнодушен к спиртному, это единственный случай,

²⁴ Банды, сидевшие в Тамбовских лесах, так себя не называли, но, по сути, были тем же самым, что и послевоенные «лесные братья».

когда он стал смертельно пьяным. Это тоже врезалось в память. Я мало что поняла, но почувствовала, что происходит что-то очень страшное. Больше Миша эту тему с нами никогда не обсуждал»²⁵.

ГЛАВА 10 ОТ «ВОЕННОГО МАРКСИЗМА» К «КРАСНОМУ МИЛИТАРИЗМУ»

Как говорил кто-то из вождей лунной революции: «Добрым словом и бластером можно добиться куда большего, чем просто добрым словом».

А. Уланов. Серебряные пули с урановым сердечником

В 1937 году, едва отзвучало по европейским газетам первое сообщение о «деле генералов», не кто иной, как Троцкий, разразился сожалениями об уничтоженном Сталиным «цвете Красной Армии». Впрочем, с этим-то демаршем все ясно: стоило Сталину сделать хоть какой-нибудь шаг — Троцкий тут как тут с язвительной критикой. Но любопытно, что первым назвал Тухачевского «блестящим стратегом» именно Лев Давидович, и значительно раньше...

Шуточки наркома

Едва закончилась Гражданская война, как товарищ Троцкий начинает чудить. Про его развлечения на ниве охоты и французских романов мы уже писали. В военном ведомстве тоже было не скучно. Одним из его финтов, о котором не знаешь, что и думать, было назначение Тухачевского, еще не остывшего от позорного поражения, начальником Военной академии Красной Армии. Как хотите, но есть в этом что-то от гладиаторских боев: выставить бойца на арену против десятка хищников и держать пари: кто кого? Подпоручик царского времени, не имевший не только теоретических трудов, но даже высшего военного образования (22 мая 1920 года, в самый разгар наступления на поляков, он приказом Реввоенсовета республики был причислен к лицам с высшим военным образованием, и только), становится во главе самого престижного военного учебного заведения России, где такие зубры собраны...

Произошло это эпохальное событие 5 августа 1921 года.

²⁵ Цит. по: *Кантор Ю.* Война и мир Михаила Тухачевского. С. 255.

Впрочем, как творец военной науки Тухачевский дебютировал несколько раньше, еще в начале 1920 года, когда его на некоторое время отозвали в Москву. Делать в столице было особенно нечего, и ему предложили прочитать ни больше ни меньше, как в Академии Генерального штаба лекцию на тему: «Стратегия национальная и классовая». Лекция представляла собой рассуждения о классовом характере Гражданской войны, перемешанные с выпадами в адрес старых офицеров, которые-де этот классовый характер «не поняли» и потому воюют плохо, и восхвалениями молодых командиров, которые ее «поняли» и оттого воюют хорошо. Ну, прочел и прочел. Мало ли ерунды несли многочисленные выдвиненцы того времени. Тем более что Тухачевский обожал взять какую-нибудь идею и, преувеличив ее, довести до полного абсурда — так он развлекался. Сам же, едва доходило до конкретных дел, на любое классовое деление попросту плевал, да и выглядел и держал себя отнюдь не товарищем, а самым что ни на есть старорежимным барином.

Эпатирующее всех и вся назначение становится более понятным, если вспомнить о постоянном противостоянии «старых» и «молодых» командиров Красной Армии, «военспецов» и «краскомов». Тухачевский в этой компании был фигурой странной. С одной стороны, как бы вроде кадровый офицер и ведет себя соответственно, «аристократически», с другой — самый типичный выдвиненец Гражданской войны. Хотя сам себя он явно видел краскомом, не уставая обвинять кадровых офицеров в профессиональной непригодности, и даже подводил под эти обвинения теоретическую базу. Еще в июле 1919 года он писал в Реввоенсовет: «Эта война слишком трудна и для хорошего командования требует светлого ума и способности к анализу, а этих качеств у русских генералов старой армии не было... Среди старых специалистов трудно найти хороших командующих. Уже пришло время заменить их коммунистами...»

И, наконец, ситуация окончательно проясняется, если вспомнить о политических амбициях Троцкого. Имея на своей стороне Военную академию, кузницу офицерских кадров, «демон революции» мог чувствовать себя гораздо уверенней. Пройдет совсем немного времени, и выпускники академии разойдутся по дивизиям и армиям, по штабам, сядут на кадры (!), унося с собой, в числе прочих знаний, и полученные в академии симпатии к Троцкому. Действительно, двумя-тремя годами позже академия станет настоящим оплотом троцкизма. Уж наверное, не старые царские служаки выступали на стороне «демона революции», а те, кого привел с собой в академию новый начальник и кто остался там, когда начальника давно уже и след простыл.

...От дебюта славного командарма в качестве преподавателя все, кто хоть что-то понимал в военном деле, как бы поточнее выразиться... обалдели, иначе не скажешь. Мало того, что он снова и снова заявлял, что старые генералы не сумели понять Гражданской войны — в конце концов, в этом есть какая-то сермяжная правда, чтобы воевать в условиях всепоглощающего хаоса, нужно иметь совершенно особые способности. Мало того, что он обвинял военспецов в неумении руководить войсками — он, только что потерпевший позорнейшее поражение! Но дальше он заявляет: «Лишь на базе марксизма можно обосновать теорию гражданской войны, то есть, создать классовую стратегию». И начинает эту самую стратегию развивать, и присутствующие преподаватели не могут понять — это всерьез или товарищ начальник так шутит?

Если исторический материализм есть применение марксизма к истории, то «классовая стратегия» — применение его же к военному делу. Но история — предмет гуманитарный, и в ней есть место для любых, самых бредовых теорий, а военное дело все-таки достаточно точная наука с весьма конкретными результатами.

«Классовая стратегия» основывается на утверждении, что войны, которые ведет Красная Армия, — войны совершенно нового типа. Равно как и сама Красная Армия — армия нового типа, поскольку она классово однородна. А вооруженные силы потенциального противника имеют смешанный классовый состав, и потому некрепки. (В устах дворянина на пролетарской службе эти слова звучат как-то особенно убедительно.) В их рядах немало пролетариев, еще больше их в тылу, и они естественным образом тяготеют не к своим буржуазным правительствам, а к классово близкой Советской России. Поэтому Красная Армия должна нанести только первый, достаточно сильный удар по капиталистической стране, и в ней тут же восстанет рабочий класс, свергнет власть угнетателей, и буржуазный строй падет под двойным натиском. (При этом данная теория только что блистательно провалилась при первом же испытании за границей — в Польше.) Из этой теории вытекали и специфические задачи армии — не столько победить военной силой, сколько вызвать восстание рабочего класса в тылу противника. Ну, и так далее...

Нельзя сказать, чтобы все это было уж совершеннейшим бредом. В первые послевоенные годы, когда в Европе то и дело вспыхивали революции, у такого подхода имелись основания — другое дело, что строить на этом стратегию, а тем более военную доктрину...

Впрочем, Тухачевский, даже не будучи убежденным большевиком, вполне мог увлечься марксизмом, хотя бы чисто эстетически. Какие он

приказы писал! «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!» Это же поэмы, а не приказы...

Но не в академии же все это развивать! Нет, что ни говори об увлечении марксизмом, но так и кажется, что сейчас из уголков по-профессорски серьезных глаз нового начальника начнут выглядывать веселые чертики:

«Я вас не шокирую, товарищи? Мне было бы очень досадно...»

На этот фокус купился даже Троцкий. «Мне приходилось также подвергать критике, — писал он в 1937 году, — попытку Тухачевского создать “новую военную доктрину” при помощи наспех усвоенных элементарных форм марксизма. Не забудем, однако, что Тухачевский был в те годы очень молод и совершил слишком быстрый скачок из рядов гвардейского офицерства в лагерь большевизма».

Последствия игр с марксизмом, впрочем, были довольно серьезны. От применения классово-теоретической к военному делу родилась специфическая стратегия — позднее она получила название стратегии сокрушения. Точнее, принято считать, что в основу «стратегии сокрушения» была положена именно «классовая стратегия» товарища Тухачевского. А на самом деле это еще вопрос, от чего именно она родилась. У немецких военных, относящихся совсем к другому классу — сплошь «фонны», тоже было что-то подобное, и называлось оно «молниеносная война», или, более привычно для русского уха, «блицкриг»²⁶.

...Приход Тухачевского в военную академию — а пришел он не один, с ним появились его единомышленники — тут же разделил военных специалистов на два лагеря. Впоследствии их условно называли сторонниками «стратегии сокрушения» и «стратегии истощения», или «измора».

Тухачевский, естественно, принадлежал к числу сторонников «стратегии сокрушения». Согласно ее варианту образца 1921 года, характер боевых действий Красной Армии в будущей войне будет чисто наступательным. Основывались эти умозаключения на внутренних свойствах Красной Армии, ее классово-сущности, революционном духе и пр. Подобные действия вместе с действиями естественных союзников во вражеских тылах обещали скорую победу и делали ненужными как сложные стратегические расчеты, так и попечение об обороне. На стороне этой теории выступили в основном молодые красные офицеры,

²⁶ А вообще-то так воевал еще Наполеон.

«поручики-командармы», с их специфическим опытом Гражданской войны и крайне слабой теоретической подкованностью. Зато они были вооружены полным набором революционной фразы, в которую более или менее искренне верили. Над этими теориями образца 1921 года посмеивался даже Троцкий, который говорил: «Побеждает тот, кто наступает тогда, когда нужно наступать, а не тот, кто наступает первым».

Лидером противоположного лагеря стал бывший генерал Свечин, выпустивший в 1926 году книгу «Стратегия». Постепенно на его стороне оказывались и многие остепенившиеся военачальники из противоположного лагеря. Уже в 1924—1925 годах фактически на стороне этой же теории выступил преемник Троцкого на посту наркома обороны Фрунзе, который называл войну между равными противниками «длительным и жестоким состязанием». Фрунзе никто не осмелился обвинить в контрреволюционности и непонимании сути РККА, зато на Свечина обвинения сыпались градом, тем более что характер у него был еще похуже, чем у Михаила Николаевича. Впрочем, до 30-х годов они друг друга уважали и ставили достаточно высоко, потом какая-то кошка все же пробежала, потому что в 1931 году Тухачевский уже говорил: «Свечин марксистом не был и никогда им не хотел быть... В теоретических своих положениях Свечин всячески восстает против возможности наступления Красной Армии против капиталистических стран. Сознательно или бессознательно он является агентом империализма», — клеймит он уже арестованного профессора: достойное поведение, нечего сказать!

Впрочем, если есть что хуже, чем выяснять, кто правильной воевал, так это разбираться в военных теориях. Но кое в чем разобраться все-таки надо. Поскольку с легкой руки все того же Виктора Суворова Тухачевского стали считать едва ли не главным виновником разгрома Красной Армии в июне 1941 года. Мол, он продал порочную доктрину «войны малой кровью на чужой территории», из-за которой наша армия была не так вооружена, не так подготовлена, и вообще все было не так...

Только не надо особенно заикливаться на словах. Такая война является мечтой любого военачальника. Немцы тоже воевали «малой кровью на чужой территории», однако их военную доктрину никто не объявлял изначально порочной, пока они на Россию не полезли...

Тем не менее на Тухачевского-теоретика вешают даже тех собак, которые родились уже после его смерти. Герман Смирнов, например, в своей книге «Правда о кровавом маршале», вышедшей в начале 90-х годов, пишет: «За “рейдовую психологию”, усиленно внедрявшуюся в сознание молодых командиров-танкистов, пришлось заплатить большой кровью

в первые дни войны. Действуя в соответствии с наставлениями, выработанными Тухачевским, они бросали свои непереформированные танковые корпуса, состоявшие из легких танков Т-60, Т-26 и БТ, во встречные контратаки на фашистские танковые колонны. И в первые же часы боя теряли до 90% боевого состава...»

Вот ведь странно: нам почему-то всегда казалось, что не «молодые командиры» бросают корпуса в бой, а как минимум командующие дивизиями и фронтами. А наставления пишет и рассылает Генеральный штаб, начальником коего, кстати, в то время был генерал армии Жуков, которого постоянно противопоставляют Тухачевскому. И доктрина была тут абсолютно ни при чем, а просто наши генералы за десять лет не удосужились разработать тактику танкового боя... А если мозг нашей армии в 1941 году руководствовался наставлениями десятилетней давности, то что тут можно сказать...

...«Теоретическая» гастроль Тухачевского была непродолжительна. Академия терпела его не более полугода, после чего он вернулся на знакомый ему пост командующего фронтом. А в 1924 году он был назначен руководителем по стратегии всех академий РККА. Время было безумное...

Кстати, финт Троцкого на самом-то деле оказался «медвежьей услугой» его любимцу. Тухачевскому очень не помешало бы систематическое образование. Но как он мог прийти учиться в академию, которую раньше возглавлял?

Загадочное назначение

Варшавское поражение стало для Тухачевского незаживающей раной. Если раньше у него не было «идеи фикс», то теперь она появилась — расчитаться с Польшей! Один раз эта его мечта едва не обернулась войной.

...Весной 1924 года Тухачевского переводят на работу в Штаб РККА, помощником начальника, хотя опыт штабной работы у него нулевой. Одни считают это назначение повышением, другие — понижением. Но суть не в этом. Главное — почему? Вот уж опытных штабных-то в Красной Армии было немерено, большая часть царского генштаба в ней осталась...

О, это совершенно замечательная история!

После Варшавского поражения Тухачевский остается командующим Западным фронтом и в этой должности встречает 1923 год, знаменательный двумя вещами: троцкистской оппозицией и несостоявшейся революцией в Германии.

15 марта его внезапно отстраняют от должности, а 29 марта так же внезапно восстанавливают. В этом странном карьерном вираже чего только не усматривают — и какие-то интриги вокруг командующего, и борьбу за власть. На самом деле все проще: эти две недели он провел в Берлине, где набирало обороты советско-немецкое революционное сотрудничество. А поскольку миссия являлась чрезвычайно скользкой, лучше, чтобы он поехал туда как частное лицо. В то время это была обычная практика скользких миссий...

В августе 1923 года Тухачевского вызывают в Москву, предлагая должность в столице и одновременно командировку в Берлин для формирования «германской Красной Армии». Казалось бы, карьерист должен ухватиться за такой шанс, да и с военной точки зрения это интересней, чем киснуть в округе. Но он почему-то не соглашается — несмотря на то, что в Германии предполагается самая настоящая война. Осенью его несколько раз вызывают в столицу, но он попросту отказывается виноваться и остается в Смоленске. С чего вдруг? Что произошло-то?

А теперь надо вспомнить, какими были планы «германского красного октября». Осенью произойдет масштабное выступление немецких рабочих, в ответ Франция введет в Германию войска — и тогда на помощь немецкой революции выступит Красная Армия. Правда, чтобы дойти до Германии, ей надо — в том-то все и дело! — пройти через Польшу. В этом и была проблема. Потому что храбрые заявления, которые делались в советском посольстве, вроде того, что «если Польша не сдастся, она будет раздавлена», нимало не соответствовали действительности. Совсем недавно поляки нанесли Красной Армии жесточайшее поражение, а с тех пор они слабее не стали. Даже Троцкий считал, что надо любой ценой избежать войны, договорившись о том, чтобы Польша просто пропустила красные войска через свою территорию. (Насколько это было реально — уже второй вопрос.)

Да, но войсками Западного фронта, непосредственно у польской границы, командовал Тухачевский, как раз и проигравший войну. С тех пор самой заветной его мечтой был реванш. Победить поляков, смыть с себя позорное пятно проигранной кампании. Еще 20 августа 1920 года, когда его армия бежала из-под Варшавы, он издал известный приказ по Западному фронту № 1847, где говорилось, что мир может быть заключен только «на развалинах белой Польши». Нашей делегации на советско-польских мирных переговорах пришлось долго и трудно объясняться с поляками по поводу этого приказа...

Ну и как он мог теперь оставить, хотя бы на несколько дней, свой округ, если красные войска вот-вот перейдут границу? А вдруг это случится без него?!!

Вот только второго Муравьева на западных рубежах в то время и не хватало!

Если советское правительство хотело мира, надо было любой ценой убрать оттуда Тухачевского. Мало того, что с него станется объявить собственную войну. В той обстановке, которая сложилась в Восточной Европе летом 1923 года, тот факт, что Западным фронтом командует Тухачевский, ни в коей мере не способствовал спокойствию польского правительства. У поляков тоже могли не выдержать нервы...

Еще менее успокаивало то, что творилось на этой границе в сентябре. С 16 сентября по 3 октября командующий фронтом решил провести маневры, и вот почти двадцать дней, в самое напряженное время, войска округа гарцевали вдоль границы. Более того, выстраивались так, словно бы собираются нанести удар по Варшаве. Естественно, занервничали и поляки, также выдвигая к границе войска. Мир висел на волоске. Одно провокационное или просто неосторожное движение — и войны будет уже не избежать. И, учитывая личность комфронта, можно ли сомневаться, что Берлин интересовал его во вторую очередь, а политические разборки в Москве — в пятую (если не в двадцать пятую)?

В Кремле занервничали всерьез. Но как его уберешь? Нужен предлог. И вот 18 сентября, в самое горячее время, на заседании Политбюро вдруг слушают доклад Молотова о Красной Армии, в основу которого положена справка ОГПУ о безобразиях на Западном фронте. Самое время заниматься моральным состоянием армии, ничего не скажешь! 20 сентября Троцкий предлагает передать материалы на Тухачевского в Центральную контрольную комиссию, на то время, пока идет разбирательство, заменить его и срочно назначить авторитетный РВС Западного фронта. А уж в Москве справиться с непослушным командующим будет легче: в конце концов, можно и под арест посадить за неповиновение, подержать под замком, пока все не закончится.

А маневры продолжают!

Впрочем, вызов в ЦКК был настолько явным предлогом... Хотя и тут вышла любопытная штука. Когда ЦКК попросила заместителя председателя РВС Склянского прислать имеющиеся у него материалы на Тухачевского, единственное, что удалось накопать, так это то, что он возил семью в вагоне спецназначения, поселил ее в усадьбе, которая некогда принадлежала его отцу, и прилетал туда на аэроплане.

Фактически никакого компромата, а ведь в то время командующие вели себя по-разному — чего стоит одна история с киевским ипподромом! Тухачевского вызвали в Москву, к члену ЦКК Сахаровой, которая должна была выслушать его объяснения и сдать дело в архив. Но он ведь был далеко не дурак! Прекрасно поняв, что означает сей вызов, Тухачевский отправил «объяснения» почтой, коротко и исчерпывающе: «1. Провозка семьи действительно имела место. 2. На аэроплане никогда не прилетал. 3. Усадьба, где живет моя мать, действительно принадлежала моему отцу до 1908 г., потом он ее продал. Поселилась мать с сестрами во время революции»²⁷. Сам же приехать и не подумал, наоборот — закончив маневры, отправился в поездку по «фронту».

Лишь в конце октября, когда стало ясно, что ничего не произойдет, он отправляется в Москву, выслушивает на ЦКК обвинения в пьянстве и разлагающем влиянии на подчиненных и получает за это свой строгий выговор. Ему это достаточно безразлично, всем остальным тоже — обвинения явно риторические, если бы в этой армии судили за пьянство, в ней бы офицеров попросту не осталось.

В ноябре Тухачевского направляют в Берлин, устанавливать контакты с «черным рейхсвером», тайной армией побежденной Германии. Теперь он послушно едет — не все ли равно, раз войны не будет? Пробыл он там недолго. Уже в середине декабря все заканчивается обычным образом: поссорившись с полпредом Крестинским, наш герой возвращается в Россию, в свой округ.

Вся эта история совпала по времени с конфликтом между троцкистами и правительством в Москве, и белые эмигранты, а следом за ними и некоторые современные исследователи, замороженные политикой, увидели в ней выступление Тухачевского против власти (или же за власть — кто как трактовал). Однако позвольте не согласиться. Напомним еще раз: он был военным и, как нормальный генерал, относился к политикам соответственно. И впоследствии он, точно так же как командующий рейхсвером генерал фон Сект, будет видеть вершиной устройства общества военную диктатуру. Притворяться этот человек совершенно не умел или не желал, и поразительно: насколько он, невероятно активный во всем, что касается армейских дел, бомбардировавший начальство докладными по любому поводу, едва дело доходит до политики, становился

²⁷ На самом деле часть имени семье выделили крестьяне села Вражское, «в память их отца и бабушки» — должно быть, хорошими людьми были прежние помещики...

похожим на устрицу. Что доказывает лишь одно: ему было глубочайшим образом наплевать на все склоки штатских болтунов...

Нет, у этой истории есть куда более простое объяснение.

Польша!

...Да, но Тухачевского с польской границы надо было убирать, а то ведь он действительно мог устроить собственную войну. И весной — не без труда, не без сопротивления (по некоторым предположениям, его даже пришлось арестовать) — его из округа изъяли. Он был назначен вторым помощником начальника Штаба РККА — по организационно-административным вопросам. Помощником по оперативному планированию был Б.М. Шапошников. Такое назначение можно рассматривать только одним образом — как наказание за все его фокусы. Уж больно много нервов стоил он правительству в минувшем году.

Не сошлись характерами

...В конце 20-х годов, по воспоминаниям Л.А. Норд²⁸, Тухачевский как-то раз сказал ей: «...Никто из военного руководства, кроме Фрунзе, не жил и не живет так армией, как живу ею я. Никто так ясно не представляет себе ее будущую структуру, численность и ту ступень, на которую армия должна стать... Поэтому теперь мне надо добиваться того, чтобы стать во главе руководства армией, иначе ее развитие будет идти не так, как надо, и к нужному моменту она не будет готова...»

Одного у Тухачевского не отнимешь — горячей любви к армии. Правда, между «знать, как надо», и как на самом деле надо, подчас бывает дистанция огромного размера, но и само намерение кое-чего стоит. Армию целиком, правда, ему не дали, но и Штаб РККА — тоже не кулек леденцов, в нем можно сделать очень много.

...А на западных границах СССР уже назревает очередной кризис. Даже германскому национализму далеко до польского, и жители Западной Украины и Белоруссии за четыре года польского владычества натерпелись от панов достаточно, чтобы дойти почти до точки кипения... ну, и Коминтерн с Разведупром тоже руку приложили. В случае если бы восстание все же началось, Красная Армия мгновенно вмешалась бы в конфликт и занялась отвоевыванием переданных Польше территорий. Конечно, Тухачевский не мог остаться в стороне, и осенью 1924 года он едет в свой любимый Западный округ «по делам службы». Ему это позво-

²⁸ Псевдоним Л.А. Норд до сих пор не расшифрован. Предположительно, она была женой советского военачальника из окружения Тухачевского.

ляют. Более того, в 1925 году на съезде Советов Белоруссии он призывает правительство республики «поставить в повестку дня вопрос о войне».

Однако новая работа быстро охладила эту горячую голову. Уже 26 декабря 1926 года в докладе «Оборона Союза Советских Социалистических Республик» он делает горестный вывод: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы».

Впрочем, можно подумать, противник спрашивал о готовности! В 1927 году страна опять стоит на грани войны. Тогда всерьез ожидали, что Англия блокирует СССР на море, одновременно спровоцировав нападение Польши, Румынии и Финляндии. В июне 1927 года Красная Армия уже заняла позиции вдоль западной границы, приготовившись к отражению нападения. Пронесло. Тогда не рискнули. Тем не менее советское правительство занервничало, о чем говорит форменная чехарда со смещениями и назначениями в ближайшие три года.

...А Тухачевский сидит в Штабе РККА и бомбардирует наркома и правительство предложениями об улучшении его работы — раз уж он оказался прикован к этой структуре, то ее переустройством и занялся. Не будем их обсуждать: во-первых, все равно ответа мы не получим, поскольку по этим вопросам даже у военных на двух человек приходится три мнения; а во-вторых, к нашей теме это отношения не имеет. Важно то, что его ни в коей мере нельзя было назвать равнодушным служакой, и что он был недоволен отношением правительства к армии. По его мнению, страна могла дать ей больше, чем она давала.

Осенью 1925 года Тухачевский был назначен начальником Штаба РККА. В конце октября умер Фрунзе, и наркомом стал Ворошилов. Затем начались бесконечные реорганизации — методом «тыка» искали наилучшую форму управления тем, что в СССР называлось армией. Тухачевскому все это не нравилось, он вообще стоял за то, чтобы из Штаба РККА сделать орган, управляющий армией, — то есть преобразовать его из рабочего органа при наркоме в Генеральный штаб.

И вдруг, в мае 1928 года, он внезапно отправляется командующим в не самый большой и не самый престижный Ленинградский военный округ. По этому поводу каких только догадок во всем мире не строили. Будущий генерал-фельдмаршал, а тогда полковник Вернер фон Бломберг, побывавший в Москве в 1928 году, например, считал: «Существует две версии отставки Тухачевского. Согласно первой, он был сторонни-

ком превентивной войны против Польши, что не могло удовлетворить правительство; согласно второй — его политическая благонадежность была поставлена под сомнение, и в военном вожде кое-кто увидел тень вождя возможного мятежного движения».

Впрочем, есть еще и третья версия, самая простая... Михаил Николаевич был человек чрезвычайно активный и чрезвычайно язвительный. Сочетание этих двух качеств создавало ему множество врагов. В конце концов и из его работы в Штабе РККА снова вышел скандал. 16 апреля 1928 года три военачальника не из последних — Егоров, Буденный и Дыбенко — направили Ворошилову письмо, в котором обвиняли Тухачевского в стремлении захватить власть в армии. Ворошилов вызвал начштаба для разговора, но ничего путного из этого не вышло, только хуже переругались. 8 мая 1928 года Тухачевский пишет наркомку: «Мое дальнейшее пребывание на этом посту неизбежно приведет к ухудшению и дальнейшему обострению сложившейся ситуации». И отправляется командовать Ленинградским военным округом, одновременно размышляя над перевооружением армии.

Тут надо понимать еще один момент. Это только в фильмах военные молча повинуются начальству, а если и спорят друг с другом, то строго по уставу. А в реальности в 20—30-х годах по склочности военная среда могла сравниться разве что с Союзом писателей. Просто у тихого Шапошникова были одни методы, у прямолинейного Тухачевского — другие, а у громогласного Дыбенко — третьи.

Вот и пример. В начале 1930 года вышла книга В.К. Триандафиллова «Характер операций современных армий». Книга вызвала интерес, и решили устроить ее публичный разбор. Причем аудитория была достаточно широкая: многие военачальники и слушатели военных академий. Все шло прилично до тех пор, пока собравшиеся не схлестнулись по вопросу о коннице. Начали Буденный и Тухачевский, недолюбливавшие друг друга еще с 1920 года... Вот как развивались события дальше (просим читателя учесть, что изложивший эту историю Г. Иссерсон — горячий сторонник «красного маршала»).

«Тухачевский... сказал, что конница, не оправдавшая себя уже в Первую мировую войну, не сможет в будущей войне играть какую-нибудь важную роль. Это вызвало бурю негодования со стороны Буденного, сидевшего в президиуме. Он бросил реплику, что “Тухачевский гробит всю Красную Армию!” На это Тухачевский, обернувшись к Буденному, с вежливой улыбкой сказал: “Ведь вам, Семен Михайлович, и не все объяснить можно!” — что вызвало смех в зале.

Обстановка накалялась и достигла высшего предела, когда выступил Т²⁹... Конница, по мнению Т., сохранила все свое значение, доказав это в Гражданскую войну, в частности, в Польскую кампанию 1920 г., когда она дошла до Львова. И если бы она не была отозвана оттуда Тухачевским, то выиграла бы операцию. И тут, обратившись к Тухачевскому, который тоже сидел в президиуме, и подняв сжатые кулаки, Т. высоким голосом выпалил: “Вас за 1920-й год вешать надо!”

В зале наступила гробовая тишина. Тухачевский побледнел. Буденный ухмылялся. Гамарник, нервно пощипывая бороду (его обычная привычка), встал и незаметно ушел из президиума.

Был объявлен перерыв, после которого Гамарник, переговоривший по телефону с Ворошиловым и получивший указания, объявил, что так как дискуссия... получила неправильное направление и приняла нежелательный оборот, считается необходимым собрание закрыть...»

В общем, поговорили...

Так что обмены любезностями, кляузы, а при случае доносы и подставы были у нас армейскими буднями. Просто каждый хамил по-своему, только и всего...

Сорок тысяч танков

Ну а теперь дошли мы и до сорока тысяч танков, которые будто бы предлагал изготовить Тухачевский в течение одной пятилетки, за что его и прозвали «красным милитаристом». Вопрос любопытный, поскольку эти сумасшедшие тысячи являются козырным тузом компромата против «красного маршала». И тут, совершенно неожиданно, исследование такого простого момента биографии нашего героя превратилось в форменный детектив. Вроде бы в декабре 1927 года Тухачевский направил Сталину записку, где говорил о технической отсталости Красной Армии, и предлагал планы перевооружения, а в 1930 году — еще одну. Для начала оказалось, что ни одну из этих докладных записок никто целиком не видел. Виктор Суворов, запустивший эту информацию, не озаботился сказать, где именно он ее прочел. Провешал — и все поверили.

Дальше — интересней. Вот что пишет об этой записке Иссерсон:

«Узкому кругу работников Штаба РККА было известно, что в 1928 г. он написал докладную записку о необходимости перевооружения нашей армии и развития военно-воздушных и бронетанковых сил. В записке Тухачевский говорил, что наша армия в техническом оснащении и раз-

²⁹ Вероятнее всего, комкор А.И. Тодорский.

витии авиации отстала от европейских армий. Необходимо, писал он, немедленно приступить к ее полному техническому перевооружению, создать сильную авиацию с большим радиусом действий и бронетанковые силы из быстроходных танков, вооруженных пушкой, и перевооружить пехоту и артиллерию, дать армии новые средства связи (главным образом радиосредства) и новые переправочные имущества. Для решения этих задач нужно развивать нашу военную промышленность и построить ряд новых заводов».

Как говорится: кто бы спорил!

Затем Иссерсон пишет: «Далее давался расчет количества новых средств вооружения всех видов. Для того времени предлагаемые цифры были действительно грандиозными...»

Да, грандиозными — но какими? С. Минаков, автор книги «Сталин и его маршал», — единственный, кто эти докладные читал, утверждает, что ничего грандиозного в этих цифрах не было. Зато резюме чрезвычайно интересное: «Он (Тухачевский) предлагал альтернативный правительственному оборонный проект. Он предлагал программу, которая смещала военно-экономическую доминанту в оборонную сферу. Это уже была особая концепция развития страны и государства».

И что же это за концепция?

Споры о модернизации армии шли вовсю, концепций было несколько, они жестко конкурировали между собой. 11 января 1930 года Тухачевский, который и в округе не может успокоиться, пишет еще одну докладную записку на имя Ворошилова, с программой модернизации РККА. К концу пятилетки, согласно этому плану, Красная Армия должна была насчитывать 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии и минометов, и вот тут снова вылезает эти 40 тысяч танков и 50 тысяч самолетов. Что странно, поскольку он еще с 1921 года ратовал за то, что страна в мирное время должна иметь небольшую высокопрофессиональную армию. И вдруг — такое «планов громадьё»...

Чуть ниже разберемся и в этом противоречии. Однако суть предложения-то была не в этом.

«Существо концепции модернизации М. Тухачевского, — пишет Минаков, — заключалось, как он предлагал, в необходимости “ассимиляции производства, которая должна представлять из себя двусторонний процесс: военные производственные мощности, частично занимающиеся выпуском мирной продукции, и гражданские производства, которые путем дополнительных затрат приспособляются к быстрому переходу на военные рельсы”».

Оп-паньки! Так это что — не Сталин придумал? Тот способ организации производства, который в войну, по сути, спас страну — не сталинский?!!

Но дальше — еще интересней. Вокруг плана творится что-то странное. Наркому для того, чтобы разобраться с этим документом, понадобилось почти два месяца. 5 марта 1930 года он пишет Сталину: «...Направляю для ознакомления копию письма Тухачевского и справку штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным и радикальным. Плохо, что в КА³⁰ есть порода людей, которая этот радикализм принимает за чистую монету...» 23 марта Сталин отвечает: «Я думаю, что “план” т. Тухачевского является результатом увлечения “левой” фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем “игрой в цифири”, а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой. “Осуществить” такой “план” — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции...» Нарком тут же сообщил Тухачевскому об оценке Сталина, добавив: «Я полностью присоединяюсь к мнению т. Сталина, что принятие и выполнение Вашей программы было бы хуже всякой контрреволюции, потому что оно неминуемо повело бы к полной ликвидации социалистического строительства и к замене его какой-то своеобразной и, во всяком случае, враждебной пролетариату системой “красного милитаризма”». И всю эту историю, включая оценку Сталина и свою собственную, он огласил на расширенном заседании Реввоенсовета.

Эта часть истории широко известна. Менее известно ее продолжение.

...Михаил Николаевич обиделся всерьез. 19 июня он пишет уже лично Сталину: «Я не собираюсь подозревать т. Шапошникова в каких-либо личных интригах, но должен заявить, что Вы были введены в заблуждение, что мои расчеты от Вас были скрыты, а под ширмой моих предложений Вам были представлены ложные, нелепые, сумасшедшие цифры»...

Хотите знать, чем кончился этот «роман в письмах»? В конце концов 9 января 1931 года Сталин вызвал Тухачевского в Кремль и принял его предложения. Тухачевский вскоре был назначен начальником Красной Армии по вооружениям, а Шапошников отправился командовать Приволжским военным округом. Вот об этом Суворов не пишет.

Кроме того, два года спустя, когда уже была принята танковая программа Тухачевского, Сталин написал еще одно письмо, завершающее эту эпистолярную эпопею.

³⁰ Красная Армия

«Т. Тухачевскому. Копия Ворошилову.

Приложенное письмо на имя т. Ворошилова написано мной в марте 1930 г. Оно имеет в виду два документа. а) вашу “записку” о развертывании нашей армии с доведением количества дивизий до 246 или 248 (не помню точно).

б) “Соображения” нашего штаба с выводом о том, что Ваша “записка” требует, по сути дела, доведения численности армии до 11 миллионов душ, что “записка” ввиду этого нереальна, фантастична, непосильна для нашей страны.

В своем письме на имя т. Ворошилова, как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался о вашей “записке” резко отрицательно, признав ее плодом “канцелярского максимализма”, результатом “игры в цифры” и т.д.

Так было дело два года назад.

Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не совсем правильны...

Мне кажется, что мое письмо не было бы столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня.

Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты моего письма с некоторым опозданием.

7.5.32.

С ком. прив. Сталин»³¹.

После истории с «красным милитаризмом» дела Тухачевского снова пошли в гору. 7 ноября 1933 года он принимал военный парад на Красной площади. Что тут такого? Да ничего особенного... но вообще-то это делает нарком обороны. В том же году он получил орден Ленина, а в 1935 году стал одним из пяти первых маршалов Советского Союза.

...Но все же — сколько там танков-то было? Неужели сорок тысяч? И что, он вправду предлагал в случае войны бронировать трактора, делая из них танки?

Нет. Не сорок, а сто тысяч. Что же касается бронированных тракторов...

Впрочем, вот выдержки из текста записки от 30 декабря 1930 года.

«Уважаемый товарищ Сталин!

³¹ Цит. по: Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. С. 308–309.

В разговоре со мной во время 16-го партсъезда по поводу доклада Штаба РККА, беспринципно искадившего и подставившего ложные цифры в мою записку о реконструкции РККА, Вы обещали просмотреть материалы, представленные мною Вам при письме, и дать ответ.

Я не стал бы обращаться к Вам с такой просьбой после того, как вопрос о гражданской авиации Вы разрешили в масштабе большем, чем я на то даже рассчитывал, а также после того, как Вы пересмотрели число дивизий военного времени в сторону значительного его увеличения. Но я все же решил обратиться, т.к. формулировка Вашего письма, оглашенного тов. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР и основанного, как Вы мне сказали, на докладе Штаба РККА, совершенно исключают для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности...»

Это уже интересно! Выходит, Сталин, самый трезвый из глав государств, стал более милитаристом, чем сами «красные милитаристы», пусть даже по отдельным вопросам...

«В дополнение к ранее посланным материалам, я хочу доложить о последних данных, которые мне удалось подработать по вопросу о массовом танкостроении. В моем первом письме к Вам я писал о том, что при наличии массы танков встает вопрос о разделении их по типам между различными эшелонами во время атаки³². В то время как в первом эшелоне требуются первоклассные танки, способные подавить противотанковые пушки, в последующих эшелонах допустимы танки второсортные, но способные подавлять пехоту и пулеметы противника.

Устоявшаяся на опыте империалистической войны консервативная мысль представляет себе развитие танков в тех, сравнительно небольших массах, в каких их видели в 1918 году. Такое представление явно не правильно.

Уже к 1919 году Антанта готовила 10 000 танков, и это почти на пороге рождения танка. Представление будущей роли танков в масштабе 1918 года порождает стремление соединить в одном танке все, какие только можно вообразить, качества. Таким образом танк становится сложным, дорогим и неприменимым в хозяйстве страны. И наоборот, ни трактор, ни автомобиль не могут быть непосредственно использованы как основа такого танка.

³² Напоминаем, что в то время тактика действий танковых частей только разрабатывалась, а реального опыта боев с применением современных танков не имел никто.

Совершенно иначе обстоит дело, если строить танк на основе трактора и автомобиля, производящихся в массах промышленностью. В этом случае численность танков вырастет колоссально...

...Красный путиловец с марта 1931 года будет выпускать новый тип трактора, в полтора раза более сильный. Нынешняя модель слишком слаба. Новый трактор даст отличный легкий танк. Модель Сталинградского завода и Катерпиллер также приспособляются под танк...»

Извините, но ведь это совсем не то, что писали — будто бы он предлагал бронировать трактора. Историкам простительно, они гуманитарии... но все же модель трактора — это далеко не сам трактор. Это просто-напросто «рецепт» его производства. И все сказанное означает не то, что из уже готовых тракторов будут делать танки, а то, что тракторный или автомобильный завод можно без серьезной перестройки производства приспособить под танковый, только и всего...

Но, наконец-то, мы подошли и к цифрам...

«Итак, мы обладаем всеми условиями, необходимыми для массового производства танков. Причем в моей записке о реконструкции РККА я не преувеличил, а приуменьшил возможности производства у нас танков.

а) в 1932 г. — 40 000 по мобилизации и 100 000 из годового производства и б) в 1933 эти цифры могли бы возрасти раза в полтора.

...Вряд ли какая-либо капиталистическая страна или даже коалиция в Европе на данной стадии подготовки антисоветской интервенции смогла бы противопоставить что-либо равноценное в этой новой, массовой подвижной силе...»³³

И все же странно: неужели автору записки неясно, что через несколько лет эти танки устареют и будут ни на что не годны? И снова надо будет клепать новые, а потом еще и еще?

Да, но при чем тут несколько лет? Ясно ведь сказано: на данной стадии подготовки антисоветской интервенции.

А полезно все-таки читать документы в оригинале!

Потому что из записки ясно следует, что Тухачевский не предлагает разогнать производство и штамповать по 40 тысяч танков в год. Он предлагает его приготовить к тому, чтобы в случае необходимости выдать 40 тысяч по мобилизации. А мобилизация, если нам память не изменяет, вещь вполне конкретная и проводится в конкретном случае — «если завтра война». И записка эта явно, черным по белому, предлагает: подготовить автомобильные и тракторные заводы к тому, чтобы в случае,

³³ Цит. по: *Кантор Ю.* Война и мир Михаила Тухачевского. С. 306–308.

если война начнется в 1931—1932 годах, немедленно начать выпускать легкие танки «второго эшелона» на базе уже существующего производства. Вот в чем подлинный смысл этой записки, а вовсе не в том, чтобы в мирное время наводнить страну переклепанными тракторами. Неудивительно, что Сталин извинился.

Дело в том, что именно это время было временем наибольшей «военной тревоги» для Советского Союза. Отношения с Германией потихоньку стали разлаживаться. В начале 1931 года Франция готова была предоставить Германии заем в 2—3 миллиарда золотых франков на условии пересмотра советско-германских отношений. 23 июня 1932 года советская разведка, например, получала из Берлина сообщения такого рода: «Генерал Шлейхер³⁴ и командование рейхсвера считают момент для интервенции против России назревшим. Генерал Шлейхер стоит за то, что интервенция должна быть начата еще в этом году. Внутренние трудности Советского Союза настолько велики, что уже факт объявления войны может привести к антикоммунистическому перевороту... В стране установится военная диктатура, которая свергнет Сталина». И эти тоже ждали Наполеона...

Остальные милые соседи своего отношения к СССР, естественно, не изменили. Момент же для удара был более чем удачный. Советский Союз полностью, как казалось, увяз в коллективизации, индустриализация была в самом начале, в стране существовала мощнейшая «пятая колонна».

Уборевич, предшественник Тухачевского на посту начальника вооружений, в 1936 году писал Орджоникидзе: «Я знаю сейчас, в 1936 году, что много было сделано, очень много ошибок. Оправданием мне служит одно — я чертовски боялся войны в 1930 и 1931 годах, видя нашу неготовность. Я торопился...»

Тухачевский тоже торопится, и по той же причине — он боится войны в 1931 и 1932 годах.

Кстати, и эти фантастические цифры он ведь тоже не с потолка взял. Они были увязаны с пятилетним планом. Существовало два плана: «оптимальный», то есть план как таковой, и «пересмотренный». Так вот: по первому варианту в 1932—1933 годах предлагалось произвести 50 тысяч тракторов и 130 тысяч автомобилей, а по второму — соответственно 197 и 350 тысяч. Так что Тухачевский в своем максимализме не одинок.

³⁴ Курт фон Шлейхер с июня по декабрь 1932 года был военным министром Германии.

В этом «громადье планов» ему принадлежит вторая скрипка, а первую партию исполняет Госплан...

...Война не состоялась. Во многом «помог» пришедший к власти Гитлер. Германия была еще слишком слаба, чтобы немедленно напасть на СССР, зато западные соседи, особенно Польша и Франция, теперь были озабочены проблемами сосуществования с Третьим рейхом. Французское правительство вдруг стало искать дружбы Страны Советов. Война была отсрочена, и 40 тысяч танков Тухачевского попросту не понадобились. В рамках обычной программы к концу 1931 года предполагалось иметь в армии около 1000 танков, к концу 1932 года — около 4000, к концу 1933-го — до 8500 танков. А вот мобилизационная мощность промышленности — на случай войны — была и вправду рассчитана на сорок тысяч.

Но об этом Суворов (не фельдмаршал) почему-то тоже не написал...

Еще раз повторим: Тухачевскому не повезло. В середине 50-х годов его имя попало в центр грязной политической кампании, и так с тех пор там и пребывает. И каждый, кто берется писать об этом человеке, сначала формирует свое отношение к нему, а уж потом подбирает под него факты. Интересно, когда-нибудь кто-нибудь напишет о его работе и о его вкладе в строительство Красной Армии объективно?

* * *

Что можно сказать в заключение этой части? Все то же самое: Тухачевский, может быть, и не был «блестящим стратегом» и гениальным строителем армии. Он, может быть, был просто стратегом и просто строителем. Возможно, хорошим. Наверное, были и лучше. У немцев, основного противника, имелась преемственность поколений и выработанная веками культура войны. Красная Армия начинала если не с чистого листа, то, по крайней мере, с листа, на котором было написано мало хорошего, зато унаследовала пороки императорской армии. Легко судить спустя семьдесят лет — там, внутри времени, все было несколько труднее...

Впрочем, все эти разговоры, как мы уже говорили, не имеют значения. Если генерал становится заговорщиком — что толку обсуждать, насколько он хорош как генерал? А к тому времени Тухачевский уже давно снова шел за злой звездой Наполеона к тому режиму, который он, вслед за фон Сектом, считал высшей формой государственного устройства — к военно-политической диктатуре.

Михаил Николаевич Тухачевский (1893—1937)

*Николай Николаевич,
отец М.Н. Тухачевского*

*Мавра Петровна,
мать М.Н. Тухачевского*

1905 год. Ученик 1-й Пензенской гимназии М. Тухачевский

*1920 год. М.Н. Тухачевский —
командующий войсками Кавказского фронта*

*М.Н. Тухачевский (третий слева)
с бойцами Кавказского фронта*

*1920 год. М.Н. Тухачевский и Г.К. Орджоникидзе (1886—1937)
на Кавказском фронте*

1920 год. М.Н. Тухачевский на Западном фронте

Михаил Николаевич со своей супругой Ниной Евгеньевной

В.И. Ленин выступает перед красноармейцами, отправляющимися на Польский фронт (справа у трибуны — Л.Д. Троцкий)

1920 год. Л.Д. Троцкий на Южном фронте

Петроград, 1919 год. Выпуск командиров Красной Армии

И.П. Уборевич (1896—1937)

И.Э. Якир (1896—1937)

Участники Тамбовского восстания

1921 год. Награждение орденом Красного Знамени бойцов и командиров, участвовавших в подавлении Кронштадтского мятежа

*1928 год. М.Н. Тухачевский читает лекцию
в Военной академии им. М.В. Фрунзе*

*1930 год. М.Н. Тухачевский (слева) на первомайской
демонстрации в Ленинграде*

*1928 год. Фельдмаршал Гинденбург приветствует группу советских офицеров на маневрах рейхсвера.
В строю 2-й слева — М.Н. Тухачевский, 4-й — И.П. Уборевич*

*Я.Б. Гамарник (1894—1937)
выступил в защиту
М.Н. Тухачевского*

*В.М. Примаков (1897—1937)
был приговорен к расстрелу
вместе с М.Н. Тухачевским*

*Первые Маршалы Советского Союза (слева направо):
М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров.
Стоят: С.М. Буденный и В.К. Блюхер*

*А.И. Корк (1887—1937), осужден
вместе с М.Н. Тухачевским*

*М.К. Левандовский
(1890—1937)*

1936 год. М.Н. Тухачевский в Париже

Р. Гейдрих

В. Шелленберг

Н.И. Ежов

*М.Н. Тухачевский
в 1936 году*

11 июня 1937 года. Обвиняемый М.Н. Тухачевский на суде

ГЛАВА 11

КАК СТАНОВЯТСЯ ЗАГОВОРЩИКАМИ

Итак, по данным ОГПУ, началось все примерно в середине 20-х годов с разговоров. О том, что было дальше, поведал на допросе в 1937 году сам Михаил Николаевич.

Обида

В том, что Тухачевский оказался запутанным в заговоре, большую роль сыграл наркомвоенмор товарищ Ворошилов. Отношения у них «не сложились», по-видимому, еще на почве польской войны. Ворошилов был членом РВС Первой Конной и в этом качестве, вполне возможно, разделял неприязнь Буденного к Тухачевскому и наверняка подпадал под острую нелюбовь Тухачевского к Буденному. Чего стоит хотя бы широко известная выходка, о которой рассказывал маршал Жуков. Во время разработки нового устава РККА Тухачевский, как председатель комиссии по уставу, докладывал о ходе работы наркому. Ворошилов по одному из пунктов сделал какое-то предложение. И Тухачевский спокойно, не повышая голоса, ответил:

— Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок.

— Почему?

— Потому что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком.

Стоит ли удивляться, что человек с таким норовом, умеющий хамить, не повышая голоса, и оскорблять, не используя бранных слов, на любом месте наживал себе множество врагов? В 1928 году Буденный и его группировка, все время препиравшиеся с начальником Штаба РККА, вступили с ним в открытый конфликт, который Ворошилов либо не смог, либо не захотел урегулировать. Дело, как известно, кончилось отставкой Тухачевского с поста начальника штаба, что было жестоким ударом по самолюбию молодого амбициозного военачальника.

«В 1928 году, — показывал он на следствии, — я был освобожден от должности начальника Штаба РККА и назначен командующим войсками ЛВО. Будучи недоволен своим положением и отношением ко мне со стороны руководства армии, я стал искать связей с толмачевцами...»

Это само по себе замечательное заявление. Поскольку надо знать, кто такие «толмачевцы».

Всю дорогу, с самого введения института политкомиссаров, командиры не уставали бороться за единоначалие в армии. Постепенно, начиная с 1925 года, процесс пошел. Комиссары имели все меньше власти, командиры — все больше. Естественно, комиссарам этот процесс не нравился. В 1927 году против введения единоначалия резко выступила так называемая «внутриармейская оппозиция». Инициаторами и ядром этой оппозиции стали преподаватели и слушатели Военно-политической академии им. Толмачева, которая как раз, очень удобно, находилась в Ленинграде и была в постоянном контакте с командующим округом. Вскоре к ним присоединился и Белорусский военный округ (бывшая вотчина Тухачевского).

Это ж до какой степени должен был обидеться Михаил Николаевич на армейское начальство, коль скоро он, всегда воевавший с комиссарами за это самое единоначалие, пошел на такой контакт! Впрочем, оппозиция сплошь и рядом показывает пример совершенно противоположных союзов.

Тем не менее Тухачевский, как он сам говорил на следствии, устанавливает контакты, ищет недовольных и не согласных с политикой партии. А ведь началась коллективизация, и недовольных было полно! И он, сам обиженный, потихоньку собирал их вокруг себя.

Впрочем, чисто военный переворот, без опоры в политических кругах, в то время едва ли был возможен. Военные еще не «созрели», чтобы действовать самостоятельно, им нужны были опытные наставники. А уж наставников... не проблема найти, проблема — отбиться от желающих помочь.

Вербовка

Какурин связывал Тухачевского с Углановым или еще с кем-либо из правых. Но он ошибся. Михаил Николаевич держал связь совсем с другим человеком, куда более интересным и серьезным, и связь эту не афишировал. Надо полагать, кружок друзей был лишь отдушиной — а его реальные дела лежали совсем в иной плоскости. И здесь мы снова встречаем имя, уже знакомое нам по «кремлевскому делу»...

«Зимой с 1928 г. по 1929 г., кажется, во время одной из сессий ЦИКа, со мной заговорил Енукидзе, знавший меня с 1918 г. и, видимо, слышавший о моем недовольстве своим положением и о том, что я фрондировал против руководства армии. Енукидзе говорил о том, что политика Сталина ведет к опасности разрыва смычки между рабочим классом и крестьянством, что правые предлагают более верный путь развития и

что армия должна особенно ясно понимать, т.к. военные постоянно соприкасаются с крестьянами. Я рассказал Енукидзе о белорусско-толмачевских настроениях, о большом числе комполитсостава, не согласного с генеральной линией партии, и о том, что я установил связи с рядом командиров и политработников, не согласных с политикой партии. Енукидзе ответил, что я поступаю вполне правильно и что он не сомневается, что восторжествует точка зрения правых. Я обещал продолжать информировать Енукидзе о моей работе».

Впрочем, Тухачевский больше интриговал против Ворошилова, а не против Сталина, да и судьба крестьянства и «смычки» генерала как-то никогда особо не волновала. К тому же обида постепенно притупилась, он несколько успокоился, и дальше вся его активность сводилась больше к разговорам. Тем более что в округе было много работы, а кроме того, он разрабатывал свои предложения по перевооружению Красной Армии. Но предложения были не приняты, более того, обидные комментарии к его записке Ворошилов предал широкой огласке — чисто по-человечески, зря он это сделал! После такой пощечины Тухачевский обиделся снова, очень сильно, и странно было бы его за это укорять. А уже сформировавшейся к тому времени оппозиции он был очень нужен.

«Резкая критика, которой подверглась моя записка со стороны армейского руководства, меня крайне возмутила, и потому, когда на XVI партийном съезде Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе подозвал меня во время перерыва, говорил о том, что правые хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, надо и мне законспирированно перейти от прошупывания командно-политических кадров к их подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых. Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы. Я принял эту установку...»

Нельзя сводить всю оппозицию только к голой борьбе за власть. У противников Сталина имелись и мотивы, достойные уважения. Многие были уверены, что его политика ведет страну к бунту и гибели. Другие остро переживали отход от тех идеалов, с которыми они устраивали октябрьский переворот. Он еще только начинался, этот отход, пик его придется на вторую половину 30-х годов, но уже тогда ощущался. Что же касается Тухачевского, то он, судя по показаниям, был элементарно завербован, по классической методике, по которой разведчик-резидент

вербует себе агента. Енукидзе попросту сыграл на его личной обиде. Обида-то прошла, и конфликт был разрешен, но дело уже сделано, генерал вступил на этот путь, а повернуть обратно, с его-то амбициями...

У каждого своя цель

...Да и с какой стати поворачивать обратно, если высшая форма общественного устройства — военная диктатура? Пусть политики пока думают, что это они используют военных, а на самом деле мы еще посмотрим, кто о кого вытрет ноги...

Вспомним еще раз показания Н. Какурина, арестованного по делу «Весна»:

«В момент и после 16 съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции как цели развязывания правого уклона и перехода на новую, высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В дни 7—8 июля у Тухачевского последовали встречи и беседы... и сделаны были последние решающие установки, то есть ждуть, организуясь...

...Далее Михаил Николаевич говорил, что, наоборот, можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы. “Я не исключаю возможности, — сказал он, — в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические, и личные разгораятся настолько, что будут забыты и переиждены все рамки и границы. Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина...” Я не исключаю и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности».

Конечно, размышлял! Не мог не размышлять, и не только он. Ведь если перевести этот косноязычный протокол на нормальный человеческий язык, то что он значит? Лето 1930 года было чрезвычайно горячим временем. Как раз тогда шел XVI съезд партии, на котором кипела ожесточенная борьба между сталинской группой и правым уклоном. И военные выжидали, чем все закончится. Вариантов было несколько. Страна могла попросту сорваться в кровавую смуту, тогда ее следовало усмирить и въехать в Кремль на белом коне. Могли одержать победу правые — учитывая их личные качества, дальше было бы что-то вроде

Временного правительства. Военные подождали бы немножко, пока новое правительство запутается в управлении государством, а потом установили бы свою диктатуру. Если шансы будут хороши, то правым можно даже немножко помочь.

Поступили генералы, надо сказать, мудро — поскольку карты легли самым неприятным для оппозиции образом. Победил Сталин, его противники отправились в ссылку — ну а их военные друзья остались вне подозрений. Как и Енукидзе, кстати...

Тревога

Власти любой страны на малейшие сведения о нелояльности военных реагируют чрезвычайно нервно. Поэтому стоит ли удивляться, что, едва получив показания Какурина и Троицкого на Тухачевского, Менжинский известил об этом Сталина:

«Я доложил это дело т. Молотову и просил разрешения до получения ваших указаний держаться версии, что Какурин и Троицкий арестованы по шпионскому делу. Арестовывать участников группировки поодиночке — рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дожидаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро, и последнее решение представляет известный риск».

В этом письме из каждой строчки лезет нешуточная тревога. Еще бы: страна на точке кипения — самый пик коллективизации, правые только что потерпели поражение на съезде и теперь, разозленные, особенно опасны. А тут еще и возможный заговор в армии! Жизнь — как прогулка по минному полю: шаг не туда — и грохнет...

Получив это письмо, Сталин пишет Орджоникидзе: «Прочти-ка поскорее показания Какурина — Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу об этом. (Занятно, что сам он и не думает сообщить Ворошилову. Может быть, потому, что они с Тухачевским друг друга не любят? — *Авт.*) Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную

диктатуру.. Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело. Лучше было бы отложить решение вопроса, поставленного в записке Менжинского, до середины октября, когда мы все будем в сборе...»

Решили все-таки подождать и осенью разобраться. О том, что было дальше, рассказывал сам Сталин в июне 1937 года, когда Тухачевский уже был в тюрьме. «Мы обратились к гг. Дубовому, Якиру и Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали нет, это должно быть какое-нибудь недоразумение, неправильно... Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть».

А 23 октября 1930 года Сталин, не скрывая радости, пишет Молотову: «Что касается Тухачевского, то он оказался чист на все 100%. Это очень хорошо».

Так что все ограничилось очной ставкой Тухачевского с обвинявшими его Какуриным и Троицким, от показаний которых он отбилсЯ. Дело действительно «зачеркнули» — других участников этих «посиделок» даже не вызывали в ОГПУ. Чем это объясняется? Оправдание оправданием, но уж проверить-то надо было...

Впрочем, у Сталина была одна особенность. Если бы он ставил только на людей верных, то ничего бы не сделал. Но он часто использовал по отношению к людям, которых ценил, да и просто к нужным стране специалистам, замешанным в антигосударственной деятельности, некую «меру вразумления». Апогеем ее был «условный расстрел» — когда человеку, приговоренному к смертной казни, заменяли ее заключением, а потом и вовсе освобождали, давая возможность работать. А в менее серьезных делах часто вместо преследования он предпочитал просто припугнуть.

Припугнули и Тухачевского. Судя по тому, что он сам показывал на следствии, подействовало. В 1937 году, рассказывая о своем «пути заговорщика», он говорил: «Осенью 1930 года Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую работу и избегал поддерживать установившиеся связи».

К сожалению, подействовало ненадолго.

Новые соратники

Однако за Тухачевским охотился не один Енукидзе. Существовал и еще один его старый знакомый, который не прочь был это знакомство возобновить.

«После отпуска на Кавказе я был командирован на большие германские маневры... В пути вместе со мной оказался и Ромм, которому Троцкий поручил связаться со мной. Ромм передал мне, что Троцкий активизировал свою работу как за границей, в борьбе с Коминтерном, так и в СССР, где троцкистские кадры подбираются и организуются. Из слов Ромма о политических установках Троцкого вытекало, что эти последние, особенно в отношении борьбы с политикой партии в деревне, очень похожи на установки правых. Ромм передал, что Троцкий просит меня взять на себя задачу по собиранию троцкистских кадров в армии. Между прочим, Ромм сообщил мне, что Троцкий надеется на приход к власти Гитлера, а также на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с советской властью».

Троцкистское подполье в СССР было сильным, а в армии, как нетрудно догадаться, имелись его протеже, многие из которых негласно примкнули к троцкистам. Тухачевский решил опереться и на них тоже (как оказалось, это было роковым шагом).

«По возвращении с Дальнего Востока Путны и Горбачева, кажется, это было в 1933 г., я разговаривал с каждым из них в отдельности. Путна быстро признал, что он связан с Троцким и со Смирновым. Я предложил ему вступить в ряды военно-троцкистского заговора, сказав, что по этому вопросу имеются прямые указания Троцкого. Путна сразу же согласился. В дальнейшем, при его назначении военным атташе, перед ним была поставлена задача держать связь между Троцким и центром военно-троцкистского заговора...

Горбачев... очень быстро стал поддаваться на прошупывание, и я понял, что он завербован. На мое предложение вступить в ряды заговора он ответил согласием и сообщил, что им организуется так называемый дворцовый переворот и что у него есть связь с Петерсоном, комендантом Кремля, Егоровым, начальником школы ВЦИК, а также Енукидзе...

Вовлечение в заговор Примакова состоялось в 1933 или 1934 г., когда Примаков сообщил, что он в своей троцкистской деятельности связан с Казанским, Курковым, Шмидтом и Зюком».

«Демон революции» к тому времени дозрел до своей окончательной позиции: разделаться со Сталиным любой ценой. Причем это «любой ценой» действительно не знало пределов. Правые размышляли о «дворцовом перевороте», а Троцкий так мелко не плавал. Его идеи были намного круче.

Ленинская тактика

Если кто не помнит, то в начале Первой мировой войны Ленин выдвинул руководящее указание: большевики должны работать на поражение своей страны — чтобы тогда, когда все будет рушиться, произвести государственный переворот и захватить власть. Эту же идею взял на вооружение и Троцкий, о чем тоже говорит в показаниях Тухачевский.

«В зиму 1933 на 1934 г. Пятаков передал мне, что Троцкий ставит задачу обеспечить поражение СССР в войне... На подготовку поражения должны быть сосредоточены все силы как внутри СССР, так и вне...

...В 1933—1934 гг. ко мне зашел Ромм и передал, что он должен сообщить мне новое задание Троцкого. Троцкий указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина и что поэтому военный заговор должен снабжать данными германский генеральный штаб, а также работающий с ним рука об руку японский генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства. Эти установки Троцкого я сообщил нашему центру заговора...

...По мере получения директив Троцкого о развертывании вредительской, шпионской, диверсионной и террористической деятельности центр заговора, в который, кроме меня, входили в порядке вступления в заговор Фельдман, Эйдеман, Каменев, Примаков, Уборевич, Якир и с которым были тесно связаны Гамарник и Корк, давал различным участникам заговора установки для их деятельности, вытекавшие из вышеуказанных директив. Члены центра редко собирались в полном составе, исходя из соображений конспирации. Чаще всего собирались отдельные члены, которым по каким-либо служебным делам приходилось встречаться».

Впрочем, Тухачевский по-военному четко оговаривает, что он делал, а чего не делал. Например, он «сообщил установки» — но это еще вопрос, какие из них были выполнены. Так, на процессе он, признав намерения устроить государственный переворот, тем не менее отрицал шпионаж — говорил, что лично он ничего немцам не передавал. Его вина от этого не меньше, и приговор тот же самый — но признавать за собой то, чего он не делал, он не соглашался, и все тут...

А что они делали?

«...В дальнейшем Аппога получил задачу проводить вредительство в ж. д. войсках, срывать строительство железных, шоссейных и грунто-

вых дорог военного значения, готовить на время войны диверсионные группы для подрыва мостов и, наконец, сообщить германскому и японскому генеральным штабам данные о железнодорожных перевозках на Дальний Восток и к западным границам. В 1933 г., во время посещения мною железнодорожного полигона в Гороховце, Аппога сказал мне, что данные о наших перевозках по железным дорогам германскому и японскому генеральным штабам им, совместно с работниками НКПС³⁵, сообщены. Какими путями были переданы эти данные и кто из работников НКПС принимал в этом участие, Аппога мне не говорил, а я не спросил...

...Я имел разговор со Смирновым И.Н., который сказал мне, что он, по директивам Троцкого, стремится дезорганизовать подготовку мобилизации промышленности в области производства снарядов...

...Первоначально Каменеву была поставлена задача вредить в области военного хозяйства, которым он руководил как третий заместитель наркома. Затем большую вредительскую работу Каменев развернул как начальник ПВО. Противовоздушная оборона таких важнейших объектов, как Москва, Ленинград, Киев, Баку, проводилась им таким образом, чтобы площадь, прикрываемая зенитным многослойным и однослойным огнем, не соответствовала наличным артиллерийским зенитным средствам, чтобы аэростаты заграждения имелись в недостаточном числе, чтобы сеть ВНОС³⁶ имела не собственную проводку, а базировалась на сеть Наркома связи и т.п...

Эйдемман просил дать ему директивы о его деятельности в Осоавиахиме. Обсудив этот вопрос в центре, мы поставили основной задачей Эйдемману увязку его вредительской работы с Каменевым с тем, чтобы, кроме плохой защиты объектов в отношении ПВО, была бы дезорганизована и общественная деятельность по ПХВО. Помимо того, Эйдемману была поставлена задача дезорганизации допризывной подготовки, занятий с командным составом запаса и, наконец, организации диверсионных групп в отрядах Осоавиахима...

...В 1934 г. Ефимову была поставлена задача организовать вредительство по линии артиллерийского управления, в частности, в области некомплектного приема элементов выстрела от промышленности, приема продукции без соблюдения чертежей литеры и т.д., а также было предложено передать немцам данные о численности наших запасов артиллерийских выстрелов. Помимо того, в зиму с 1935—1936 г. я по-

³⁵ НКПС — народный комиссариат путей сообщения.

³⁶ Служба ВНОС — воздушного наблюдения, оповещения и связи.

ставил Ефимову и Ольшевскому задачу подготовить на время войны диверсионные взрывы наиболее крупных арт. складов...

...Туровский в 1936 г. сообщил мне, что Саблиным переданы планы Летичевского укрепленного района польской разведке.

Алафузо передал польской и германской разведке, какими путями, не знаю, данные об авиации и мех. соединениях, а также об организации ПВО в БВО и КВО³⁷.

Перед центром военного заговора встал вопрос о том, как организовать связь с иностранными и особо с германским ген. штабом во время войны. Такие связи были намечены...»

* * *

...Теперь, кажется, можно в общих чертах ответить на вопрос: что это было?

Ну уж всяко не расправа с «великим стратегом», которому Сталин завидовал, и даже не чистка армии от политической оппозиции. Кусочки головоломки явно и недвусмысленно складываются в картину антиправительственного заговора — которого, впрочем, не быть попросту не могло.

Структура его достаточно сложна и аморфна: несколько группировок, каждая из которых играла свою игру. Самая заметная — политическая оппозиция: Зиновьев, Каменев, Бухарин и иже с ними. Не зря слегка сдвинувшиеся на демократии и парламентаризме деятели раннеперестроечных времен первыми подняли на щит именно их. Шуму много, дела мало — значит, ни в чем не повинны, да еще и трагический конец. Хотя возможно, что когда дошло до решающей схватки, то остальные ими просто прикрылись.

Троцкисты — это уже оппозиционеры-радикалы, посерьезнее и опаснее, с террористическим уклоном. У них есть лишь один недостаток — отсутствие лидера. У Льва Давидовича, при всех его неоспоримых революционных достоинствах, имелось два серьезных недостатка: он был далеко и в безопасности...

И есть еще настоящие. Те, кто собирался не теракты проводить, а всерьез брать власть. Военные, чекисты, кто-то из политиков — не оппозиционеров, естественно, а власть имеющих — сталинского окружения, верхов Советского Союза (о чем, кстати, и разведка докладывала неоднократно). Енукидзе — раз. Этот известен. Кто еще? Едва ли мы

³⁷ БВО — Белорусский военный округ; КВО — Киевский военный округ.

это когда-либо узнаем, поскольку после «дела генералов» в стране началось такое... Волна террора захлестнула всех, и правых, и виноватых, все шли по одним и тем же обвинениям, всех реабилитировали по одним и тем же основаниям, и ничего уже теперь не разобрать. Может быть, маленькую зацепочку могла бы дать статистика более поздних, уже бериевских арестов, да еще статистика побегов и самоубийств в верхнем эшелоне страны...

И само собой, военные и здесь играли свою игру — впрочем, зная жизненный путь «красного Бонапарта», в этом можно и не сомневаться. Весьма вероятно и даже очень похоже, что это был не сольный номер, а дуэт — сходные планы лелеяли военные двух государств. Сделать переворот, установить военно-политическую диктатуру, а потом заключить союз, и — кто во всем мире сможет нам противостоять? Хотя... а что это, собственно, меняет?

Их сбили в последний момент. «Ему нужна была власть, — писал уже после гибели Тухачевского генерал фон Лампе, — и за пять минут до ее достижения он закончил свое существование»...

ИНТЕРМЕДИЯ СОРАТНИКИ

Иона Эммануилович ЯКИР родился в 1896 году в Кишиневе, в семье аптекаря-еврея. Учился в Базельском университете в Швейцарии, затем в Харьковском технологическом институте. В 1915—1917 годах работал токарем на военном заводе в Одессе. Общение с армией началось с агитации, которой он занимался среди солдат Кишиневского гарнизона.

Военная карьера его не менее сногшибательна, чем у Тухачевского, даже более, ибо Тухачевский все-таки кадровый офицер, а послужной список Якира начинается в конце 1917 года. (Кстати, в партию он вступил тоже в 1917 году.) Да и выражи карьеры Якира куда круче. Тухачевский как стал «красным генералом», так и продолжал им быть, а Якир все время перемещается с комиссарских должностей на командирские и наоборот.

Начал он с секретаря военного совета — должность в то время чисто политическая, затем плавно перешел на пост командира батальона, уже в начале марта 1918 года стал комендантом Тираспольской крепости. Потом снова возвращение на «политические круги» — за лето и осень 1918 года двадцатидвухлетний военком прошел путь от комиссара Воронежского района до члена Реввоенсовета 8-й армии Южного фронта.

И снова крутой поворот: 7 июля 1919 года он получает дивизию, а уже 14 августа становится командующим Южной группой войск. Когда группа была расформирована — снова дивизия, в 1920 году — опять группа войск, на сей раз Львовская. После окончания Гражданской войны командовал вооруженными силами Крыма, затем войсками Киевского военного округа.

За какие особые заслуги командир батальона в короткий срок проделал головокружительную карьеру до командующего группой войск? Может быть, свет прольет письмо начальника Военно-инженерной академии И.И. Смолина: «Я знаю тов. Якира с октября 1918 года, работал с ним в 8-й армии на Южном фронте, где он был членом РВС. Тогда представлялось отеческое отношение Троцкого к Якиру». А с другой стороны, за боевые заслуги Иона Якир был награжден тремя (!) орденами Красного Знамени и Почетным золотым оружием. А орденами в то время так просто не разбрасывались.

В 1928—1929 годах Якир учился в Военной академии генерального штаба Германии. Немцы ставили его очень высоко. Сам президент страны Гинденбург вручил советскому «генералу» труд известного теоретика молниеносной войны Альфреда фон Шлифена «Канны» с надписью: «На память господину Якиру — одному из талантливых военачальников современности». После чего к нему обратились с просьбой прочитать германскому генералитету курс лекций о Гражданской войне в России. Интерес к лекциям был весьма велик...

Дальнейшая карьера Якира тоже чрезвычайно благополучна. Когда 22 сентября 1935 года были установлены персональные воинские звания, он получил звание командарма 1-го ранга. До мая 1937 года командовал Киевским военным округом, одним из самых крупных округов.

Назым Якупов в книге «Трагедия полководцев» так рассказывает о последнем месяце жизни Якира: «По свидетельству очевидцев, видевших Якира на последнем в его жизни параде (1 мая 1937 г. — *Авт.*), он выглядел не так, как всегда: не было обычной приподнятости настроения, он был задумчив и печален...

27 мая 1937 года в Киеве открылся XIII съезд КП(б) У. Делегаты не могли не заметить мрачного настроения Якира, сидевшего в президиуме, в его глазах была тревога, он был рассеян... В момент открытия съезда Якиру позвонил из Москвы Ворошилов и приказал срочно приехать на заседание Военного совета. Якир ответил, что завтра вылетит. Ворошилов сказал, что ехать надо поездом и немедленно. Иона Эммануилович сел на поезд в тот же день и в 13 часов 15 минут выехал из Киева. На

рассвете 28 мая во время стоянки в Брянске в купе зашли сотрудники НКВД и объявили, что он арестован».

Двадцатилетний подпоручик, командир батареи, сын литовского крестьянина Иероним Петрович УБОРЕВИЧ вступил в партию в марте 1917 года. Прославился как агитатор, и в конце 1917 года солдаты полка избрали его своим командиром. Сражался под Одессой, был разбит и взят в плен, однако почти сразу же бежал и пробрался в Петроград.

И снова начинаются чудеса — куда там Тухачевскому! Направленный на Северный фронт командиром гаубичной батареи, уже 23 сентября 1918 года Уборевич становится командиром Нижне-Двинской бригады, в начале декабря — начальником дивизии. А 6 октября 1919 года уже застало его на посту командарма на Южном фронте, где он был командующим 13-й, 14-й и 5-й армиями, воевал сначала с денкинцами, а потом с поляками, уничтожил банды атамана Булак-Булаховича, в 1921 году был помощником Фрунзе на Украине. Участвовал он и в ликвидации восстания Антонова — в этой операции он был помощником Тухачевского.

Затем судьба бросает его на Дальний Восток. Уборевич становится военным министром Дальневосточной республики и ее главнокомандующим. Именно он командовал «штурмовыми ночами Спасска», который за ожесточенность боев прозвали «Дальневосточным Верденом», освобождал Владивосток. За боевые заслуги он также имел три ордена Красного Знамени и Почетное оружие.

Проведенная в мае 1922 года аттестация дала Уборевичу чрезвычайно высокую оценку. Вскоре его причислили к Генеральному штабу. После войны он стал командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, боролся с бандитизмом в горах.

В 1927—1928 годах Уборевич тоже обучался в Германии в академии генерального штаба. Вернувшись, стал командующим Московским военным округом. В июне 1930 года был назначен начальником вооружений, заместителем наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета. Однако его служба в этом качестве оказалась неудачной, и в 1931 году его на посту начальника вооружений сменил Тухачевский, а Уборевич стал командующим войсками Белорусского военного округа — возможно, именно поэтому отношения между ними были натянутыми.

В конце мая 1937 года Ворошилов позвонил Уборевичу в Смоленск и приказал прибыть в Москву на совещание. 29 мая на вокзале он был арестован.

Ян Борисович ГАМАРНИК родился в 1894 году в Житомире, в семье мелкого конторского служащего-еврея, а вырос в Одессе. В 1914 году поступил в Петербургский психоневрологический институт, затем перевелся на юридический факультет Киевского университета. В сентябре 1916 года вступил в партию. В октябре 1917 года был избран в состав Киевского ревкома. Во время немецкой оккупации Украины работал в подполье, а после вступления Красной Армии в Одессу стал председателем губкома партии. В августе 1919 года становится членом Реввоенсовета Южной группы войск (той, которой командовал Якир).

После Гражданской войны Гамарник простился с армией и занялся партийной работой. Снова стал председателем Киевского губкома, потом Приморского губисполкома. В 1926 году он был назначен на пост председателя Дальревкома — высшего органа советской власти дальневосточной республики. В 1928 году приехал в Белоруссию, участвовал там в маневрах, после чего ему предложили вернуться в армию. Он был назначен начальником Политуправления, а с июня 1930 года стал заместителем наркома обороны и заместителем председателя Реввоенсовета страны.

Когда началась чистка, Гамарник в своих выступлениях поддерживал официальную версию об окопавшихся в армии немецких, японских и троцкистских агентах. В мае 1937 года его освободили от обязанностей первого заместителя наркома. 31 мая к нему на квартиру приехали начальник Политуправления РККА А.С. Булин и начальник управделами Наркомата обороны И.В. Смородинов и объявили ему приказ об увольнении из РККА. После их ухода Гамарник застрелился.

Август Иванович КОРК родился в 1887 году в деревне Ардлан Лифляндской губернии, в эстонской крестьянской семье. В 1908—1917 годах служил в царской армии. Окончил Чугуевское пехотное училище, Академию Генерального штаба, военную школу летчиков-наблюдателей. В 1918 году вступил в Красную Армию. Начал Гражданскую войну со скромной должности в оперативном отделе Всеросглавштаба, а закончил командующим 6-й армией Южного фронта.

После Гражданской войны командовал Харьковским военным округом, затем был помощником командующего вооруженными силами Украины и Крыма, командовал Западным и Ленинградским военными округами. В партию вступил поздно — только в 1927 году. В 1928 году был военным атташе в Германии. После возвращения до 1935 года командо-

вал Московским военным округом, затем стал начальником Военной академии имени Фрунзе. В 1935 году получил звание командарма 2-го ранга. Арестован 14 мая 1937 года.

Витовт Казимирович ПУТНА тоже из крестьян. Родился в 1893 году в литовской деревне Мацконяй Виленской губернии. В армии с 1915 года. Успел окончить школу прапорщиков. В 1917 году вступил в РСДРП(б). Службу в Красной Армии начал в 1918 году с должности комиссара Витебского губернского военкомата, затем был комиссаром 1-й Смоленской стрелковой дивизии. С комиссарской должности перешел на командирскую и закончил войну командиром дивизии. Участвовал в ликвидации Кронштадтского мятежа и подавлении крестьянских восстаний на Нижней Волге.

После войны, окончив военно-академические курсы высшего состава, стал начальником и комиссаром 2-й Московской пехотной школы. В 1923 году примыкал к троцкистской оппозиции, затем объявил об отходе от нее. Работал в Штабе РККА, после командовал корпусом.

В 1927 году Путна переходит на военно-дипломатическую работу. С 1927 по 1931 год занимает должности военного атташе в Японии, Финляндии, Германии. Затем командует Приморской группой войск, и в 1934 году, вплоть до самого ареста, — военный атташе в Великобритании.

Роберт Петрович ЭЙДЕМАН родился в 1895 году в Лифляндской губернии, в семье латышского учителя. Учился в Лесном институте в Петрограде. В 1916 году окончил Киевское военное училище, получив звание прапорщика. После Февральской революции его избрали председателем полкового комитета и председателем Канского совета. Член партии с марта 1917 года. Очень скоро, в октябре 1917 года, он уже — заместитель председателя Центрального исполнительного комитета Сибири. С мая 1918 года — командир Омской группы 1-й партизанской армии, затем командует 16-й, 41-й и 46-й стрелковыми дивизиями, потом — начальник тыла Юго-Западного фронта, командующий 13-й армией, Каховской группой войск. Войну закончил в должности командующего войсками внутренней службы Юго-Западного фронта.

После Гражданской войны — помощник и заместитель командующего войсками Украины, командует Сибирским военным округом, затем начальник и комиссар Военной академии имени Фрунзе, член Реввоенсовета СССР, член Военного совета. В 1935 году получил звание комкора.

Виталий Маркович ПРИМАКОВ родился в 1897 году в местечке Семеновка Черниговской губернии, в семье сельского учителя. Для разнообразия, славянин-украинец. В партию вступил довольно рано — в 1914 году. За революционную деятельность в 1915 году был арестован и сослан в Енисейскую губернию. Вернулся из ссылки в 1917 году и сразу стал членом Киевского комитета РСДРП(б). Дальше его биография несколько нетипична. В августе 1917 года он служит в Черниговском запасном полку — рядовым.

Службу в Красной Армии начал с должности командира конного полка, вскоре стал командиром и комиссаром 1-й дивизии Червоного казачества, после — 1-го корпуса Червоного казачества, не прыгая по фронтам и должностям. После войны кавалеристы делились на две группировки — Буденного и Примакова, «первоконников» и «червоноказачников».

Затем Примаков участвовал в борьбе с басмачами в Средней Азии. После Гражданской войны — командир и комиссар Высшей кавалерийской школы Ленинградского военного округа, потом, в 1925—1926 годах военный советник в Китае, военный атташе в Афганистане и Японии. По возвращении — командир и комиссар 13-го корпуса Приволжского военного округа, помощник командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, инспектор высших учебных заведений РККА. С января 1935 года — заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. В том же году получил звание комкора.

Борис Миронович ФЕЛЬДМАН родился в 1890 году в г. Пинске Минской губернии, в еврейской мещанской семье. С пятнадцати лет стал рабочим. В 1913 году призван в армию. Участвовал в Первой мировой войне. Службу в Красной Армии начал помощником начальника оперативного отделения штаба 13-й армии, закончил начальником штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В партию вступил в 1920 году. Окончил Военную академию РККА.

С 1921 года — командир и комиссар 17-го и 19-го корпусов, начальник штаба войск Ленинградского военного округа. С 1934 года — начальник Управления по начальствующему составу РККА, с 15 апреля 1937 года — заместитель командующего войсками Московского военного округа. В 1935 году ему присвоено звание комкора.

Часть 4

ПРЕВЕНТИВНАЯ ВОЙНА

Он призывал вооруженных людей к действию против правительства — значит, надо его уничтожить.

Сталин

11 июня 1937 года потрясенная страна читала «Правду»:

«...Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путна В.К. рассмотрением закончено и передано в суд.

Указанные выше арестованные обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я.Б. в антигосударственных связях с руководящими кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной Армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов. Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью».

Понять, что чувствовали люди, читавшие это, мы, в нашу привычную к предательству эпоху, едва ли сможем. Армия была гордостью державы, а эти были гордостью армии, лучшими из лучших. Два заместителя наркома обороны, несколько командующих округами, легендарные полководцы Гражданской войны... Шпионы?! Изменники?! Пораженцы?!!

Не требовалось никакой указки сверху, чтобы вызвать затопивший страницы газет взрыв возмущения — он был совершенно искренним. Тем более что в сообщении не было ни слова о троцкизме. И это во времена, когда о коменданте общежития, заставлявшем своих жильцов стричься наголо, писали: «троцкист издевается над рабочими». А тут — ни слова.

Кто же они такие?

Что происходит?

ГЛАВА 12 ВСЕ НА ЗАЩИТУ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ!

Если то, что происходило со страной до 1934 года, худо-бедно, но изучают, если про «тридцать седьмой год» исписаны горы бумаги, то 1935—1936 годы — «темные времена». Их словно и не было. Злобный Сталин победил оппозицию, разгромил ее, пересажал, попутно уничтожил крестьянство, потом все было хорошо — сплошные победы, но он все равно вернулся и добил оппозицию, уже разгромленную и неопасную, а потом по безмерной своей злобе уничтожил еще и множество верных сторонников, которые даже перед смертью признавались в любви к «великому вождю и учителю»...

...И снова мы сталкиваемся с промежутком, маленьким периодом между титаническими битвами, передышкой, недооценной и почти что незамеченной. Но ведь что-то в этот период происходило! И есть такое подозрение, переходящее в уверенность, что если разобраться с этим периодом передышки, то и дальнейшее станет понятней...

Право на борт!
Ну что ж, попробуем!
Огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля...

О. Мандельштам

Историк Юрий Жуков, разбираясь в «кремлевском деле», заметил один любопытный момент, вроде бы и не имеющий отношения к собственно истории «дворцового переворота». А именно — весьма странное поведение секретаря ЦИК СССР Авеля Енукидзе по отношению к новой Конституции, которую предполагалось принять (и она была принята) в 1936 году.

У нас ведь никогда не придавали значения Конституции. В хрущевском и постхрущевском государстве, в условиях диктатуры КПСС, ни Основной

закон страны, ни Советы особо никого не интересовали, поскольку не имели власти, были структурами декоративными. «Партия велела, Совет ответил “Есть!”» Между тем если мы вспомним лозунги 1917 года, то главным из них был: «Вся власть Советам!» Партия стала «приводным ремнем» всех процессов в государстве уже по факту, как единственная организованная структура в стране, и предполагалось, что все это временно. Еще одно «временное правительство», на сей раз большевистское.

Но теперь, в 1936 году, Енукидзе почему-то глухо саботировал сталинскую реформу избирательной системы. Саботаж был мелкий, но эффективный. Например, в подготовительном документе он, соглашаясь с равным представительством для городского и сельского населения (до того существовала дискриминация крестьянства), настаивал на том, чтобы выборы были открытыми, а не тайными, как хотел Сталин. Или предлагал вынести проект изменений на обсуждение не Политбюро, а Пленума ЦК. Между тем если в Политбюро к тому времени было единство, то на Пленуме существовали самые разные подводные течения, и еще неизвестно, что из этого могло выйти.

А Сталин хотел — и реализовал — очень интересные вещи. Например, замену многоступенчатых выборов прямыми, выборов с неравным представительством — равными для всех классов населения, открытых — тайными, то есть не поддающимися контролю. Это была в чистом виде столь презируемая коммунистами «буржуазная демократия», причем по тому времени самая демократичная в мире. И новую Конституцию следовало принять до конца 1936 года, до новых выборов в Советы.

Сейчас, зная уже все, что будет потом, становится ясно: это был первый шаг к тому, чтобы передать власть от партии к государственным структурам. Енукидзе знать этого тогда еще не мог, но угрозу глухо чувствовал и сопротивлялся отчаянно. Возможно, кстати, именно в этом причина его отстранения от государственных дел, а вовсе не в том, что Сталин считал его, вопреки данным следствия, мотором «кремлевского дела» — чекистам он тогда еще доверял...

Но это далеко не все. «Ленинцев», сторонников классового подхода и мировой революции, ждало куда большее потрясение, когда они поняли, что правительство намерено вернуть избирательные права всем, кто до тех пор был их лишен по классовому признаку. И потрясение неизмеримо большее, когда 28 января 1935 г., на открытии VII съезда Советов, Молотов впервые, пока что мягко и обтекаемо, заговорил о сотрудничестве двух систем — капиталистической и социалистической, тем самым во всеуслышание объявив, что СССР больше не держит курс на мировую революцию.

...На Западе происходящее на съезде Советов произвело впечатлени-е разорвавшейся бомбы. Политическая реформа в СССР, изменение внешней политики — это была сенсация из сенсаций. А какой отклик вызвали демократические изменения внутри страны? Делегаты съезда, люди, в большинстве своем достаточно простые, едва ли оценили новшество — преобразования увенчались успехом, коллективизация завершена, индустриализация идет полным ходом, социализм построили, так что ничего удивительного, что и выборы могут теперь проходить по-другому. Едва ли среди них было много людей, настолько искушенных в политике, чтобы понимать, что означают предложения Сталина, не надо так уж переоценивать интеллектуальный уровень тогдашних партийцев. Многие так ничего и не поняли до самого конца.

...Не дожидаясь разработки и принятия новой Конституции, Сталин продолжал лепить из Советского Союза правовое государство. Прокурором СССР был в то время А.Я. Вышинский — еще один человек, оклеветанный нашей историей. Бывший меньшевик, старый знакомый Сталина еще по революционной работе в Закавказье, высокопрофессиональный юрист, никогда, несмотря на меньшевистское прошлое, не подвергавшийся никаким преследованиям, он всерьез взялся за наведение порядка в советской юстиции, сохранившей еще очень много от «революционной законности». Начал с мелочей — с пересмотра результатов «очистки Ленинграда от социально чуждых элементов», имевшей место быть после убийства Кирова. К тому времени в прокуратуру поступило 2237 жалоб, все они были проверены, 264 (14%) удовлетворены.

Но это оказалось только началом. 17 июня был утвержден разработанный Вышинским закон о порядке производства арестов. В очередной раз повторив, что органы НКВД могут это делать лишь с санкции прокурора, ввели новую норму: для ареста советских работников и работников промышленности, врачей, профессоров вузов, агрономов требовалось еще и согласие соответствующего наркома. А теперь давайте попробуем напрячь мозг и подумать: ну и зачем Сталину, в преддверии «большой чистки», укреплять законность? Куда легче проскочить ее на инерции старого, «революционного» подхода, а уж потом заняться юриспруденцией. Но это делается летом 1935-го!

Потихоньку, явочным порядком стали снимать судимости с ранее осужденных — нет, не с оппозиционеров, отнюдь! На оппозиции свет клином тогда еще не сошелся, это Хрущев его на этой теме в клин согнал. Судимость снимали, например, с колхозников, осужденных по печально известному «закону о трех колосках». А всего за 7 месяцев

полноправными гражданами страны стали более 750 тысяч человек. Это была финальная точка в рапорте о завершении коллективизации.

Не забыли и армию, сделав шаг, который должен был обеспечить лояльность большинства офицеров, — ввели персональные воинские звания. Что это такое? Раньше основной была должность: если ты командуешь батальоном, то ты комбат. А завтра тебя переведут командовать ротой — и ты будешь комроты. Новая же воинская иерархия привязывалась к людям, а не к должностям в военной машине. Говоря по-простому, если ты, например, капитан, то, чем бы ты ни командовал — взводом, ротой, батальоном, — ты так и останешься капитаном, более того, в свой срок тебя произведут в майоры. Надо ли объяснять, что значит для военного тот факт, что государство признает его персональную ценность, а не видит в нем всего лишь винтик громадного механизма?

Новые звания по названиям совпадали с теми, которые были приняты в армиях других стран — лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор, полковник. Пока не решились лишь вернуть в армию слово «генерал» — это произошло позже. Военные, выполнявшие в РККА генеральскую работу, назывались: комбриг, комдив, комкор, командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга. Пять человек получили высшие — маршальские — звания: нарком обороны Ворошилов, командующий ОКДВА³⁸ Блюхер, инспектор кавалерии Буденный, начальник Генерального штаба Егоров, заместитель наркома обороны Тухачевский.

Потихоньку, явочным порядком, вводились и другие новшества. В самом конце 1935 года были разработаны, например, новые правила приема в вузы — ликвидировались ограничения, связанные с происхождением.

Экономическая реформа тоже дала первые плоды — с осени 1935 года стали постепенно отменять карточки. Это уже было серьезно. Сытый народ гораздо труднее поднять на борьбу во имя какой бы то ни было идеи — можно, но очень трудно. В качестве маленького приятного подарка населению вернули новогоднюю елку.

И уже совершеннейшим плевок в лицо всей «ленинской гвардии» стало запрещение в ноябре 1936 года комической оперы «Богатыри» на музыку Бородина, но по новому либретто, написанному Демьяном Бедным. Одним из мотивов запрещения было то, что спектакль «дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа». Ильич «русский великодержавный шовинизм», как он называл патриотизм, ненавидел люто, а уж религию...

³⁸ ОКДВА — Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия.

Нет ни малейшего сомнения, что этот процесс не был спонтанным, внезапным. Судя по методике, по подбору кадров, видно: в стране шла планомерная, продуманная, организованная контрреволюция.

Накануне

Ну, и как должна была отнестись ко всему этому оппозиция?

До сих пор Сталин был для них конкурентом в драке за власть, узурпатором этой власти, творцом безумных реформ, в последние годы — врагом. Теперь он стал предателем. А с предателями у российских революционных радикалов разговор был всегда короткий.

...Любопытная вещь — логика. Давно уже доказано, что «заговор генералов» на самом деле существовал — по сути, это стало ясно с 1997 года, с момента публикации «Справки о проверке обвинений», которые в сумме с ранее опубликованными показаниями Тухачевского дали совершенно ясную картину. Еще в 90-е годы, после выхода книг историка В. Роговина, стало ясно, что в СССР существовала разветвленная и тщательно законспирированная «параллельная партия», а значит, репрессии 1929—1933 годов не были необоснованными. В контексте реальных политических событий уже не кажется дутым дело «Весна», хотя с ним еще разбираться и разбираться. Ю. Жуков, исследовавший «кремлевское дело», пришел к выводу, что в основе его лежал конкретный заговор. И между тем он же, буквально в той же книге, относит процессы против троцкистско-зиновьевской оппозиции, прошедшие в 1936—1937 годах, к разряду политических репрессий, то есть планомерной и незаконной расправы Сталина с политической оппозицией. Где тут логика? Одно дело за другим оказывается реальным, и вдруг между ними затесались какие-то процессы совсем из другой оперы — разборки с инакомыслящими, уничтожение не только нынешних, но и прежних политических противников... Да еще перед этим предпринимаются специальные меры по укреплению законности, не иначе как из утонченного цинизма. Странно...

Более того, есть прямое свидетельство, что Сталин не намеревался проводить какие бы то ни было политические разборки. В 1933 году началась новая чистка партии, очень жесткая «генеральная уборка», проверка прошлого и настоящего всех членов ВКП. И вдруг — неожиданное постановление декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК, которым эта чистка попросту прекращалась, и проводился всеобщий обмен партбилетов по состоянию на нынешний день. То есть власти более чем явно показывали, что не намерены преследовать никого. Все, закончили!

Правительство явно давало «отпущение грехов». В июне 1936 года на Пленуме ЦК был восстановлен в партии Енукидзе. Несколько раньше

Сталин очень жестко пресек попытку Ежова, тогда председателя Комиссии партийного контроля, воспользоваться для своей работы архивами госбезопасности. И вдруг — такой поворот: аресты, кровавые приговоры...

Странно...

Подробное рассмотрение этих процессов, конечно, было бы интересно — однако оно лежит сбоку от нашей темы³⁹. Поэтому вкратце, без доказательств, поговорим лишь о тех моментах, которые оказались особенно важными.

Итак, после преобразований 1935—1936 годов прежние «государственники» превратились в откровенных контрреволюционеров. А значит, Сталин стал для своих прежних товарищей, «большевиков-ленинцев», «революционеров», предателем, и какие-либо сомнения и колебания по отношению к нему теперь были неуместны. В 1936 году Троцкий написал свое последнее программное произведение: «Преданная революция», содержание которого полностью определяется названием. Между тем социальная база «революционеров» стремительно сужалась. Именно теперь можно было ожидать выступления оппозиции — теперь или никогда!

И в самом деле, к началу 1936 года органы внутренних дел зафиксировали возросшую активность советских «бывших» — троцкистского и зиновьевского подполья. Это были товарищи чрезвычайно серьезные — партийные радикалы, «люди идеи», с опытом подпольной работы, в том числе и опытом террора. Стало известно, что они стремятся к объединению, к тому, чтобы создать единую партию.

Но в недрах оппозиции шли и куда более опасные процессы. 5 февраля 1936 года начальник секретно-политического отдела ГУГБ Молчанов докладывает Ягоде, что троцкистское подполье воссоздается по принципу «цепочной связи небольшими группами». Этот принцип был прекрасно знаком всем, кто хоть что-то знал о конспиративных методах борьбы, — так строятся не политические, а боевые организации. Чекисты еще по привычке называли их контрреволюционными — хотя теперь речь шла как раз о революционной партии, призванной выступить против набравшей силу контрреволюции.

И вот тут очень полезно привести цитату из Ю. Жукова — в рамках все того же разговора о логике. В своей книге «Иной Сталин» он приводит циркуляр заместителя наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьева:

«Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают возросшую активность троцкистско-зиновьевского контрреволюционного под-

³⁹ Более подробно о так называемых репрессиях см.: *Прудникова Е. Хрущев: творцы террора*. М., 2006.

поля и наличие подпольных террористических формирований среди них. Ряд троцкистских и зиновьевских групп выдвигает идею создания единой контрреволюционной партии и создания единого организационного центра власти в СССР..»

Комментируя этот документ, Ю. Жуков пишет: «На первый взгляд текст циркуляра выглядит слишком одиозным, вполне характерным для всех документов, исходивших с Лубянки... Но если не принимать во внимание неперенные далекие от действительности определения, как “контрреволюционные”, “террористические” да отбросить столь же нарочито использованные понятия “подпольные”, “формирования”, то оставшееся выглядит достаточно серьезным и вполне возможным».

Да почему же не принимать во внимание-то? Ведь это не газетная статья, это циркуляр замнаркома внутренних дел, предназначенный для его подчиненных, то есть внутриведомственный документ. В бумагах такого сорта риторика не применяется. Если там говорится «подпольные формирования», «терроризм», значит, речь идет о подпольных формированиях и терроризме, а не о намерении вести парламентскую борьбу.

...Хорошо, давайте для наглядности проделаем с этим документом ма-а-ленькую операцию. Одно понятие уберем и одно заменим на более верное. Тогда приведенная фраза будет выглядеть так: «Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают возросшую активность революционного подполья и наличие подпольных террористических формирований среди них». Вам это кажется по-прежнему невозможным? Или в очертаниях документа все же начинает проступать что-то знакомое?

В том-то все и дело! Именно такие документы должны были поступать в жандармские управления Российской империи накануне и в начале «революционной репетиции» 1905 года. Все это уже было — подпольные боевые организации, революционный террор, и даже делалось теми же людьми или их приятелями из родственных партий эсеров и анархистов, развернувших в 1905—1907 годах в России такое, что иначе как воинскими командами и военно-полевыми судами страну было не усмирить.

Ну и чем такая картинка менее логична, чем «необоснованные репрессии» с убиением невинных «политических младенцев»?

...Самые знаменитые разведчики — как правило, и самые неудачливые из своего цеха. Потому что знаменитым разведчик становится после своего провала. А о тех, кто не проваливается, так никто никогда и не узнает.

Так и с террором. Для истории покушение становится покушением после того, как оно состоится. Взрыв в бункере Гитлера был, и он существует под своим подлинным именем. Террор начала века тоже был — и он тоже существует. Если же покушения и террор удастся предотвратить, они записываются в главу о политических репрессиях и при случае используются как обвинение режиму.

Забавная иллюстрация к этому тезису появилась в одном из «ЖЖ»⁴⁰ — не то фантазия на тему Максима Калашникова, не то пересказ какого-то его текста. Пользователь Girelom пишет:

«Представьте себе, что к власти году этак в 1988-м пришел некто Мсталин. И вот лет тридцать спустя после его смерти начинают мас-сой выходить статьи и книги о том, как жестокий тиран вел кровавые репрессии против цвета нации. Он выдвигал нелепейшие обвинения против честнейших патриотов. Он расстрелял умного и энергичного Эдуарда Шеварднадзе по сфабрикованному обвинению в том, что этот тонкий дипломат якобы готовил развал военно-промышленного комплекса страны, сдачу ее внешнеполитических позиций в угоду Америке. А еще за то, что он якобы готовился сесть во главе отделенной от Империи Грузии. Замучен в застенках Лубянки Горбачев, давший стране гласность, — по бредовому обвинению в подготовке экономической катастрофы СССР. Расстрелян честнейший коммунист Ельцин. Повесился в камере видный партийный деятель Украины Кравчук, арестованный по высосанному из пальца делу о плане развала Империи и образовании проамериканской «самостийной Украины», а также — сговоре с галицийско-львовскими националистами и подготовке раздела Черноморского флота. Погибли на Колыме умнейшие академики Арбатов и Гвишиани, молодые экономисты Чубайс и Гайдар, имевшие проекты «экономического чуда» и превращения России в богатейшую страну мира. И только его воспаленный мозг мог додуматься до обвинений в подкупах со стороны американцев и в подготовке захвата лучших сырьевых предприятий страны, по которым были повешены многие видные работники Совета Министров СССР, КГБ и Миннефтегаза. По дичайшим обвинениям в сионизме, в работе на Израиль и разложении русского народа погибли талантливый режиссер Владимир Гусинский, ученый-системотехник Борис Березовский. Были воскрешены самые мрачные времена сталинской инквизиции и государственного антисемитизма, помноженные теперь на православный мистицизм».

⁴⁰<http://gunter-spb.livejournal.com/1948545.html?thread=59365761#t59365761>

А что — не так, что ли? Ведь ничего из перечисленного не случилось, а стало быть, нет и доказательств столь злодейских планов. А значит, ничего не была, дела высосаны из пальца, всех реабилитируем, позор тирану!

Да, но как же быть с перестройкой?

...Вернемся, однако, к Юрию Жукову. По его мнению, «сторонники Троцкого и Зиновьева стремятся к консолидации, к созданию уже не невозможной в существующих условиях фракции, а вполне самостоятельной партии... Если новая партия и не возникнет, то у троцкистов и зиновьевцев все же достанет влияния для того, чтобы скрытно выдвинуть собственных кандидатов в депутаты... и получить тем самым трибуну для свободного выражения своих политических взглядов. В этом и таилась опасность для сталинской группы реформаторов».

Если бы речь шла о Зюганове с Явлинским — бесспорно, так оно и есть. Но в оппозиции 30-х годов состояли не те люди. Если бы опасность для сталинской группы реформаторов таилась именно в этом, то она с удовольствием бы предоставила троцкистам открытую трибуну и наблюдала, как их с этой трибуны вывозят на мусорных тачках, вместе с их призывами к новой войне и мировой революции. Только ведь жить начали!

Но если учесть конкретику времени, видно, что опасность несколько иная — а именно, что «группу реформаторов» станут попросту мочить, как предателей дела революции. Так что давайте будем читать внутренние документы НКВД и доклады чекистов правительству буквально, не считая их «далекими от действительности», — это то, что вполне могло иметь место в то время, в тех условиях и с тем контингентом...

Итак, что конкретно происходило. Началась новая серия арестов — массовыми их не назовешь, отнюдь. Работа велась явно целенаправленно, поскольку к 1 апреля 1936 года было арестовано всего 508 «тайных оппозиционеров» (кстати, у одного из них нашли архив Троцкого). Их решили отправить в лагеря, присоединив к ним 308 человек, исключенных из партии за принадлежность к троцкизму. (Сами цифры, небольшие и не круглые, показывают, что работа велась с разбором. С каким разбором, становится ясно, если знать, что при последней чистке из партии было исключено 306 тысяч человек.)

Вот что пишет по этому поводу Вышинский в записке Сталину:

«Считаю необходимым всех троцкистов, находящихся в ссылке, ведущих активную работу, отправить в дальние лагеря постановлением Особого совещания при НКВД после рассмотрения каждого конкретного дела... С моей стороны нет также возражений против передачи дел о троцкистах, уличенных в причастности к террору, то есть к подготовке террористических актов, в Военную коллегия Верховного суда Союза, с применением к ним закона от 1 декабря 1934 г. и высшей меры наказания — расстрела...»

Как видим, пока что о политических репрессиях речи нет. Все строго в рамках закона. В Уголовном кодексе существует статья 58, а у нее пункт 10 — «контрреволюционная агитация и пропаганда», по которому любого троцкиста, ведущего активную работу, можно отправить в лагерь — что и было сделано. За инакомыслие никто никого не преследовал, за «кухонные» разговоры в кругу семьи — тоже, это начнется, когда население сообразит, как именно можно использовать НКВД в семейных разборках.

19 июня на рассмотрение Политбюро были представлены списки тех, кому можно предъявить обвинение в терроризме. Совсем немного — всего 82 человека. НКВД действовал строго под контролем прокуратуры, поскольку список представили Ягода и Вышинский. А еще было предложено провести повторный процесс по делу Зиновьева и Каменева, которые уже находились в заключении. Ну, и с какого перепугу вытаскивать их из тюрьмы, где они так прочно сидят?

Ю. Жуков предполагает: «Это должно было еще раз продемонстрировать решительный и окончательный отказ от старого курса, который ориентировался прежде всего на мировую революцию, для Лондона и Парижа связывался с... экспортом революции, что для всех олицетворялось двумя именами — Троцкого и Зиновьева».

И здесь снова — приоритет политики над правом. Ведь о чем речь? О том, что Сталин пошел на репрессии, чтобы что-то доказать Парижу и Лондону, а не потому, что для этого были какие-то основания. То есть утверждается, что репрессии 1936 года, которые жестко контролировались Политбюро и прокуратурой, являлись если и обоснованными, то незаконными. Странно это: Сталин был человеком последовательным, и уж коль скоро он начал строить правовое государство, то не стал бы с первых шагов показывать пример нарушения закона — тем более в ситуации, когда органы одичали после двадцати лет «революционной законности». В совсем уж крайнем случае придумал бы что-нибудь

другое — как с Троцким. В конце концов, почему бы гражданину Зиновьеву и не повеситься в камере?

Учитывая время и обстановку в стране, версий может быть лишь две. Либо чекисты обнаружили что-то совсем уж экстраординарное, ради чего стоило вытаскивать из тюрем уже поверженных вождей оппозиции. Либо заговорщики в НКВД использовали их в качестве «дымовой завесы», чтобы отвести удар от своих реальных соратников, как это уже делалось в «кремлевском деле», а возможно, и в деле об убийстве Кирова.

Пойдем дальше. 29 июля 1936 года появилось так называемое «Закрытое письмо», на самом деле ничуть не являвшееся таковым, поскольку предназначалось всем членам партии. Там говорилось, что НКВД было раскрыто несколько террористических групп в разных городах страны, что ими руководил некий «троцкистско-зиновьевский блок». Задачей групп было одновременное убийство руководителей партии в разных регионах, что вызвало бы панику в стране и позволило членам блока и Троцкому захватить власть.

Заканчивалось письмо призывом к борьбе с врагами партии и рабочего класса и к большевистской революционной бдительности.

(А вот это зря сказали!)

Зиновьев и Каменев стали основными фигурами на состоявшемся летом «Процессе 16-ти». Первая группа подсудимых включала одиннадцать старых большевиков, участвовавших в 1926—1927 годах в «объединенном оппозиционном блоке». Вторая — пятерых эмигрантов, молодых членов германской компартии. Пятнадцать подсудимых получили смертные приговоры.

Общественность и пресса всего мира ломали головы над тем, как относиться к процессам, строили всевозможные догадки по поводу того, чем они вызваны, как их понимать, что за ними стоит. Диапазон оценок располагался по всей 180-градусной шкале. Троцкий, само собой, назвал процесс «величайшей фальшивкой в политической истории мира». А самое простое толкование происходящему дала итальянская фашистская газета «Мессаджеро»: «Старая гвардия Ленина расстреляна... Сталин был реалистом, и то, что его противники считали изменой идеалу, было только необходимой и неминуемой уступкой логике и жизни... Абстрактной программе всеобщей революции он противопоставляет пятилетку, создание армии, экономику, которая не отрицает индивидуума... Это было неминуемо — полиция вскрыла заговор и действовала с силой, требуемой общественной безопасностью».

Но что интересно — процесс-то над оппозиционерами был открытым. И не просто открытым — на него допускались представители иностранной прессы и дипкорпуса. Смотрите, слушайте!

Помимо прочего, на процессе Зиновьев подтвердил, что знал о готовящемся убийстве Кирова, но не в этом суть. Суть в другом. Почему никто из подсудимых не встал и не закричал: «Товарищи! Меня обвиняют несправедливо! Мои показания даны под нажимом следствия! Я ни в чем не виновен!» В зале ведь полно иностранных корреспондентов, а хуже все равно уже не будет, так и так расстреляют!

Почему они этого не сделали?!

Вообще политики-оппозиционеры вели себя невыразимо мерзко по отношению как к Сталину, так и друг к другу. Это трудно читать и об этом трудно писать — но не из-за жалости, не из-за сочувствия к арестованным, а совсем по другим причинам...

Зиновьев пишет Сталину: «В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом...»

Т. Глебова, жена Каменева, пишет ему в тюрьму и, среди прочего, рассказывает, что их семилетний сын, найдя игру, подаренную ему Зиновьевым, «буквально затрясся и побледнел: “Я выброшу ее, ведь ее подарил мне ненавистный человек”». Каменев в ответ пишет, что Зиновьев и его жена «для меня мертвые люди, как и для Волика, они мне “ненавистны”, и, вероятно, с большим основанием». Поскольку письма подлежали обязательному прочтению тюремщиками, неужели не ясно, для чего это все писалось?

На процессе подсудимые говорили о так называемом «запасном центре» в составе Радека, Сокольников, Пятакова, Серебрякова. И уже 21 августа в «Правде» появилась статья Пятакова «Беспощадно уничтожать презренных убийц и предателей», в «Известиях» — «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман Троцкий» Радека.

В ноябре на Пленуме ЦК Бухарин, «любимец партии», выступал с речью: «...Необходимо, чтобы сейчас все члены партии, снизу доверху, преисполнились бдительностью и помогли соответствующим органам до конца истребить ту сволочь, которая занимается вредительскими

актами и всем прочим... Я абсолютно, на все сто процентов, считаю правильным и необходимым уничтожить всех этих троцкистов и диверсантов...» А ведь эти троцкисты и диверсанты были его товарищами, с которыми он делал революцию в 1917 году..

Мерзко!

Впрочем, вскоре те, кто громогласно клеймил «банду», тоже оказались на скамье подсудимых...

...В конце сентября 1936 года вдруг появилось странное и необычное — и по содержанию, и по лексике — решение Политбюро:

«До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политической и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе. В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подсудимых вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не завершены, но и тех, которые были раньше высланы»⁴¹.

Очень странный документ. Это вообще не стиль документа, и уж в любом случае он свидетельствует о сильнейшем душевном волнении тех, кто его составлял и принимал.

Что случилось?

Объяснение (исключая то, что этот документ — фальшивый) может быть только одно: кто-то из арестованных заговорил. И начал говорить такое, что вызвал шок даже у ко многому привычной сталинской команды. Причем это «что-то» должно было идти из достаточно дальних времен, не меньше чем с 1933 года, а то и раньше.

Возможно, это «что-то» так и кроется в архивах спецслужб. Но, может быть, все проще? Что-нибудь вроде того, что было озвучено на втором «московском процессе»?

Цена власти

Существует такая версия: подсудимые специально возводили на себя чудовищные поклепы, признавали самые абсурдные обвинения, чтобы выставить все дело в нелепом свете. А знаете, кто выдвинул эту версию?

⁴¹ Цит. по: Жуков Ю. Иной Сталин. М., 2003. С. 273

Не Хрущев и не кто-либо из «знатоков человеческих душ». Это сказал Молотов в беседе с писателем Феликсом Чуевым.

«...Удивляет в этих процессах открытых, что такие люди, как Бухарин, Рыков, Розенгольц, Крестинский, Раковский, Ягода, — признали даже такие вещи, которые кажутся нелепыми... Я думаю, что это был метод продолжения борьбы против партии на открытом процессе, — настолько много на себя наговорить, чтобы сделать невероятными и другие обвинения.

Я даже готов сказать, что там только десять процентов нелепости, может быть, и меньше, но я говорю, что они такие вещи нарочно себе приписали, чтобы показать, насколько нелепы будто бы все эти обвинения...

Я думаю, что и в этом есть искусственность и преувеличение. Я не допускаю, чтобы...»

Действительно ли то, что имел в виду Вячеслав Михайлович — явный бред. Насколько ли чудовищны, абсурдны эти планы, настолько ли невозможно все, что там говорилось? Что именно не допускал Молотов?

1. Из показаний Пятакова:

«...Вышинский. Чего же Троцкий требовал?

Пятаков....Требовал проведения определенных актов и по линии террора, и по линии вредительства. Я должен сказать, что директива о вредительстве наталкивалась и среди сторонников Троцкого на довольно серьезное сопротивление. Мы информировали Троцкого о существовании таких настроений. Но Троцкий на это ответил довольно определенным письмом, что директива о вредительстве это не есть что-то случайное, не просто один из острых методов борьбы, которые он предлагает, а это является существеннейшей составной частью его политики и его нынешних установок. (В чем был совершенно прав. Дезорганизация народного хозяйства — один из важнейших методов подготовки государственного переворота. Вспомним хотя бы, какую роль сыграли перебои хлебных поставок накануне революции 1917 года или дефицит товаров в магазинах накануне перестройки. — *Авт.*)

...В этой же самой директиве он поставил вопрос — это была середина 1934 года — о том, что сейчас, с приходом Гитлера к власти, совершенно ясно, что его, Троцкого, установка о невозможности построения социализма в одной стране совершенно оправдалась, что неминуемо военное столкновение и что, ежели мы, троцкисты, желаем сохранить себя, как какую-то политическую силу, мы уже заранее должны, заняв

пораженческую позицию, не только пассивно наблюдать и созерцать, но и активно готовить это поражение. Но для этого надо готовить кадры, а кадры одними словами не готовятся. Поэтому надо сейчас проводить соответствующую вредительскую работу.

Помню, в этой директиве Троцкий говорил, что без необходимой поддержки со стороны иностранных государств правительство блока не может ни прийти к власти, ни удержаться у власти. Поэтому речь идет о необходимости соответствующего предварительного соглашения с наиболее агрессивными иностранными государствами, такими, какими являются Германия и Япония, и что им, Троцким, со своей стороны соответствующие шаги уже предприняты...

...Примерно к концу 1935 года Радек получил обстоятельное письмо-инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и конечно, в первую очередь против Сталина и ближайших его помощников.

Второй вариант, который был, с точки зрения Троцкого, более вероятным, — это военное поражение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а возможно, и с Японией, следовательно, речь идет о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удержаться у власти. Но так как здесь был очень остро поставлен вопрос о поражении, о военном вредительстве, о нанесении чувствительных ударов в тылу и в армии во время войны, то у Радека и у меня это вызвало большое беспокойство. Нам казалось, что такая ставка Троцкого на неизбежность поражения объясняется в значительной мере его оторванностью и незнанием конкретных условий, незнанием того, что собою представляет Красная Армия, и что у него поэтому такие иллюзии...»

2. Из показаний Радека:

«Вышинский: Подсудимый Радек, были ли получены вами в 1935 году, или несколько раньше, от Троцкого два письма или больше?»

Радек: Одно письмо — в апреле 1934 года, второе — в декабре 1935 года... В первом письме по существу речь шла об ускорении войны, как желательном условии прихода к власти троцкистов. Второе же письмо разрабатывало эти, так называемые, два варианта — прихода к власти во время мира и прихода к власти в случае войны. В первом письме социальные последствия тех уступок, которые Троцкий предлагал, не излагались. Если идти на сделку с Германией и Японией, то, конечно, для прекрасных глаз Троцкого никакая сделка не совершится. Но программы уступок он в этом письме не излагал.

Во втором письме речь шла о той социально-экономической политике, которую Троцкий считал необходимой составной частью такой сделки по приходе к власти троцкистов.

Вышинский: В чем это заключалось?

Радек:...Первый вариант усиливал капиталистические элементы, речь шла о передаче в форме концессий значительных экономических объектов и немцам и японцам, об обязательствах поставки Германии сырья, продовольствия, жиров по ценам ниже мировых. Внутренние последствия этого были ясны. Вокруг немецко-японских концессионеров сосредоточиваются интересы частного капитала в России. Кроме того, вся эта политика была связана с программой восстановления индивидуального сектора, если не во всем сельском хозяйстве, то в значительной его части. Но если в первом варианте дело шло о значительном восстановлении капиталистических элементов, то во втором — контрибуции и их последствия, передача немцам в случае их требований тех заводов, которые будут специально ценны для их хозяйства. Так как он в том же самом письме отдавал себе уже полностью отчет, что это есть возрождение частной торговли в больших размерах, то количественное соотношение этих факторов давало уже картину возвращения к капитализму, при котором оставались остатки социалистического хозяйства, которые бы тогда стали просто государственно-капиталистическими элементами...

Вышинский: В этом втором письме, которое было названо развернутой программой пораженчества, было ли что-нибудь об условиях, которым должна удовлетворить пришедшая к власти группа параллельного центра в пользу иностранных государств?

Радек: Вся программа была направлена на это.

Вышинский: Самих условий Троцкий не излагал?

Радек: Излагал.

Вышинский: Конкретно говорил о территориальных уступках?

Радек: Было сказано, что, вероятно, это будет необходимо.

Вышинский: Что именно?

Радек: Вероятно, необходимы будут территориальные уступки.

Вышинский: Какие?

Радек: Если мириться с немцами, надо идти в той или другой форме на их удовлетворение, на их экспансию.

Вышинский: Отдать Украину?

Радек: Когда мы читали письмо, мы не имели сомнения в этом. Как это будет называться — гетманской Украиной или иначе — дело идет об удовлетворении германской экспансии на Украине. Что касается Японии, то Троцкий говорил об уступке Приамурья и Приморья...»

3. Еще из показаний Радека:

«Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической, он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для экономических государств объектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, то есть допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально останутся в руках советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого строя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о возрождении частного капитала в городе...

В области политической в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне

возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто...

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно — формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победительницами, если мы вообще хотим удержаться...

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма...

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас — поставить на место советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое — раздел страны. Германии намечено отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь других экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал это без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом... (Напомним, что речь шла не о конкретных договорах, речь шла о планах. Согласно материалам процесса, планы эти были таковы, что смутили сторонников Троцкого внутри страны, какими бы рьяными оппозиционерами они ни были. Смутили, однако от Троцкого не оттолкнули. — *Авт.*)»

4. И еще из допроса Радека:

«Радек: Мы решили для себя, что за директиву Троцкого мы не можем брать на себя ответственность. Мы не можем вести вслепую людей. Мы решили созвать совещание. Пятаков поехал к Троцкому... Троцкий сказал, что совещание есть провал или раскол... Тогда мы решили, что мы созываем совещание, несмотря на запрет Троцкого. И это был момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

...Прерывали ли мы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машина крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто — «за здорово живешь», для прекрасных глаз Троцкого — страна должна возвращаться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как дом сумасшедших. И наконец, немаловажный факт: раньше стоял вопрос так, что мы деремся за власть потому, что мы убеждены, что сможем что-то обеспечить стране. Теперь мы должны драться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Что означала директива о согласовании вредительства с иностранными кругами? Эта директива означала для меня совершенно простую вещь, понятную для меня, как для политического организатора, что в нашу организацию вклинивается резидентура иностранных держав, организация становится прямой экспозитурой иностранных разведок. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый ход — это было идти в ЦК партии, сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел. Не я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый.

Радек: Ответ грустный».

Эти показания и имел в виду Молотов под тем, что называл «нелепостью». Продолжим же прерванную цитату. «...Я думаю, что и в этом есть искусственность и преувеличение. Я не допускаю, чтобы Рыков согласился, Бухарин согласился на то, даже Троцкий — отдать и Дальний Восток, и Украину, и чуть ли не Кавказ, — я это исключаю, но какие-то разговоры вокруг этого велись, а потом следователи упростили это...»

Думаем, читатель и без нашей подсказки найдет самую чудовищную нелепость всей этой истории. Она заключается в том, что этот план,

даже Молотовым, вторым человеком в государстве, воспринимаемый как чудовищная нелепость, как абсурд, — все это совершилось. Не Бухарин, не Радек, не Пятаков — другие члены ЦК, секретари обкомов, президенты и премьер-министры — реализовали этот план до самых мельчайших его деталей. Кстати, к вопросу об абсурде: если бы году этак в 1985-м кто-нибудь рассказал нам, какой станет Россия в 2000 году, — кто из нас в ответ не покрутил бы пальцем у виска?

Начало

Может быть, все бы еще и обошлось — но заговорщикам фатально не повезло (зато повезло стране и всем нам). Сталин, возможно, даже сам того не ведая, нанес удар по прикрытию.

...Первый звонок для начальника НКВД Генриха Ягоды прозвучал еще в 1934 году, когда одним из руководителей расследования убийства Кирова стал Николай Ежов из Комиссии партийного контроля. Весной 1936 года Сталин подключил его и к следствию по делу арестованных троцкистов. Столкнувшись еще в ходе расследования убийства Кирова, эти двое продолжали соперничать по-прежнему.

Ягода попытался повторить маневр 1935 года, свести дело к тому, что уже арестованные оппозиционеры — это и есть троцкистский актив. Но на сей раз не вышло. Ежов продолжал дело, не советуясь с шефом НКВД. И Ягода не выдержал роли, стал принимать следствие слишком близко к сердцу, что странно — до сих пор излишнего стремления к справедливости за ним вроде бы не наблюдалось. Сохранились протоколы допросов, на которых рукой Ягоды написано: «чепуха», «ерунда», «не может быть» и т.п. Любопытно...

И все же как-то уж очень все просто. Если бы шеф НКВД по-настоящему захотел саботировать следствие, то что мог ему противопоставить не искушенный в чекистской работе Ежов? Вспомним, как выводили из игры Енукидзе и Петерсона, как виртуозно устроили подмену с германским консульством в Ленинграде — ведь те дела тоже были под контролем. А здесь такое ощущение, что НКВД попросту сдает уже раскрытых и засвеченных старых оппозиционеров. Выскажем безответственное предположение: НКВД их на самом деле сдает. Зачем? А затем же, зачем и раньше, — чтобы отвести удар от настоящих. От тех, которым совершенно не нужны в новой России ни Троцкий, ни Зиновьев с Каменевым — оттого они в этих группировках и не засвечены.

Один из этих настоящих — сам Ягода. Ну и, конечно, один бы он ничего не сделал, в «органах» должны быть и другие его люди. В августе 1936 года был арестован очень близкий ему человек — начальник секретно-политического отдела ГУГБ Г.А. Молчанов. Узнав о его аресте, тут же застрелились трое его сотрудников. Узнав об аресте самого Ягоды, еще один его доверенный сотрудник, Матвей Погребинский, который в это время проводил оперативное совещание, вышел в туалет и там застрелился. Ну и, конечно, многие были арестованы — впрочем, это далеко не всегда что-то доказывает...

...25 сентября Сталин и Жданов, находившиеся на отдыхе (то есть работавшие в то время на побережье Черного моря), отправили в Москву зашифрованную телеграмму (опять же, документ для внутреннего пользования).

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей наркомвнудела...»

Здесь самое важное — не назначение Ежова, а снятие Ягоды. И еще любопытна цифра: четыре года. Почему именно четыре? Что такого происходило в стране в 1932 году?

В 1932-м много чего происходило. Например, подготовка открытого выступления крестьянства и последующей интервенции⁴². Могла ли оппозиция пройти мимо такого шанса расправиться с ненавистным правительством?

Среди донесений агентов советской разведки в Германии содержатся сведения о подготовке переворота и о некоем теновом «правительстве» — и, кстати, согласно позднейшим показаниям Ягоды, начало заговора действительно относится к 1932 году. Но в 1936-м областные работники ни о его показаниях, ни тем более о секретных донесениях знать не могли. Должно быть, они всерьез принялись за бывших троцкистов и накопили что-то такое, из чего следовал этот вывод.

Ягоду пока что перевели в наркомат связи. А Ежов, едва вступив в должность, тут же сменил и заместителей. Замами нового наркома стали М.Д. Берман, начальник ГУЛАГа, М.П. Фриновский, начальник погранвойск, и Л.Н. Бельский, кадровый чекист с 1918 года. Все очень опыт-

⁴² Подробнее об этом периоде см: *Прудникова Е., Чигирин И.* Мифология «голодомора». М., 2012.

ные, и все родом из ВЧК, что еще сыграет свою черную роль. Укрепили Особый отдел, который стал называться контрразведывательным (или КРО) и которому теперь стали подведомственны все дела по шпионажу. А еще появилось отделение охраны. И, кстати, в начале ноября была резко усилена персональная охрана руководства страны. Надо же, как странно: оппозиция разгромлена, а охрана усиливается. С чего бы это?

Сменив верхушку наркомата, Ежов получил доступ ко всем материалам. Что он там накопал? По-видимому, что-то серьезное, потому что к марту уже были арестованы 238 высокопоставленных чекистов — из них 107 работали в Главном управлении госбезопасности. За что, спрашивается, их арестовывали? Уж явно не за превышение полномочий при работе с подследственными, до Берии еще два года жить, да и разве в 1936 году, при Ягоде, так превышали полномочия, как при Ежове в 1937-м?

Весной 1937 года аресты продолжались, но какие-то странные: не трогали почти никого, кроме чекистов. Это можно объяснить лишь одним: Ежов разматывал группу в НКВД. Кроме того, значительно раньше, 11 февраля, был арестован Енукидзе.

А 31 марта взяли Ягоду, и как взяли! Такого, кажется, еще не бывало. Спецсвязью всем членам ЦК разослали следующее сообщение: «Ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений наркома связи Ягода, совершенных в бытность его наркомом внутренних дел, а также после его перехода в наркомат связи, политбюро ЦК ВКП считает необходимым исключение его из партии и ЦК и немедленный его арест. Политбюро ЦК ВКП доводит до сведения членов ЦК ВКП, что ввиду опасности оставления Ягода на воле хотя бы на один день, оно оказалось вынужденным дать распоряжение о немедленном аресте Ягода. Политбюро ЦК ВКП просит членов ЦК ВКП санкционировать исключение Ягода из партии и ЦК и его арест. По поручению политбюро ЦК ВКП Сталин»⁴³.

И снова: что случилось?

Ягоду явно изъяли, потому что, арестовав, его не спешили допрашивать. Спрашивали какую-то ерунду. А тем временем взяли еще нескольких высокопоставленных чекистов, в том числе и кое-кого из наших знакомых: бывшего начальника особого отдела Гая (того самого, что писал на донесении Зайончковской: «Это бред выжившей из ума старухи»), начальника отдела охраны ГУГБ Паукера, бывшего коменданта Кремля Петерсона.

⁴³ Цит. по: Жуков Ю. Иной Сталин. С. 372.

26 апреля Ягода дал показания о своей связи с правыми: Рыковым, Бухариным и пр., признал, что являлся организатором заговора. Но было кое-что, о чем они все, признавая любые альянсы с любыми политиками, молчали насмерть — они молчали о военных. Еще бы: в этом был их единственный шанс остаться в живых. Другого у них не было, и они молчали, надеясь, что те, оставшиеся на свободе, незасвеченные, сделают свое дело.

ГЛАВА 13 ХРОНИКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

«Надеюсь, что в Красной Армии врагов вообще немного. Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры; страна выделяет самых здоровых и крепких людей».

К. Ворошилов

Из показаний А.И. Корка от 16 мая 1937 года:

«Вы спрашиваете, майн либер Август, — (он так продолжал разговор, похлопав меня по плечу), — куда мы направим свои стопы? Право, надо воздать должное нашим прекрасным качествам солдата, но знайте, солдаты не всегда привлекаются к обсуждению всего стратегического плана. Одно только мы с вами должны твердо помнить: когда претендентов на власть становится слишком много — надо, чтобы нашлась тяжелая солдатская рука, которая заставит замолчать весь многоголосый хор политиков». Намек, который при этом Тухачевский делал на Наполеона, был так ясен, что никаких комментариев к этому не требовалось...

Естественно, в ходе разгрома троцкистов были засвечены и те из них, кто служил в армии. Однако по отношению к заговорщикам в петлицах требовалась особая осторожность. Почему? И снова надо учитывать обстановку.

Это мы знаем, что война началась в 1941 году. Они, живущие в том времени, этого не знали. Французский генштаб считал, что она начнется в 1938 году. Тухачевский утверждал, что это будет в 1937-м, на два фронта: с Японией на Востоке и с объединившимися для удара по СССР Польшей и Германией на Западе. Советская армия была достаточно сильна, чтобы справиться с любой из тогдашних армий вторжения — по отдельности. Но не с тремя вместе! Уборевич был более оптимистичен: он считал, что войны можно ждать «в этом году или в следующем», но, возможно, и через два-три года. Если повезет.

Кстати, еще один любопытный нюанс. В начале 1936 года состоялась оперативно-штабная игра, на которой Тухачевский всерьез уверял, что Германии нужна Украина и, соответственно, удар немецких армий будет нанесен именно там. Да, это было бы так — по логике Гражданской войны, когда правительство Ленина готово было, чтобы скорее заключить мир, провести линию границы по фактически занятой неприятелем территории.

Но ведь это не 1919-й, это 1936 год! Советский Союз теперь намного сильнее, имеет мощную армию, колоссальные ресурсы и бешеные темпы развития промышленности, у власти стоит не Ленин, а Сталин, чья политика определена в песне: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Ясно было, что, не разгромив СССР в целом, Украиной Германии не владеть. Кроме одного случая: если в результате войны еще и сменится правительство, и к власти придут, те, кто согласится...

...Но, как бы то ни было, ситуация в стране была стандартная, а именно: «если завтра война». В этих условиях показывать и своим, и чужим, что в армии что-то неблагополучно — безумие. Тут и один арестованный «генерал» отзовется по всему миру таким резонансом... В марте 1937 года, едва только начались серьезные аресты военных, французы сразу же свернули подготовку ко всем переговорам с СССР, по поводу чего начальник Генштаба Франции генерал Гамелен сказал: «Альянс с Россией в труднопредсказуемых условиях представляется нежелательным». А после «дела Тухачевского» французские союзники буквально шарахнулись от СССР, и уже в июне от того же французского генштаба поступило заявление: «Всякое новое сближение Франции с Москвой привело бы с точки зрения безопасности к нулевому или даже отрицательному результату»⁴⁴. И камня в них не кинешь: кто станет иметь дело с государством, в котором творится такое...

Лето — осень 1936 года

...Так что с арестом армейских троцкистов пришлось немного подождать, хотя бы до процесса Зиновьева и Каменева — чтобы свести все к отдельной троцкистской группе и не вызвать даже мысли о ненадежности армии накануне предполагаемой войны. Одного лишь комди-

⁴⁴ Цит. по: *Мартирисян А.* Заговор маршалов. М., 2003. С. 214.

ва Шмидта, личность чрезвычайно колоритную⁴⁵, арестовали 6 июля. Остальных — непосредственно перед процессом, который проходил 21—23 августа, или сразу после него.

- 14 августа — арестован комкор Примаков;
- 15 августа — комбриг Зюк;
- 20 августа — комкор В. Путна;
- 2 сентября — комдив Туровский;
- 25 сентября — комдив Саблин.

На процессе была озвучена информация о военном троцкистском подполье. Там говорилось, что Троцкий в письме Дрейцеру дал указание организовать нелегальные ячейки в Красной Армии. В качестве участников армейской «военно-троцкистской организации» называли уже арестованных к тому времени военного атташе в Лондоне В.К. Путну и командующего войсками Ленинградского военного округа В.М. Примакова. Были названы также имена двоих офицеров, готовивших теракты против Ворошилова, — комдива Шмидта и майора Кузьмичева, служивших в Киевском военном округе под руководством Якира.

В конце 20-х годов Путна и Примаков на самом деле возглавляли троцкистскую организацию в армии — сейчас об этом имеется множество свидетельств, этот факт признают и сами троцкисты. А Шмидт и Кузьмичев являлись верными «оруженосцами» Примакова.

Примаков девять месяцев молчал насмерть, бомбардируя все возможные инстанции жалобами и просьбами, — мужик был не из слабых. Путна уже 31 августа, после очной ставки с Радеком, «расколовшимся» сразу и полностью, дал первые признательные показания — что он действительно встречался с сыном Троцкого Львом Седовым и получил поручения организовать теракты против Сталина и Ворошилова. Признался — и замолчал. Следующие показания от него смогли получить лишь в мае 1937 года, когда уже ясно было, что игра проиграна. Тогда, осенью, об участниках заговора — не троцкистах они все молчали насмерть. Интерес тут был шкурный в прямом смысле слова: именно в них, в том, что у них получится все-таки с переворотом, были единственные шансы арестованных на жизнь.

⁴⁵ Желаящим узнать о нем побольше рекомендуем книгу *В. Суворова* «Очищение».

Зима 1937 года

Генералы⁴⁶ группы Тухачевского в это время, казалось, были в полной безопасности. Уборевичу и Корку сняли партийные взыскания (кстати, по ходатайству Ворошилова, хотя они с Уборевичем терпеть друг друга не могли). Эйдемана собирались отправить в командировку за границу. Тухачевский фотографируется рядом со Сталиным среди членов Политбюро. Единственный намек на его будущую участь прозвучал в конце января на «Процессе 16-ти», когда Радек одиннадцать раз упомянул имя Тухачевского.

Так говорят...

И в этом еще один миф и еще одна нелепость — что будто бы в сталинском СССР существовали какие-то «намекы», далеко идущие интриги, какая-то игра с жертвами будущего террора, которые, дескать, заранее все понимали и, как загипнотизированные удавом кролики, ждали своей участи, потому что так их кушать вкуснее, и т.д.

«Намекы», «признаки» — это, конечно, хорошо. В сказках про тиранов это выглядит очень эффектно. И Сталин, конечно, был восточным человеком и мог этим искусством владеть. И владел, и иной раз его с удовольствием применял — в отношениях, например, с Черчиллем, тоже незаурядным политиком и очень умным человеком, способным это искусство оценить. Но какие могли быть «намекы» в Москве 1937 года? То есть намекать-то вождь мог сколько угодно, но кто бы его понял? На верхних этажах Страны Советов собралась такая публика, которая и прямую-то речь понимала через раз и как попало. Всякие там психологические тонкости мило смотрятся в романах, а в грубой советской реальности даже члены Политбюро, знавшие друг друга как облупленных, и то разговаривали предельно конкретно, избегая даже тени двусмысленности. Говоря с людьми менее знакомыми, Сталин каждый вопрос рассматривал с пяти сторон с десятью уточнениями — а вдруг не так поймут? А уж Тухачевскому намеки и вовсе как горохом по танковой броне — чтобы это понять, достаточно хотя бы на фото посмотреть...

Ну, а теперь вернемся к Радеку — что он там такое говорил?

На утреннем судебном заседании 24 января 1937 года Радек сказал:

«В 1935 году Виталий Путна встречался со мной, передав одну просьбу Тухачевского». Допрашивавший его Вышинский оставил это упо-

⁴⁶ Автор осведомлен о том, что воинского звания «генерал» в то время в СССР не существовало. Тем не менее воинские звания этих людей соответствуют генеральским, и удобнее всего объединить их под этим словом.

минание без внимания — то есть тема явно не входила в сценарий процесса. И лишь на вечернем заседании, вероятно, получив какие-то указания, вернулся к ней и спросил Радека, зачем к нему обращался Тухачевский.

Из протокола допроса Радека:

«Радек: Тухачевский имел правительственное задание, для которого не мог найти необходимого материала. Таким материалом располагал только я. Он позвонил мне и спросил, имеется ли у меня этот материал. Я его имел, и Тухачевский послал Путну, с которым работал над заданием, чтобы получить материал от меня. Тухачевский понятия не имел ни о роли Путны, ни о моей преступной роли.

Вышинский: А Путна?

Радек: Он был членом организации, он пришел не по делам организации, но я воспользовался его визитом для нужного разговора.

Вышинский: А Тухачевский?

Радек: Тухачевский никогда не имел отношения к нашим делам... Я заявляю, что я никогда не имел и не мог иметь никаких связей с Тухачевским по линии контрреволюционной деятельности, потому что я знал, что Тухачевский — человек, абсолютно преданный партии и правительству».

Любопытно, с каких же пор демонстративное заявление о непричастности человека к заговору стало означать его скорый арест?

Знаете, есть такой старый анекдот. Едут два еврея на пароходе в Одессу. Когда уже город показался на горизонте, один спрашивает другого: «А вы куда едете?» — «В Одессу». Тот задумался глубоко, а потом и говорит: «Не понимаю. Вы сказали, что едете в Одессу, чтобы я подумал, что вы едете в Одессу, хотя на самом деле вы едете не в Одессу. Но вы на самом деле едете в Одессу — зачем же вы врете?»

Логика «политологического анализа», увы...

...Можно сказать, что Сталину повезло. Оставшиеся на свободе заговорщики могли отреагировать на происходящее двумя способами — форсировать выступление или затаиться. К счастью, они выбрали второй вариант. Тухачевский на следствии говорил: «В связи с зиновьевским делом начались аресты участников анитисоветского военно-троцкистского заговора. Участники заговора расценивали положение как очень серьезное. Можно было ожидать дальнейших арестов, тем более что Примаков, Путна и Туровский отлично знали многих участников заговора, вплоть до его центра.

Поэтому, собравшись у меня в кабинете и обсудив создавшееся положение, центр принял решение о временном свертывании всякой активной деятельности в целях максимальной маскировки проделанной работы. Решено было прекратить между участниками заговора всякие встречи, не связанные непосредственно со служебной работой».

Совещание это могло иметь место осенью или в декабре 1936 года, поскольку после Нового года они уже не имели возможности собираться «в кабинете» Тухачевского — маршал в конце декабря неожиданно отправляется в отпуск, как оказалось, на целых три месяца⁴⁷. По поводу этого внеочередного отдыха каких только слухов не было и каких только предположений сейчас не строят. Его связывают и с компроматом, полученным из Германии о давних связях с немецкой разведкой, и с начинающейся «опалой», с «конструированием “дела Тухачевского”», и даже с попыткой самоубийства, предпринятой маршалом. Все, впрочем, может быть проще: люди Ежова, раскапывая дела НКВД, нашли, например, старые донесения о «военной партии», поступили еще какие-то показания, и «до выяснения» маршала отправили отдохнуть, пока что не только не арестовывая, но даже не снимая с поста. Собственно, если он ни в чем не замешан, ничего ужасного в этом нет...

Во второй половине января всем, кто хотел увидиться с Тухачевским, сообщалось, что он находится в Сочи на лечении, а до того он лежал в госпитале, хотя всегда отличался завидным здоровьем. Поэтому и не верят в это «лечение», что никогда раньше... А с другой стороны — легко ли полгода жить под взведенным ножом гильотины? В ситуации постоянной угрозы одни ломаются духом, другие духом крепки — но подводит тело...

О его душевном состоянии говорит маленький штрих. Зимой 1937 года он горько сказал одной из сестер: «Как я в детстве просил купить мне скрипку, а папа из-за вечного безденежья не смог сделать этого. Может быть, вышел бы из меня профессиональный скрипач...»

Можно, в конце концов, и не выдержать... Похоже, дело было серьезным, если он не приехал даже на Пленум ЦК, который состоялся в конце февраля — начале марта. Никакая «опала» не могла помешать кандидату в члены ЦК присутствовать на пленуме, это была его обязанность, тем более в такое время тем более Ворошилов должен

⁴⁷ Точнее, формально отпуск был дан с 28 января по 15 марта. Но после Нового года Тухачевский уже практически не появлялся на публике. По некоторым данным, он находился в госпитале.

был делать на нем доклад о положении в армии в связи с прошедшими арестами. Уж коль скоро он это слушать не приехал, значит, и вправду не мог..

...По состоянию на 23 февраля

23 февраля 1937 года начался Пленум ЦК ВКП(б). На нем Ворошилов впервые заявил о том, что в рядах Красной Армии существует вражеская организация, и подробно рассказал, кто был арестован, какие давал показания. Нарком с радостью и гордостью доложил собравшимся:

«...В армии к настоящему моменту вскрыто пока не так много врагов. Говорю — к счастью, надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного. Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры; страна выделяет самых здоровых и крепких людей».

У него были основания так говорить. К 23 февраля было арестовано всего шесть генералов и два офицера поменьше. Это комкоры Примаков и Пугна, комкор Туровский, комдивы Шмидт и Саблин, комбриг Зюк, полковник Карпель и майор Кузьмичев. Кроме того, было арестовано несколько военных, как сказал Ворошилов, докладывая об этом деле на Пленуме ЦК, «рангом и калибром пониже».

Стенограмму выступления Ворошилова опубликовали в 1997 году. Из нее видно, насколько «секретной» была подготовка удара по военным. Никто ее не засекал. Нарком открытым текстом говорил: «Совсем не исключено, что и в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем». Но из нее видно и многое другое, причем видно настолько хорошо, что хрущевские времена с их «срыванием покровов» оставили этот документ секретным, и горбачевские времена с их «гласностью» оставили его секретным, и только в 1997 году, когда всем уже было все равно и даже страны под названием СССР уже не существовало, мы получили возможность его прочесть. Посмотрите, как они это видели в феврале 1937-го...

Из стенограммы выступления Ворошилова на Пленуме ЦК ВКП(б):

«Что собой представляют вскрытые НКВД в армии враги, представители фашистских японо-немецких, троцкистских банд? Это в своем большинстве высший начсостав, это лица, занимающие высокие командные посты. Кроме этой сравнительно небольшой группы, вскрыты также отдельные, небольшие группы вредителей из среды старшего и низшего начсостава в разных звеньях военного аппарата. Я далек, разумеется, от мысли, что в армии везде и все обстоит благополучно. Нет,

совсем не исключено, что и в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем...

...Троцкий еще в 1920—1921 годах, когда он пошел открытым походом на Ленина, на нашу партию, пытался опереться на кадры армии... На этом этапе своей вражьей вылазки против партии и Ленина Троцкий был бит. Но он не сложил оружия, а повел углубленную подрывную работу. И к 1923 году ему удалось — об этом нужно прямо сказать — с помощью своей агентуры добиться немалых успехов в Красной Армии.

В 1923—1924 годах троцкисты имели за собой, как вы помните, об этом помнить следует, почти весь Московский гарнизон. Военная академия почти целиком, школа ВЦИК, артиллерийская школа, а также большинство других частей гарнизона Москвы были тогда за Троцкого».

Ворошилов не зря сказал: «...Как вы помните...». Ведь речь шла, в сущности, о недавних событиях, 10—13-летней давности. В то время училища и академия, кузница офицерских кадров, были почти целиком за Троцкого. И ведь все эти люди никуда не делись, они остались в армии. К 1937 году это поколение командиров дослужилось уже до средних и высших чинов, и, будучи людьми довольно молодыми, они имели хорошие перспективы дальнейшего роста. Среди командного состава до сих пор оставалось немало выдвиненцев Троцкого — тот же Примаков, тот же Тухачевский. Во многом именно поэтому их всех будут «приплетать» к Льву Давидовичу — так удобней. Все, что угодно, лишь бы не признать, что армия готовила переворот сама от себя, что армия ненадежна. После этого можно забыть о дипломатии, о международных соглашениях, которые с таким трудом давались Советскому Союзу, а уж внутри страны это будет такой удар... Вот как раз этого, когда «завтра война», и не хватало!

«Ворошилов... Нелишне напомнить, товарищи... что в тот момент, когда в конце 1923 и начале 1924 года Троцкий попытался нанести предательский удар нашей партии, Красной Армии как боевой вооруженной силы, способной вести войну с внешним врагом, не существовало... Зато в армии сложились группы троцкистов, которые, используя свое служебное положение, вели ожесточенную, дикую борьбу с партией и ее руководством.

В 1925—1927 годах Троцкий во главе своей окончательно сложившейся... группы в последний раз пошел на партию. К этому времени все военные гарнизоны были твердо за партию и против Троцкого. Только Ленинград представлял исключение... В этот последний раз, когда Троцкий... был не только побит, но и выброшен из наших рядов, как

открытый враг, он оставил и в стране, и в армии кое-какие кадры своих единомышленников. Правда, количественно эти кадры были мизерны, но качественно они представляли известное значение...»

Собственно говоря, ничего невозможного в этом разделе выступления нет. Действительно, Троцкий, будучи наркомвоенмором, активно вербовал в рядах своего ведомства сторонников для будущей политической работы — он был бы круглым дураком, если бы этого не делал. И коль скоро многие курсанты той же Военной академии, других училищ в то время были за Троцкого, то неудивительно, что часть из них тайно сохраняла верность опальному вождю. Ничто человеческое офицеру не чуждо, и водораздел Сталин — Троцкий проходил и через армию, как он проходил через партию, госаппарат и прочие структуры. С того времени эти люди выросли в чинах и вполне могли дорасти и до старших офицеров и генералов. Так что ничего неправдоподобного пока что Ворошилов не сказал, да и ничего особо интересного тоже.

Впрочем, дальше пошло интереснее. За что был арестован начальник штаба авиабригады майор Кузьмичев? Ворошилов рассказывает:

«Вопрос следователя: “Что вами было практически сделано для подготовки террористического акта над Ворошиловым в осуществление полученного задания от Дрейцера в феврале 1935 года?”

...Кузьмичев, добровольно взявший на себя выполнение теракта, отвечает на вопрос следователя:

“На маневрах в поле с Ворошиловым мне встретиться не удалось, так как наша часть стояла в районе Белой Церкви, а маневры проходили за Киевом, в направлении города Коростень. Поэтому совершение теракта пришлось отложить до разбора маневров, где предполагалось присутствие Ворошилова”.

“Где происходил разбор маневров?”

“В киевском театре оперы и балета”, — отвечает Кузьмичев.

“Каким образом вы попали в театр?” — спрашивает Кузьмичева следователь.

Кузьмичев отвечает: “Прилетев в Киев на самолете, я узнал о том, что билетов для нашей части нет. Комендант театра предложил занять свободные места сзади. Так как я намерен был совершить террористический акт над Ворошиловым во время разбора, я принял меры к подысканию места поближе к сцене, где на трибуне после Якира выступал Ворошилов. Встретив Туровского, я попросил достать мне билет. Через несколько минут Туровский дал мне билет в ложу”.

Дальше его спрашивают: “На каком расстоянии вы находились от трибуны?”

Кузьмичев отвечает: “Метрах в 15-ти, не больше”. И вслед за этим он рассказывает, из какого револьвера должен был стрелять, почему он не стрелял — потому что якобы ему помешали, потому что все присутствующие в ложе его знали, что впереди две ложи были заняты военными атташе и иностранными гостями...»

На первый взгляд это обвинение не то что абсурдно, а вообще полный бред. Ну какой во всем этом смысл? Кому, на самом деле, нужен Ворошилов?

Но если вдуматься, смысл-то есть. Во-первых, Ворошилов у нас оболган точно так же, как и большинство других персонажей того времени, и это еще надо выяснять — таким ли он был плохим наркомом, как говорят. Во-вторых, дело было в феврале 1935 года. Только что убит Киров. Если его убийство действительно дело рук оппозиционеров, то почему бы им, вдохновленным успехом, не захотеть продолжить террор, расправившись еще с одним верным сталинцем? Кроме того, что еще важнее, в случае смерти Ворошилова во главе армии естественным образом становятся либо Тухачевский, либо Якир. Ради такого куша стоило рискнуть.

Но продолжим читать Ворошилова:

«Какие цели и задачи ставила перед собой эта японо-немецкая, троцкистско-шпионская банда в отношении Красной Армии? Как военные люди, они ставили и стратегические, и тактические задачи. Стратегия их заключалась в том, чтобы, формируя троцкистские ячейки, вербуя отдельных лиц, консолидируя силы бывших троцкистов и всякие оппозиционные и недовольные элементы в армии, создавать свои кадры, сидеть до времени смирно и быть готовыми в случае войны действовать так, чтобы Красная Армия потерпела поражение, чтобы можно было повернуть оружие против своего правительства...»

Ну, это все та же ленинская тактика — работа на поражение своей страны в войне с последующим захватом власти плюс немножко эсеровщины — терактов против членов правительства. Все это присутствующим было очень знакомо, именно так многие из них делали революцию...

«Пятаков... в своих показаниях по поводу планов Троцкого в отношении Красной Армии заявляет следующее:

“Особенно важно, — подчеркивал Троцкий, — иметь связи в Красной Армии. Военное столкновение с капиталистическими государствами неизбежно. Я не сомневаюсь, что исход такого столкновения будет неблагоприятен для сталинского государства. Мы должны быть готовы в этот момент взять власть в свои руки”».

Абсолютно ничего невозможного! Более того, это самый естественный для оппозиции ход — попытаться еще раз воспроизвести победоносную ленинскую революцию. Учесть все новые обстоятельства и разработать новую стратегию — для этого нужен был все-таки мозг Ленина, а не Бухарина с Радеком, и даже не «демона революции». А сматрицировать старую победоносную — да почему же нет?! Вышло один раз, вполне может выйти и в другой...

Читаем дальше:

«А вот как о том же говорит расстрелянный террорист Пикель, бывший в свое время секретарем Зиновьева.

«На допросе от 4 июля 1936 года вы показали о существовании военной организации, в которой принимали участие связанные с Дрейцером Путна и Шмидт. В чем должна была заключаться их работа?» — спрашивает Пикеля следователь.

Пикель отвечает:

«Все мероприятия троцкистско-зиновьевского центра сводились к организации крупного противогосударственного заговора. На военную организацию возлагалась задача путем глубокой нелегальной работы в армии подготовить к моменту успешного осуществления планов Зиновьева и Каменева немедленный переход части руководящего командного состава армии на сторону Троцкого, Зиновьева и Каменева и требования командного состава армии отстранить Ворошилова от руководства Красной Армией. Это предполагалось в том случае, если Дмитрию Шмидту до убийства Сталина не удастся убить Ворошилова».

Вот как эти господа намечали развертывание своей предательской работы в армии. Если не удастся троцкистам и зиновьевцам прийти к власти путем устранения руководства партии и советского государства террором, то необходимо выждать и готовиться к войне. А уж во время войны действовать в соответствии с их «стратегическими» планами.

В своих показаниях Д. Шмидт... говорит примерно то же, что и Пикель: «Развивая передо мною задачи организации военных троцкистских ячеек в армии, Дрейцер информировал меня о наличии двух вариантов захвата власти: 1) предполагалось, что после совершения нескольких основных террористических актов над руководством партии и прави-

тельства удастся вызвать замешательство оставшегося руководства, благодаря чему троцкисты и зиновьевцы придут к власти;

2) в случае неудачи предполагалось, что троцкистско-зиновьевская организация прибегнет к помощи военной силы, организованной троцкистскими ячейками в армии. Исходя из этих установок, Дрейцер в разговоре со мной настаивал на необходимости создания троцкистских ячеек в армии».

Здесь тоже нет ничего абсурдного — нормальная революция. Только место Ленина в Швейцарии занимал Троцкий, которого ни одна страна не принимала, пока он не обосновался в Мексике.

Суммируя планы заговорщиков, Ворошилов приводит показания Радека на следствии от 4—6 декабря 1936 года, в которых тот обрисовал возможный сценарий их действий.

«...Деятельности троцкистов в рядах Красной Армии Троцкий и центр блока придавали особо серьезное значение, исходя опять-таки из установки на пораженчество в грядущей войне СССР с фашистскими государствами.

Как первый, так и второй центры троцкистско-зиновьевского блока прекрасно понимали, что троцкисты — командиры Красной Армии в мирных условиях ничего реального в смысле широкого или сколько-нибудь значительного выступления против правительства сделать не могут...

Однако в случае поражения СССР в войне, из чего они главным образом исходили и на что рассчитывали, троцкисты — командиры Красной Армии могли бы даже отдельные проигранные бои использовать, как доказательство якобы неправильной политики ЦК ВКП(б) вообще, бессмысленности и губительности данной войны.

Они также могли бы, пользуясь такими неудачами и усталостью красноармейцев, призвать их бросить фронт и обратить оружие против правительства.

Это дало бы возможность немецкой армии без боев занять оголенные участки и создать реальную угрозу разгрома всего фронта. В этих условиях наступающих немецких войск блок, опираясь уже на части, возглавляемые троцкистами-командирами, делает ставку на захват власти в свои руки, для того чтобы после этого стать оборонцами».

Читая это, поневоле вспомнишь безумную гипотезу Григория Климова — что репрессии 30-х годов были вызваны необходимостью уничтожить старых революционеров, по той причине, что профессиональный революционер для мирной жизни непригоден. Они занимались хорошо

знакомым делом — они снова делали революцию! В общем-то все аргументы «против» этого сценария сводятся к одному-единственному утверждению: генералы Красной Армии были уж такими патриотами, что сама мысль об их действиях против своей страны оскорбительна. Аргумент, конечно, убойный, учитывая, например, биографию генерала Власова...

А еще из этого выступления Ворошилова видно, что власти к тому времени и представления не имели о том, что на самом деле происходило в армии (если, конечно, это выступление — не виртуозная «деза»). Пока что они думали, что все дело в троцкистах, что заговор, по сути, уже раскрыт и все ограничится еще несколькими выявленными подпольщиками. Уже был арестован Енукидзе, но на свободе еще оставался Ягода, еще не заговорили по-настоящему Примаков и Путна... Ко времени пленума арестованных было совсем немного — несколько десятков человек.

Насколько искренен Ворошилов, когда говорит о невозможности переворота в мирное время? Действительно, с такими силами, какие имели арестованные к тому времени генералы и их сторонники, о перевороте думать смешно. Знал ли нарком, что через три месяца по тому же обвинению будут арестованы несколько командующих военными округами во главе с его собственным заместителем, а другой заместитель покончит с собой, чтобы избежать ареста? Что к июлю число арестованных офицеров высокого ранга достигнет нескольких сотен? Непохоже...

Что-то к тому времени уже нащупали, о чем-то догадывались, но истинные размеры заговора, думаем, стали обрисовываться лишь в последний момент, уже в мае 1937 года, по факту..

ГЛАВА 14 ХРОНИКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Весьма авторитетный современник событий, бывший сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Пауль Шмидт, выпустивший после войны под псевдонимом Пауль Карелл книгу «Война Гитлера против России», пишет:

«...В марте 1937 г. соревнование между Тухачевским и агентами Сталина приобрело драматический характер. Словно рокот приближавшейся грозы, прозвучало замечание Сталина на пленуме Центрального Комитета: «В рядах Красной Армии есть шпионы и враги государства».

Почему маршал тогда не выступил? Ответ довольно прост. Было трудно координировать действия офицеров генерального штаба и командиров армии, штабы которых нередко находились на расстоянии в тысячи километров друг от друга. Это затруднялось из-за внимательного наблюдения за ними со стороны тайной полиции, что вынуждало их проявлять максимальную осторожность. Переворот против Сталина был назначен на 1 мая 1937 г., главным образом из-за того, что первомайские парады позволяли осуществить значительные перемещения войск в Москву, не вызвав подозрения».

Другое свидетельство принадлежит человеку, в общем-то, не слишком надежному, хотя и достаточно информированному. Это бывший советский разведчик, невозвращенец Орлов (Фельдбин). Вообще-то фантазия у него буйная — так что отнесемся к его словам со здоровым скептицизмом, но сбрасывать их со счетов тоже не стоит. Итак, в октябре 1937 года, когда Орлов был в Испании, его навесил один из высоких чинов НКВД, Шпигельглас, и рассказал о том, что творилось в Москве в дни перед арестом Тухачевского.

«На самой верхушке царил паника. Все пропуска в Кремль были внезапно объявлены недействительными. Наши войска НКВД находились в состоянии боевой готовности. Это должен быть целый заговор».

Кстати, и Молотов, которого Чуев уже в 70-е — 80-е годы все время доставал с этой темой, долго рассуждал о надежности Тухачевского, о том, что он мог быть с «правыми», но потом не выдержал, заявив: «Мы и без Бенеша знали о заговоре. Нам даже была известна дата переворота».

Ни в опубликованной части «дела Тухачевского», ни в других делах никаких намеков на планировавшийся в мае переворот нет (однако это не означает, что их нет в неопубликованной части). Об этом не пишут и в газетах, хотя в те времена «Правда» была довольно откровенна. И ничего не говорит об этом Сталин на Военном совете.

Впрочем, это можно понять. Конечно, если бы в Политбюро имели возможность узнать, что произойдет через три месяца, в какую кровавую купель окунутся и армия, и партия, может, они бы и решили сказать правду — но сами понимаете... Нет, ее скажут — через девять месяцев, когда соображения весны тридцать седьмого года станут уже мелкими и смешными. А пока что правительство на это не пошло — решено было все дело свести к шпионажу и вредительству отдельных военачальников.

Это была позиция властей весной 1937-го, сформулированная Ворошиловым. Все, что хотите, лишь бы не допустить даже мысли о том, что армия ненадежна! И дело не только в том, что подумают на Запа-

де, — обходились мы и без Запада столько лет, ничего! Самое страшное было не в этом.

В СССР того времени существовали два культа: культ Сталина и культ армии. Представляете, что началось бы, если бы стало известно, что эти два кумира пошли друг на друга?

А ведь «завтра война»...

Поэтому «Правда» июня 1937 года наполнена сообщениями из армии — самыми разными. Да, идут аресты, и газета печатает фотографии с партсобраний — исполненные стыда и гнева лица командиров. И тут же простые заметки об армейских буднях, потому что враги врагами, а армия — армией, она по-прежнему своя, надежная и любимая... Кстати, тогдашняя «Правда» — очень хорошая газета и потрясающий документ эпохи.

...И, само собой, эту информацию нельзя было доверять многим — иначе слухов не оберешься. Кто, кроме следователей и наркома внутренних дел, мог знать в общих чертах о происходящем? Члены Политбюро, да и то, возможно, не все. Кто владел всей информацией? Сталин, Молотов, Ворошилов, Ежов. Эти — точно. Остальные — неизвестно.

Это — политика. А сталинские планы «чисток» в армии, проводимые по принципу «надежен» — «ненадежен», «верен» — «неверен», «предан» — «не предан» — это, простите, не политика, это литература...

Март — апрель 1937 года

...Итак, кольцо вокруг заговорщиков сжимается. Основная группа пока что затронута мало, есть еще надежда, что удастся проскочить, если уже арестованные будут сводить все к троцкизму и молчать о тех, кто никогда не был замешан ни в каких оппозициях. Действительно, у самых стойких линия поведения именно такова.

Но 11 марта арестован комкор Гарькавый, командующий Уральским военным округом. Сын Якира вспоминал, что отец, узнав по телефону от наркома об аресте Гарькавого, «опустился в кресло и схватился за голову руками». Гарькавый был братом жены Якира, да, и это очень неприятно, когда родственник оказывается за решеткой, — но все же это недостаточная причина для такого жеста, жеста ужаса и отчаяния. Дальше сын вспоминает, что отец тут же уехал в Москву — зачем?

По свидетельству Зюзь-Яковенко (того самого военного атташе в Германии, который рассказывал о «военной партии»), «Гамарник и Левичев ругали Гарькавого за то, что он всех выдает». Осведомители в НКВД у них, надо полагать, еще оставались. Трудно сказать, сколько знал «рас-

коловшийся» комкор, но разоблачение заговора теперь становилось вопросом очень недолгого времени.

Есть не слишком достоверное свидетельство того, что, когда начались аресты высшего комсостава, Фельдман бросился к Тухачевскому и между ними состоялся следующий разговор:

«— Разве ты не видишь, куда идет дело? Он (Сталин. — *Авт.*) всех нас передушит, как цыплят.

— То, что ты предлагаешь — это государственный переворот, — ответил маршал. — Я на него не пойду».

Тогда Фельдман поехал к Якиру, командующему Киевским военным округом, и вновь получил отказ.

Достоверность этого диалога — на уровне слухов. Но на Военном совете в начале июня упоминалась какая-то мартовская поездка «генералов» в Сочи, где тогда находился Тухачевский, причем по контексту можно понять, что речь шла о совещании. И это совещание могло состояться только по одному поводу: что делать?

Как вы думаете, была ли гарантия, что заговорщики, загнанные в угол, откажутся от активных действий, будут сидеть и ждать, когда всех переловят поодиночке? В реальности вышло именно так — но кто мог гарантировать это тогда?

17 марта важная информация пришла из заграницы. Советский полпред в Париже В.П. Потемкин имел беседу с премьер-министром Франции Даладье. Содержание беседы было настолько важным, что посол сообщил о нем в Москву шифротелеграммой. Вот что там говорилось:

«Даладье, пригласивший меня к себе, сообщил следующее: 1) Из якобы серьезного французского источника он недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии. После смены режима в СССР Германия заключит с Россией военный союз против Франции. Об этих планах знает будто бы и Муссолини, сочувственно относящийся к такому замыслу, сулящему поражение Франции и возможность расширения владений итальянской империи за счет бывших французских земель. Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством из русских эмигрантских кругов, в которых имеются по данному вопросу две позиции. Непримиримые белогвардейцы готовы поддержать германский план, оборонцы же резко высказываются против. Даладье пояснил, что более конкретными сведениями он пока

не располагает, но что он считает «долгом дружбы» передать нам свою информацию, которая, быть может, для нас небесполезна».

28 марта, в страшной спешке, был арестован бывший нарком внутренних дел Ягода. Впрочем, он тоже молчал о военных. Ягода легко признал связь с уже арестованными троцкистами Горбачевым и Путной, с Енукидзе. Что же касается Тухачевского, бывший шеф НКВД определенных показаний не дал, сказав только, что в конце 1933 года Енукидзе ему говорил, что Тухачевский еще не завербован, но «вся военная группа ориентируется на Тухачевского как на будущего руководителя в армии, а может быть, и выше». Эти показания не значили ничего — мало ли кто на кого «ориентируется»?

Тут любопытно другое: слова «а может быть, и выше». Стало быть, они уже тогда знали, что военные не намерены отдавать власть Троцкому! Да ведь и врет Ягода: Тухачевский к тому времени был уже давно завербован. Мог ли шеф НКВД не знать об этом? Едва ли: должны же ему сообщить, кого персонально следует прикрывать... Но о Тухачевском и других следовало молчать все по той же причине — последняя надежда была на то, что, оставаясь на свободе, они успеют с переворотом...

В конце марта Тухачевский приезжает в Москву. Вскоре после его возвращения на квартире Розенгольца состоялось совещание, в котором, кроме хозяина квартиры, приняли участие Тухачевский и Крестинский. Судя по тому, что одним из предметов разговора была предстоящая поездка Тухачевского в Лондон, встреча эта могла состояться не раньше 7 апреля. Разговор шел все о том же: что делать?

Кстати, о поездке. Все тот же Пауль Карелл пишет, продолжая мысль о планируемом перевороте: «Однако случайность (или хитрость Сталина) привела к отсрочке решения. Кремль объявил, что маршал Тухачевский возглавит советскую делегацию в Лондоне на церемонии коронации короля Георга VI 12 мая 1937 г. Это должно было успокоить Тухачевского. И он действительно успокоился. Он отложил переворот на три недели. Это было его роковой ошибкой. Он не отправился в Лондон, и переворот не состоялся».

7 апреля было принято решение о включении Тухачевского в делегацию, отправлявшуюся в Лондон, на коронацию Георга VI. Карелл считает, что это сделано, чтобы заставить военных отложить переворот. Но верится в это не очень. С какой стати ради этого они будут его откладывать? Скорее наоборот, ведь военным невыгодна эта поездка: а вдруг

у «главного заговорщика» сдадут нервы и он останется за границей? Что они будут делать тогда?

Все же, наверное, следует считать, что 7 апреля Тухачевскому еще доверяли.

Когда в Кремле начали понимать, что это другая организация?

Пожалуй, где-то в промежутке между 10 и 15 апреля. Потому что 15 апреля состоялось первое перемещение.

Впоследствии перемещение на другую должность перед арестом стало своеобразной традицией. Но тогда такой традиции еще не существовало. Все арестовывались на своих рабочих местах — кроме Ягоды. Однако Ягodu убрали из наркомата не по причине близкого ареста, его сняли потому, что он, как тогда думали, не справился со своими обязанностями. А того же Гарькавого арестовали, никуда не переводя. Значит, 11 марта они все еще думали, что имеют дело с троцкистским подпольем.

Почему 15 апреля можно считать переломным моментом?

Дело в том, что остатки разгромленного подполья можно арестовывать совершенно спокойно — в тех масштабах, в каких эти остатки оценивались, они были не опасны.

Но ликвидировать таким путем живую группу, отдельный и самостоятельный «заговор генералов» не просто рискованно, а смертельно опасно. Потому что все эти люди вооружены, решительны и, прижатые к стенке, становятся непредсказуемыми. Если командующий округом поймет, что терять ему больше нечего, с него станется поднять войска и пойти на Москву или, например, начать войну, двинув в Польшу через границу. А если это его округ, в котором у него наверняка есть сотоварищи по заговору, то войска ему подчинятся. Другое дело на новом месте службы, где он еще не успел обрасти связями. Поэтому сначала их надо было переместить, а уж потом брать.

Итак, 15 апреля. Комкор Фельдман, начальник Управления по начальствующему составу РККА, смещен со своего поста и назначен помощником командующего МВО.

21 апреля. Ежов направляет Сталину, Молотову и Ворошилову спецсообщение: «Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки тов. Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из 4 чел. (3 немцев и 1 поляка). Источник не исключает, что тер-

рористический акт готовится с намерением вызвать международное осложнение. Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану тов. Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку тов. Тухачевского в Лондон отменить».

Сталин на сообщении написал: «Членам ПБ. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением т. Ежова. Нужно предложить т. Ворошилову представить другую кандидатуру. И. Сталин».

Это явная «отмазка», означающая только одно — маршала решили не отправлять за границу. Значит, как минимум 20 апреля они уже знали.

22 апреля. Решение Политбюро об отмене поездки Тухачевского в Лондон.

22 апреля. Арестованных чекистов начали допрашивать об участии Тухачевского в заговоре.

22—25 апреля. Арестованы высокопоставленные работники НКВД: бывший начальник Особого отдела М.И. Гай и бывший заместитель наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьев. Они дали показания на Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова, Эйдемана и других военачальников и сообщили об их связях с Генрихом Ягодой. Ягода эти связи отрицал.

27 апреля. Арестованный чекист Волович назвал Тухачевского в числе участников заговора.

27 апреля. В Киеве арестован Петерсон. Уже во время обыска он написал заявление на имя Ежова, где признал себя виновным в заговоре и назвал имена Енукидзе, Корка, Тухачевского, Путны.

...Похоже, что, вынесенное решение об отмене поездки Тухачевского в Лондон, Политбюро не спешило ознакомить его с этим решением. По крайней мере, внешне он выглядел достаточно спокойным, хотя лицедей из него был не очень-то...

28 апреля состоялся прием в посольстве США. Американский посол Дэвис, вспоминая об этом дне, пишет, что Тухачевский приехал на прием вместе с Ворошиловым, Егоровым и другими. «Особых признаков напряженности между этими людьми не было. Тухачевский... казался слишком самоуверенным и был похож на человека, упивающегося собственным благополучием»...

...Через несколько дней Ворошилова, с которым они на приеме звенят бокалом о бокал, по настоянию Тухачевского должны уничто-

жить — даже раньше, чем остальных членов Политбюро. Этот теракт будет предшествовать перевороту.

Близятся Первомайские праздники — очень удобное время...

Май 1937 года

Самый удобный день для совершения переворота — 1 мая. Это все понимали: и заговорщики, и правительство. О том, что в этот день все было не так просто, говорят некоторые штрихи. Например, такие: 1 мая 1937 года оперативникам НКВД приказано было особенно внимательно следить за военными. А на поясе наркома обороны Ворошилова был револьвер, чего ни раньше, ни позже за ним не водилось...

1 мая переворот все-таки не состоялся. Впрочем, как говорил Молотов, дата была известна. Откуда известна и как узнали — это уже другой вопрос. И тут начинается гонка. Чекисты и правительство должны успеть!

2 мая. Арест комкора Горбачева, командующего Уральским военным округом, бывшего заместителя командующего МВО Корка.

5 мая — арест комбрига Медведева, бывшего работника Генштаба, уволенного из армии за троцкизм в 1933 году. Медведев дал показания на Фельдмана, послужившие основанием для его ареста.

8 мая. «Активизация» допросов Примакова (не в том смысле, что его стали бить, а в том, что принялись много допрашивать).

8 мая. Арест Корка, которого чекисты в то время считали главой военного заговора (правительство не обязано было делиться с ними своей информацией).

9 мая. Ворошилов готовит приказ о смещении Тухачевского с должности заместителя наркома, а Якира — с должности командующего Киевским военным округом.

Очень важная запись в записной книжке Ежова: «Напасть на Медведева по Якиру». Надо ли говорить, кто дал это указание. Значит, о Якире раньше не знали...

10 мая. Медведев дает показания, что руководителем заговора является не Корк, а Тухачевский, он же кандидат в диктаторы. В состав центра входят Якир, Путна, Примаков, Корк и др.

А теперь о Медведеве. Его роль во всем этом деле — совсем особая.

Вспомним, что в это время Сталин активно строил правовое государство. Стало быть, необоснованные аресты, по подозрению, в то время были исключены. Для того чтобы арестовать человека, нужна была санкция прокурора и нужны были основания.

Материала на заговорщиков имелось полным-полно. Но все это либо данные разведки, либо показания осведомителей, которые не могли служить формальным основанием для ареста. Поэтому в ситуации жесточайшей спешки, когда речь шла о жизни и смерти, чекисты могли пойти на то, чтобы создавать «легендированные», фальшивые основания. Для этого и нужен был комбриг Медведев. Неизвестно, знал ли об этом Сталин, или это была личная инициатива Ежова, но на это пошли. Потом уже чекисты поняли, что это можно использовать как метод. А тогда их осуждать трудно... или надо осудить вместе с ними капитана Жеглова, который сунул кошелек в карман Кости Кирпича. И ведь на месте Шарапова мог оказаться кто-либо другой, который отнесся бы к делу иначе и решил, что можно — как это и случилось тогда в НКВД. И закон превратился в кистень.

Но тогда надо осудить и капитана Жеглова. Как говорил английский писатель Честертон устами своего знаменитого героя отца Брауна: «Выбирайте что угодно, — ваш мятежный самосуд или нашу скучную законность, но, ради Господа Всемогущего, пусть уж будет одно для всех беззаконие или одно для всех правосудие».

Можно ли привести более яркий пример того, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями?

Ладно, хватит лирики, вернемся к хронике.

10 мая принято очень важное, знаковое решение, свидетельствующее о том, насколько серьезным было положение в армии, — в РККА снова вводится полностью отмененный в 1934 году институт военных комиссаров, во всех войсковых частях, начиная с полка. Воссоздаются военные советы при командующих округами. Правительство де-факто признало, что армия ненадежна, хотя поняли это немногие. Но кому надо — те поняли. О пакте с французами, например, с этой минуты можно было забыть. Кстати, об отмене и возврате комиссарства наша общеупотребительная история упоминает очень мало и глухо.

10 мая. Политбюро утверждает представленный Ворошиловым список новых назначений. Первым заместителем наркома обороны становится маршал Егоров. Начальником Генштаба РККА — бывший командующий войсками Ленинградского военного округа, командарм 1-го ранга Шапошников. Тухачевского отправляют командовать Приволжским округом, Якира переводят в Ленинградский и т.д. Каждому из них предстояло на новом месте обживаться, налаживать связи. Это давало правительству выигрыш во времени хотя бы на несколько недель. Параллельно продолжали идти аресты.

13 мая. Тухачевский встречается со Сталиным. О чем они разговаривали, неизвестно. Однако позднее, на Военном совете, тот с нескрываемым презрением скажет: «Я бы... будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают...» Тут даже и стрелять не надо: могучий маршал мог попросту свернуть шею «вождю народов», как цыпленку, — все равно ведь терять нечего! Но...

Вот именно: «но»!

14 мая. Примаков дает показания о троцкистской организации в армии, с которой он был связан, называет несколько имен.

15 мая. Путна показал, что передавал Тухачевскому письма от Троцкого и Тухачевский сказал, что «Троцкий может на него рассчитывать». Также назвал многих участников заговора.

15 мая. Арестован Фельдман.

16 мая. Фельдман начинает давать показания.

16 мая. Корк начинает давать показания. Он сообщил, что военная организация правых (включавшая троцкистскую группу под руководством Путны, Примакова и Туровского) была частью более крупной организации правых, в которую его вовлек Енукидзе. Основной задачей группы был военный переворот в Кремле. Во главе военной организации стоял штаб переворота, в который входили Корк, Тухачевский и Путна.

19 мая. Фельдман дает показания. Говорит, что в организацию его вовлек Тухачевский, называет имена более 40 командиров и политработников, в том числе Шапошникова, Гамарника, Дыбенко и др. Не факт, что это правда, метод оговора вовсю применялся подследственными: оговорить и утянуть за собой как можно больше человек.

Ежов каждый день докладывает лично Сталину о ходе допросов, посылает ему протоколы. Из членов Политбюро с материалами следствия были знакомы только Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов. После получения показаний Корка и Фельдмана о подготовке военного переворота они дали санкцию на арест Тухачевского.

20 мая. Тухачевский прибывает к новому месту службы. Ему остались считанные дни, и, судя по всему, он это понимает. Бывший начальник штаба корпуса П.А. Ермолин рассказывал о том, каким он увидел Тухачевского на конференции. (Несмотря на видимую невооруженным глазом странность истории с этим назначением, многие в округе обрадовались. Служить под его началом «было приятно».)

«Во время перерыва Тухачевский подошел ко мне, — вспоминает Ермолин. — Спросил, где служу, давно ли ушел из академии. Неприятно кротко улыбнулся: “Рад, что будем работать вместе. Все-таки старые знакомые”.

Чувствовалось, что Михаилу Николаевичу не по себе. Сидя неподалеку от него за столом президиума, я украдкой приглядывался к нему. Виски поседели, глаза припухли. Иногда он опускал веки, словно от режущего света. Голова опущена, пальцы произвольно перебирают карандаши, лежащие на столе».

21 мая. Примаков дает собственноручные показания о том, что во главе заговора стоял Тухачевский, который был связан с Троцким. Называет еще сорок видных военных работников, в том числе С.С. Каменева, Шапошникова, Гамарника, Дыбенко, С.П. Урицкого.

22 мая. Арест Эйдемана.

22 мая. Арест Тухачевского.

Обстоятельства этого ареста долгое время оставались неизвестными. Лишь в конце 80-х годов сестрам расстрелянного маршала пришло письмо. Некто И.Н. Шишкин узнал о том, как это было, от человека, производившего арест, Р.К. Нельке, полномочного представителя НКВД.

«Михаил Николаевич приехал в Куйбышев своим вагоном, — говорилось в письме, — и должен был прийти в обком представиться и познакомиться с руководством обкома, которое в ожидании собралось в кабинете первого секретаря. И вот распахнулась дверь, и в проеме появился Михаил Николаевич. Он медлил, не входя, и долгим взглядом обвел всех присутствующих, а потом, махнув рукой, переступил порог.

К нему подошел Нельке и, представившись, сказал, что получил приказ об аресте... Михаил Николаевич, не произнося ни слова, сел в кресло, но на нем была военная форма, и тут же послали за гражданской одеждой... Когда привезли одежду, Михаилу Николаевичу предложили переодеться, но он, никак не реагируя, продолжал молча сидеть в кресле. Присутствующим пришлось самим снимать с него маршальский мундир...»⁴⁸

25 мая. Эйдеман начинает давать показания.

25 мая. Тухачевский доставлен в Москву. Сначала он все отрицает. Фельдман писал в заявлении: «Увидев его на очной ставке, услышал от него, что он все отрицает и что я все выдумал...»

26 мая. После трех очных ставок Тухачевский пишет заявление следователю Ушакову: «Мне были даны очные ставки с Примаковым,

⁴⁸ Цит. по: *Кантор Ю.* Война и мир Михаила Тухачевского. С. 370.

Путна и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя анти-советского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания без малейшего утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно из вины других лиц заговора».

28 мая. Арест Якира. Он тоже начал давать показания практически сразу.

29 мая. Арест Уборевича.

30 мая. От работы в Наркомате обороны отстранен начальник Политуправления РККА Я.Б. Гамарник.

31 мая. Самоубийство Гамарника.

31 мая. Якир подписывает заявление: «Я хочу... помочь ускорить следствие, рассказать все о заговоре и заслужить право на то, что советское правительство поверит в мое полное разоружение».

Загадка быстрых признаний

Надо, наконец, поговорить и о показаниях на следствии и на суде. Знаете, к ним можно относиться по-разному, — но только в нашей стране победившего бреда официальные материалы следствия выносятся за рамки истории и не рассматриваются вообще. Было бы естественно, если бы их обсуждали, оспаривали — но их изначально выносят за скобки, объявляя лживыми от начала до конца.

Давайте, что ли, тогда уж распространим этот метод и объявим «выбитыми» и недостоверными, например, все показания декабристов. Никакого тайного общества не было, просто солдатики в честь коронации перепились и поперли на площадь, а гадкие власти свалили вину на офицеров, которых злобный Николай по каким-то причинам не любил. Смеетесь? А что тут смешного? Разве такого, в принципе, не могло быть?

И все же — почему они так легко давали показания, все эти генералы?

Принято думать, что признаваться им было не в чем, что они были чисты, как стеклышко, и показания подписывали только под пытками или в надежде сохранить жизнь. Иногда говорят, что следователи грозились, например, изнасиловать дочь Тухачевского или прочие тому подобные ужасики.

Насчет версии, что ради того, чтоб остаться в живых, можно пойти на что угодно — так это версия для современного человека (и то не для всякого), для которого верх риска — прогуляться ночью за сигаретами. Эти же все воевали, лично Тухачевский за полгода войны получил пять

орденов за храбрость. Более того: для царской армии, воспитанником которой он являлся, не было ничего необычного в том, что офицеры стрелялись, бросая под ноги не только временную жизнь, но и вечную — если не видели иного способа спасти свою честь. Военные — это каста, для которой честь превыше жизни. И вы хотите сказать, что эти...

О чести разговор особый. Тот же Тухачевский не видел ничего дурного в том, чтобы устроить переворот, но как он защищался на суде от обвинений в шпионаже! Жизнь это ему спасти не могло, но быть заговорщиком — это не бесчестно, а шпионом — позорно. Да и не спасли бы им жизнь никакие признания — они ведь присягу приносили и должны были понимать, как в таких случаях поступают с военными...

Есть объяснения и более изысканные. Например, Н. Черушев⁴⁹ считает, что, когда следствие заходило в тупик, «на помощь приходила партия, точнее, партийная дисциплина, этот важнейший инструмент воздействия на арестованных... Призыв к партийной совести, к признанию своей вины во имя высших интересов партии... играли в этом деле далеко не последнюю роль. Наглядно это подтверждено материалами следствия над Зиновьевым и Каменевым...»

Ну, что тут можно сказать... очень трогательно. Возможно, Зиновьев и Каменев к тому времени уже умом и тронулись. Но какой телепатией можно вызвать на большевистское самопожертвование такого человека, как Тухачевский?

А теперь о так называемых «незаконных методах ведения следствия». Давайте вспомним еще двоих репрессированных военачальников. Примерно в то же время были арестованы комдив Рокоссовский и комбриг Горбатов. Их тоже допрашивали следователи НКВД, надо думать, в том же режиме, что и прочих. Ни тот, ни другой ни в чем не признались. Оба были освобождены. Ничего не признал и упоминавшийся в показаниях Тухачевского И.И. Смолин, заявивший на суде, что те, кто давал показания, его оклеветали — хоть ему это и не помогло, но он держался. Подобную стойкость проявляли и другие арестованные — давали требуемые показания лишь после многомесячных допросов. Некоторые так и не признали за собой никакой вины.

Кроме того, НКВД весны 1937 года и НКВД осени того же года — это две разные организации. Весной «раскалывали» заговорщиков. Осенью «кололи» невинных. Мы сейчас говорим не о том, кто арестован обоснованно, а кто нет. Мы говорим о пытках.

⁴⁹ Автор книги «Невиновных не бывает».

В вышеупомянутой «Справке», кстати, описываются «незаконные методы», применявшиеся в «деле Тухачевского». Какие именно? Цитируем:

«В один из выходных дней после допроса в Лефортовской тюрьме некоторых обвиняемых... Николаев сказал: “Что еще делать, давайте набьем Гаю морду”, — поручил вызвать на допрос Гая и после вызова Гая Евгеньев, не дав ему ответить по существу заданного вопроса, ударил его...»

«...Гай начал давать показания по шпионской работе после того, когда Ежов обещал ему сохранить жизнь, заявив: “Поощажу”».

«Зам. начальника отдела Карелин и нач. отд. Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать... В это время ему разрешали в день спать только 2—3 часа в кабинете, где его должны были допрашивать и туда же ему приносили пищу... В период расследования дел Примакова и Путны было известно, что оба эти лица дали показания о участии в заговоре после избиения их в Лефортовской тюрьме...»

«Арестованные Примаков и Путна морально были сломлены... длительным содержанием в одиночных камерах, скудное тюремное питание... вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили...»

Последние два фрагмента особенно ценны — они получены в 1955 году, когда был социальный заказ на разоблачение зверств режима — казалось бы, твори, выдумывай, пробуй! А всего-то и сотворили, что лапти да бороды, что для командиров, конечно же, унижительно, но... (А с другой стороны — попробуйте-ка полгода в тюрьме, да в сапогах!)

Из показаний бывших следователей, приведенных в «Справке», можно сделать вывод, что вроде бы физические меры воздействия применялись к Эйдеману и Якиру. Именно «вроде бы», потому что за доказательство эти свидетельства принять нельзя. «Якир шел в кабинет в форме, а был выведен без петлиц, без ремня, в распахнутой гимнастерке, а вид его был плачевный, очевидно, что он был избит Леплевским и его окружением». Сам следователь того, как били, не видел. (Из того, что свидетели видели сами, зафиксирован только один раз, когда Гая на допросе ударили по лицу.)

И это те чудовищные пытки, которыми за один-два дня ломали волю арестованных, заставляя их возводить на себя немыслимые поклепы — еще раз повторим: не женщин, не интеллигентов, не подростков — солдат...

А теперь о настоящих пытках и о том, как держались на допросах другие «красные генералы» (Выделено мной. — *Авт.*).

Из жалобы комбрига И.Е. Богослова на имя Л.П. Берии.

«Меня в течение двух шестидневок били каждый день кулаками и пороли нагайкой и палкой. Не видя конца этим пыткам и выхода, я стал писать, что от меня требовали... После первого перерыва этого допроса и отдыха в несколько дней... я отказался от данных показаний...»

Из заявления комбрига А.П. Мейера на имя Сталина:

«Здесь, в тюрьме, когда ко мне следователем Бледных были применены бесчеловечные меры физического и психического воздействия, я на 11-й день непрерывного допроса, когда не стало никаких больше сил, когда мне вынуждены были вызвать мед. помощь, я подписал ложные на себя и на др. лиц “показания”...»

Из заявления дивинженера Н.И. Жуковского на имя Л.П. Берии:

«В Лефортовской тюрьме, в которой я пробыл в течение трех месяцев, я был вынужден невероятными телесными муками и угрозами, что таким же мукам будет подвергнута моя жена, дать показания, продиктованные мне в основном самим следователем... Дал такие показания я только для того, чтобы избавиться от телесных и нравственных мучений, предпочитая им смерть, хотя бы даже и не заслуженную.

Однако, если принять во внимание, что я нахожусь уже в преклонном возрасте (более 60-ти лет от роду) и что я инвалид (правая рука целиком ампутирована), то такие неправильные показания могут быть не поставлены мне в особую вину...»

Из заявления комдива М.П. Карпова на имя секретаря ЦК ВКП(б):

«Вместо того, чтобы поднять архивы... стали издеваться надо мною и бить смертным боем в продолжение ряда месяцев (с промежутками), доводя меня до отчаянного положения, больного, психически расстроенного, угрозы репрессировать семью, отбив почку, всего синего, на это есть свидетели даже врачи... Я видел, что если мне ничего не писать, то я на допросах буду убит...»

На другой день написал обо всем прокурору и н-ку Управления, что все это абсурд, выдуманно под физическим воздействием и опровергается документами и фактами иного порядка, ответа не получил и вскоре был отправлен в больницу тюрьмы № 1 в тяжелом состоянии...»⁵⁰

⁵⁰ Цит. по: *Черушев Н.* Невиновных не бывает. М., 2004.

Так пытали, и так держались, и так защищались те, кто и вправду был невиновен. А теперь снова почитаем «Справку»: «Следствием по делу Тухачевского непосредственно руководил Ежов; в качестве следователей им были использованы вышколенные фальсификаторы Леплевский, Ушаков и другие. Эти лица, потеряв понятие о человеческом облике, не считались с выбором средств для достижения цели, применяли различного рода моральные и физические пытки, чтобы сломить волю арестованных и добиться ложных показаний. Попав в такую обстановку, пробыв под стражей несколько дней и поняв безвыходность своего положения, Тухачевский 26 мая 1937 года написал следующее заявление: “Заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его... Основание заговора относится к 1932 году”».

Это не опечатка. Тухачевского доставили в Москву 25 мая. На все изуверские пытки следователям был отпущен ровно один день...

...Если эти люди на самом деле невиновны... то да поможет Бог стра- не, во главе армии которой стоят такие генералы. Да поможет ей Бог — потому что больше надеяться не на кого!

Каким же образом чекисты в столь короткие сроки сумели довести такое количество невинных людей, крутых мужиков до состояния, в котором те покорно подписывали любые поклепы на себя и других? Какие только объяснения не придумывали, чтобы оправдать удивительную нестойкость генералов! И пытки, и изуверские психологические трюки, и даже применение психотропных средств. И только одно объяснение, лежащее на поверхности, было не замечено. Представьте себе, что перед арестованным заговорщиком следователь выкладывает многочисленные подлинные признания его товарищей по заговору. Он читает показания и видит, что и то правда, и это правда, и там тоже правда... Вот удар неотразимой силы! Тогда человек может сломаться сразу и заговорить в тот же день.

Обоюдоострые аргументы

Конечно, Хрущеву, придя к власти, следовало бы все следственные дела уничтожить. Но, по-видимому, он был не настолько прозорлив. В последнее время информация, содержащаяся в этих строго охраняемых папках, все-таки стала просачиваться на поверхность. Так, были опубликованы показания Тухачевского на следствии — не заранее заготовленные, залитые кровью листки, на которых дрожащей рукой вы-

ведена подпись, как представляется по рассказам о том жутком времени. Со страницы на страницу кочует леденящее душу заключение Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 г. «...В пятнах и мазках на листках 165, 166 дела № 967581 обнаружена кровь... Некоторые пятна крови имеют форму восклицательного знака. Такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом...» Правда, известный исследователь Г. Смирнов несколько разочаровывает любителей ужасного: «... невдомек читателю с разыгравшимся воображением... что в следственном деле Тухачевского нет показаний, написанных рукой следователя и лишь подписанных Михаилом Николаевичем, а есть показания, написанные его собственной рукой на 143 страницах! Показания аккуратно разделены на несколько глав, с подпунктами, исправлениями и вставками. Написаны они четким, ровным почерком со всеми знаками препинания, абзацами и примечаниями. В них подследственный поэтапно и скрупулезно вскрывает мельчайшие детали заговора, выдумать которые не смог бы ни один следователь. Что же касается кошмарных пятен крови, да еще “имеющих форму восклицательного знака”, то они действительно есть, но не на собственноручных показаниях Тухачевского, а на третьем экземпляре машинописной копии».

Анализируя эти тексты, надо еще и учитывать ситуацию. Например, Фельдман пишет следователю Ушакову: «Начало и концовку заявления я писал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго».

Ну, и что это значит? Это вполне может значить, что подследственный не владел формой — не знал, как надо начинать и заканчивать заявления. А самое главное ведь — не в начале и конце, а в середине. Существенная часть, фактура — ее он как писал, «по собственному усмотрению» или под диктовку?

Еще пример. Цитируем Ю. Кантор:

«Уже “обработанные” следователями (за один день! — *Авт.*), военные подписывали любую ахинею и как закодированные повторяли на допросах требуемые формулировки. Трудно представить, чтобы находящийся в здравом рассудке человек облакал мысли в подобную форму. Эти агрессивно-косноязычные клише предписаны правилами игры.

Вечером 25 мая Тухачевский написал Ежову заявление:

“Народному комиссару внутренних дел Н.И.Ежову.

Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26-го мая заявляю, что признаю наличие анти-советского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников и ни одного факта и документа...”

Опять же и здесь возможны разные варианты. Либо сломленный пытками арестант покорно пишет все, что велит следователь. Либо арестант, не избитый и не сломленный, понял, что запереться бессмысленно, и имеет место примерно такой диалог.

— Пишите заявление, — говорит следователь.

— На чье имя?

— Народного комиссара внутренних дел.

Арестант некоторое время сидит в недоумении над листом бумаги. Голова работает не слишком, да и тюремная канцелярщина отличается от военной.

— Знаете... никогда не приходилось писать такого рода документы...

— Хорошо, — кивает следователь, который безумно от всего этого устал, у него ведь не один подследственный. — Пишите. “Будучи арестован 22-го мая...”»

Если бы опубликовали подлинные следственные дела самого маршала и еще двух-трех десятков осужденных по делу о военном заговоре, думаем, это изрядно скорректировало бы наши представления о том времени. Впрочем, основные показания Тухачевского опубликованы. Из них, в общем-то, все ясно. Кстати, там нет никакой чужой, казенной лексики, все предельно точно, сжато, конкретно...

Что же касается «незаконных методов ведения следствия», то у всех арестованных были как минимум две возможности о них заявить. Первая — при встрече с прокурором накануне процесса. Вторая — на самом процессе открыто отказаться от «выбитых» показаний и заявить о своей невинности. Тем более что членами суда были не юристы, а военные, их вчерашние товарищи.

9 июня Тухачевского допрашивают помощник главного военного прокурора Суббоцкий и прокурор Союза ССР Вышинский. Он подписывает протокол.

«Свои показания, данные на предварительном следствии о своем руководящем участии в военно-троцкистском заговоре, о своих связях с немцами, о своем участии в прошлом в различных антисоветских груп-

пировках, я полностью подтверждаю. Я признаю себя виновным в том, что я сообщил германской разведке секретные сведения, касающиеся обороны СССР. Я подтверждаю также свои связи с Троцким и Домбалем.

Задачи военного заговора состояли в проведении указаний троцкистов и правых, направленных к свержению советской власти. Я виновен также в подготовке поражения Красной Армии и СССР в войне, т.е. в совершении государственной измены. Мною был разработан план организации поражения в войне... Я признаю себя виновным в том, что я фактически после 1932 г. был агентом германской разведки. Также я виновен в контрреволюционных связях с Енукидзе в составе военно-троцкистского заговора. Кроме меня, были Якир, Уборевич, Эйдеман, Фельдман, С.С.Каменев и Гамарник. Близок к нему был и Примаков.

Никаких претензий к следствию я не имею.

Тухачевский»⁵¹.

На суде — вы помните, что за характер был у этого человека, как он не спускал ни одной несправедливости по отношению к себе? — так вот: на суде он тоже ни о чем подобном не заявил.

Ни в разговоре с прокурором, ни на суде ни один из подсудимых не заявил, что признание вырвано у него пытками, хотя судьями были их собственные товарищи-генералы, люди не путливые и не смиренные. Или кто-то полагает, что тот же Буденный, узнав, что подсудимых заставили под пыткой оговорить себя, смолчал бы? Да он бы всю страну на уши поставил, а от НКВД не то что камня на камне — щепенки бы не осталось! А их там было таких — восемь...

Так что нет ни малейших оснований предполагать, что они оговаривали себя. А почему те, кого били на следствии — если такое в самом деле имело место, — не предъявляли претензий по поводу собственно избиений? Так это же очень просто! Для них это было нормально. Генералы Гражданской войны, они привыкли к тому, что на допросах бьют. В самом деле, а что тут такого?

ГЛАВА 15 ТАНЦЫ НА ПРОВОЛОКЕ

Из всех разновидностей заговоров самый опасный — военный. Люди в погонах решительны, у них нет присущего штатским страхом перед пролитием крови, под началом они имеют тысячи, а то

⁵¹ Цит. по: *Кантор Ю.* Война и мир Михаила Тухачевского. С. 406—407.

и десятки тысяч вооруженных людей, которых можно поднять по приказу.

Основные заговорщики были арестованы — но опасность не отступила, наоборот, черная туча нависла еще ниже. Одни заговорщики, как Тухачевский, не говорили ничего больше того, что и так было известно следствию, другие, как Примаков, называли все новые и новые имена, всех подряд — позднее на процессе он будет утверждать, что в заговоре участвовало около тысячи человек. Так что по-прежнему оставалось неясным самое главное — кто остался на свободе?

Между тем надо было сыграть наверняка и без репетиций — ошибка слишком дорого стоила.

Почему Сталин говорил неправду?

С 1 по 4 июня в Кремле проходило расширенное заседание Военного совета при наркомате обороны. Кроме постоянных членов Совета, на заседании присутствовало 116 приглашенных из округов и аппарата НКО. В первый день перед членами Совета выступил Ворошилов с докладом о раскрытом заговоре. Все собравшиеся были ознакомлены под расписку с показаниями арестованных. Можно себе представить, какой это был шок! На следующий день, 2 июня, перед ними выступил Сталин.

Очевидцы вспоминают, что Ворошилов за последний месяц постарел на много лет и выглядел подавленным. Сталин же, наоборот, был очень оживлен, быстро оглядывал собравшихся и вообще выказывал признаки сильнейшего волнения. И речь его была не обычной речью вождя — четкой, выверенной до последнего слова. Нет — он говорит сбивчиво, с неправильностями и повторами, все время теряя нить изложения, сбиваясь на какие-то посторонние предметы. Но было в этой речи нечто куда более странное. До сих пор правительство, в общем-то, достаточно правдиво информировало о происходящем. 2 июня все было совсем не так...

Из стенограммы речи Сталина:

«Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдений со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против

Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами...

...Я пересчитал тринадцать человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них десять человек шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила... Человек, который проповедовал среди своих людей необходимость заниматься шпионажем, потому что мы, дескать, троцкисты, должны иметь блок с немецкими фашистами, стало быть, у нас должно быть сотрудничество, стало быть, мы должны помогать так же, как они нам помогают в случае нужды. Сейчас от них требуют помощи по части информации, давайте информацию. Вы помните показания Радека, вы помните показания Лившица, вы помните показания Сокольников — давали информацию. Это и есть шпионаж. Троцкий — организатор шпионов из людей, либо состоявших в нашей партии, либо находящихся вокруг нашей партии, — обер-шпион.

Рыков: У нас нет данных, что он сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года Енукидзе. Мы знаем, через кого они доставляли секретные сведения...

Бухарин: У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский, занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Ягода — шпион, и у себя в ГПУ разводил шпионов. Он сообщал немцам, кто из работников ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала... Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные и работаете так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы — германские шпионы. Так он поступил с Гаем — немецко-японским шпионом. Он сам это признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем — шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером — шпион немецкий, давнишний, с 1923 года...

Дальше. Тухачевский. Вы читали его показания.

Голоса: Да, читали.

Сталин: Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западно-европейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион. Якир — систематически информировал немецкий штаб... Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион.

...Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине... Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица... красивая, охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит. Вы, может быть, читали статью в "Правде" о некоторых коварных приемах вербовщиков. Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера...»

На следствии о шпионаже говорилось, но немного. В основном шла речь о заговоре. Но Сталин (а за ним и газета «Правда») к шпионажу сводит все.

«Могут спросить, естественно, такой вопрос — как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг сами стали оголтелым орудием в руках германского шпионажа? А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют — дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, дай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют — начинайте заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете — разоблачим, завтра же передаем агентам советской власти, у вас головы летят. Начинают они диверсии. После этого говорят — нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще займите командные посты. И эти начинают стараться как только могут. Дальше и этого мало. Дайте реальные факты, чего-нибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот, получайте, говорят. А им говорят — идите дальше, нельзя ли все правительство снять. И они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который был тогда начальником школы ВЦИК, а

школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят, организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее. Но этого мало, арестовать, перебить несколько человек — а народ, а армия. Ну, значит, они общаются, что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты: я, Тухачевский, а он Уборевич, а здесь Якир...

...Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили... Это агентура германского рейхсвера. Вот основное».

Нет, на самом деле ничего невозможного тут нет. Вспомним историю — «пятую колонну» генерала Франко, «пятые колонны» Гитлера. Они были везде, во всех завоеванных странах, кроме СССР. Чем это объяснить? Что она не создавалась? Но такого не может быть. Или наш народ более устойчив и на вербовку не поддается? Что, двадцать лет социализма в корне изменили человеческую природу? Тогда как же после семидесяти лет социализма у нас с такой легкостью создали «пятую колонну» для проведения перестройки? Самая простая и логичная версия — в том, что «пятая колонна» Гитлера у нас создавалась, а потом была разгромлена.

Да, но почему он говорит только о шпионаже? Ничего другого в его речи просто нет. Вот опять:

«...Целый ряд лет люди имели связь с германским рейхсвером, ходили в шпионах. Должно быть, они часто колебались и не всегда вели свою работу. Я вижу, как они плачут, когда их привели в тюрьму. Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают⁵². Эти же люди были не что иное,

⁵² Гамарник не просил свидания со Сталиным. Зато Тухачевский просил и был 13 мая им принят.

как невольники германского рейхсвера, завербованные шпионы, и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа... Рейхсвер, как могучая сила, берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник. Вот что значит попасть в орбиту шпионажа. Попал ты в это колесо, хочешь ты или не хочешь, оно тебя завернет, и будешь катиться по наклонной плоскости. Вот основа. Не в том, что у них политика и прочее, никто их не спрашивал о политике...»

Снова и снова Сталин повторяет, заклинает: шпионы, невольники рейхсвера.

«Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе, и завербовали шпионов, орудовавших в этом деле...»

Сталин повторяет снова и снова: шпионы, вербовка, слабые люди, невольники — до такой степени часто, взволнованно, против всякой логики — что, в общем-то, ясно, что именно он хочет скрыть. То, что эти люди не слабые и зависимые, а сильные и самостоятельные, какими они и были на самом деле. И то, что они были не шпионами и марионетками, а самостоятельно готовили военно-политический переворот. Об этом говорить было нельзя, даже в узком кругу, — и причина этого крайне проста.

К тому времени по «делу генералов» было арестовано не тринадцать, а 300—400 человек, и аресты все еще продолжались. Если вспомнить речь Ворошилова на Пленуме ЦК — а ведь это было всего три месяца назад! — то можно представить себе шок, испытанный правительством. Точнее, двойной шок: первое — кто эти люди, и второе — сколько их! А самое главное, то, чего они не знали, — сколько заговорщиков еще на свободе и кто они? Почуввав опасность, они могли выступить в любую секунду. А на границе тучи по-прежнему ходили чрезвычайно хмурые.

И если предположить, что основной целью речи Сталина на Военном совете было — предотвратить выступление, то многое становится понятным. Никакая это не политика, — говорит он, — никакая не «военная партия», и вообще это не внутреннее явление, это шпионаж. А шпионская организация, в отличие от «военной партии», «военной оппозиции», не может быть большой. И говорит он так, словно бы дело уже закончено. А значит, новых арестов не будет...

А кроме того, такое обвинение вбивает клин между самими заговорщиками. Одни из них, более честные, чем прочие, для которых планы убийства Сталина мыслились как спасение Родины, должны были с отращением отшатнуться от шпионов. Другие были бы озадачены, сбиты с толку. Третьи задумались о деньгах, которые арестованные наверняка получали за шпионаж, — и не делились. Нет, это был хороший ход...

Анализируя речь Сталина с этой точки зрения, можно заметить и кого он больше всего опасался. Большой кусок речи он посвятил персоне маршала Блюхера, командира Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, долго рассказывая, как заговорщики его «топили» и какой он на самом деле хороший, грубо вбивая клин между ним и арестованными. А ведь упорно ходили слухи о его сочувствии правой оппозиции, еще в начале 30-х годов шла информация, что Блюхер — сепаратист и в случае чего пойдет на отделение Дальнего Востока от СССР, да и состояние округа было такое, что слабонервным лучше не изучать.

Можно возразить, что сама «шпионская версия» — о том, что в верхушке Красной Армии сидело столько шпионов, — бредовая, и поверить в нее невозможно ни при каких обстоятельствах. Да, невозможно. Невозможно когда угодно, кроме 1937 года. Потому что меньше чем за год до заседания Военного совета произошло некое событие. А именно, в одной европейской стране практически вся военная верхушка в тесном контакте с германскими и итальянскими фашистами произвела попытку государственного переворота, вызвавшую гражданскую войну. Испанские события были у всех на памяти, у всех на слуху, и нет ничего естественнее, чем сделать вид, что ты поверил в то, что арестованные командармы пытались в СССР повторить то, что было проделано в Испании. Сталин так и говорит: «Хотели из СССР сделать вторую Испанию».

Этим объясняется и непонятное в других обстоятельствах волнение Сталина. Еще бы не волноваться — поверят ли те из присутствующих, которые участвовали в заговоре, тому, что он говорит, или же нет — было делом жизни и смерти.

Этим можно объяснить и тот факт, что суд был скороспелым, так что большинство западных газет тут же заговорили об инсценировке. Не до того, право... Важно было не установить в ходе судебного заседания истину и даже не создать видимость процесса — важно было как можно скорее все закончить, расстрелять эту восьмерку и других арестованных, устранив угрозу их побега или освобождения, и нанести тем самым за-

говорщикам удар, от которого они не смогут сразу оправиться — и, опять же, выиграть время. Штатских заговорщиков допрашивали значительно дольше — еще почти целый год...

Июнь 1937 года

4 июня. Определен состав судей для судебного процесса по «делу о военном заговоре». Их имена:

Я.И. Алкснис, командарм 2-го ранга, зам. наркома СССР, начальник военно-воздушных сил РККА;

И.П. Белов, командарм 1-го ранга, командующий войсками Белорусского военного округа;

В.К. Блюхер, маршал, командующий войсками ОКДВА;

С.М. Буденный, маршал, командующий войсками Московского военного округа;

В.И. Горячев, командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса из БВО;

П.Е. Дыбенко, командарм 2-го ранга, командующий войсками Ленинградского военного округа;

Н.Д. Каширин, командарм 2-го ранга, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа;

Б.М. Шапошников, командарм 1-го ранга, назначенный в мае 1937 года начальником Генштаба.

(Из них четверо вскоре будут расстреляны, Блюхер умрет в тюрьме⁵³, Каширин покончит с собой. В живых останутся лишь Буденный и Шапошников.)

5 июня. Отобраны восемь подсудимых для открытого процесса: Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич, Эйдеман, Фельдман, Примаков и Путна. Индивидуальные уголовно-следственные дела на них объединены в одно групповое дело.

7 июня. Отпечатан окончательный текст обвинительного заключения по делу. Постановлением Президиума ЦИК СССР утверждены запасными членами Верховного суда СССР Буденный, Шапошников, Белов, Каширин и Дыбенко.

7 июня. Предъявлено обвинение Примакову.

8 июня. Предъявлено обвинение Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Корку, Фельдману и Путне по статьям 58—1 «б», 58—3, 58—4, 58—6 и

⁵³ Вопреки распространенному мнению, Блюхер не погиб от пыток, а умер от тромбоза во время следствия.

59—9 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, шпионаж, террор и т.п.).

9 июня. Прокурор СССР Вышинский и помощник Главного военного прокурора Субоцкий провели в присутствии следователей НКВД короткие допросы арестованных, заверив прокурорскими подписями достоверность показаний, данных арестованными на следствии в НКВД. В архиве Сталина находятся копии этих протоколов допроса. На протоколе допроса Тухачевского имеется надпись: «Т. Сталину. Ежов. 9 VI.1937 г.»

9 июня. Субоцкий объявил обвиняемым об окончании следствия.

Перед судом обвиняемым разрешили обратиться с последними покаянными заявлениями на имя Сталина и Ежова. Некоторые из них использовали эту возможность.

Из письма И. Якира:

«Родной, близкий тов. Сталин. Я смею к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной честной работе на виду партии, ее руководителей — потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства... Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства... Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

На заявлении Якира имеются следующие резолюции: «Мой архив Ст.»; «Подлец и проститутка. И.Ст.»; «Совершенно точное определение. К.Ворошилов»; «Молотов». «Мерзавцу, сволочи и б... одна кара — смертная казнь. Л.Каганович».

Тухачевский пощады не просил.

9 июня. Вышинский два раза был принят Сталиным. Во время второго посещения, состоявшегося поздно вечером, в 22 часа 45 минут, присутствовали Молотов и Ежов. Вышинский подписал обвинительное заключение по делу.

«В апреле — мае 1937 года органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Москве военно-троцкистский заговор, направленный на свержение советского правительства и захват власти, в целях восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отрыва от СССР части территории в пользу Германии и Японии.

Как установлено предварительным следствием, наиболее активными участниками этого заговора являлись бывш. заместитель Народно-го Комиссара Обороны СССР — Тухачевский М.Н., быв. начальник Политуправления РККА Гамарник Я.Б., бывшие командующие Киевского и Белорусского военных округов Якир И.Э. и Уборевич И.П., быв. председатель Центрального совета Осоавиахима Эйдемман Р.П., быв. командарм 2-го ранга Корк А.И., быв. начальник управления по начсоставу РККА Фельдман Б.М., быв. зам. командующего войсками Ленинградского военного округа Примаков В.М. и быв. атташе при полпредстве СССР в Великобритании Путна В.К. Как установлено следствием, все указанные выше обвиняемые являлись членами антисоветской троцкистской военной организации, действовавшей под руководством “центра” в составе: покончившего самоубийством Гамарника Я.Б. и обвиняемых по настоящему делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П. и Фельдмана Б.М.

Как видно из собственных признаний обвиняемых и показаний ряда свидетелей, военно-троцкистская организация находилась в теснейшей связи с антисоветским троцкистским центром и его главными руководителями — врагами народа Л. Троцким, Л. Седовым, Пятаковым Г.Л., Лившицем Я.А., Серебряковым Л.П. и др., с антисоветской группой правых Бухарина — Рыкова, а также с военными кругами Германии, и действовала под непосредственным руководством германского генерального штаба и его агента врага народа Л. Троцкого, совершая по их прямым указаниям вредительские акты в целях подрыва мощи Красной Армии.

Следствием, кроме того, установлено, что часть обвиняемых, и, в частности, обвиняемый Тухачевский, задолго до возникновения военно-троцкистского заговора, в течение ряда лет были связаны с различными антисоветскими элементами, и в том числе с участниками офицерских заговоров.

Поставив своей преступной целью насильственный захват власти и возлагая свои главные надежды на помощь иностранных агрессоров, и в частности, фашистской Германии, военно-троцкистская организация и возглавившие эту организацию изменники и предатели в лице Тухачевского, Якира, Уборевича и других обвиняемых по настоящему делу ставили свою ставку на предстоящее нападение на СССР капиталистических интервентов и на поражение СССР в предстоящей войне.

Вся изменническая, вредительская и подрывная деятельность этих заговорщиков была направлена на подготовку предательского разгрома наших армий и поражение СССР.

В этих целях нарушившие воинский долг и присягу и изменившие родине руководители указанной военно-троцкистской организации — Тухачевский, Якир, Путна и др. обвиняемые по настоящему делу вошли в преступную антигосударственную связь с военными кругами Германии, систематически передавали германскому генеральному штабу сведения, касающиеся организации, вооружения и снабжения Красной Армии, составляющие важнейшую государственную тайну, и другие сведения шпионского характера, совместно и по указаниям германского генерального штаба разработали планы поражения наших армий и совершали другие изменнические действия в пользу Германии и Польши.

Следствием установлено, что обвиняемый Тухачевский передал во время германских маневров в 1932 г. немецкому генералу... секретные сведения о размерах вооружения Красной Армии. Во время посещения СССР германским генералом... обв. Тухачевский передал последнему секретные сведения о мощности ряда военных заводов... В 1935 г. обв. Тухачевский через обв. Путну передал германскому генеральному штабу секретные сведения о состоянии авиации и механизированных войск в Белорусском и Киевском военном округах, об организации в этих округах противовоздушной обороны, о сосредоточении наших войск на западных границах. В том же 1935 г. польской разведке были переданы планы Летичевского укрепленного района. Тогда же были переданы немцам сведения о количестве накопленных огнеприпасов, о количестве командного состава запаса и т.д., и т.п.

Не ограничиваясь этим, обв. Тухачевский разработал план поражения Красной Армии и согласовал этот план с представителем германского генерального штаба...

В 1936 г. обв. Тухачевский использовал в преступных изменнических целях свое официальное пребывание в Лондоне и передал германскому генералу... материалы о дислокации войск Белорусского и Киевского округов.

Следствием установлено, что обв. Тухачевский, Якир, Уборевич и др. члены “центра” этой организации при разработке различных вариантов развертывания Красной Армии во время войны неизменно исходили из одной задачи — обеспечить поражение и разгром наших армий, привести СССР к военному поражению.

Обв. Тухачевский, Якир, Уборевич признали, что на специальных совещаниях в 1935 г. у обв. Тухачевского ими был разработан подробный оперативный план поражения Красной Армии в предполагавшейся войне на основных направлениях наступления польско-германских армий.

Этой основной задаче была фактически подчинена вся деятельность обвиняемых по настоящему делу, этих агентов германской разведки, изменников, вероломно обманувших партию и правительство и пробравшихся на ответственные командные посты в Красной Армии...

Не удовлетворяясь, однако, этими позорными актами государственной измены, Тухачевский, Якир, Уборевич и другие обвиняемые по настоящему делу систематически осуществляли вредительство, особенно в укрепленных районах по линии военных железнодорожных сообщений.

Следствием и, в частности, показаниями обв. Тухачевского, Корка, Эйдемана, Примакова установлено, что одновременно военно-троцкистская организация готовила совершение террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства и организовала ряд диверсионных групп преимущественно на предприятиях оборонного значения.

Организуя эти террористические и диверсионные группы, троцкистские предатели, пробравшиеся в ряды командного состава Красной Армии, параллельно подготовили план вооруженного «захвата Кремля» и ареста руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Во всех указанных преступлениях все обвиняемые полностью соznались.

Прокурор Союза ССР Вышинский»⁵⁴.

10 июня. Чрезвычайный Пленум Верховного суда СССР постановил для рассмотрения дела образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе Ульриха, Алксниса, Блюхера, Буденного, Шапошникова, Белова, Дыбенко, Каширина и Горячева.

Инициатива создания специального военного суда для рассмотрения дела Тухачевского и др. и привлечения в состав суда широко известных в стране военных руководителей принадлежала Сталину.

10 июня. Подготовительное заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Вынесено определение об утверждении обвинительного заключения. Всем обвиняемым вручены копии обвинительного заключения.

⁵⁴ Цит. по: *Кантор Ю.* Война и мир Михаила Тухачевского. С. 408–411.

11 июня. «Правда» опубликовала сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу Тухачевского и других, которые, как говорилось в сообщении, обвиняются в «нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Суд

11 июня Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР рассмотрело в закрытом судебном заседании в Москве дело по обвинению Тухачевского и других. После чтения обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопросы председателя суда, заявили, что они признают себя виновными, и в ходе судебного заседания подтвердили те показания, которые дали на следствии.

В 23 часа 35 минут 11 июня 1937 года председательствующим Ульрихом был оглашен приговор. Все восемь подсудимых приговаривались к расстрелу.

В ночь на 12 июня Ульрих подписал предписание коменданту Военной коллегии Верховного суда СССР Игнатьеву — немедленно привести в исполнение приговор о расстреле Тухачевского и других осужденных. Разговоры о том, что судьи сами приводили приговор в исполнение — легенда. Акт о расстреле был подписан присутствовавшими при исполнении приговора Вышинским, Ульрихом, Цесарским, а также Игнатьевым и комендантом НКВД Блохиным.

Стенограмма процесса пока недоступна (да и сохранилась ли она?), зато историкам известны две докладные записки членов судебного присутствия. Первая принадлежит командарму 1-го ранга Белову. Она была полностью опубликована в 1996 году в Неаполе, в России же долгое время была известна лишь в отрывках. Мы обратимся к ней позже (да и читать там особо нечего).

Вторую записку, написанную Буденным и адресованную наркому обороны Ворошилову, при отсутствии доступа к стенограмме процесса можно использовать в качестве отчета о нем. До недавнего времени эта записка тоже была известна лишь в вольно трактуемых отрывках, и только в 2012 году она была опубликована в журнале «Клио» историками Гровером Ферром и Владимиром Бобровым.

Буденный, конечно, не секретарь, чтобы стенографировать все по порядку, он пишет о том, что ему, военачальнику, больше всего запомнилось и что его больше всего поразило. Главным образом, как держались подсудимые, а также некоторые аспекты их показаний.

«...При открытии заседания суда подсудимым было зачитано обвинительное заключение, которое произвело на них исключительно сильное, подавляющее впечатление. Особенно растерялись Эйдеман и Фельдман, хотя и все подсудимые с точки зрения мужества производили весьма жалкое впечатление. Внешне они выглядели жалкими ничтожными слюнтяями».

Буденный — не пропагандист и не газетчик, чтобы разбрасываться эпитетами. Это едва ли не единственная эмоциональная оценка во всем письме, очень сдержанном и деловом. Кого-кого, а Буденного в отсутствии мужества никто бы заподозрить не мог — другому лихие парни из Первой Конной и не подчинились бы. Так что эта оценка — уже сама по себе приговор.

«Допрос начался в следующем порядке: Якир, Тухачевский, Уборевич, Корк, Эйдеман, Путна, Примаков, Фельдман. В таком же порядке им было предоставлено последнее заключительное слово.

В своем выступлении на заседании суда Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры. К этому они должны были прийти двумя путями: во-первых, свержением существующей власти внутренними силами, при помощи вооруженного переворота и, во-вторых, если первое не будет осуществлено, то при помощи военного поражения, с участием интервентов в лице германского фашизма, японского империализма и Польши. При последнем варианте в виде компенсации интервентам им отдавалась часть территории нашего государства: Украина — Германии, Дальний Восток — Японии».

Это мы уже знаем из показаний Радека и Пятакова на «втором московском процессе». А вот дальше идет кое-что интересное.

Для поражения советских армий у заговорщиков была договоренность с германским генштабом в лице генерала Румшtedта и генерала Кёстринга, и специально составлялся план поражения РККА во время войны.

Как в первом, так и во втором случаях средства для свержения Советского правительства и руководства партии применялись все без исключения. Ничем не брезговали: террор, шпионаж, диверсия, вредительство, провокация, компрометация руководителей партии, правительства, армии и советской власти.

По словам Якира, у них было решено, что для данного дела все средства хороши».

«План поражения» полностью отражен в показаниях Тухачевского и приведен в Приложении. К сожалению, так и не опубликована вторая его часть, где говорилось не о стратегических разработках, а об ежедневном «вредительстве». Любопытно было бы сравнить написанное там с происходившим в западных округах в июне — июле 1941 года.

«...Возникновение заговора относится, по сути дела, к 1934 году, а до этого, начиная с 1925 года, по выражению Якира, происходила “беспринципная групповщина”. Другими словами, шли разговоры о неудовлетворительном руководстве армией, неправильном отношении со стороны руководства партии и правительства к “известным” “большим” людям зиновьевско-троцкистской и правой оппозиции. Также были подвергнуты резкой критике мероприятия партии и правительства при коллективизации 1930—31 годов...»

Правда, Тухачевский, согласно его собственным показаниям, был завербован еще в 1927 году, а в 1930-м дал Енукидзе согласие сотрудничать с заговорщиками. Так что уж маршал-то явно не примкнул к заговору в 1934 году, а участвовал в нем гораздо раньше.

«В 1934 году от этих “беспринципных разговоров” перешли к объединению единомышленников, и в своем кабинете Тухачевский заявил, что от слов пора переходить к делу, и тогда же было решено, что деловыми вопросами должны стоять вербовка единомышленников в РККА. Для этого наиболее подходящими в армии были троцкисты, зиновьевцы и правые. Было решено этих людей всячески популяризировать в общественно-армейском мнении и продвигать по службе на ответственные посты по строевой, политической и хозяйственной линии, а также по вооружению и организационно-мобилизационной работе.

Как на политическую фигуру заговорщики ориентировались на Троцкого и его блок, в который входили троцкисты, зиновьевцы, правые, националисты, меньшевики, эсеры и т.д.

Считалось, что для выполнения всех этих задач должна быть прежде всего строжайшая армейская конспирация. Для этой цели применялась тактика двурушничества в партии и очковтирательство в работе.

К концу Якир заявил, что в нем сочетались два Якира. Один, дескать, советский, а другой — враг народа, шпион, предатель, диверсант, террорист — все, что хотите».

Все они так говорили. Почему? Неужели надеялись на пощаду? Нет, надеяться не приходилось — их судили свои же боевые товарищи, генералы Красной Армии, а такого не простят ни в одной армии

мира. Или стыдно было смотреть в глаза тем, кто сидел в президиуме, и хотелось хоть как-то оправдаться?

В последующих выступлениях подсудимых, по сути дела, все они держались в этих же рамках выступления Якира.

Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии. Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблизился с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия по сравнению с германской и польской армиями по своей численности была на 60—62 дивизии меньше. Этот явный перевес в вооруженных силах вероятных противников СССР повлиял-де на него, Тухачевского, и в связи с этим он видел неизбежное поражение СССР, и что это и явилось основной причиной стать на сторону контрреволюционного военного фашистского заговора».

И как вам защитник Отечества? Вместо того чтобы, видя превосходство противника, изо всех сил готовить армию к грядущей войне, он предпочел поджечь хвост и перебежать на сторону сильнейшего. Уже одно это перечеркивает все соображения о «стратегических талантах» маршала. Такие военачальники не нужны ни одной стране.

«...Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским Генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 года. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал кроме разговоров на словах, хотя тут же признает, что это тоже шпионаж.

После этого тов. Ульрих ему зачитал его же показания, где Тухачевским было написано, что он лично передал письменный материал агенту германского Генштаба по организации, дислокации и группировке мотомехчастей и конницы БВО и УВО и что по его же, Тухачевскому,

заданию Аппога передал германскому агенту график с пропускной способностью военных сообщений, а Саблин, по его же заданию, передал схему северной части Летичевского укрепленного района.

После вышесказанного Тухачевский показал то, о чем уже говорил Якир, с разницей в некоторых вариациях.

Уборевич в своем выступлении держался той же схемы выступления, что и Якир. Ничего нового не добавил, но пытался отрицать свое участие в заговоре до 1934 года и что до 1934 г. он-де, Уборевич, работал честно. Между тем при заданном вопросе Тухачевскому, как их заговорщический центр оформился и кто входил в этот центр, Тухачевский ответил, что специальной конституции о центре заговорщиков писано не было, но активными участниками центра были: Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Фельдман, Примаков, т.е. что это был сговор.

Заговорщическая деятельность между Тухачевским и Гамарником была распределена следующим образом: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк работали по Западу, а Гамарник — по Востоку. Якир заявил, что он был особо близко связан с Гамарником обоюдной информацией и что Якир информировал Гамарника о своей деятельности в УВО, а Гамарник информировал Якира по Дальнему Востоку. Якир показал, что он не помнит случая, чтобы Гамарник обсуждал вопросы совместно с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и Корком. Это подтвердил и Уборевич, добавив, что он, Уборевич, с Гамарником по заговорщическим вопросам вообще не разговаривал, но знал, что он является членом центра».

К любым событиям на Дальнем Востоке советское правительство относилось очень нервно. Из всех окраинных регионов Советского Союза именно Дальний Восток мог отделиться легче прочих. Во время Гражданской войны там существовала Дальневосточная республика, и до сих пор этот край был связан с остальной страной единственной веткой Транссиба. Несколько диверсий, и никакие войска туда не доберутся. В 1937 году на Дальнем Востоке сидел Блюхер, и то, в каком состоянии он держал округ, уже само по себе могло расцениваться как саботаж (об этом хорошо написал в свое время Виктор Суворов). Через год придет и его очередь, а пока с Блюхером раскланивались, ибо регион висел на ниточке: толкни — и порвется.

«Корк в своем выступлении показал, что он являлся участником заговора и членом центра с 1931 года. В связи с этим Корк высказал свое недоумение в том отношении, что Тухачевский, Якир и Уборевич знали о кремлевском заговоре с 1931 года, которым руководил Енукидзе, и даже

знали все детали плана этого заговора, но почему-то на суде об этом не говорили, считая себя заговорщиками только с 1934 года.

Корк показал, что о кремлевском заговоре он, Корк, докладывал Тухачевскому в 1931 году в присутствии Якира и Уборевича, и отсюда Корк делает вывод, что Тухачевский, Уборевич и Якир официально вступили в заговор в 1931 году, а не в 1934-м. “Неужели же они, — говорит Корк, — слушая мой доклад о кремлевском заговоре, еще не были членами и соучастниками заговора? Все это они скрывают от суда, скрыли и от следствия”.

Дальше Корк показал, как должен был развернуться заговор в самом Кремле, в который были вовлечены: он, Корк, Горбачев, Егоров, бывший начальник школы им. ВЦИК, и Именинников, помполит школы ВЦИК».

Стало быть, и вправду зашитым белыми нитками «кремлевским делом» стояли очень серьезные планы. Ягода следствие смазал, но школу ВЦИК все же расформировали — и то хлеб...

«В остальном Корк говорил то же, что уже показывал на предварительном следствии. Но особенно Корк подчеркнул вопрос о пораженческом плане в отношении Красной Армии во время войны, и в связи с этим планом он остановился на последних военных играх, проводимых Генштабом РККА, где считалось, что Латвия, Литва и Эстония будут нейтральными государствами во время войны, тогда как на самом деле немцы должны были организовать главную группировку своих сил с таким расчетом, чтобы ударить в правый фланг красным армиям именно через нейтральные государства».

Якобы нейтральные прибалтийские государства — это был самый больной вопрос советской обороны. В случае если бы правительства этих государств сговорились с Гитлером (или просто не стали бы сопротивляться), немецкая армия в считанные дни, как по рельсам, дошла бы до Ленинграда.

«На мой вопрос, почему же Корк считает, что немцы должны наносить главный удар с территории нейтральных государств, откуда ему это известно, и знал ли Корк о том, что такой сговор нейтральных государств с немцами имеется уже теперь, или же он сам предполагает, что немцы не будут считаться с нейтралитетом этих государств, Корк ответил, что это ему известно со слов Тухачевского и других источников он не знает. Однако он, Корк, считает, что этот вариант является явно вредительским и пораженческим именно потому, что Генштаб РККА в своих планах исходил из того, что нейтралитет упомянутых государств

немцами нарушен не будет. На военной игре Тухачевский играл за “си-нюю” сторону и умышленно держался указанного взгляда Генштаба РККА, т.е. что нейтралитет этих государств Германией нарушен не будет, и поэтому Тухачевский направлял главный удар германских армий несколько южнее, чтобы не создать впечатление, что Германия будет бить со стороны нейтральных государств».

А вот теперь — внимание! Очень интересно!

«Несмотря на то что этот исключительно актуальный вопрос все же не был уточнен дополнительными показаниями Тухачевского, тем не менее члены суда считали, что по этому вопросу Тухачевского спрашивать не следует. Я же лично полагаю, что этот вопрос весьма интересный с той точки зрения, что, видимо, Тухачевскому было известно о сговоре Германии по этому вопросу с так называемыми нейтральными в период войны Прибалтийскими государствами».

Почему члены суда считали, что Тухачевского не следует допрашивать по этому вопросу? И не связано ли это с тем, что шесть из восьми членов суда — военных в скором времени разделят судьбу подсудимых?

«После этой игры, показывает Корк, заговорщики считали, что они добились самого главного во вредительстве, преследующего целью поражение Красной Армии.

Далее Корк показал, что он, будучи командующим войсками Московского военного округа, проводил при помощи Енукидзе, Ягоды, Горбачева, Векличева, Аронштама, Германовича, Егорова и Именинникова подбор командного и начальствующего состава с тем, чтобы московский гарнизон, помимо заговора в Кремле, был бы способен совершить вооруженный переворот».

Забегая вперед: военно-политический переворот 1953 года именно так и проводился — с опорой на войска Московского военного округа, только сидели там уже не люди Троцкого, а люди Хрущева.

«...Для этой цели Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир и он, Корк, подбирали специальные кадры. Они стремились назначать своих людей на должности командиров войсковых частей и соединений, начальников складов, строительства, работников по вооружению, мобилизационной работе, боевой подготовке и т.д. Между прочим Корк заявил, что ряд вопросов, которые ему стали известны только на самом суде, раньше для него не были известны. Видимо, предполагает Корк, руководители заговора, в лице Тухачевского, от него многое скрыли, как, например, работу Гамарника по Востоку и связь с Троцким, Бухариным и Рыковым. Однако Корк показал, что ему все же было известно, что руководители

военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми как на временное явление. Об этом Тухачевский говорил Корку в том смысле, что троцкисты, правые и т.д. только попутчики до поры до времени, а когда будет совершен вооруженный переворот, то он, Тухачевский, будет в роли Бонапарта. И 29 ноября 1934 года, как показывает Корк, Тухачевский у него на квартире об этом заявил совершенно определенно при всех присутствовавших там.

Эйдеман на суде ничего не мог сказать, а просто поднялся и сказал, что он, Эйдеман, ничего больше, кроме того, что он показал на предварительном следствии, показать не может и признает себя виновным.

Путна — этот патентованный шпик, убежденный троцкист современного типа троцкизма, действующего под знаменем фашизма, показал, что, состоя в этой организации, он всегда держался принципов честно работать на заговорщиков и в то же самое время сам якобы не верил в правильность своих действий. На вопрос тов. Дыбенко об издевательствах над т. Беловым в Берлине, Путна ответил, что это только один небольшой эпизод из совершенных им более важных и серьезных преступлений».

Речь идет о случае, о котором рассказал Белов на том самом заседании Военного совета.

«Белов. Я приехал в Берлин... Вы все знаете, что представительские в буржуазном государстве имеют огромное же значение. Уборевичу и Якиру давали 150 долларов в месяц на представительские расходы, меня же сразу посадили на 50.

Сталин: Кто же это устраивал?

Белов: Путна».

Оно, конечно, срезать представительские расходы — во-первых, не преступление, а во-вторых, могло проистекать из простого желания напакостить. Военная среда была тем еще серпентарием. Но и Белова, и Дыбенко этот эпизод неплохо характеризует. В такую минуту — и чем интересуются?

«Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех. Но в своем выступлении ничего кроме того, что он показал на предварительном следствии, не добавил. Примаков очень упорно отрицал то обстоятельство, что он руководил террористической группой против тов. Ворошилова в лице Шмидта, Кузьмичева и других, а также и то, что он якобы до ареста руководил ленинградской террористической группой в лице Бакши — бывшего начальника штаба мехкорпуса и Зюка. Отрицал он это на том основании, что якобы ему, Примакову,

Троцким была поставлена более серьезная задача — поднять в Ленинграде вооруженное восстание, для чего он, Примаков, должен был строго законспирироваться от всех террористических групп, порвать свои связи со всеми троцкистами и правыми и тем самым завоевать авторитет и абсолютное доверие со стороны партии и армейского командования.

Примаков, однако, не отрицал, что он раньше руководил террористической группой и для этого просил Шмидта на должность командира мехкорпуса.

В связи с этим специальным заданием Троцкого Примаков обрабатывал 25-ю кавдивизию во главе с командиром дивизии Зыбиным. По его словам, Зыбин должен был встретить на границе Троцкого при овладении повстанцами Ленинградом. Для этой же цели подготавливали одну сд и мк. Какую именно сд — я не помню, но по его выступлению можно установить».

Вот и объяснение того, почему Сталин, в общем-то, не очень увлекавшийся политическими убийствами, счел необходимым ликвидировать «демона революции». Комбинация Троцкого в обозе немецкой армии и Ленинграда в тридцати километрах от границы оборачивалась «параллельным правительством». И это были уже не опереточные «наследники дома Романовых» это было более чем серьезно.

«...Фельдман показал то же самое, что и Корк, в том смысле, что Фельдману тоже не все было известно о планах заговорщиков, и он узнал много нового из обвинительного заключения и в процессе суда. Тем не менее Фельдман признал себя активным членом центра с 1934 года, но подчеркнул, что обработка его Тухачевским началась уже с тех пор, когда он служил в Ленинградском военном округе, которым командовал Тухачевский.

Фельдман признает, что именно в этот период он сблизился с Тухачевским, и когда Тухачевский, будучи уже зам. наркома, поставил перед Фельдманом вопрос о существовании заговора, Фельдман заколебался: взять ли Тухачевского за шиворот и выдать или присоединиться к заговорщикам. Сделал последнее.

Далее Фельдман показал, что по заданию Тухачевского и Гамарника он подбирал сторонников организации на соответствующие должности. Причем, когда он однажды доложил Тухачевскому о результатах своей работы, Тухачевский был очень недоволен ею, так как Фельдман еще не завербовал никого из более-менее известных фигур. И поэтому, когда Фельдман лично завербовал Аппогу, Олышанского, Вольпе и других, то этим Тухачевский остался доволен.

Фельдман признает, что многих из намеченных организацией кандидатов на ответственные должности назначить не удалось, потому что народный комиссар обороны часто не соглашался с его, Фельдмана, предложениями, хотя эти предложения и проходили с большим нажимом на наркома со стороны Якира, Уборевича, Гамарника и Фельдмана».

Не зря это письмо секретили до самых последних дней. Мы бы не увидели его и сейчас, если бы в 90-е годы некоторые документы, в подлинниках или копиях, не попали в США, где их особо не прятали

Приведенная прославленным маршалом картина гораздо более четкая и непротиворечивая, чем рассуждения о том, что «ну все же знают, что их заставили» и о пятнах крови на третьей машинописной копии. Да и члены суда как-то не сомневались в достоверности показаний. Неужели тогдашние чекисты были способны сляпать на генералов дело такого уровня, чтобы не вызвать ни капли сомнения у других генералов? Это вообще-то возможно — так его сляпать?

Последнее слово

Следующая часть записки Буденного удручает. Она посвящена заключительным словам подсудимых. Автор не выказывает своего отношения к ним, после «жалких слюнтяев» он ведет себя отстраненно — просто докладывает.

«...Якир говорил 5—7 минут. Заявил, что он был честным бойцом до 1934 года, после чего изменил и стал врагом революции, партии, своего народа и Красной Армии, но в нем все время сидели два человека: один Якир — красноармейский, другой Якир — враг. Вместе с тем Якир считает, что эти два человека — один враг, а другой советский — довели на него включительно до того времени, пока он не попал в стены НКВД, а когда он, Якир, будучи арестованным, сказал всю правду следствию, говорит всю правду суду и всем присутствующим на суде, что он, Якир, разоружился как контрреволюционер и стал настоящим гражданином Союза, что он “любит” армию, “любит” советскую страну, “свой” народ и снова готов работать “по-честному”, как “большевик”, что он “предан” без остатка тов. Ворошилову, партии и тов. Сталину, — поэтому просит смотреть на него теперь так, каким он был прежде...»

Интересно, как это было бы возможно?

«...Тухачевский не добавил ничего, кроме того, что показал на предварительном следствии, но в то же время пытался очень туманно сказать, что в нем также сидели два человека: один — советский, а другой — враг,

и что он также просит суд учесть, что он до 1934 года работал как “честный большевик и боец”.

Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, — все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее, такого быстрого следствия и суда.

В конце концов Тухачевский виновным себя признал.

...Уборевич в своем заключительном слове выступил по-военному кратко.

Суть его речи заключалась в том, что он сказал: “Я прошу, граждане судьи, учесть, что я честно работал до 1934 года, и мое вредительство на авиационные части и на выбор укрепленных районов с точки зрения их тактической полезности не распространялось, потому что укрепленные районы выбирались тогда, когда я не был еще вредителем и врагом. В последующем я вредил тем, что их не вооружил по-настоящему, и некоторые амбразуры на точках укрепленных районов были направлены не в сторону противника, а в сторону, невыгодную для обороняющегося, т.е. преследовал цель поражения укрепленных районов”».

Ну, это он еще мягко сказал. Укрепрайоны БВО находились в состоянии невыразимом — и как инженерные сооружения, и как огневые точки.

«Что касается плана поражений, то Уборевич предлагал построить эшелоны вторжения таким образом, что они должны были в первые дни войны погибнуть, особенно конница. Дальше Уборевич сказал: “Я, Уборевич, совершил перед партией и советским народом ничем не искупаемое преступление. Если бы было у меня тысячу жизней, то и они не смогли бы искупить преступления. Я изменил, как солдат, присяге. Меня за это должны наказать со всей строгостью советских законов. Но я также прошу учесть, что я раскаялся в стенах НКВД, когда показал честно и до конца все свои преступления”».

«Раскаяние в стенах НКВД» — это что, термин эпохи? Впрочем, иностранные коммунисты в стенах гестапо, сигуранцы и прочих, далеко не гуманных соответствующих организаций каялись далеко не всегда и

уходили в вечность со словами: «Всех не перевешаешь!» По-видимому, у предателей действительно что-то ломается в душе.

«...Корк в своем заключительном слове сказал: “Я совершил преступление перед правительством и народом, перед Советской страной. До 1931 года я был честным бойцом и командиром, а потом сделался врагом, шпионом, агентом, диверсантом, предателем...” Когда Корк произносил эти слова, в его голосе слышался плач, он прослезился, после чего сделал полуминутную паузу и продолжал: “Прошу суд учесть, что я был честным бойцом до 1931 года и теперь разоружился, и считаю себя советским гражданином, и умираю как советский гражданин. Пусть об этом знает наша партия, Советская власть и народ. Я совершил такое преступление, которое одной жизнью искупить нельзя. Пусть на моем примере учатся другие. Пусть знают, что Советской власти изменять нельзя. Мы видим, как развивается в нашей стране социализм. Во время коллективизации сельского хозяйства я колебнулся и попал в лагерь фашизма.

Надеюсь, что Советская власть на основе сталинской Конституции, где сказано в одной из статей, что советский народ великодушен и что он даже врагов может помиловать, — учтет это”.

...Эйдеман для произнесения заключительного слова еле поднялся на ноги, уперся обеими руками на впереди стоящие перила и начал свою речь с того, что он-де, Эйдеман, случайно попал в эту организацию, будучи обижен при присвоении военных званий, будучи недоволен руководством армией, а также политикой партии в деревне при коллективизации, что он, Эйдеман, невольно примкнул к этой контрреволюционной организации и совершал по ее заданию (и прежде всего по заданиям Тухачевского и Гамарника) невероятные преступления.

Он говорил: “Я, Эйдеман, упал в такую пропасть, у которой нет дна. Я давал задания людям, которые мною были завербованы, и они перечислены мною в материалах предварительного следствия, — я давал задание взорвать Донской мост. Это задание я давал через Иванова; задание взорвать мост через Волгу я давал через председателя горьковского краевого Осоавиахима. Взрывы мостов должны были быть выполнены во время войны. Эти задания я получал непосредственно от Тухачевского. Я насаждал контрреволюционные повстанческие организации среди донских и кубанских казаков по заданиям Тухачевского и Гамарника. Кто именно готовил эти восстания, об этом знает зам. председателя Осоавиахима в Ростове и зам. председателя ОСО в Горьковском крае.

Во мне, Эйдемане, было также два человека. Нелегко было давать эти задания, когда я видел развитие победоносного шествия социализма. Я много раз думал: кто я — больше советский человек или враг? И тогда на меня давила наша контрреволюционная организация, и я выполнил ее задания. В то же время, когда я давал задания, я чуть не плакал. Я понимал, что я враг народа, народа, который меня любит и доверяет.

Я прошу суд учесть, что я был преданным бойцом до 1934 года, потом стал врагом. Думаю, что моя контрреволюционная работа все же меньше имеет результатов, чем работа советская. Я прошу суд это учесть”.

...Путна в своем заключительном слове сказал: “Конечно, никакой пощады от суда я не прошу, но прошу суд учесть, что я — командир РККА, во время революции дрался за нее. Тем не менее, после Гражданской войны я стал крепким сторонником Троцкого. Я считал: то, что говорит Троцкий — это все правда. Разумеется, я не вникал в большевистскую сущность революции, хотя органически чувствовал, что я с большевиками, но тем не менее оставался троцкистом. Я никогда не задумывался о том, куда меня приведет моя троцкистская позиция. Я должен честно сознаться перед судом, что, так же как и у других подсудимых, у меня теперь создалась определенная вера в “наше” великое большевистское государство. Я чистосердечно раскаялся в стенах НКВД и стал честным советским гражданином. Во мне тоже сидели два человека: один — красноармеец, другой — предатель, преступник, — что хотите. Я нарушил нашу красноармейскую присягу, а в ней говорится, что “тот, кто изменил Советской власти, правительству и Красной Армии, карается беспощадной революционной рукой”. Поэтому я не прошу никакой пощады, но надеюсь, что граждане судьи учтут мое честное пребывание командиром в РККА ранее и сделают отсюда соответствующие выводы”».

Особняком стоит последнее слово Примакова, как и сам он тоже стоит особняком от остальных. Легендарный командир дивизии Червоного казачества в Гражданскую, вечный оппонент Буденного, твердый и последовательный троцкист. На пощаду он мог рассчитывать еще меньше, чем другие. Зачем он поливал грязью товарищей по заговору? Кому и что хотел доказать?

«...Примаков в своем заключительном слове выступил с такой речью:

“Я, Примаков, хочу, чтобы суд и судья знали, с кем они имеют дело. Нам, восьмерке подсудимых, я хочу дать анализ: во-первых, подсудимым; во-вторых, нашей контрреволюционной фашистской организации; в-третьих, под чьим знаменем мы шли.

Кто такие подсудимые по социальному положению?

Эти люди в социальном отношении представляют из себя сброд. Кто такой Тухачевский? Этот тип принадлежит к обломкам контрреволюционных офицерских заговоров против Советов. Его родина — фашистская Германия.

Корк, Уборевич, Эйдеман и Путна имеют свою родину в своих странах. Там у них и семьи и родные. Это и есть их родина.

Якир — этот купец 2-й гильдии в Румынии, там имеет семью. Там у него и родина.

Фельдман — американский купец. Родина, семья и родня у него в Америке. Там у него и родина.

Ая, Примаков, являюсь охвостьем так называемой мелкой буржуазии с троцкистскими настроениями, прошедший школу троцкизма от начала до конца в течение 18 лет. В этой школе сосредоточились отбросы человеческого общества. Самым злым и заядлым врагом являлась и является троцкистская оппозиция и люди, в ней участвующие.

Скажите же, граждане судьи, где у них и у меня родина? Советский Союз для них временное пристанище. Родина подсудимых там, где живут их семьи, с кем они связаны. Там их родина, а не в СССР.

Я не желаю никому на свете попасть в эту фашистско-троцкистскую яму.

Я должен сказать честно и открыто перед судом, что мы нарушили красноармейскую присягу и нас всех надо расстрелять и уничтожить как гадов, преступников и изменников советскому народу. Мы все знаем, что советский народ и его партия, большевики, ведут страну к счастью — к коммунизму.

Я, так же как и другие, был человеком двух лиц.

Я должен также передать суду свое мнение о социальном лице контрреволюционной организации, участником которой я являлся. Что это за люди? Я знаю половину людей этой организации как самого себя — это человек 400. Вторую половину я тоже знаю, но несколько хуже. А всех 800—1000 человек в нашей армии и вне ее”.

Вот зачем он это говорит? Пытается купить жизнь в обмен на имена восьмисот заговорщиков? А может, наоборот, и здесь борется с ненавистным режимом, натравливает НКВД на Красную Армию, пытаюсь представить организацию куда большей, чем она есть? Кто поверит, что опытный троцкист, конспиратор с дореволюционным стажем ввяжется в организацию, который насчитывает тысячу (!) человек, знающих друг друга?

“Если дать социальную характеристику этим людям, то, как ни странно, я пытался вербовать людей из рабочих, но из этого ничего не получилось. В нашей организации нет ни одного настоящего рабочего. Это суду важно знать. А отсюда я делаю вывод, что мы, заговорщики, вообразили, что можем руководить великой страной, советским народом и что для этого нужно полдюжины или дюжина Наполеонов. Мы были Наполеонами без армии. Мы работали на фашистскую Германию. Но совершенно ясно, что из этой полдюжины Наполеонов остался бы один Наполеон и именно тот, который беспрекословно выполнял бы волю Гитлера и фашистской Германии”.

...Фельдман в своем заключительном слове остановился на том, что их центр сложился не в 1934 году, а в 1931 году, и больше того, что он показал на предварительном следствии, показать не может.

Тем не менее Фельдман пытался объяснить, как он запутался в этом деле, и указал, что его предварительно обрабатывал Тухачевский, еще будучи в Ленинградском военном округе, а потом он стал на контрреволюционную позицию и выполнял задания Тухачевского.

Относительно своей родины Фельдман сказал, что он до советской власти не имел никакой родины и был гоним как еврей. В старой армии он служил ефрейтором, а в Красной Армии дослужился до комкора, что соответствует чину генерал-лейтенанта. И все же это не помешало ему стать контрреволюционером. Будучи самым близким человеком к наркому обороны, облеченный властью и доверием, он врал и обманывал наркома обороны как враг.

Далее Фельдман говорил, что он работал как честный красноармеец до оформления себя как контрреволюционера, и просит суд при всех присутствующих на суде снисхождения к себе, что он якобы запутался и попал в это дело совершенно неосознанно. Вместо того чтобы взять за шиворот Тухачевского и привести его к наркому, он был малодушен.

Фельдман просит суд простить его, обещает честно работать, что он в стенах НКВД разоблачился, снял с себя всю грязь и хочет на деле смыть это своею кровью, быть до конца преданным партии и Советской власти».

Комментировать все это не очень хочется. Лишь один момент здесь важен: эти люди, будучи «в душе советскими», в то же время готовили не только разгром собственной армии, но и смерть сотен тысяч рядовых бойцов. И вот это на суде совершенно не прозвучало, хотя должно было прозвучать, непременно должно. Но не прозвучало...

Post factum

...Сказать, что в мире этот процесс стал сенсацией, значит ничего не сказать. Газеты изощрялись в предположениях, что стоит за «делом Тухачевского». Иной раз читать все это просто забавно...

Разведка польского Главного штаба регулярно составляла обзоры о внутреннем положении в СССР. В июльском обзоре говорится: «Официальное толкование процесса Тухачевского, приписывающее казненным генералам шпионаж, диверсии против Советской власти и сотрудничество с иностранными разведками (вероятно, Германии) является таким абсурдным, что европейское общественное мнение... заранее его отбрасывает».

Особенно умиляет такая позиция общественного мнения в самый разгар испанской войны. Интересно, если бы республиканское правительство сумело заранее обезвредить генерала Франко, общественное мнение тоже сочло бы все обвинения абсурдными? А что касается собственно Польши, то ее в 1939 году так быстро положили под Германию, что мысль о сотрудничестве польских «верхов» с Гитлером напрашивается сама собой. По крайней мере, абсурдной она не кажется.

Уже 17 июня германское посольство в Париже сообщало в свой МИД: «В связи с кровавым приговором нет ни одной газеты... которая решилась бы найти слова оправдания для самого действия. Трудно верить обоснованию приговора из-за чудовищности обвинения. Те газеты, которые в своей критике сперва предполагали правильность обвинения, делают из этого вывод о том, что моральный дух и боеспособность Красной Армии, если подобные преступления возможны в руководстве, могут быть лишь понижены...»

Германцам все объяснят полковник Штауффенберг и его соратники по «Валькирии» — но это будет лишь через семь лет. Парижане поймут раньше, когда сильнейшая армия в Европе будет раздавлена за сорок дней.

...Впрочем, у дипломатов была несколько иная точка зрения. Посол США в Москве Джозеф Дэвис 28 июня отправил президенту Рузвельту телеграмму: «В то время как внешний мир благодаря печати верит, что процесс — это фабрикация... — мы знаем, что это не так. И может быть, хорошо, что внешний мир думает так».

Президент Чехословакии Бенеш воспринял происходящее в СССР с явным облегчением. Ему давно было известно о странных контактах

верхушки РККА с Германией и вермахтом. Неясно было лишь, кто заигрывает с Гитлером — сам Сталин или кто-то за его спиной. 3 июля он встречается с советским послом и излагает свое понимание «дела Тухачевского». Бенеш говорит послу, что события в СССР его не удивили и не испугали, ибо он давно их ожидал. Он сказал, что давно уже наблюдает в СССР борьбу двух направлений. Одно из них «идет на реальный учет обстановки и проявляет готовность к сотрудничеству, а значит, и к компромиссу с Западной Европой, а другое — «радикальное», продолжающее требовать немедленного разворачивания мировой революции. По заявлению Бенеша, его задачей всегда было помочь первому, реальному течению в советской политической жизни...»

Впрочем, что касается Тухачевского, тут он попал пальцем в небо. Но если говорить о политической оппозиции — да, все так, однако к тому времени оппозиционеры уже успели совершить полный разворот, перейдя от идеи экспорта из СССР революции к идее импорта в СССР капитализма.

Далее полпред Александровский пишет из Праги: «Бенеш утверждал, что уже начиная с 1932 года он все время ожидал решительной схватки между сталинской линией и линией “радикальных революционеров”. Поэтому для него не были неожиданностью последние московские процессы, включая процесс Тухачевского... Бенеш особо подчеркивал, что, по его убеждению, в московских процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионаже и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщической деятельности с целью ниспровержения существующего строя. Бенеш говорил, что он понимает нежелательность “по тактическим соображениям” подчеркивать именно этот смысл событий. Он сам, дескать, тоже предпочел бы в подобных условиях “сводить дело только к шпионажу”. Тухачевский, Якир и Путна (Бенеш почти все время называл только этих трех), конечно, не были шпионами, но были заговорщиками...»

А еще Бенеш говорил, что в Москве расстреливают изменников, и так называемый европейский свет приходит в ужас. С его точки зрения, это не более чем лицемерие. Бенеш не только отлично понимает, но и одобряет московский образ действий и расценивает «московские процессы» как признак укрепления СССР..

Может быть, в отместку за такую позицию ему и приписали столь неблагоприятную роль в сказочке о «компромете Гейдриха»?

Бенеш был в этой своей оценке не одинок. Тот же американский посол Дэвис, когда его спросили, что он думает по поводу советской «пятой колонны», ответил: «У них таких нет, они их расстреляли». В ноябре

1942 года в статье для газеты «Санди экспресс» он писал: «Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935—1938 годов являются возмутительными примерами варварства, неблагодарности и проявлением истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его соратников».

Ну и, конечно, много стоит оценка главного врага — Гитлера, его слова, сказанные после попытки переворота 20 июля 1944 года: «Вермахт предал меня, я гибну от рук собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогневивших аристократов». Он, правда, вкладывал в эти слова несколько иной смысл, но то, что фюрер считал Тухачевского и его группу предателями, от этого не изменилось...

* * *

Такова история и закономерный итог жизни и деятельности «красного Бонапарта».

Наполеон, конечно, тоже прорывался к власти не парламентскими методами. Но даже самым лютым его ненавистникам и во сне не приснилось бы, что Наполеон сговорится с врагами своего государства, сдаст им армию и страну и примет у них из рук марионеточную власть над тем огрыском, который победителям благоугодно будет ему оставить. И если бы во Франции стояла у власти не никчемная Директория, французский вариант Временного правительства, а сильный вождь вроде Сталина, это еще очень большой вопрос, претендовал бы Бонапарт на императорскую корону или удовольствовался ролью Первого маршала. Как и сам Сталин, кстати — которому тоже вполне хватало его положения в государстве при Ленине, и лишь после смерти вождя он вынужденно подмял никчемное Политбюро. В этом и во многом другом Наполеон и Сталин схожи между собой, а что роднит французского императора с Тухачевским? Как выяснилось, ничего, кроме амбиций последнего.

Ни Наполеон, ни Сталин не ходили легкими путями. Тухачевский же недотянул до роли, которую избрал для себя, и, не будучи в силах от нее отказаться, пошел легким путем — от заговора к измене, приняв за звезду болотный огонь. Не он первый, не он последний.

«Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими...»⁵⁵

⁵⁵ Мф. 7.13—4.

Часть 5

КУРС НА ТРЯСИНУ

Мы прочли всю записку Буденного, кроме последнего раздела — выводов. Четыре пункта, два из которых относятся к «оппозиционной» деятельности заговорщиков, а два — к грядущей войне. Итак:

«1. Тухачевский, Гамарник, Корк, Якир, Уборевич, Примаков, Путна, Фельдман и Эйдеман — это патентованные шпионы, и не с 1934 года, а с 1931 года, а некоторые и раньше затесались к нам с самого начала революции. А для того чтобы скрыть свою шпионскую и контрреволюционную деятельность до 1934 года, подсудимые, разоблаченные в этом Корком, пытались выставить Корка как вруна и путаника.

2. Участие Гамарника в заговоре все подсудимые, безусловно, пытались скрыть, по-видимому, из тех соображений, что Гамарник, представляя из себя политическую фигуру, вербовал политсостав в армию и, видимо, был связан не только с верхушкой правых, троцкистов и зиновьевцев, известных нам, но и с рядом других ответственных гражданских работников».

Маршал не поверил подсудимым — и, как мы знаем, правильно не поверил. Но почему все они так упорно относят начало заговора к 1934 году? От чего открещиваются? От убийства Кирова — так их никто в нем и не обвиняет. Или от участия в «кремлевском деле»? А может быть, от чего-то такого, о чем мы пока не знаем?

Что касается начальника политуправления Яна Гамарника — то это фигура особая. В отличие от остальных заговорщиков, он не провел в армии всю или почти всю сознательную жизнь, а долго был на партийной работе и, в общем-то, не военный — одна борода венником чего стоит!

Кроме того, все подсудимые тщательно скрывали контакты с невоенными заговорщиками, политиками и чекистами, стараясь представить свой заговор как чисто военный. Может быть, они так его мыслили — но был ли он таким на самом деле? Кто кому мостил дорогу — Тухачевский Троцкому или Троцкий Тухачевскому? Или каждый надеялся в конце переиграть другого?

ГЛАВА 16

...И СНОВА НЕПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

Окончательно вся эта история была систематизирована девять месяцев спустя, на знаменитом троцкистско-бухаринском процессе. Тогда же правду сказали и стране — выдержки из материалов суда печатались в «Правде». На этом, последнем процессе была дана полная и развернутая картина подпольной деятельности антисталинской оппозиции после 1930 года, когда она была окончательно разбита на XVI съезде ВКП(б). История эта ни в чем, ни в одной своей строчке, не противоречит традициям ленинской партии. Так что они действительно были «верными ленинцами», эти расстрелянные коммунисты 1937 года...

Структура заговора и время возникновения

В первой части мы видели, как все начиналось. Сначала оппозиция, ратующая за свободу дискуссий, потом «параллельная партия», уход в подполье — во многом от банальной непригодности ни к какому делу. Кто может — работает, кто не может — поучает, а кто неспособен и поучать — тот борется или тусуется, что в данном случае одно и то же.

Постепенно оппозиционеры становятся все более законспирированными и все более радикальными. А после успеха коллективизации и начала промышленного роста у них остается два пути: либо признать свое поражение и включиться в работу, либо поражения не признавать, а заняться террором и подготовкой государственного переворота.

Но вот с руководством у них слабовато. Это единственное объяснение того, почему они все-таки не выступили, ведь хорошие бойцы и исполнители имелись — однако не нашлось никого, кто бы в нужный момент взял на себя ответственность и отдал приказ. Мы еще увидим, как в последние месяцы, когда уже пятки припекает, они все равно согласовывают свои действия с сидящим за границей Троцким, который в случае провала, в общем-то, ничем не рисковал. А с кем согласовывал свои действия Троцкий?

Как бы то ни было, ни Зиновьев с Каменевым, ни тем более Бухарин на поступок оказались не способны. Из Троцкого не вышло Ленина, а из Тухачевского — Наполеона: «бонапартизм» его, как оказалось, тоже все больше сводился к разговорам...

Заговор против Сталина собрал самую разношерстную компанию (это, кстати, его и погубило). По большому счету, серьезными людьми среди заговорщиков были только военные и чекисты, а политики за-

нимались составлением планов, помаленьку террором, а в основном болтовней да демонстрацией грозных намерений — и в конце концов всех и утащили на дно.

Что же касается «военной группы»... Кстати, это еще не факт, что группа Тухачевского была первой. Что мы, собственно, знаем о деле «Весна» и ниточках, которые тянутся оттуда? Не зря же оно до самых последних лет так тщательно замалчивалось. И не факт, кстати, что она была единственной — забегая вперед, можно сказать, что совершенно точно не была.

Но что касается этой «военной группы», то, как видно из данных следствия, оформление разговоров и намерений в собственно заговор разные подследственные относят к разному времени. Кто-то к 1931-му, а кто-то и к 1934 году. Впрочем, никому из них ведь не присылались на дом приказы: «прибыть такого-то числа для оформления антиправительственной группировки». Их вовлекали постепенно, по одному, для каждого все начиналось в свое время и своим путем. Но Буденный им не поверил.

Более того, для каждого существовало и свое «ядро» заговора. Тухачевский, например, в числе руководителей называет, кроме себя, С.С. Каменева, Фельдмана, Эйдемана и Примакова, а начальники округов в основном Тухачевского и друг друга. Естественно, они также считают себя членами «руководящего ядра» — но у них с Тухачевским могли быть на этот счет разные мнения. Едва ли «красный маршал» посвящал своих товарищей более низкого ранга во все свои дела.

А персоны им названы очень интересные. Сергей Сергеевич Каменев сейчас забыт, а ведь тогда это была крупнейшая фигура. Главкомандующий Гражданской войны, потом начальник Штаба РККА, заместитель наркома, заместитель председателя РВС СССР, и лишь с 1934 года, по возрасту и состоянию здоровья, он стал «всего лишь» начальником Управления ПВО РККА, нового и очень сложного направления работы. Умер он своей смертью, как говорится, «на боевом посту» (впрочем, тогда ничего необычного в этом не было, сталинские кадры работали до последних дней), 25 августа 1936 года. По масштабу это, пожалуй, единственная равновеликая Тухачевскому фигура (если не более крупная) среди всех военных заговорщиков, и если Тухачевский сказал правду, то это еще вопрос: кто из них был в этом деле главным. Комкор Фельдман являлся начальником Управления по начальствующему составу РККА, Эйдеман — председателем центрального совета Осоавиахима. Оба — москвичи, оба «сидят на кадрах», командующие округами рядом с ними — достаточно мелкая рыбка. Правда, Примаков был еще мельче — всего лишь заместитель

командующего войсками ЛВО, — но этот оказался здесь в качестве представителя троцкистов в «военной группе».

И, как мы увидим дальше, никто не собирался уступать власть. Ну, может, разве что Бухарина устроила бы номинальная болтологическая должность. Енукидзе, судя по размаху его деятельности, собирался быть главой государства, Ягода высказывал такие намерения, Тухачевский и вовсе «глядел в наполеоны». Интересно, что бы стал делать Троцкий, осознав, что никто его в СССР не ждет? Принялся организовывать очередную интервенцию? Дело привычное... И лишь одно ясно: если бы эта компания пришла к власти, страна снова скатилась бы в кровавый кабак — но на сей раз не было Ленина с его от замороженной шайкой, чтобы ее из всего этого вытаскивать...

Отголоски «кремлевского дела»

О «Клубке» тоже вспомнили на процессе.

«Вышинский: Закончили мы, примерно, 1933 годом.

Рыков: Конец этого периода совпадает с ликвидацией кулачества. В связи с этим правые потеряли свою последнюю социальную базу — кулачество. И последующий период характеризуется созданием исключительно заговорщического типа организаций и применением самых острых методов борьбы против партии и правительства. Сюда, в частности, относится одна из попыток, которая была сделана, — это подготовка «дворцового переворота»».

При чем тут кулачество? А при том, что, как следует из слов Рыкова, до 1933 года правые рассчитывали на крестьянское восстание, которое кулаки усердно раздували. Вместо того как класс «задули» их самих — и тогда оппозиции ничего уже не оставалось, кроме террора и путча.

«Вышинский: К какому времени это относится?

Рыков: Этот план ставил себе целью арест членов правительства в связи с насильственным переворотом, произведенным заговорщической организацией при помощи специальной организации, созданной для осуществления этого переворота. Эта мысль, поскольку я помню, среди правых возникла в 1933—1934 годах, когда она начала носить более или менее оформленный характер...

Опорой для осуществления этого... плана явился Енукидзе, который вступил в качестве активного члена в организацию правых в 1933 году...»

А вот это уже очень интересно! Если он вступил в организацию правых в 1933 году, то с кем и в каком качестве был Енукидзе до 1933 года, когда вербовал Тухачевского?

1933 год — особый год. В нем совпали несколько событий. Провалилась последняя попытка вызвать в СССР крестьянское восстание (во многом с этой целью был организован голод на Украине⁵⁶), а успешное окончание коллективизации похоронило надежды на то, что советскую власть удастся свергнуть изнутри. Тогда же в Германии к власти пришел Гитлер, а в СССР окончательно консолидировалась оппозиция. Может быть, Енукидзе и вступил тогда в правую организацию, но в «кремлевском деле» нет «правого» следа, а есть комендант Кремля Петерсон и школа ВЦИК, т.е. троцкисты и военные. Так в какую именно организацию завербовал Тухачевского Енукидзе?

«Большую роль играл Ягода, который возглавлял ГПУ.. Впоследствии правый центр вместе с Енукидзе и Томским от времени ко времени информировал меня о ходе подготовки и осуществлении этого... Я помню, первая информация была о группе кремлевских работников, и особенно тут фигурировали Ягода, Петерсон, Горбачев, Егоров (начальник кремлевской военной школы. — *Авт.*) ... Несколько раз Томский мне сообщал о привлечении через этих лиц — Енукидзе и Егорова — группы военных работников во главе с Тухачевским, которые тоже были подготовлены к этому плану и ведут в этом направлении работу. Он называл фамилии: Уборевича, был назван Корк...»

ОГПУ — НКВД: группа прикрытия

«Вышинский: Какие у вас были отношения в 1928—1929 годах с Ягодой?

Рыков: В отношениях с Ягодой все было нелегально. У нас уже в этот период, наряду с легальной частью... существовали кадры, которые были специально законспирированы в целях организации дальнейшей борьбы с партией. К этим людям, в частности, принадлежал Ягода...

Вышинский: Было ли у вас с Ягодой соглашение о том, что члены вашей подпольной организации им не будут репрессироваться?

Рыков: Конечно.

Вышинский: Было ли с Ягодой соглашение о том, что он будет оберегать подпольную организацию правых, используя свое служебное положение?

Рыков: Да.

Вышинский: А какое служебное положение он в то время занимал?

⁵⁶ По этому вопросу см.: Прудникова Е., Чигирин И. Мифология «голодомора». М., 1912.

Рыков: Он был заместителем председателя ОГПУ Менжинского.

...

Вышинский: Подсудимый Ягода, вы подтверждаете эту часть показаний Рыкова?

Ягода: ...Факт был, но не так, как говорит Рыков.

...

Вышинский: Во всяком случае, это было тогда, когда вы, подсудимый Ягода, были заместителем председателя ОГПУ и когда на вашей обязанности лежала борьба с подпольными группами?

Ягода: Да.

Вышинский: Следовательно, вы совершили прямую государственную измену?

Ягода: Да».

О том же самом, но более подробно, говорит П.П. Буланов, бывший секретарь Ягоды.

«Буланов: ...Я был не раз свидетелем его непосредственных заданий, по линии оперативной, которые он давал соответствующим лицам, ведающим определенной частью работы, давал в той или иной мере прямые или косвенные указания о неразвертывании дел троцкистов, наоборот, о свертывании ряда дел и троцкистов, и правых, и зиновьевцев.

Вышинский: То есть что он их покрывал?

Буланов: Я бы сказал, что не только покрывал, но помогал им работать. Чтобы не быть голословным, я приведу несколько фактов. Например, Ягода дал указание, чтобы Угланов держался, не выходя из таких рамок, в своих показаниях.

Вышинский: Не припомните ли вы зловещую фигуру одного из предыдущих процессов, фигуру Дрейцера? Какие у них с Ягодой были отношения?

Буланов: Я помню, что, несмотря на то что соответствующий начальник отдела располагал совершенно точными, конкретными данными о продолжительной троцкистской деятельности Дрейцера, Дрейцер не был арестован...

Вышинский: А не помните ли вы другую фигуру одного из предыдущих процессов, не менее зловещую фигуру — Ивана Никитича Смирнова? Не известно ли вам, был ли с ним связан Ягода и не покрывал ли он его?

Буланов: Из фактов относительно Смирнова я знаю точно, что, когда Смирнов был в тюрьме, Ягода посылал Молчанова и через него дал указание Смирнову, в каких рамках держаться в случае необходимости, когда от него потребуют те или иные показания...

Вышинский: А не известно ли вам, что сделал Ягода, когда Смирнова из этой тюрьмы доставили в Москву?

Буланов: Я знаю, что Ягода нарушил свое обычное поведение. Он обычно в тюрьму не ходил, а по прибытии Смирнова ходил к нему... Я слышал его разговор с Молчановым о том, что за поведение Смирнова на суде он спокоен».

Мы все глядим в наполеоны...

Летом 1933 году агент ИНО ОГПУ в Германии «Августа» сообщила, что у свежеепеченного германского правительства идет совместная работа с будущим русским правительством, которое в ближайшее время произведет переворот в СССР и связано с Красной Армией и работниками Кремля — оппозиционерами. А вот вам и его след...

«Буланов: Ягода как-то в разговоре сказал мне, что они (это значит — он и стоящие за ним правые) объединились с троцкистами и зиновьевцами, что нормальным путем, путем легальной борьбы в партии рассчитывать на какой-нибудь успех совершенно нечего, что для достижения власти в их распоряжении остается единственное средство — это насильственный способ прихода к власти путем непосредственного вооруженного переворота.

Одну из главных ролей переворота, по его словам, должен был выполнить Енукидзе, и вторая, пожалуй не менее важная, роль, по его словам, ложилась на его, Ягоды, плечи. У них была сфера влияния: Кремль — у Енукидзе, аппарат НКВД — у Ягоды. Сам Ягода... представлял, что в случае удачи он должен был быть председателем Совнаркома.

Вышинский: Председателем Совнаркома?

Буланов: Так. Партийная работа ложилась, по его определению, на Томского, Бухарина и Рыкова... Секретарями ЦК должны были быть Рыков и Бухарин... В будущем правительстве, если память мне не изменяет, председателем ЦИК назывался Енукидзе... Уже гораздо позже я услышал фамилию Тухачевского, который должен был в будущем правительстве быть народным комиссаром обороны...»

Но у Тухачевского-то могло быть свое мнение. И заговорщики это понимали.

«Рыков (Бухарину): ...Ты высказывал такого рода мысль, что в случае открытия фронта необходимо, во избежание захвата власти военными, принять определенные меры против военной диктатуры...»

Как оказалось, свое мнение было и у шефа НКВД.

«Буланов: ...Ягода подчеркивал, что когда он будет председателем Совнаркома, — роль секретарей ЦК при нем будет совершенно иной. Какой именно — едва ли я смогу объяснить...

Мне вспоминается в связи с этим параллель, которую Ягода проводил между будущим секретарем будущего ЦК Бухариным и Геббельсом. Должен сказать, что Ягода вообще сильно увлекался Гитлером.

Вышинский: Вообще фашизмом увлекался? А конкретно?

Буланов: Он увлекался Гитлером, говорил, что его книга “Моя борьба” действительно стоящая книга... Он подчеркивал неоднократно, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие лица...

Вышинский: А Геббельс при чем тут?

Буланов: Он говорил, что Бухарин будет у него не хуже Геббельса... Надо полагать, что, когда он проводил эту параллель, насколько я понимаю и разбираюсь, он вкладывал тот смысл, что он, председатель Совнаркома, при таком секретаре типа Геббельса и при совершенно послушном ему ЦК будет управлять так, как захочет...»

Как они собирались это сделать

«Вышинский: Как тогда ставился вопрос о войне (Речь идет о 1934—1935 гг. — *Авт.*)

Розенгольц: В отношении войны линия у Троцкого была на поражение.

Вышинский: Предполагалось, что будет война? Когда?

Розенгольц: В 1935 или 1936 году.

Вышинский: Значит, Троцкий предполагал, что война должна возникнуть в 1935—1936 годах, и в этой связи...

Розенгольц: Стоял вопрос о перевороте... стоял вопрос о желательности и необходимости осуществления военного переворота применительно к срокам возможного начала войны. Тут разница могла быть в течение нескольких недель...

Вышинский: Значит, в 1934 году, во время беседы с Седовым, стоял вопрос о войне в 1935—1936 годах и о ставке на поражение.

Розенгольц: Да, да...»

...

«Крестинский: В феврале 1934 года я виделся и с Тухачевским, и с Рудзутаком... получил от обоих принципиальное подтверждение, признание линии на соглашение с иностранными государствам, на их во-

енную помощь, на пораженческую установку, на создание внутренней объединенной организации, они заявили даже, что вопрос у них не в принципе, а в необходимости выяснить свои силы...»

Их союзники и плата за помощь

«Буланов: Вооруженный переворот, по определению Ягоды, они приурочивали обязательно к войне. Я как-то задал Ягоде недоуменный вопрос: я, собственно, не понимаю — война, непосредственная опасность, напряженное положение и в это время правительственное потрясение — так на фронте дела могут весьма и весьма пошатнуться. Ягода мне на это прямо сказал, что я — наивный человек, если думаю, что они, большие политики, пойдут на переворот, не сговорившись с вероятными и неизбежными противниками СССР в войне. Противниками назывались немцы и японцы. Он прямо говорил, что у них существует прямая договоренность, что в случае удачи переворота, новое правительство, которое будет сконструировано, будет признано, и военные действия будут прекращены».

...

«Рыков: ...О сношениях “центра” с немецкими фашистами. Естественно, что в этом вопросе мы, и лично я, старались несколько смягчить свои показания, потому что это очень скверная вещь... Что характерно в этих переговорах? Характерно то... что немецкие фашисты отнеслись, конечно, с полным благожелательством к возможности прихода к власти правых и всячески будут это приветствовать... И в отношении своих военных действий против Союза, что они соглашались на сотрудничество, мирное сожительство при определенных уступках хозяйственного порядка в виде концессий, льгот по внешней торговле и так далее... что с немцами можно сговориться с такого рода уступками без территориальных уступок. ...Немцы настаивали на том, чтобы национальным республикам было предоставлено право свободного выделения из системы Союза.

Вышинский: Что это значит по существу?

Рыков: Это означает то, что от СССР отходят крупнейшие национальные республики, из национальных республик они пытаются делать смежные с ними территории, которые сделают своими вассалами и тем самым получают возможность нападения на оставшуюся часть Союза. Они приближаются таким образом к сердцу СССР, им облегчается возможность ведения с их стороны победоносной войны против СССР.

Вышинский: Следовательно, это расчленение СССР, отторжение от него ряда республик?

Рыков: Да.

Вышинский: Подготовка фашистам плацдарма для нападения и победы?

Рыков: Да, это несомненно.

Вышинский: Не только орудием, но и сознательными соучастниками?

Рыков: Нет. Но во всех вожделениях наших мы не были людьми, идущими до конца в отношении фашизма, мы все-таки ограничивали сговор определенными уступками, но мы являлись орудием в том смысле, что этот сговор, то, что приводило к этому сговору, все это облегчало фашизму возможность аннулировать его...»

...

«Рыков: ...Существование военной группы во главе с Тухачевским, которая была связана с нашим центром и которая ставила своей целью использование войны для низвержения правительства. Это подготовка самой настоящей интервенции. Наши сношения с немцами, которые мы всячески усиливали, должны были всячески стимулировать военное нападение...

Вышинский (Бухарину): ...Был ли у вас разговор с Рыковым относительно открытия фронта?

...

Бухарин: Был разговор с Томским, он сказал относительно идеи открытия фронта.

Вышинский: ...Кому открыть фронт?

Бухарин: Против СССР.

Вышинский: Кому открыть фронт?

Бухарин: Германии.

...

Вышинский: А как открыть фронт, кто с вами об этом говорил?

Бухарин: Говорил об этом Томский, что есть такое мнение у военных.

Вышинский: У каких это военных?

Бухарин: У правых заговорщиков.

Вышинский: Конкретно?

Бухарин: Он назвал Тухачевского, Корка, если не ошибаюсь, и потом троцкистов...»

...

«Вышинский: Связь с польской разведкой имела место?

Рыков: Через Белорусскую польскую организацию и Ульянова эта связь существовала. Отношения были очень близкие. Был контакт по вопросу о так называемой независимой Белоруссии...

Вышинский: Вы на предварительном следствии говорили о том, что в переговорах с поляками вы были согласны на отторжение от СССР Белоруссии...

Рыков: Этот вопрос обсуждался в свое время в центре, и мы все единогласно — я, Бухарин и Томский — были за то, что в случае возникновения такого национального движения мы допускаем это выделение.

Вышинский: То есть отторжение?

Рыков: Ясно, выделение или отторжение, мы употребляли более мягкие слова.

Вышинский: Вы шли прямо на такой изменнический акт, как отторжение Белоруссии от СССР к Польше.

Рыков: На независимость. Белоруссия должна была быть под протекторатом Польши.

Вышинский: В вассальном отношении...»

Так был ли шпионаж?

«Розенгольц: Теперь я хотел отметить еще, что в более ранние годы — в 1923 году — в связи с имевшимся у меня деловым контрактом...

Вышинский: С кем?

Розенгольц: С немецкими военными кругами, Троцкий предложил передать Секту сведения о советских военно-воздушных силах.

Вышинский: И вы передали?

Розенгольц: Да, я эти сведения передал...

Вышинский: И позже, потом?

Розенгольц: Начиная с 1931 года передавались сведения о заказах по внешней торговле.

Вышинский: Секретные, государственные?

Розенгольц: Да.

Вышинский: В течение долгого срока вы обслуживали, таким образом, иностранную разведку?

Розенгольц: Эти сведения были с 1931 года до 1935 и 1936 годов...

...

Вышинский: Вам неизвестно, еще кто-либо другой передавал ли аналогичные сведения Секту в то время?

Розенгольц: Я знал, что у Крестинского была какая-то нелегальная связь с рейхсвером...

Вышинский: ...Обвиняемый Крестинский, о какой связи с рейхсвером говорит Розенгольц?

Крестинский: В 1921 году Троцкий предложил мне, воспользовавшись встречей с Сектом, при официальных переговорах предложить

ему, Секту, чтобы он оказывал Троцкому систематическую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троцкистской работы, причем предупредил меня, что если Сект попросит в качестве контртребования оказание ему услуг в области шпионской деятельности, то на это нужно и можно пойти... Я поставил этот вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом, то есть 60 тысяч долларов в год. Генерал Сект, поговоривши со своим заместителем, начальником штаба, дал принципиальное согласие и поставил в виде контртребования, чтобы Троцкий в Москве или через меня передавал ему, хотя бы и не систематически, некоторые секретные и серьезные сведения военного характера. Кроме того, чтобы ему оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых бы они посылали на территорию Советского Союза в качестве разведчиков. Это контртределение генерала Секта было принято и, начиная с 1923 года, этот договор стал приводиться в исполнение.

Вышинский: Вы передавали шпионские требования?

Крестинский: По-моему не я, но мы — русские троцкисты. Но были случаи, когда эти сведения передавал непосредственно я генералу Секту...

...

Вышинский: Переговоры с Сектом начались с какого года?

Крестинский: Это было весной и летом 1922 года...»

Что там Тухачевский?.. Всего лишь заместитель министра, который готовил военный переворот, — эка невидаль! А вы попробуйте-ка найти в мировой истории такого военного министра, который не только сам дает, но и своим последователям велит давать шпионские сведения, получая взамен деньги на антиправительственную работу. А осуществляет сделки полпред, то есть посол Советского Союза. Не слабо, а?

Но это еще не все. Продолжим...

«Крестинский: ...В 1926 году рейхсвер поставил вопрос об отказе от этого соглашения. Я думаю, что это был тактический шаг для того, чтобы поставить нам повышенные требования...

Вышинский: Кому нам?

Крестинский: Троцкистам. Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты...

Вышинский: Привыкли к получению денег от иностранных разведок?

Крестинский: Да. Эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее...

Вышинский: На что “прочее”?

Крестинский: На разъезды, на агитаторов, содержание некоторых профессионалов в тех или других странах... И в 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп с партийным руководством... отказ от этих денег мог бы подрезать борьбу троцкистов. И поэтому, когда Сект предупредил, что он предполагает прекратить это субсидирование, я, естественно, поставил вопрос — на каких условиях он согласился бы продолжить соглашение. Тогда он выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему несистематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, то есть, главным образом, требования концессий и заключения другого рода договоров...

После запроса Троцкому... и получения от него согласия я дал генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер...

Вышинский: Таким образом, деньги продолжали к вам поступать?.. Не скажете ли вы, сколько было всего получено денег?

Крестинский: Начиная с 1923 по 1930 год мы получали каждый год по 250 тысяч германских марок золотой валюты...

Вышинский: Это соглашение... действовало до 1930 года?

Крестинский: Через меня до 1930 года... Потом я больше к денежным делам отношения не имел, они перешли к Путна, а потом непосредственно к Троцкому и Седову и переросли потом в более крупное соглашение».

Уф... передохнем немного. А еще говорят, что Вышинский на процессах захлебывался ненавистью... Да у него просто железная выдержка, он говорит о таком и еще шутить может!

Ну, вот вам и «невероятные признания», вот вам и «немыслимые поклепы», которые возводили на себя и признавали в суде члены оппозиции, и наши публицисты спустя полвека гадали: в чем тут секрет? Запуганы ли они до животного состояния или же находятся под гипнозом, под действием психотропных препаратов... Хотя, судя по стенограмме, речь их четкая, мысль работает нормально.

А пропусков в цитатах много оттого, что они все время увиливают, упираются, а Вышинский их «дожимает» — это любопытно было бы привести в качестве иллюстрации, но уж поверьте на слово, что это так...

Нет, это не полутрупы и не зомби, это бойцы. Судьба их предрешена, и они это прекрасно знают, и тем не менее спорят — по каким-то мелочам, о формулировках, скорее для того, чтобы показаться чуть-чуть лучше в глазах невольных свидетелей и последующих поколений, чем в надеж-

де на пощадку. Да и обвинения могут показаться чудовищными лишь по прежним розовым раннеперестроечным временам. А мы с тех пор такой грязи нахлебались...

Таковыми эти процессы были в реальности, а не в фильмах первого канала...

Финал «кремлевского дела»

Впрочем, все это лишь одна группировка — троцкисты. А военные, например, имели отношения все больше с Авелем Енукидзе, роль которого так до конца и не понятна. Троцкист? Может быть, и троцкист, а возможно, он вел какую-то свою игру. Фигура крупная — секретарь ЦИК, из первых лиц в государстве. И создается впечатление, что за этой темной фигурой стоят еще какие-то силы — и не в бессильной оппозиции, а в Кремле, на самом верху, такие же не засвеченные ни в каких противостояниях с властью, как и он сам. Потому что, едва лишь доходит до дела, как троцкисты отступают куда-то в тень и на авансцену выходит Апель... Хотя правильнее было бы назвать его другим библейским именем, судя по тому, что он замышляет...

«Вышинский: Вы избрали средством для свержения восстание в момент преимущественно войны. Это так?»

Ягода: Нет, это не так. Вооруженное восстание — это бессмысленная вещь. Об этом могли думать только эти болтуны.

Вышинский: А вы думали о чем же?

Ягода: О «дворцовом перевороте».

Вышинский: То есть насильственном перевороте, произведенном узкой группой заговорщиков?

Ягода: Да, так же как и они.

Вышинский: Преимущественно приурочивая к военному нападению на СССР иностранных государств, или у вас были разные варианты?

Ягода: Вариант был один: захватить Кремль. Время не имеет значения».

О том, что на самом деле происходило в Кремле в начале 1935 года, стало известно значительно позднее его окончания. Командарм 2-го ранга Корт на допросе в мае 1937 года показывал: «Уже с лета 1931 года руководящий центр правых (Рыков и Бухарин) выжидали подходящего момента для захвата власти при помощи вооруженной силы... Мы рассчитывали для этого использовать Школу ВЦИК. Осенью 1931 года, когда Школа ВЦИК находилась в лагерях под Москвой, я производил в школе инспекторскую стрельбу. На стрельбище присутствовали: Петерсон, Горбачев⁵⁷ и

⁵⁷Горбачев, тогда начальник школы ВЦИК.

Егоров⁵⁸. По окончании стрельбы и уходе школы в бараки мы (я — Корк, Петерсон, Горбачев и Егоров) остались на стрельбище для обсуждения плана и средств, которыми может быть осуществлен вооруженный переворот в Кремле... Так как ряд деталей оставались несогласованными, мы решили обсудить их здесь же, на стрельбище»⁵⁹.

Сигнал к выступлению должен был дать Енукидзе. Чтобы избежать перестрелки, поскольку члены правительства были люди решительные и вооруженные, предполагалось либо выключить в зале заседаний свет, либо бросить туда дымовую шашку. О политических планах заговорщиков военные не знали, но Петерсон, более посвященный, говорил, что членов правительства предполагалось арестовать, а при необходимости уничтожить.

Через несколько дней, 19 мая 1937 года, об этом заговорил и арестованный за полтора месяца до того Ягода: «Планы правых в то время сводились к захвату власти путем так называемого дворцового переворота. Енукидзе говорил мне, что он лично по постановлению центра правых готовит этот переворот. По словам Енукидзе, он активно готовит людей в Кремле и в его гарнизоне (тогда еще охрана Кремля находилась в руках Енукидзе) ... Енукидзе заявил мне, что комендант Кремля Петерсон целиком им завербован, что он посвящен в дела заговора. Петерсон занят подготовкой кадров заговорщиков-исполнителей в Школе им. ВЦИК, расположенной в Кремле, и в командном составе кремлевского гарнизона... В наших же руках и московский гарнизон... Корк, командующий в то время Московским военным округом, целиком с нами».

26 мая он заговорил еще интересней. «Когда по прямому предложению Сталина я вынужден был заняться делом “Клубок”, я долго его тянул, переключил следствие от действительных виновников, организаторов заговора в Кремле — Енукидзе и других, на “мелких сошек”, уборщиц и служащих...» И далее: «Инициатива дела “Клубок” принадлежит Сталину. По его прямому предложению я был вынужден пойти на частичную ликвидацию дела...» И еще: «В следствии я действительно покрыл Петерсона, но мне надо было его скомпрометировать, чтобы снять его с работы коменданта Кремля. Я же все время стремился захватить охрану Кремля в свои руки, и это был удобный предлог. И мне это полностью удалось... Петерсон был после этого снят, вместе с ним из Кремля была выведена Школа им. ВЦИК. В Кремль были введены войска НКВД»⁶⁰.

⁵⁸ Н.Г. Егоров, тогда зам. начальника школы, начальник учебного отдела.

⁵⁹ Цит. по: *Черушев Н.* Невиновных не бывает. М., 2004. С. 260.

⁶⁰ Цит. по: *Жуков Ю.* Тайна «Кремлевского дела» 1935 года и судьба Авеля Енукидзе // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 108–109.

Забавно! Переворот еще толком не подготовлен — а троцкисты и чекисты уже сцепились между собой за будущую власть. Можно себе представить, какой кабак начался бы в стране, если бы оппозиционеры и вправду произвели свой «дворцовый переворот». Особенно с учетом того, что существовала еще одна оппозиция — группа высокопоставленных партсекретарей, то еще зверье! Их как раз и вычищали с 1937 по 1939 год в ходе так называемых «партийных репрессий».

...В 1935 году планы изменились. М.А. Имянинников, тогда заместитель коменданта Кремля, показал, что план того времени предполагал убийство членов Политбюро. Их собирались забросать гранатами в Особом кинозале Кремля, для этого была подготовлена группа сотрудников комендатуры. У Бухарина, правда, имелась весьма романтическая идея отравить членов Политбюро, опрыскав их квартиры ядом либо впрыснув его в телефонные трубки. Яд должен был изготовить профессор Либерман из Военно-химической академии. Бухарин вообще был изрядным романтиком и глаза имел хорошие-добрые... Впрочем, военные оказались большими реалистами и опрыскивание квартир не стали даже обсуждать.

Б.П. Королев, в то время заместитель коменданта, еще добавил подробностей. Существовало два варианта плана. По одному, предполагалось арестовать членов Политбюро во время совещания, по другому — ночью на квартирах. Однако Сталин в Кремле практически не ночевал, так что второй вариант не годился. Школу ВЦИК же предполагалось использовать «втемную». В случае, если бы информация о мятеже вышла наружу и на Кремль были бы двинуты воинские части, то курсантам школы объявили бы, что гарнизон взбунтовался против правительства и их святой долг... ну, и так далее. А Кремль, старую мощную крепость, взять нелегко... Дальнейшее же предугадать нетрудно. Пока идет драка, кто-либо из вождей заговора — кто успеет — выдал бы остальных на расправу и стал спасителем отечества, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И лишь отстранение Петерсона и вывод школы из резиденции правительства положили конец этим планам.

Кстати, в этом случае самую большую опасность для заговорщиков представлял Киров — уже фактически член Политбюро, опытный, решительный человек и близкий друг Сталина, а главное — живущий не в Москве. Если он и вправду был «запасным лидером» страны, то, узнав о происходящем, тут же взял бы власть на себя. Учитывая, что коллективизация к тому времени закончилась, обстановка в стране нормализовалась и горячего материала было немного, а горожане уж всяко в большинстве

своим стояли за Сталина, то мятежников прихлопнули бы, как муху на стене, и Киров повел бы советский корабль все тем же сталинским курсом.

А вы говорите: у кого были мотивы его убить...

Убийство Кирова

«Буланов: В первой половине 1936 года я узнал впервые, что Ягоде было известно о том, как было организовано убийство Кирова. Как-то я зашел, как всегда, без доклада, без предупреждения, в кабинет Ягоды и застал его в сильно возбужденном состоянии, когда он беседовал с Молчановым. Когда Молчанов ушел, Ягода в состоянии большого раздражения бросил фразу: “Кажется, Ежов докопается и до ленинградского дела”. Потом... сказал, что ему было известно, что готовится покушение на Сергея Мироновича Кирова, что в Ленинграде у него был верный человек, посвященный во все, — заместитель начальника управления НКВД по Ленинградской области Запорожец, и что тот организовал дело так, что убийство Николаевым Кирова было облегчено. Проще говоря, было сделано при прямом попустительстве, а значит, и содействии Запорожца. Я помню, что Ягода мельком рассказал, рутая, между прочим, Запорожца за его не слишком большую распорядительность: был случай чуть ли не провала, когда по ошибке охрана за несколько дней до убийства Кирова задержала Николаева и что у того в портфеле была найдена записная книжка и револьвер, но Запорожец вовремя освободил его. Ягода далее рассказал мне, что сотрудник Ленинградского управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова. Когда члены правительства приехали в Ленинград и вызвали в Смольный этого Борисова, чтобы допросить его как свидетеля убийства Кирова, Запорожец, будучи встревожен этим и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за спиной Николаева, решил Борисова убить... Мне стала тогда понятна та исключительно необычайная забота Ягоды, которую он проявил, когда Медведев, Запорожец и остальные сотрудники были арестованы и преданы суду. Я припомнил, что он отправил их для отбывания в лагерь не обычным путем, он их отправил не в вагоне для арестованных, а в специальном вагоне прямого назначения...»

...

«Ягода: В 1934 году, летом, Енукидзе сообщил мне об уже состоявшемся решении центра “право-троцкистского блока” об организации убийства Кирова... Из этого сообщения мне стало совершенно известным, что троцкистско-зиновьевские террористические группы ведут подготовку этого убийства. Излишне здесь говорить, что я пытался возражать, приводил целый ряд аргументов о нецелесообразности и ненужности

этого террористического акта. Я даже аргументировал тем, что за совершение террористического акта над членом правительства в первую очередь ответственность несу я, как лицо, ответственное за охрану членов правительства. Излишне говорить, что мои возражения не были приняты во внимание. Енукидзе настаивал на том, чтобы я не чинил никаких препятствий этому делу..

Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасение, что прямой террористический акт может провалиться не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать...»

Гонка на выживание

Молотов посмеивался над «красной папкой». Он говорил: «Мы и без Бенеша знали о заговоре». И в самом деле, что совершенно не влезает в расклад событий той роковой весны, так это «гестаповский компромат». Ну не лезет, и все тут!

Нам уже известно о какой-то странной деятельности заговорщиков весной 1937 года. Следствие этим не занималось — может быть, не заинтересовано было, и без того хватало компромата, а может, и не знало. Тухачевский утверждал, что когда начались провалы, они прекратили какую бы то ни было деятельность — и следователи не мешали ему так говорить. Впрочем, мало ли из каких источников стало известно о перевороте Молотову..

На самом же деле заговорщики вели себя совсем не как маленькие зайчата, которые, почуяв опасность, стараются слиться с окружающим рельефом. Они встретили ее по-волчьи, клыками — и опоздали всего на несколько дней...

«Крестинский: В очень существенном разговоре, который происходил на Чрезвычайном VIII Съезде Советов, Тухачевский поставил передо мной вопрос о необходимости ускорения переворота. Дело заключалось в том, что переворот увязывался с нашей пораженческой ориентацией и приурочивался к началу войны, к нападению Германии на Советский Союз. И поскольку это нападение откладывалось, постольку откладывалось и практическое осуществление переворота. В этот период начался постепенный разгром контрреволюционных сил. Были арестованы Пятаков и Радек, начался арест троцкистов, и Тухачевский начал бояться, что если дело будет оттягиваться, то оно вообще сорвется.

...В конце ноября 1936 года на Чрезвычайном VIII Съезде Советов Тухачевский имел со мной взволнованный, серьезный разговор. Он сказал: начались провалы. И нет никакого основания думать, что на тех арестах, которые произведены, дело остановится... Снятие Ягоды из НКВД указывает на то, что тут не только недовольство его недостаточно активной работой в НКВД. Очевидно, здесь политическое недоверие ему, Ягода... как активному правому, участнику объединенного центра, и, может быть, до этого докопаются. А если докопаются до этого, докопаются и до военных, тогда придется ставить крест на выступлении. Он делал выводы: ждать интервенции не приходится, надо действовать самим. Начинать самим — это трудно, это опасно, но зато шансы на успех имеются. Военная организация большая, подготовленная, и ему кажется, что надо действовать... Я поговорил с Розенгольцем, затем поговорил с Рудзутаком и пришли к выводу, что Тухачевский прав, что дело не терпит; решили запросить Троцкого...

Вышинский: Когда получили ответ?

Крестинский: Ответ этот, вероятно, был в конце декабря, а может быть, в начале января... И вот, после получения этого ответа и началась более непосредственная подготовка выступления — Тухачевскому были развязаны руки, ему дан был карт-бланш — к этому делу приступить непосредственно... Уезжая в отпуск, он своим единомышленникам и помощникам по военной линии дал указание — приготовиться; затем у нас состоялось совещание на квартире у Розенгольца...»

...

«Розенголец: Уже после суда над Пятаковым пришло письмо от Троцкого, в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевским. В связи с этим было совещание у меня на квартире... Это было в конце марта 1937 года... На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая, ему удастся этот военный переворот осуществить.

Вышинский: В чем заключался план этого контрреволюционного выступления?

Розенголец: Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, это — возможность для группы военных, его сторонников, собраться у него на квартире под каким-нибудь предлогом, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства...

...

Вышинский (Крестинскому): Вы подтверждаете это?

Крестинский: Да, подтверждаю. Совещание это было у Розенгольца. Это было в начале апреля. Мы на этом совещании говорили уже об аресте Ягоды и исходили из этого ареста, как из факта. Об аресте Ягоды я узнал 2—3 апреля. Значит, это было в апреле месяце...

...Тухачевский предполагал поехать в Лондон на коронацию английского короля, чтобы не вызвать никаких подозрений. Но когда выяснилось, что эта поездка отменена, он сказал, что в первой половине мая он поднимет восстание.

Вышинский: Значит, Тухачевский заявил, что в первой половине мая он поднимет восстание?

Крестинский: Да, он это заявил...

...

...Розенголец: Гамарник сообщил о своем предположении, по-видимому, согласованном с Тухачевским, о возможности захвата здания Наркомвнудела во время военного переворота. Причем Гамарник предполагал, что это нападение осуществится какой-нибудь войсковой частью непосредственно под его руководством... Он рассчитывал, что в этом деле ему должны помочь некоторые из командиров, особенно лихих. Помню, что он назвал фамилию Горбачева.

...

Крестинский: ...В самом начале мая выяснилось, что Тухачевский не едет в Лондон. После этого... он заявил, что может произвести это выступление в первой половине мая. Но в первых числах мая начался разгром контрреволюционной организации, были опубликованы передвижения в военном ведомстве, снят Гамарник с поста первого заместителя наркома, Тухачевский с поста второго заместителя наркома, Тухачевский переведен в Самару, Якир из Киева, Уборевич из Белоруссии, арестованы Корк и Эйдеман. Стало ясно, что выступление становится невозможным...

...Во время свидания с Тухачевским последний настаивал на том, чтобы до контрреволюционного выступления были совершены некоторые террористические акты. У нас с Розенгольцем были сомнения не принципиального характера, а характера политической целесообразности... Поскольку Тухачевский настаивал на террористических актах, прежде всего в отношении Молотова и Ворошилова, мы дали свое согласие, заявили ему, что террористы-исполнители будут ему даны. Гамарник, который по этому вопросу был человеком в двух лицах — он действовал одновременно и от военной организации, и от нашей организации, — сказал нам, что у него тоже намечены кадровики исполнителей террористических актов...»

Да, им не хватило нескольких дней. Тухачевский и его товарищи пали жертвой любимой операции «красного маршала» — контрблицкрига.

Упреждающий удар был нанесен очень грамотно, а главное, всего за несколько дней до их собственного выступления. Помните, Молотов говорил, что правительству была известна даже дата переворота? Интересно, откуда? Не гадалка ли ворожила «отцу народов»...

Одно из двух: либо у заговорщиков сидел информатор, либо их сдал Сталину кто-то из своих. Информатор, может быть, и был. Но, учитывая количество заговорщиков в НКВД, — долго бы он там продержался? Тем более чтобы знать дату, он должен был сидеть очень высоко. Да и если бы он был, то уж, наверное, информировал бы всю дорогу, а не в последний момент.

Так что сам собой напрашивается вопрос: кто тот человек, который выдал заговор? Заговорщики его не назвали и назвать не могли: ни сам Тухачевский, ни его товарищи, ни те, кого судили в 1938 году, не были настолько деморализованы, чтобы топить того, кто был на свободе и, возможно, вне подозрений. Может быть, сопоставляя второстепенные показания, можно найти человека, о котором упоминали на следствии и который не был не только репрессирован, но даже и понижен по службе.

А впрочем, зачем? Едва ли в наше время моды на диссидентов и блатную романтику многими будет понят человек, поставивший любовь к Отечеству выше корпоративной солидарности и офицерской чести. Наша страна еще не доросла до того, чтобы знать всех своих героев.

ГЛАВА 17 «НЕМЕЦКИЙ СЛЕД» В «ДЕЛЕ ТУХАЧЕВСКОГО»

«Красного Бонапарта» сгубило то, что он якшался с политиками, и не просто с политиками, а с политической оппозицией сильному режиму, которую, как оказалось, составляли люди никчемные. Но этим не ограничивалась деятельность «военной партии». Маршалы и командармы вели и свою игру на том поле, где штатским делать было нечего. «Политики» имели связь с заграницей через посредство Троцкого, военные — напрямую. В чем совершенно не сомневался Буденный.

«3. Из показаний подсудимых Тухачевского, Корка, Якира и Уборевича видно, что план поражения красных армий во время войны они решили разработать по своей инициативе и только после этого согласовать его с германским Генеральным штабом. В связи с этим во время оперативных игр, проводимых Генштабом РККА, они делали для своего пораженческого плана соответствующие наметки, но ввиду своего ареста они его недоработали и якобы не успели передать германскому Генштабу...»

Воистину с нынешней колокольни обвинение это кажется абсолютным бредовым. Одно дело готовить государственный переворот, и совсем

другое — напрямую согласовывать план поражения собственной армии с генштабом наиболее вероятного противника. Как и чем могли немцы завербовать такого человека, как Тухачевский, что общего могло быть у него с Гитлером? Даже если он, как предполагают, и подписал, находясь в плену, обязательство сотрудничать с немцами, то после революции оно имело цену туалетной бумаги. Еще и посмеялись бы краскомы за бутылкой: ай да товарищ командарм, вот как ловко германцам нос натянул!

Однако при ближайшем рассмотрении и вербовка оказалась возможной, и общие интересы прослеживаются. Правда, не с Гитлером — Гитлер появился потом...

«Фоны» и краскомы за дружеским столом

Все началось в 1918 году. Именно тогда стали сближаться два государства-изгоя послевоенной Европы — Россия и Германия. Над немцами висел Версальский договор, согласно которому им было запрещено разрабатывать многие виды современных вооружений — но у них имелись конструкторы, заводы, обученные офицерские кадры. Советская Россия ничего этого не имела, зато у нее были необозримые пространства, на которых можно спрятать все, что угодно, и куда не пустят никаких международных наблюдателей — еще чего!

Две страны сотрудничали в военно-технической области — нам это менее интересно — и в чисто военной. Германия помогала СССР строить Красную Армию, и немцы имели в РККА большое влияние, даже слишком большое.

Наших больше всего интересовали военные заводы и новейшие технические разработки, которые мы получали, а чаще воровали в ходе совместной работы. У немцев интересы оказались несколько иными...

Уже один подбор кадров рейхсвера для работы в России достаточно красноречив. Одним из тех, кто стоял у истоков советско-германского сотрудничества, был не просто разведчик, а суперразведчик, легендарный полковник Вальтер Николаи. Майор Чунке, руководитель «Общества содействия промышленным предприятиям» (ГЕФУ), курировавшего работу совместных советско-германских предприятий, ранее имел немаленький пост в абвере. Техническим директором общества «Юнкерс» стал Шуберт, во время войны бывший начальником разведотдела командования Восточной армии. Во главе «Постоянной комиссии по контролю за хозяйственной деятельностью немецких концессий в СССР», которая де-факто являлась тайным представительство немецкого генерального штаба «Центр-Москва», стоял полковник Лит-Томсен, а его заместителем

и фактическим руководителем, а потом и преемником стал Оскар фон Нидермайер, который в досье спецслужб всего мира значился как специалист по разведке экстра-класса. И т.д., и т.п...

В начале 20-х годов сбор информации любого рода в СССР не представлял особых трудностей. Это было время большой откровенности, тем более Германия воспринималась как дружественная страна, которая тоже противостоит всему миру, имеет самую сильную в Европе компартию и вообще вот-вот станет советской.

Кроме того, еще со времен Гражданской войны, особенно с незабвенного восемнадцатого года, когда многие жители безвластной страны легко соглашались сотрудничать с кем угодно, у немцев в России сохранилось множество агентов (впрочем, как и у англичан, поляков, французов и прочей Лиги Наций). А многочисленные немецкие специалисты, работавшие в СССР, легко осуществляли с этими агентами связь.

Естественно, ОГПУ не могло всего этого не заметить. В одном из циркулярных писем ведомства 20-х годов говорилось, что в последнее время в Советской России появилось огромное количество немецких промышленников, коммерсантов, всевозможных обществ и концессий. «...Личный состав этих предприятий, — отмечалось в циркуляре, — подбирается в большинстве своем из бывших офицеров германской армии и, отчасти, из офицеров бывшего германского генерального штаба. Во главе этих предприятий очень часто мы видим лиц, живших ранее в России, которые до и во время революции привлекались к ответственности по подозрению в шпионаже. По имеющимся и проверенным нами закордонным сведениям, в штабе фашистских организаций Германии имеются точные сведения о состоянии, вооружении, расположении и настроении нашей Красной Армии».

Чекистам вторит бывший германский посол в Москве Брокдорф-Ранцау. Он вспоминает: «По меньшей мере пять тысяч немецких специалистов работали на промышленных предприятиях, рассеянных по всей огромной стране Советов... Эти инженеры были ценным источником информации. Наиболее крупные из них поддерживали тесный контакт с посольством и консульствами. Благодаря им мы были хорошо информированы не только об экономическом развитии страны, но и по другим вопросам, например, о настроении населения и внутренних событиях. Я не думаю, чтобы когда-нибудь любая другая страна располагала столь обширным информационным материалом, как Германия в те годы»⁶¹.

Личные контакты военных играли в этой работе немаленькую роль. Вот какую историю привел в одной из своих работ известный историк

⁶¹ Цит. по: Колесников В. Тайная миссия Нидермайера // Служба безопасности. 1993. № 3–4.

спецслужб Александр Зданович. В 1926 году ОГПУ по своим каналам получило копию доклада германского резидента в СССР Оскара фон Нидермайера. Там, помимо прочего, приводились достаточно секретные данные о Красной Армии, полученные от некоего Готфрида, немца, служившего в РККА. Готфрида вычислили быстро. Оказалось, что на маневрах он познакомился с офицером немецкого генштаба по фамилии Штраус. Завязалась дружба, встречи продолжались и после маневров. Поначалу отношения их были довольно невинными, просто сидели, пили кофе с коньячком, разговаривали... но Готфрид и оглянуться не успел, как стал агентом немецкой разведки.

Штраус-Нидермайер регулярно общался и с более видными работниками РККА. По службе он поддерживал контакты с начальником управления ВВС Петром Барановым, его замом Яковом Алкснисом, начальником военно-химического управления Яковом Фишманом. Часто встречался с Тухачевским, Уборевичем, Якиром, Корком, Блюхером, а также с начальником Разведуправления РККА Арвидом Зейботом и особенно с его преемником Яном Берзиным. Имея изрядный опыт работы, он мог без труда получать достаточно много полезных сведений. А когда фигурантов процессов конца 30-х годов начинали спрашивать о шпионаже, то они часто называли своим вербовщиком Нидермайера.

Впрочем, разведкой работа немцев в России не ограничивалась. До 1926 года во главе рейхсвера стоял генерал Ганс фон Сект, организатор и идеолог советско-германского военного сотрудничества. Однако мыслилось оно ему отнюдь не как равноправный союз двух армий — да и странно было бы говорить о равноправии между хоть и небольшой (согласно Версальскому договору, численность рейхсвера не могла превышать ста тысяч), но выученной и во всех смыслах образцовой германской армией и полуоформленной массой, которую представляла собой в то время РККА. С его подачи рейхсвер активно пытался проводить политику так называемого «идейного сотрудничества» с Красной Армией. Заключалась она в том, чтобы создать единую, общую для обеих армий идеологию, подобно тому, как это позднее было у стран Варшавского договора.

Немцы пытались «воспитывать» русских коллег в соответствии с национальным духом прусской аристократической военщины. До начала Первой мировой войны кайзеровская Германия являлась не просто чрезвычайно милитаризованным государством. Армия, как писал Карл Либкнехт, была «не только государством в государстве, а прямо-таки государством над государством». Офицерский корпус германской императорской армии представлял из себя замкнутую касту и традиционно комплектовался почти исключительно из прусского юнкерства. Идео-

логию единого военно-политического государственного режима в свое время сформулировал генерал фон Сект, и с самого начала сотрудничества немцы усиленно импортировали ее в Россию. Как писал полковник Фишер руководителю «Центр-Москва» Лит-Томсену, «мы (т.е. рейхсвер. — *Авт.*) более всего заинтересованы в том, чтобы приобрести еще большее влияние на русскую армию, воздушный флот и флот».

Семена падали на благодатную почву. Еще бы — с незначительными поправками идеология германской армии в точности совпадала со взглядами Тухачевского и той группы советских военных, которых называли «красными милитаристами». Зато с ней было категорически не согласно штатское руководство СССР, и подобная политика рейхсвера решительно пресекалась... когда ее замечали. Но при том объеме контактов между германскими и советскими военными, который имел место в 20-е годы, бороться с ней было невозможно. До самого прихода к власти Гитлера военные обеих стран активно ездили друг к другу.

Первые подобные контакты относятся еще к 1925 году. Тогда Тухачевский, бывший в ту пору заместителем начальника Штаба РККА, впервые был приглашен на маневры в Германию. Приехал он, само собой, не один, а с некоторым количеством подчиненных. В том же году группа офицеров рейхсвера присутствовала на маневрах РККА. В последующие годы посещения маневров стали основной формой военных контактов и проводились достаточно интенсивно.

Кроме того, широко распространен был так называемый «языковый обмен». С 1929 года рейхсвер финансировал изучение своими офицерами русского языка. Не задумываясь: а зачем это немцам надо? — руководство Красной Армии организовывало поездки офицеров рейхсвера, изучающих русский язык, в Москву, Ленинград и Белоруссию. В свою очередь, наши офицеры, и не из младших чинов, обучались в Германии.

В 1926 году состоялся почин: преподаватели академии им. Фрунзе Свечников и Красильников побывали на академических курсах в Германии. В ноябре 1927 года для уже более серьезной учебы — изучения постановки военного дела — в Германию приехали командующий СКВО командарм 1-го ранга Уборевич, начальник академии им. Фрунзе Эйдеман и начальник III управления Штаба РККА Аппога (все трое — будущие участники военного заговора). Последние двое пробыли в Германии 3,5 месяца, а Уборевич задержался больше чем на год. Они посещали занятия в академии генштаба, бывали в воинских частях, знакомились с техническими новинками, организацией управления и снабжения армии.

В 1928—1929 годах пятеро советских военных высокого ранга — Иона Якир, Жан Зомберг, Василий Степанов, Ян Лацис и Роман Лонгва —

обучались в Военной академии генерального штаба Германии. Первые трое — год, а двое последних — полгода. Особенно понравился немцам Якир: по завершении учебы советский военачальник получил от президента Гинденбурга подарок — книгу Альфреда фон Шлифена «Канны» с дарственной надписью.

В качестве ответного визита генерал-майор Ганс Хальм почти год был гостем Штаба Красной Армии. В апреле 1930 года трое советских командиров (Эдуард Лепин, Михаил Дрейер и Эдуард Агмин) посещают курсы школы сухопутных войск рейхсвера. В аналогичных мероприятиях в 1931 году участвовали Александр Егоров, Павел Дыбенко и Иван Белов. Последняя группа советских офицеров из четырех человек в составе Михаила Левандовского, Виталия Примакова, Ивана Дубового и Семена Урицкого обучалась с осени 1931 года на двухлетних командных курсах рейхсвера. (Кстати, сотрудничество это тщательно скрывалось. Советские офицеры, которые посещали Берлин, обычно приезжали под псевдонимами, проживали на специальных конспиративных квартирах.)

Вполне естественно, что наши офицеры, учившиеся у немецких теоретиков и инструкторов, вместе со специальными знаниями незаметно для себя впитывали и идеологию прусского офицерства. Этим усилиям подыгрывали и наши идеологические службы. Потому что при том культе армии, который существовал в СССР в 30-е годы, мудро было не переборщить с восхвалениями.

Связи рейхсвера и РККА были шире, чем кажется на первый взгляд, — ведь ездили не рядовые, а командиры, занимающие генеральские должности. Причем контакты, естественно, не ограничивались официальными мероприятиями. Личное общение, приемы и ужины, прогулки и дружеские попойки, во время которых за долгими разговорами на полупьяную, а чаще совсем пьяную голову добывалась информация, прощупывалась почва, устанавливались связи.

После прихода к власти Гитлера официальные контакты между армиями были прерваны. Однако неофициальные продолжались — так, еще в 1936 году Уборевич ездил в Германию на маневры, по поводу чего фюрер кричал на съезде НСДАП в Мюнхене, что его генералы пьянствуют и водятся с коммунистическими генералами. Ну, а разведка вместе со всеми агентами просто перешла по наследству от веймарской Германии к Третьему рейху: от рейхсвера к вермахту, и от вермахта — к Гитлеру.

Главный «германofil» Красной Армии

Первые контакты Тухачевского с германскими военными радости ему, как известно, не принесли. Вторые начались в августе 1922 года, когда он отправился в Берлин налаживать военное сотрудничество, теперь уже

совершенно в другом статусе. Соответственно, прием тоже был другим, и с тех пор он поддерживает с немцами самые теплые отношения. Уже в 1925 году Тухачевский едет на маневры рейхсвера — инкогнито, поскольку советско-германские связи в то время не афишировались. Советские военачальники приехали под видом болгар (кстати, отсюда, по всей видимости, и фамилия «Тургуев»). И с тех пор он регулярно общается с немцами, а с Нидермайером его связывает дружба. Может ли быть бескорыстной дружба аса разведки с крупным военачальником страны, которую он активно разрабатывает — этот вопрос оставим на усмотрение читателя.

Немцы высоко ставили Тухачевского, хотя его человеческие качества оценивали по-разному. «Тухачевский, гвардии подпоручик старой армии, чрезвычайно умен и честолюбив», — писал встречавшийся с ним в марте 1928 года полковник Миттельбергер. Другой офицер, полковник Мирчински, посчитал его попросту тщеславным и высокомерным позером. Забавно, что обе оценки верны. (Впрочем, Тухачевский мог быть совершенно разным в зависимости от того, насколько ему нравился собеседник.)

Сам Михаил Николаевич с самого начала нисколько не скрывает своего отношения к рейхсверу — от искренне доброжелательного до открыто восторженного. И то верно: любитель устава, служака, брошенный волею судьбы в ту полуорганизованную массу, которой была тогда Красная Армия, просто не мог не восхищаться немцами, хотя и критиковал их жестоко за косность и приверженность устаревшим методам ведения войны.

После прихода Гитлера к власти его отношение не изменилось. В мае 1933 года, когда в СССР приехал генерал Боккельберг, во время завтрака Тухачевский пожелал Германии как можно скорее занять воздушный флот в составе 2 тысяч бомбовозов, чтобы выйти из затруднительной политической ситуации.

И той же весной 1933 года, когда уже оставались считанные недели до резкого похолодания отношений между двумя странами, уже чувствуя этот холод, он говорил: «Нас разлучает ваша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной Армии к рейхсверу». Сказал он и еще кое-что, поважнее. На прощальном приеме Тухачевский заявил: «Всегда думайте вот о чем: вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если будем вместе».

Зато как все было иначе, когда приходилось иметь дело с французами. С немцами веселились вовсю, так что немецкий военный атташе в своих рапортах в Берлин возмущался «свинским» пьянством германских генералов на банкетах, которые организовывал для них заместитель наркома. Зато французский военный атташе нашел у него совсем иной

прием. «Представление вице-комиссару обороны Тухачевскому, — писал он. — Прием корректный, но холодный. По истечении нескольких минут Тухачевский перестал поддерживать беседу»⁶².

А вот у Ворошилова и Буденного все было наоборот. У наркома французы нашли самый радушный прием, зато к немцам он относился куда хуже. «Мы никогда не забывали, что рейхсвер с нами “дружит”, (в душе ненавидя нас), лишь в силу созданных условий...» — писал он полпреду в Берлине. Другое дело, что и Франция, как выяснилось, «дружила» с Советским Союзом абсолютно так же...

Конечно, протокол обязывал, и Тухачевскому пришлось в конце концов смирить нрав и вести себя с французами как подобает, но особых симпатий там не было никогда.

...С 1933 года ему приходилось разрываться между двумя ролями. С одной стороны, он, как одно из высших лиц Красной Армии, должен был готовить эту армию к войне с Германией — и чем дальше, тем более определенно именно с Германией. С другой, его отношение к германской армии оставалось неизменным. Об этом приходилось молчать, а молчать для этого человека было трудно. Дело кончилось тем, что эмоции маршала вырвались на свободу, перепугав всю европейскую общественность.

В январе 1936 года умер английский король Георг V. В составе советской делегации на его похороны присутствовал и Тухачевский. Поездка была основательной: кроме Лондона, «красный маршал» побывал еще и в Париже, общался с большим количеством людей. Вел он себя за границей достаточно странно, так что и по сей день неясно, с какой миссией его посылал Сталин, а что он добавил от себя.

Во время поездки Тухачевский два раза останавливался в Берлине — на пути туда и обратно — и, по-видимому, успел много что увидеть. Французская журналистка Ж. Табуи была на обеде в советском посольстве и вспоминала: «Он только что побывал в Германии и рассыпался в пламенных похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он, не переставая, повторял: “Они уже непобедимы, мадам Табуи!” ... В тот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: “Надеюсь, что не все русские думают так”».

В Париже восторги продолжались. В разговоре с румынским министром иностранных дел Тухачевский сказал: «Напрасно вы, господин министр, связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы

⁶² Цит. по: *Минаков С.* Сталин и его маршал. С. 469.

должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех». Генерал Гамелен тоже вспоминал, что Тухачевский особенно не скрывал, что поддерживает отношения с руководством немецкой армии, причем говорил об этом на обеде, в достаточно широком кругу.

Ну, и как все это прикажете понимать? Сталин решил припугнуть европейские державы, чтобы были поговорчивее, что ли? Судя по тому, что перед поездкой Тухачевского инструктировали Сталин, Молотов, Ягода и начальник ИНО НКВД Слуцкий, миссия его была весьма разнообразна, однако вряд ли в нее входила пропаганда немецких достижений...

Впрочем, в этой поездке было много интересного. По свидетельству Геринга, во время короткой остановки в Берлине по пути в Лондон Тухачевский пытался встретиться с Гитлером и военным министром Германии фельдмаршалом фон Бломбергом, с которыми они были знакомы еще с 20-х годов. Однако Гитлер не принял советского маршала и не позволил никому из военных с ним встречаться (тем не менее, судя по восторженным речам Тухачевского, пообщаться генералы успели, и весьма плодотворно).

На обратном пути Тухачевский снова остановился в Берлине, и в июле 1936 года появились агентурные сообщения различных разведок о том, что ему удалось наладить контакты с Розенбергом. И тогда же, в Берлине, по сообщениям немецкой разведки, он встречался с представителями РОВС, пытаясь использовать и их связи для контакта с нацистским руководством. И начиная с 1936—1937 годов в разведдонесениях о контактах «военной партии» стали говорить уже не о рейхсвере, а о Гитлере или о германском правительстве.

«План поражения»...

1936 год был для заговорщиков переломным. «Дворцовый переворот» провалился, школу ВЦИК, которую предполагали использовать в качестве грубой силы, из Кремля вывели. С другой стороны, Германия активно вооружалась при попустительстве остальной Европы, а Гитлер еще в «Майн кампф» недвусмысленно дал понять, против кого он намерен обратить свою растущую армию.

На следствии Тухачевский рассказывал:

«В зиму с 1935 на 1936 г. я имел разговор с Пятаковым, в котором последний сообщил мне установку Троцкого на обеспечение безусловного поражения Советского Союза в войне с Гитлером и Японией... Эти указания говорили о том, что необходимо установить связь с немцами,

чтобы определить, где они собираются двинуть свои армии и где надлежит готовить поражение советских армий».

Связь с немцами надо было не устанавливать, а всего лишь восстановить после очень недолгого перерыва (если она вообще прерывалась). И тут, как по заказу, на сцене появляется еще один персонаж — генерал Рунштедт.

«В конце января месяца 1936 г. мне пришлось поехать в Лондон на похороны английского короля. Во время похоронной процессии, сначала пешком, а затем поездом, со мной заговорил генерал Рунштедт — глава военной делегации от гитлеровского правительства. Очевидно, германский генеральный штаб уже был информирован Троцким, т.к. Рунштедт прямо заявил мне, что германский генеральный штаб знает о том, что я стою во главе военного заговора в Красной Армии и что ему, Рунштедту, поручено переговорить со мной о взаимно интересующих нас вопросах. Я подтвердил его сведения о военном заговоре и о том, что я стою во главе его. Я сказал Рунштедту, что меня очень интересуют два вопроса: на каком направлении следует ожидать наступления германских армий в случае войны с СССР, а также в котором году следует ожидать германской интервенции. Рунштедт уклончиво ответил на первый вопрос, сказав, что направление построения главных германских сил ему неизвестно, но что он имеет директиву передать, что главным театром военных действий, где надлежит готовить поражение красных армий, является Украина. По вопросу о годе интервенции Рунштедт сказал, что определить его трудно».

Странностей в этих показаниях много. Во-первых, роль Троцкого. Либо она куда более значительна, чем мы привыкли думать, либо Тухачевский прячется за «демона революции», изображая себя хоть и заговорщиком, но не на первых ролях. Во-вторых, присутствие генерала Рунштедта. Это прусский юнкер, солдат до мозга костей, и поручать ему разведывательную миссию более чем странно. Может быть, Тухачевский говорил с кем-то другим? Но зачем ему в этом врать? Выставить впереди себя Троцкого — это понятно, а какая разница, с кем из немцев он разговаривал в Лондоне? Другое дело, если они были хорошо знакомы... И третий вопрос: кто поручил генералу Рунштедту беседовать с Тухачевским? Вопрос, как мы увидим несколько ниже, далеко не странный и не праздный. И что любопытно: именно генерал Рунштедт в 1941 году командовал группой армий «Юг», шагавшей по Украине. Совпадение?

Да и сам разговор удивляет — неужели Тухачевский на самом деле рассчитывал получить от генерала ответ на такие вопросы? И зачем ему

вообще нужны были эти ответы? Как мы увидим дальше, он прекрасно все понимал и без Рунштедта, и отлично знал, как и куда намерены двигаться немцы.

Но, как бы то ни было, именно после этой поездки заговорщики начали «военное планирование».

Из показаний Тухачевского:

«В апреле происходила в Москве стратегическая военная игра, организованная Генеральным штабом РККА. Якир, по заданию игры, командовал польскими, а я германскими армиями...»

Поляки? А эти еще откуда взялись?!

Поляки взялись со своей территории. До 1939 года у СССР и Германии не было общей границы, их разделяла Польша. Впрочем, диктатор Польши Юзеф Пилсудский еще с 1933 года выказывал себя сторонником Гитлера и даже помогал фюреру в некоторых маленьких провокациях. В 1935 году он умер, польская политика стала более хаотичной, но не настолько, чтобы сомневаться в том, на чьей стороне будет Варшава в грядущей войне. Поэтому в советском военном планировании сценарий будущей войны мыслился как интервенция союзных германской и польской армий.

«...Эта игра дала нам возможность продумать оперативные возможности и взвесить шансы на победу для обеих сторон как в целом, так и на отдельных направлениях, для отдельных участников заговора. В результате этой игры подтвердились предварительные предположения о том, что силы (число дивизий), выставляемые РККА по мобилизации, недостаточны для выполнения поставленных ей на западных границах задач.

Допустив предположение, что главные германские силы будут брошены на украинское направление, я пришел к выводу, что если в наш оперативный план не будут внесены поправки, то сначала Украинскому, потом и Белорусскому фронтам угрожает весьма возможное поражение. Если же к этому добавить вредительские действия, то эта вероятность еще более вырастет.

Я дал задание Якиру и Уборевичу на тщательную проработку оперативного плана на Украине и в Белоруссии и разработку вредительских мероприятий, облегчающих поражение наших войск...»⁶³

⁶³ Извините, конечно, но следователю НКВД того времени, с его неполным средним образованием, такого не выдумать. Они хоть знали, что такое «оперативный план», или ограничивались термином «вредительство»? Или им Ворошилов конспекты протоколов писал? Не годится, показания-то собственноручные...

В деле есть собственноручно написанный Тухачевским так называемый «План поражения» — подробный сценарий начального периода будущей войны с объяснением, почему при таком расположении войск Красную Армию ждет неминуемый разгром. Точнее, «планов поражения» на самом деле два — есть еще и план Уборевича. Тухачевский с ним спорит и на него ссылается. Но о втором мы знаем лишь то, что он существует.

Игра состоялась весной. А осенью 1936 года на военные маневры вермахта отправился командарм 1-го ранга И.П. Уборевич.

Уборевич также являлся убежденным «герmanoфилом». Осенью 1927 года он отправился на учебу в Германию и пробыл там тринадцать месяцев. Немцы оценили талант русского военачальника и очень серьезно отнеслись к его обучению, так что он вернулся домой поклонником рейхсвера и немецких генералов «старой школы», этих поражающих воображение прусских аристократов. Вернувшись из Германии, 19 ноября 1929 года Уборевич стал начальником вооружений РККА и принялся модернизировать армию по германскому образцу времен Первой мировой войны.

Программа Уборевича не удалась — но не в этом суть. Нам интересно то, что, будучи начальником вооружений, он завязал еще более широкие контакты с немецкими военными, тем более что характер у него был все же получше, чем у «красного Бонапарта».

Что любопытно: поездка 1936 года, так возмутившая Гитлера, состоялась по инициативе Уборевича, который в том же январе просил устроить ее помощника германского военного атташе в Варшаве, профессионального разведчика майора Кинцеля. При этом он заявил, что желает обсудить с немецкими генералами некие важные военные и политические вопросы. Уборевич к тому времени был всего лишь командующим Белорусским военным округом, и какие военные, а тем более политические вопросы он мог обсуждать с германскими генералами через головы наркома и Сталина? Весьма странно, не правда ли, когда командующий округом договаривается с помощником военного атташе о приглашении на маневры — и приглашение на самом деле имеет место! Как хотите, но это не похоже на официальные контакты, зато очень похоже на встречу двух представителей неких тайных организаций.

«Как уже отмечалось выше, — пишет раскопавший эту историю А. Мартиросян, — Уборевич попал в Германию осенью 1936 г. на военные маневры в Бад-Киссингене, но в таком случае получается, что запрашивался он неофициально, а пригласили-то его — официально. А учитывая, что начальник Управления внешних связей наркомата обороны — Геккер — “загребел” по одному с Тухачевским делу, выходит, что это была за-

ранее просчитанная операция: в ответ на неофициальную просьбу немцы официально приглашают, а УВС уже своей властью определяет заранее выбранную кандидатуру».

Гитлер не стал лучше относиться к Советскому Союзу. Зато с осени 1936 года, как раз после визита Уборевича, многие разведки отметили всплеск просоветских настроений в вермахте. Немецкие военные вдруг заговорили о том, что с Красной Армией можно «договориться».

Той же осенью 1936 года советский военный атташе в Берлине командир А.Г. Орлов на одном из дипломатических приемов, обращаясь к генералу Фричу, произнес тост. Сказал он примерно следующее: «Армия СССР готова завтра сотрудничать с Гитлером, пусть лишь Гитлер, партия и германская внешняя политика совершат поворот на 180°, а союз с Францией отпадет. Это могло бы случиться, если бы, например, Сталин умер, а Тухачевский и армия установили военную диктатуру». О чем присутствовавший на приеме агент британской разведки тут же и доложил своему шефу..

Воистину, вино и конспирация — две вещи несовместные...

Итак, о чем именно могли немцы «договориться с Красной Армией»? Ради чего собирался «красный Бонапарт» устанавливать военную диктатуру? Чем именно хотел он осчастливить страну?

Из заявления И.П. Уборевича, адресованного наркому внутренних дел 9 июня 1937 года.

«Тухачевский начал разговор с темы о предстоящей войне, обрисовав мне внутреннее и внешнее положение Советского Союза как совершенно неустойчивое. Подчеркнул, что между тем германский фашизм изо дня в день крепнет и усиливается. Особый упор он делал на развертывание в Германии могущественной армии, на то, что на решающем Западном фронте немецкие войска будут превосходить Красную Армию в полуторном размере, поэтому разгром Красной Армии, по его мнению, неизбежен. Тогда же Тухачевский мне заявил, что мы не только должны ожидать поражения, но и готовиться к нему для организации государственного переворота и захвата власти в свои руки для реставрации капитализма. Прямо на карте Германии, Польши, Литвы и СССР Тухачевский рисовал варианты возможного развертывания германских армий... при этом он указал, что развертывание Красной Армии во время войны надо будет строить так, чтобы облегчить задачу ее поражения».

При реставрации капитализма наши герои, надо полагать, внакладе бы не остались. Конечно, основные богатства Советского Союза расхватили бы немцы и американцы, но и на долю мятежных генералов оставалось достаточно, чтобы не только дети, но и внуки оказались в числе богатей-

ших людей Европы. А там, глядишь, и корону можно будет нацепить — почему нет? Пусть не российский император — но «царь московский» тоже неплохо звучит..

Но вернемся к плану поражения. Надо полагать, на следующих допросах Тухачевский еще более разговорился, потому что Буденный в своей докладной пишет:

«От генерала Румшtedта Тухачевский получил указание, чтобы в пораженческом плане были предусмотрены вероятные направления главных ударов германских армий: одно на Украине — Львов, Киев и второе — захват повстанцами Ленинграда, что было бы наиболее выгодно Германии, так как последняя может оказать помощь повстанцам своей довольно значительной авиацией, причем эта авиация должна была рекламироваться как авиация, перешедшая со стороны красных войск к повстанцам.

Кроме помощи авиацией предполагалась помощь Германии в вооружении и всем необходимым для успешного развития операции по захвату Ленинграда. Подсудимые хотя и заявили о том, что они пораженческого плана германскому Генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть, не столь подробный, все же германской разведке был передан. Это облегчалось тем, что Кестринг почти постоянно находился в Москве и мог его получить тотчас же по окончании оперативной военной игры Генштаба РККА. Не обязательно было передавать письменный материал, когда это можно было сделать и на словах».

Смотрите, как интересно! Совсем другой сценарий войны. Неизменным остался только удар по Украине. Группы армий «Центр» нет вовсе — по-видимому, Белоруссия должна достаться Польше. В Ленинграде поднимается восстание, которому немцы «оказывают помощь авиацией». Какую именно, кстати? Единственное, что они смогли бы — это бомбить идущие на подавление и не присоединившиеся к повстанцам воинские части.

Впрочем, такие восстания всегда поднимаются навстречу подходящим войскам — иначе они обречены. Никакие бомбежки не могут помешать даже оставшимся верными присяге частям ЛВО, не говоря уже о подкреплениях, раздавить изменников, как тараканов. Немцы должны были за считанные дни подвести свои войска к Ленинграду. Каким образом? Сговориться с Финляндией? Но Маннергейм наверняка захочет прибрать Ленинград себе. Остается путь через Прибалтику. Буденный, прекрасно это понимавший, пишет:

«4. Будет ли использована территория нейтральных во время войны Прибалтийских государств для сосредоточения и удара германских армий по правому флангу наших армий Западного фронта? Мне кажется, этот

вопрос сомнений не вызывает. Я считаю, что немцы этим, безусловно, воспользуются. Все данные разведывательного характера, с которыми я имел возможность знакомиться, говорят именно за это. Достаточно даже бегло изучить аэродромную сеть Латвии, Литвы и Эстонии, форсированно развивающуюся последние годы, чтобы понять, что эти аэродромы как по количеству, так и емкость их не рассчитаны на малочисленную авиацию Прибалтийских государств, а рассчитываются на многочисленную авиацию Германии. Поэтому я считаю необходимым еще раз просмотреть оперативно-стратегические планы и наметить вытекающие отсюда мероприятия».

И особенности штабной игры 1936 года, о которых говорилось на процессе, свидетельствуют, что заговорщики тоже понимали все эти моменты — поскольку заложили в условия игры нейтралитет прибалтийских государств, которого на самом деле быть не могло. Если бы, как в игре, Прибалтику не прикрывали войсками, судьба Ленинграда решилась бы за несколько дней.

Не зря после подписания пакта Молотова — Риббентропа третье, что сделало советское правительство после возвращения Западной Украины и Западной Белоруссии и финской войны — это убрало «рельсы до Ленинграда». И сама возможность все это сделать без протестов с немецкой стороны уже показывает, что пакт был куда более весомой дипломатической победой, чем принято думать...

...Или «двойной заговор»?

Мы уже отметили странность в лондонском визите Тухачевского 1936 года — а именно то, что для разговора с ним был избран совершенно неподходящий человек, генерал Рунштедт. Но еще более неподходящий человек выполнял аналогичную миссию в случае с советским наркомом внутренних дел Ежовым.

Интереснейшие показания дал после своего ареста гражданин Ежов — они приведены в опубликованном недавно секретном письме Берии к Сталину⁶⁴. Оно конечно, у нас априори все следственные дела считаются фальсифицированными, а показания выбитыми — но я, хоть убейте, не возьму в толк, зачем Берии понадобилось посылать Сталину в совершенно секретном порядке заведомую туфту. На согласование, что ли? Зачем, с какой целью и что тут согласовывать? Чай, не газетная статья, а протокол

⁶⁴ Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006. С. 52–72.

допроса, штука секретная и оглашению не подлежащая. Не говоря уже о том, что за этим наркомом фальсификации дел и вовсе не водилось.

А вот то, что молодого советского чиновника в германском санатории прихватили на бабе и, угрожая скандалом, завербовали — в такое верится сразу, ибо до неприличия банально...

И вот смотрите, что «железный нарком» рассказывает о своем последующем сотрудничестве с германской разведкой. А то, что он рассказывает, и вправду захватывает дух...

В 1936 году Ежов по совету своего немецкого куратора доктора Энглера отправился на лечение в санаторий в Мерано.

«Перед поездкой в Мерано Энглер сказал, что со мной там будет иметь разговор человек, которому по разведывательной работе подчинен и сам Энглер. Дня через 3—4 после моего приезда в Мерано туда же приехал бывший торгпред в Германии Канделаки, страдавший сахарной болезнью...

На пятый или шестой день моего пребывания в Мерано Канделаки мне сообщил, что в наш санаторий приехал видный немецкий генерал Гаммерштейн в сопровождении польского министра торговли, фамилию которого я сейчас не помню.

Вслед за Гаммерштейном в Мерано прибыл и Энглер... Доктор Энглер представил меня Гаммерштейну...»

Это и есть шокирующая новость. Дело в личности человека, ведающего разведывательными делами рейха на русском направлении.

Генерал Курт фон Хаммерштейн-Экворд в 20-е годы, наряду с будущим канцлером Германии Куртом фон Шлейхером и будущим послом в Японии Ойгеном Оттом, входил в ближайшее окружение генерала фон Секта, одного из тех, кто налаживал советско-германское сотрудничество. Во второй половине 20-х годов он стал начальником войскового отдела рейхсвера, выполнявшего функции германского генштаба. Официально он, как и его близкий друг Шлейхер, сейчас считается убежденным противником Гитлера, но на самом деле все было сложнее. Будущий фюрер Адольф Гитлер и будущий канцлер генерал Шлейхер в начале 30-х годов исполняли нечто вроде кадрили: каждый стремился использовать другого в качестве ступеньки на собственном пути к власти. Фюрер хотел подчинить себе армию, военные мечтали остаться «государством в государстве», а если получится, и установить военную диктатуру. Выиграл, как известно, Гитлер. Шлейхер не пережил «ночи длинных ножей», Хаммерштейн-Экворд пережил, однако оказался в отставке и до 1939 года, когда его вновь призвали в армию, занимался непонятно чем. Известно, что он участвовал чуть ли не во всех заговорах против Гитлера и был категори-

чески против войны с Россией. И этот человек руководил шпионской работой против СССР?

Либо Ежов темнит, называя не то имя — но зачем ему? Либо, если это правда, то встает вопрос: а на кого работал Энглер и, соответственно, Ежов?

На следствии бывшего наркома спросили и об этом:

«Вопрос: От имени кого говорил с вами Гаммерштейн?

Ответ: От рейхсверовских кругов Германии. Дело в том, что еще до прихода Гитлера к власти о Гаммерштейне было создано мнение как о стороннике сближения германской армии с Красной Армией. В 1936—1937 гг. Гаммерштейн был отведен от непосредственной работы в рейхсвере, но так как он больше других германских генералов располагал связями среди военных работников СССР, то ему и было поручено ведение т.н. “русских дел”».

И опять же: кем поручено? В 1936—1937 годах германские военные круги были далеко не так безоговорочно преданы Гитлеру. Преданность пришла позже, после первых крупных побед, и ушла после крупных поражений. А до 1938 года значительная часть генералов считала его опасным авантюристом, в генеральской среде существовал заговор, и его участники всерьез рассматривали возможность ареста фюрера. Так что Германия генерала Хаммерштейна и Германия Гитлера вполне могли быть двумя разными государствами. Могли, впрочем, и не быть. Не стоит переоценивать немецкое дружелюбие: Россия и этим немцам была нужна исключительно для реализации собственных планов.

Генерал Курт фон Шлейхер был другом Хаммерштейна-Экворда, доверенным лицом Ганса фон Секта и убежденным «восточником», т.е. сторонником дружбы с Россией. Тем не менее 23 июня 1932 года, когда он был военным министром Германии, советская разведка получила из Берлина сообщение: «Генерал Шлейхер и командование рейхсвера считают момент для интервенции против России назревшим. Генерал Шлейхер стоит за то, что интервенция должна быть начата еще в этом году. Внутренние трудности Советского Союза настолько велики, что уже факт объявления войны может привести к антикоммунистическому перевороту... В стране установится военная диктатура, которая свергнет Сталина».

Насчет трудностей — это верно подмечено. Но почему именно военная диктатура? В СССР и без военных было достаточно желающих порулить. Немецкие генералы что-то знали?

С учетом того, что генерал фон Сект считал высшей формой правления военную диктатуру, а фон Шлейхер являлся его верным последователем, версия о «двойном заговоре» советских и немецких военных против своих правительств становится вполне вероятной. Тогда и генерал Рунштедт

в этой истории на своем месте. И если Тухачевский был связан не с немецким правительством, а с немецкими военными заговорщиками, его показания становятся до ужаса логичными. Скинуть забравшихся на главные посты партийных функционеров, установить две дружественные диктатуры и показать всему миру большую козу.

Но, как уже было сказано, не стоит переоценивать любовь немецких генералов к России и их неприязнь к Гитлеру. Ни то, ни другое не мешало даже «восточникам» ни служить в вермахте, ни готовить войну против Советского Союза. Они не любили Гитлера как опасного авантюриста, но по мере его успехов и усиления гитлеровской Германии даже самые высокомерные бароны становились все более и более лояльными, и не было ничего странного в том, чтобы они поставили свои знания и связи на пользу своему Рейху. По крайней мере, из показаний Ежова это следует.

«...Весной 1936 года из Германии в Москву приехал Канделаки, встретившись со мной, он передал привет от Гаммерштейна и прямо повел со мной разговор о том, что, будучи тесно связан с германскими правительственными кругами в лице Геринга, он слышал из авторитетных источников, что моему политическому, как он выразился, сотрудничеству с немцами придается большое значение...

Вопрос: Что вам конкретно говорил Канделаки о своей связи с Герингом?

Ответ: В одну из встреч со мною, в конце 1936 или начале 1937 года, Канделаки мне сообщил, что он через Гаммерштейна связался с Герингом...»

Дальше речь идет о делах экономических, и суть поручения, которое дал Геринг Ежову, нас не интересует. Существенно здесь лишь то, что с Герингом связь была установлена через генерала Хаммерштейна-Экворда. А значит, к тому времени «военная партия» Германии уже работала в одной упряжке с гитлеровским правительством, которому перешли и связи с заговорщиками.

Впрочем, и так ясно, что генералы не могут объявить войну сами по себе. Войны объявляют правительства. И если даже немецкие военные и собирались когда-то свергнуть свое правительство, то ведь время идет... Как показала практика, победоносный Рейх фюрера немецкий военных вполне устраивал...

Продолжение следует...

Есть в воспоминания Кривицкого...

Есть в документах, относящихся к «делу Тухачевского», один довольно любопытный. Не то чтобы там содержались какие-то интересные све-

дения — в информационном плане это чистый лист бумаги. Нет, он по-человечески показателен.

Это докладная записка члена судебного присутствия, командарма 1-го ранга Белова. В отличие от Буденного, который докладывает и анализирует, Белов только и делает, что изливает на уже расстрелянных подсудимых потоки ненависти и, бия себя в грудь, заявляет о своей лояльности.

«...Когда я увидел этих мерзавцев в зале суда, меня затрясло. Зверь проснулся во мне, мне хотелось не судить их нашим советским судом, а бить и бить до остервенения...

Ненависть бушевала к ним, но не без злобы думал и о себе. Сотни ведь раз и верней тысячу думал и говорил многим товарищам, что это подлецы и не от злобы, а в результате анализа их отношения к делу и поведения...

В чем дело, почему я оказался таким же политически близоруким человеком, как и другие? Этот вопрос меня волновал и злоба на себя клочкотала... И начинал писать я не один раз, но писал и рвал не посылая. Все казалось, что буду выглядеть склочником. Ответ сам себе я окончательно дал такой: я гражданский трус.

Буржуазная мораль трактует на все лады — «глаза человека — зеркало его души». На этом процессе за один день, больше чем за всю свою жизнь, я убедился в лживости этой трактовки. Глаза всей этой банды ничего не выражали такого, чтобы по ним можно было судить о бездонной подлости сидящих на скамьях подсудимых...

...Тухачевский старался хранить свой «аристократизм» и свое превосходство над другими, начиная с прекрасного английского костюма, с дорогого тонкого галстука, кончая посадкой головы и точностью выражений. Пытался он демонстрировать и свой широкий оперативнотактический кругозор. Якир и на процессе играл в свой подлый демократизм. Он пытался бить на чувства судей некоторыми напоминаниями о прошлой совместной работе и хороших отношениях с большинством из состава суда. Он пытался и процесс завести на путь его роли, как положительной, и свою предательскую роль свести к пустячкам...

Уборевич растерялся больше первых двух. Это выражалось уже и в одежде. Он выглядел в своем штатском костюмчике, без воротничка и галстука, босяком. Исчезли обычная надменность фигуры и лица, — фигура превратилась в фигурку, лицо, совсем небольшое и раньше, превратилось в сморщенный грибок. Он старался тоже подать свою роль в большом плане, но у него из этого ничего не вышло, кроме жалкой потуги... (За десять лет до того Белов служил с Уборевичем, был его заместителем и сменил его на посту командующего Северо-Кавказским военным округом. Это информация к размышлению, не более того... — *Авт.*)

...Фельдман старался бить на полную откровенность. Упрекнул своих собратьев по процессу, что они, как институтки, боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным, а здесь хотят превратить это в легальное общение с иностранными офицерами. Голос у него был почти в порядке, но фигура была обмякшей больше, чем у предыдущих подсудимых. Она сделалась почти в два раза тоньше. Тов. Блюхер даже спрашивал у т. Леплевского, какой у него рецепт питания для арестованных и нельзя ли этим рецептом воспользоваться ему?»

Какой слог! Союз советских писателей вкупе с редакцией газеты «Правда» нервно курят в сторонке. Да и товарищ Блюхер тоже хорош со своими шуточками. И ведь накликал — через год и ему придется воспользоваться рецептами питания НКВД...

Вам это ничего не напоминает? Именно! Так же клеймили осенью 1936 года «троцкистских убийц и предателей» Радек, Пятаков, Бухарин и другие заговорщики, пока остававшиеся на свободе. Белов озабочен не судьбой страны и армии, как Буденный, а исключительно демонстрацией собственной преданности. Уже повод к нему присмотреться — с чего это вдруг товарищ так распинается?

Еще одна история о Белове проскользнула в воспоминаниях Эренбурга. «Помню страшный день у Мейерхольда. Мы сидели и мирно разглядывали монографии Ренуара, когда к Всеволоду Эмильевичу пришел один из его друзей, комкор И.П. Белов. Он был очень возбужден, не обращал внимания на то, что, кроме Мейерхольдов, в комнате Люба и я, начал рассказывать, как судили Тухачевского и других военных... “Они вот так сидели — напротив нас. Уборевич смотрел мне в глаза”. Помню еще фразу Белова: “А завтра меня посадят на их место”».

Откуда такая уверенность, что он тоже окажется «на их месте»?

И ведь в самом деле оказался, и не один, а еще с четырьмя товарищами по трибуналу. Сейчас все они числятся невинно репрессированными — но какие у нас основания так полагать?

Вернемся, однако, к показаниям Ежова. Рассказывая о встрече с Хаммерштейном-Эквордом в Мерано в 1936 году, бывший нарком сообщает:

«...Далее Гаммерштейн меня поставил в известность о весьма серьезных, по его словам, связях, которыми располагают немцы в кругах высшего командования Красной Армии, и сообщил о существовании в Советском Союзе нескольких военно-заговорщических групп.

Гаммерштейн говорил мне, что ряд крупных военных работников недоволен создавшимся положением в СССР и ставит своей целью изменение внутренней и международной политики Советского Союза.

Советское правительство при его нынешней политике, продолжал Гаммерштейн, неизбежно приведет СССР к военному столкновению с капиталистическими государствами, тогда как этого можно вполне избежать, если бы Советский Союз, идя на уступки, мог “притереться” к европейской системе».

О каких «уступках» идет речь, мы уже знаем — реставрация капитализма, полная ликвидация сложившегося в Советском Союзе социального государства, территориальные «подарки», передача экономики западным «инвесторам» (или как там они в то время назывались) и в конечном итоге не только возрождение капитализма, но и становление на этой территории колониальной системы. Да и генералы, бегающие от войны, как-то не вызывают уважения. Зачем им тогда петлицы — шли бы в письмоводители...

«...Я... спросил его, насколько серьезны связи руководящих кругов Германии с представителями высшего командования Красной Армии.

Гаммерштейн ответил: “С нами связаны различные круги ваших военных. Цель у них одна, но, видимо, точки зрения разные, никак между собой договориться не могут, несмотря на наше категорическое требование”...

...Гаммерштейн предложил мне связаться с этими военными кругами, и в первую очередь с Егоровым. Он заявил, что Егорова знает очень хорошо, как одну из наиболее крупных и влиятельных фигур среди той части военных заговорщиков, которая понимает, что без германской армии, без прочного соглашения с Германией не удастся изменить политический строй в СССР в желаемом направлении».

Значит ли это, что существовали и заговорщики, которые собирались менять политический строй без соглашения с Германией? Интересно, кто именно и какие у них были планы?

Егоров — не просто генерал, а с самой верхушки. Не больше, не меньше, как начальник Генерального штаба и личный знакомый Сталина еще по Гражданской войне. В 1920 году они оба воевали на Юго-Западном фронте: Егоров — комфронта, Сталин — член Военного совета.

«Вот и закачались
В прозелень травы
Я — военспецом,
Военкомом — вы...»

Летом 1938 года Сталин не дал согласия на расстрел Егорова, единственного из предложенного ему списка высших персон Советского Союза, включавшего 139 фамилий. Через полгода, уже при Берии, все-

таки согласился. А Берия — не Ежов, Берия просто так на расстрел не отправлял...

Но продолжим:

«Гаммерштейн предложил мне через Егорова быть в курсе всех заговорщических дел и влиять на существующие в Красной Армии заговорщические группы в сторону их сближения с Германией, одновременно принимая все меры к их “объединению”. “Ваше положение секретаря ЦК ВКП(б) вам в этом поможет”, — заявил Гаммерштейн...»

Зимой 1936 года Егоров позвонил Ежову и сказал, что хочет с ним поговорить по важному делу. Через несколько дней их встреча состоялась.

«Егоров... подробно рассказал о существовании в РККА группы заговорщиков, состоящей из крупных военных работников и возглавляемой им — Егоровым.

Егоров далее назвал мне в качестве участников возглавляемой им заговорщической группы: Буденного, Дыбенко, Шапошникова, Каширина, Фелько, командующего Забайкальским военным округом, и ряд других крупных командиров, фамилии которых я вспомню и назову дополнительно».

Тут что странно: если Дыбенко и Каширин были репрессированы еще при Ежове, так что можно хотя бы предположить (вряд ли, ибо дела на крупных военачальников находились на контроле у Сталина), что они пострадали безвинно, то Фелько и сам Егоров были расстреляны уже в феврале 1939 года, при Берии, когда ни о какой фальсификации дел и речи не было. А Буденный и Шапошников, проходившие, кстати, не только по показаниям Ежова, не арестовывались вовсе. Может, они и были теми людьми, которые помогли раскрыть заговор? Тем более присутствие «франкофила» Буденного в ориентированном на Германию заговоре удивляет...

«Дальше Егоров сказал, что в РККА существуют еще две конкурирующие между собой группы: троцкистская группа Гамарника, Якира и Уборевича и офицерско-бонапартистская группа Тухачевского...»

Я передал Егорову, что Гаммерштейн видит в качестве одной из основных наших задач — объединение всех военно-заговорщических групп в единую мощную организацию для более успешного осуществления планов антисоветского заговора...»

Судя по материалам «дела Тухачевского», две остальные группы уже успели объединиться (или относительно недавно «разбежались»). Впрочем, Егоров мог этого и не знать. Но при такой конспирации заговор был просто обречен на провал!

«Егоров сообщил мне, что и он связан по шпионской работе с Гаммерштейном, что эту связь осуществляет через военного атташе при гер-

манском посольстве в Москве Кестринга. Затем Егоров обещал и меня связать с Кестрингом, что произошло в том же 1936 году..

...Кестринг передал мне, что мое назначение наркомом внутренних дел открывает перспективы “объединения всех недовольных существующим строем, что, возглавив это движение, я сумею создать внушительную силу”.

Кестринг говорил: “Мы — военные — рассуждаем так: для нас решающий фактор — военная сила. Поэтому первая задача, которая, как нам кажется, стоит перед нами, — это объединение военных сил в интересах общего дела. Надо всячески усилить ваше влияние в Красной армии, чтобы в решающий момент направить русскую армию в соответствии с интересами Германии”».

Едва ли такая постановка вопроса понравилась бы Тухачевскому, мечтающему о том, чтобы стать вторым Наполеоном. Впрочем, это понимали и немцы.

«Кестринг особенно подчеркивал необходимость ориентации на егоровскую группу. Он говорил, что “Александр Ильич наиболее достойная фигура, которая может нам пригодиться, а его группа по своим устремлениям целиком отвечает интересам Германии”.

Этим и объясняется, что впоследствии в своей практической работе в НКВД я всячески сохранял от провала егоровскую группу, и только благодаря вмешательству ЦК ВКП(б) Егоров и его группа были разоблачены».

Оценивая роль Ежова, надо не забывать, что он далеко не имел полной воли. Важные дела находились на контроле у Политбюро, а точнее, у самого Сталина, и уж всяко не Ежову было тягаться с этим старым конспиратором, который вел тайные войны, еще когда Коля Ежов пешком под стол ходил.

«Вопрос: На этом и прекратился ваш разговор с Кестрингом?

Ответ: Нет, Кестринг коснулся НКВД. Он говорил: “В общем плане задач, которые стоят перед нами, народный комиссар внутренних дел должен сыграть решающую роль. Поэтому для успеха переворота и прихода к власти вам надо создать в НКВД широкую организацию своих единомышленников, которые должны быть объединены с военными”. Кестринг заявил, что эти организации, как в армии, так и в НКВД, должны быть так подготовлены, чтобы к началу войны обеспечить объединенное выступление в целях захвата власти».

Ежов, правда, тоже играл в свои игры, да еще и пил как сапожник. Его контакты отнюдь не ограничивались немецким атташе и военными заговорщиками. Он поддерживал связь с самой опасной группировкой в стране — региональными руководителями, «красными баронами», для которых Сталин был врагом уже потому, что пытался ограничить их власть и умерить их аппетиты. Именно эта милая компания развязала в стране

массовый террор. И как бы повел себя товарищ Ежов в отношении немцев, если бы увенчались успехом планы этих — вообще никому неизвестно.

Но немцы об этом, похоже, не знали...

«...Летом 1937 года, после процесса над Тухачевским, Егоров от имени германской разведки поставил передо мной вопрос о необходимости строить всю заговорщическую работу в армии и НКВД таким образом, чтобы можно было организовать, при определенных условиях, захват власти, не ожидая войны, как это условлено по первоначальному плану.

Егоров сказал, что немцы мотивируют это изменение опасением, как бы начавшийся разгром антисоветских формирований в армии не дошел до нас, т.е. до меня и Егорова...

Обсудив с Егоровым создавшееся положение, мы пришли к заключению, что партия и народные массы идут за руководством ВКП(б) и почва для этого переворота не подготовлена. Поэтому мы решили, что надо убрать Сталина или Молотова под флагом какой-либо другой антисоветской организации с тем, чтобы создать условия к моему дальнейшему продвижению к власти. После этого, заняв более руководящее положение, создастся возможность для дальнейшего, более решительного, изменения политики партии и Советского правительства в соответствии с интересами Германии.

Я просил Егорова передать немцам через Кестринга наши соображения и запросить на этот счет мнение правительственных кругов Германии.

Вопрос: Какой ответ вы получили?

Ответ: Вскоре после этого, со слов Кестринга, Егоров сообщил мне, что правительственные круги Германии соглашаются с нашим предложением».

А что им, собственно, оставалось?

Впрочем, вскоре и над Егоровым стали собираться тучи. Он, как и прочие генералы, оказался никомудышным конспиратором.

«...Незадолго до второй встречи с Кестрингом на Егорова в ЦК ВКП(б) поступило заявление, избличавшее Егорова в антисоветских разговорах.

В результате специально проведенной проверки этого заявления Егоров был освобожден от занимаемой должности и переведен на работу в Закавказский военный округ.

Егоров остро переживал свое снятие с работы первого заместителя Наркома обороны и рассматривал этот факт как начало своего разоблачения.

В разговоре с Кестрингом я его информировал о снятии Егорова с занимаемой должности, на что Кестринг предложил мне во что бы то ни стало сохранить Егорова от разоблачения».

Впрочем, как известно, не вышло...

«...Я проинформировал Кестринга о дальнейших арестах среди военных работников, заявив, что предотвратить эти аресты не в силах, в

частности сообщил об аресте Егорова, который может повлечь за собой провал всего заговора.

Кестринга все эти обстоятельства крайне обеспокоили. Он резко поставил передо мной вопрос о том, что либо сейчас же необходимо предпринимать какие-то меры к захвату власти, либо вас разгромят поодиночке.

Кестринг вновь вернулся к нашему старому плану так называемого «короткого удара» и потребовал его скорейшего осуществления».

Впрочем, Ежову и без немецких заданий пятки припекало. Он попытался организовать теракт 7 ноября 1938 года, но за несколько дней до праздника руководству НКВД было выражено «политическое недоверие», и почти вся чекистская верхушка в течение одного дня была арестована. Тем и закончилась подготовка пугча. Остался лишь один вариант — подготовка поражения Красной Армии в войне...

Остались ли у немцев еще друзья в Красной Армии? Судя по некоторым делам НКВД уже 1941 года, всех вычистить не удалось. До конца это сделала только война.

В 1941-м грянуло «дело авиаторов», по которому были арестованы начальник управления ВВС РККА Павел Рычагов и еще несколько высокопоставленных авиационных генералов. Объединяло их участие в гражданской войне в Испании. Там же побывал и самый известный из репрессированных в 1941-м военных — командующий Западным военным округом генерал армии Павлов.

...О светлой личности Дмитрия Григорьевича Павлова до сих пор ведутся жаркие споры. Одни считают его немецким пособником, другие хотят видеть всего лишь фантастическим разгильдяем. Это все дискуссии по вопросам веры, а вот и факты. Мало того, что генерал бросил свои сражающиеся части на произвол судьбы — за одно это по законам военного времени полагается пуля, — он еще и игнорировал директиву о приведении войск в боевую готовность, не доведя ее до частей округа. Вы можете представить себе крупного руководителя, который, зная, что через несколько часов начнется война, не делает ничего, чтоб хотя бы попытаться как-то подготовиться к нападению.

Более того, приведенные в книгах Марка Солонина странности (вроде того, как с самолетов сливали горячее и снимали оружие, а личный состав в субботу вечером отпускали в увольнение — тоже относится к Западному Особому военному округу.

И как прикажете быть со следующим документом?

Из постановления 3-го управления НКО⁶⁵ на арест Павлова Д.Г. 6 июля 1941 г.⁶⁶

«...Павлов неоднократно восхищался обучением германской армии и ее офицерством как в бытность пребывания в Испании, так и раньше.

Будучи командиром 4-й мехбригады, Павлов пользовался неизменным покровительством Уборевича и всю свою работу в бригаде строил в угоду ему.

Павлов был тесно связан с врагами народа — Уборевичем, Рулевым (быв. нач. АБТ войск БВО), Бобровым (быв. нач. штаба БВО), Карпушиным (быв. пом. нач. штаба БВО), Мальцевым (быв. нач. отдела БВО).

Арестованные участники антисоветского военного заговора, быв. начальники Разведуправления РККА Урицкий, Берзин, быв. командующий БВО Белов, быв. нарком Военно-Морского Флота Смирнов и быв. нач. штаба 21-й мехбригады Рожин, изобличают Павлова как участника этого заговора.

Арестованный Урицкий показал:

“Особую энергию в направлении в Испанию своих людей — заговорщиков проявил Уборевич, преследуя при этом помимо целей проведения там подрывной работы выведение из-под удара особо активных заговорщиков ввиду угрожавшего им здесь провала.

Из активных заговорщиков по рекомендации Уборевича при моем активном участии был направлен Павлов, которому я дал указание создать в Испании танковые части с участием испанцев, возглавив их участниками заговора, имея целью использовать эти части для свержения республиканского правительства.

В составе группы Павлова было несколько взятых из БВО заговорщиков, и он должен был проводить свою работу, опираясь на них.

Находясь в Испании, Павлов имел регулярную переписку с Уборевичем, посылая некоторые письма ему через меня, а некоторые — через нарочных.

В марте 1937 г. я получил информацию о заговорщической работе от Павлова, в которой он довольно подробно описывал свою предательскую работу: он создал из иностранных троцкистов и части анархистов одну танковую роту, имея, кроме того, своих людей в остальных подразделениях испанского танкового батальона; создал заговорщические связи в ряде бригад Центрального фронта, в частности среди коммунистов-командиров.

Павлов настаивал на присылке новой материальной части для создания новых частей, находящихся под влиянием заговорщиков, для этого же он просил дополнительной присылки заговорщиков из Советского Союза.

⁶⁵ Военная контрразведка, бывший и будущий особый отдел НКВД.

⁶⁶ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Начало. Книга 1. М., 2000. С. 210–216.

...В ответ на это письмо я послал Павлову через заговорщика Воробьева письмо, в котором, одобряя его предательскую работу, рекомендовал расширять заговорщические связи, не ограничивая их троцкистами и анархистами, а привлекать и социалистов”.

Арестованный Берзин показал:

“При моем отъезде из Москвы в 1936 г. мне Фельдман и Урицкий, называя членов контрреволюционной организации, посланных советниками в Испанию по линии танковых войск, называли Кривошеина, но тут же указали что танковая группа будет увеличена, что Кривошеин для большого дела мало подходит и что, возможно, будет Павлов из БВО, которого рекомендует Уборевич как члена контрреволюционной организации. Тут же было указано, что Павлова знают находящиеся уже в Испании советники-“белорусы”, в частности Мерецков, и что мне выгодно будет держать с Павловым связь через Мерецкова.

...По приезде Павлова в Испанию меня с ним познакомил Мерецков, представив как “нашего боевого командира и “белоруса”, прошедшего хорошую школу Иеронима Петровича (Уборевича)”. Я Павлова спросил, инструктировали ли его в Москве Фельдман и Урицкий и в курсе ли он дела, на что он ответил, что информирован достаточно как в Москве, так и здесь Мерецковым и Кривошеиным и что “все понятно”.

Тогда я заявил, что в дальнейшем ему связь придется держать с Мерецковым.

Впоследствии через Мерецкова я дал Павлову указание продолжать вредительскую работу, которую ранее вел Кривошеин, как в области подготовки экипажей, выпуская на фронт необученные экипажи, так и в боевом использовании танковых частей, что он и выполнял”.

Арестованный Белов показал:

“Разговорившись с Булиным об участниках военного заговора, завербованных Уборевичем и Булиным по Белорусскому военному округу, в числе многих других была названа фамилия Павлова. Считая необходимым установить личную политическую связь с Павловым, я по телефону попросил его приехать при первой возможности в БВО.

Павлов под предлогом присутствия на этом учении (речь идет об учении в Полоцком укрепрайоне в 1937 г.) прибыл в район Полоцкого укрепрайона, где находился и я.

Встретившись на учении, мы имели широкую возможность с Павловым разговаривать. В этом разговоре я сказал Павлову, что мне известно о его участии в военном заговоре. Павлов мне это подтвердил. Я рассказал

Павлову обстановку, в которой работают участники военного заговора, подчеркнув, что для многих из них арест неизбежен, и просил Павлова в пределах его возможности поддерживать некоторых работников, в частности Рулева (быв. нач. АБТ войск БВО). Павлов мне дал на это свое обещание”.

Арестованный Рожин показал, что ему со слов Бобкова (быв. командир 1-й мехбригады) известно, что Павлов является участником антисоветского военного заговора.

Арестованный Смирнов показал, что ему известно со слов Уборевича, что Павлов является участником антисоветского военного заговора.

Арман (быв. командир 5-й мехбригады) показал, что Павлов, находясь в БВО с 1930 г., был в близких отношениях с Уборевичем, находясь в Испании, куда он был командирован по предложению Уборевича, имел с последним непосредственную связь, отчитываясь в своих действиях перед ним. В Испании Павлов близко сошелся с Берзиным и вместе с ним проводил предательскую линию, направленную на поражение войск Республиканской Испании. Здесь Павлов поощрял трусов, троцкистов, которых незаслуженно представлял к наградам, и издевательски относился к бойцам-испанцам, разжигая среди них национальную вражду (Арман освобожден и дело его производством прекращено).

В Испании Павлов был исключительно тесно связан с ныне арестованными Смушкевичем и Мерецковым...»

На предварительном следствии генерал Павлов признался в том, что был участником военного заговора⁶⁷, а на суде от своих признаний отказался. Трибунал не стал с этим вопросом особо разбираться — заседание началось в 0 часов 20 минут, а руководство Западного фронта заработало себе высшую меру и без 58-й статьи. В приговор факт заговорщической деятельности тоже не вошел. Лето 1941 года — не то время, когда следует говорить о генеральской измене, а вот для того, чтобы расстреливать за трусость и разгильдяйство — как раз то. Это не значит, что измены не было — это значит, что трибунал не счел нужным ее озвучить.

А то, что потом их всех реабилитировали — так это уже совсем другая история...

⁶⁷ Я понимаю, конечно, что материалы следственных дел НКВД доказательствами не являются, а все арестованные должны быть реабилитированы и награждены автоматически — но надо же учитывать и мировую практику. Которая не позволяет отмахиваться от показаний, и принимает их во внимание даже в отсутствие «Манифеста нового правительства» и списков заговорщиков с собственноручными подписями кровью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЛУКАВАЯ ХРУЩЕВСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

Если о том, как «разматывалось» дело, какие предъявлялись обвинения, как шел процесс, известно сейчас достаточно много, то вот о том, как проводилась реабилитация, неизвестно почти ничего. Сколько перьев истерто по поводу репрессий, а нюансами реабилитации, кажется, никто толком не занимался. Что уже наводит на некоторые размышления: почему одни юридические документы вообще таковыми не признаются, а другие признаются без какого бы то ни было исследования. Странная aberrация зрения: почему-то считается, что осуждение из конъюнктурных соображений в 1937 году могло быть, а вот реабилитация по тем же причинам в 1956-м — ну что вы, никогда, да ни при каких обстоятельствах!

И вот что любопытно: во всех публикациях, посвященных реабилитации, практически никакой конкретики не имеется. В «Заключении» Главной военной прокуратуры говорится: «приговор по данному делу был вынесен только на основании показаний, данных осужденными на предварительном следствии и суде и не подтвержденных никакими другими объективными данными». И потом сплошь и рядом перепевается одна и та же тема: отсутствие вещественных доказательств. Может быть, кто-нибудь объяснит, какие в этом случае могли быть вещественные доказательства? Списки заговорщиков, потерянные в казино? Дневник Ягоды с описанием каждого шага? Заготовленные заранее манифесты в сейфе Тухачевского?

Ну, простите, не получилось — тупые русские генералы романов о заговорщиках не читали. Азия-с...

Из всех материалов, посвященных реабилитации, можно выгащить разве что информацию о проверке, в ходе которой было «установлено, что дело сфальсифицировано», а «показания были получены преступными методами». При этом материалы самой проверки отчего-то берегут сильнее, чем пресловутый оперативный план.

Хорошо. Обратимся к «свидетельским показаниям». Бывший заместитель главного военного прокурора Борис Викторов опубликовал воспоминания о работе в составе спецгруппы по пересмотру «дела Тухачевского». И каков же «криминал»?

«Первые страницы дела... Справки на арест: “Органы НКВД располагают данными о враждебной деятельности...” О самой деятельности ничего конкретного... А где санкция прокурора на арест? Нет санкции...

Вот что сразу обратило на себя внимание: несоответствие дат арестов с датами первых допросов, которые были учинены спустя несколько дней. Не могло же быть так, чтобы арестованных не допрашивали? (А где было допрашивать того же Тухачевского, которого арестовали в Куйбышеве и потом везли — в поезд, что ли, спецбригаду высылать? — *Авт.*)»

Ответ простой. Члены комиссии «предполагали, что допросы велись, но показания не устраивали тех, кто возбудил это дело».

Далее. «Мы заметили на нескольких страницах протокола серо-бурые пятна (на страницах 165—166 одного из пятнадцати томов следственного дела! — *Авт.*). Такие пятна оставляют капли крови... проконсультировавшись со специалистами, назначили судебно-химическую экспертизу... Оказалось, действительно кровь».

Поговорили о процессе. «Стенограмма состояла всего из нескольких страниц». Несколько — это сколько? Согласно «Справке», одно только выступление Фельдмана заняло 12 листов стенограммы, выступление Корка — 20 листов, не считая множества допросов подсудимых. Так сколько это — «несколько»?

Поговорили о том, «как вообще в те годы велось следствие», без доказательств применительно к данному делу.

«На заключительной стадии... получили отзывы ряда крупных военачальников... Они были единодушны в том, что разработанные Тухачевским и его соратниками... основы ведения крупных боевых операций... были по достоинству оценены, применены и развиты...»

А это тут при чем? С каких это пор талант мешал генералам устраивать заговоры?

«Новое расследование по делу Тухачевского подходило к концу...» — пишет автор. Да, но где же собственно расследование? Где кропотливое сопоставление протоколов, выявление антагонистических несоответствий, нарушений закона? Да полно, юрист ли это вообще пишет? Как пишет юрист, видно на примере книги Сухомлинова, посвященной «делу Берии»⁶⁸. А это что было?

⁶⁸ Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2004.

Еще один свидетель со стороны реабилитации — генерал-лейтенант в отставке Н.А. Вережкин-Рахальский. В 1937 году он был зам. начальника военной академии, т.е. заместителем Корка, и присутствовал на суде в качестве зрителя (оказывается, на процессе и зрители были, вот как!).

«Трудно описать то, что я видел и слышал во время суда. Помню только, что когда я вечером вернулся домой, у меня было состояние человека, опущенного в помой. Я принял душ, долго, то горячей, то холодной водой “отмывался” от пережитого.

“Подсудимые” сидели за перегородкой, М.Н. Тухачевский сидел на стуле впереди. Вопросы задавал только председательствующий. Члены суда молчали. Все обвиняемые категорически отвергали обвинения. И.Э. Якир, патетически обращаясь к членам суда, говорил: “Как вы можете поверить тому, что мы — враги народа?! Ведь мы с вами в жесточайшей классовой борьбе громили контрреволюцию и иностранных интервентов в годы Гражданской войны!” ...

М.Н. Тухачевскому не было задано ни одного вопроса...»

Что, в самом деле? Получается, что и Буденный, и Белов врут? А стенограмма суда... ах да, ведь стенограмма тоже врет, гнусный Сталин ее сфальсифицировал, как и все остальное...

Самый подробный документ по этому поводу — «Справка». Итак, какой же компромат на следствие приводится там?

Авторы сразу же начинают путать, в духе Генриха Ягоды. Много говорится о том, что слабо подтверждены показания чекистов Гая и Воловича и комбрига Медведева, на основании которых был арестован Фельдман. В деле вроде бы нет санкции прокурора на арест, хотя это странно, не в духе времени. Может, сами реабилитаторы и изъяли? ...

Но все это не отвечает на главный вопрос: виновны они были или не виновны? Ведь обвинение базировалось не на показаниях комбрига Медведева, а на том огромном количестве материала, который они дали друг на друга и на себя самих. Об этом — ни слова, кроме того, что все, мол, получено «незаконными методами» — впрочем, о том, какие «пытки» сумела накопать «Справка», мы уже писали. А ведь они очень старались.

Что еще «не так»?

«Показания о военном заговоре, которые Фельдман стал давать, были крайне противоречивы», — утверждает «Справка». И в чем же их противоречивость? «Так, на допросе 16 мая 1937 года он показал, что в военно-троцкистскую организацию его вовлек в 1934 году Примаков. Через три дня Фельдман, изменив свои показания, утверждал, что военно-троцкистская организация возглавлялась Тухачевским, который и вовлек в нее Фельдмана в начале 1932 г.» Что еще? Все!

Впрочем, первым «дело генералов» начали проверять далеко не при Хрущеве. Первым его стал проверять Берия. По-видимому, это было одно из первых дел, которые подверглись проверке в ходе «бериевской реабилитации». Так что «Справка» то и дело ссылается еще на те показания.

Дело Фельдмана вел следователь Ушаков. В октябре 1938 года на допросе он говорил следующее: «На Фельдмана было лишь одно косвенное показание некоего Медведева... В первый день допроса Фельдман... написал заявление об участии своем в военно-троцкистской организации, в которую его завербовал Примаков... Придерживаясь принципа тщательного изучения личного дела и связей арестованных, я достал из штаба дело Фельдмана и начал тщательно изучать его. В результате я пришел к выводу, что Фельдман связан интимной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом др. крупных командиров и имеет семью в Америке, с которой поддерживает связь. Я понял, что Фельдман связан по заговору с Тухачевским...» Затем на оперативном совещании по ходу следствия он рассказал о показаниях Фельдмана и «перешел к своему анализу и начал ориентировать следователей на уклон в допросах с целью сокрытия несомненно существующего в РККА военного заговора... Как только окончилось совещание, я... вызвал Фельдмана. К вечеру 19 мая было написано Фельдманом на мое имя известное показание о военном заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и др., на основании которого состоялось 21 или 22 мая решение ЦК ВКП(б) об аресте Тухачевского...»

Ну и что? Где тут хоть намек, хоть тень намека на то, что дело было сфальсифицировано? Ах да, конечно же, весь день до вечера он избивал несчастного Фельдмана. Откуда это следует? Ну как же?! Ведь об этом все знают!

Именно в этом «все знают», в мощнейшем пиаре хрущевских времен, все дело. Потому что даже те материалы следствия, которые волей-неволей просачиваются в печать, предельно конкретны. Вы их читали. А вот что касается доказательств фальсификации процесса, то они основаны как раз на пресловутом «все знают», на который сверху наложены... нет, не доказательства, а иллюстрации. «Так, на допросе 16 мая...» И все густо сдобрено антисталинской риторикой, само собой.

По поводу процесса «Справка» сообщает:

«В суде обстоятельства дела были исследованы крайне поверхностно и неполно. Вопросы, задававшиеся подсудимым, носили тенденциозный, наводящий характер. Суд не только не устранил наличие существенных противоречий в показаниях подсудимых о времени образования заговора, об их вступлении в него, о составе «центра» заговора, о практическом

участии в заговорщической деятельности, но даже фактически замаскировал эти противоречия... Суд не истребовал никаких объективных документальных доказательств и свидетельств, необходимых для оценки правильности тех или иных обвинений, не вызвал никаких свидетелей и не привлек к рассмотрению дела авторитетных экспертов...»

Если подсудимые упорно заявляют о том, что они невиновны, суд обязан скрупулезно доказывать, что это не так, с привлечением доказательств и экспертов. Этого требует презумпция невиновности. Но если все признают свою вину, каждая из которых в сумме тянет на три смертных приговора, то обязан ли суд спорить с ними и скрупулезно доказывать, что они не правы и расстрелов на самом деле должно быть только два?

Упаси Бог, мы не против реабилитации, — но пусть она будет хотя бы вполовину столь же убедительна, как сам процесс! Остальная половина пусть идет за счет презумпции невиновности...

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СТЕНОГРАММА

выступления И.В. Сталина на расширенном заседании
Военного совета при наркомате обороны
2 июня 1937 г.

Это — подлинная, неправленая стенограмма знаменитой речи Сталина на расширенном заседании Военного совета 2 июня 1937 года. Она достаточно велика, но мы приводим ее полностью, без сокращений, потому что этот документ превосходно передает колорит эпохи, а колорит эпохи — это тоже захватывающе интересно...

Сталин: Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних мерзавцами, других — чудаками, третьих — помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я и хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Прежде всего, обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру

тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин — это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом. Карахан, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский — по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник — 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это — ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособлявало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов. Что это за люди?

Говорят, Тухачевский помещик, кто-то другой попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах, как о враждебном классе трудового народа, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения — вы это знаете?

Голос: Известно.

Сталин: Энгельс был сыном фабриканта — непролетарские элементы, как хотите. Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа — неплохой был человек. И наоборот, Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался — шпионом.

Когда говорят о враждебных силах, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но не каждое лицо из данного класса может вредить. Отдельные лица из дворян, из буржуазии работали на пользу рабочему классу и работали неплохо. Из такой прослойки, как адвокаты, скажем, было много революционеров. Маркс был сын адвоката, не сын батрака и не сын рабочего. Из этих прослоек всегда могут быть лица, которые могут служить делу рабочего класса не хуже, а лучше, чем чистокровные пролетарии. Поэтому общая мерка, что это не сын батрака — это старая мерка, к отдельным лицам не применимая. Это не марксистский подход.

Это не марксистский подход. Это, я бы сказал, биологический подход, не марксистский. Мы марксизм считаем не биологической наукой, а социологической наукой. Так что эта общая мерка, совершенно верная в отношении сословий, групп, прослоек, она не применима ко всяким отдельным лицам, имеющим непролетарское или не крестьянское происхождение. Я не с этой стороны буду анализировать этих людей.

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержин-

ский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять в защиту Троцкого. Это ему не удалось. (Дзержинский выступал на стороне Троцкого в 1918 году по вопросу о Брестском мире. — *Авт.*) Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

Голос с места: Какой Андреев?

Сталин: Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев. Так что видите, общее мнение о том, что такой-то тогда-то голосовал, или такой-то тогда-то колебался, тоже не абсолютно и не всегда правильно.

Так что эта вторая ходячая, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще точка зрения, она тоже неправильна. Я бы сказал, не всегда правильна и очень часто она подводит.

Значит, при характеристике этого ядра и его членов, я также эту точку зрения, как неправильную, не буду применять.

Самое лучшее судить о людях по их делам, по их работе. Были люди, которые колебались, потом отошли, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами. Дрался очень хорошо Дзержинский, дерется очень хорошо т. Андреев. Есть и еще такие люди. Я бы мог сосчитать десятка два-три людей, которые отошли от троцкизма, отошли крепко и дерутся с ним очень хорошо. Иначе и не могло быть, потому что на протяжении истории нашей партии факты показали, что линия Ленина, поскольку с ним начали открытую войну троцкисты, оказалась правильной. Факты показали, что впоследствии после Ленина линия ЦК нашей партии, линия партии в целом оказалась правильной. Это не могло не повлиять на некоторых бывших троцкистов. И нет ничего удивительного, что такие люди, как Дзержинский, Андреев и десятка два-три бывших троцкистов разобрались, увидели, что линия партии была правильна и перешли на нашу сторону.

Скажу больше. Я знаю некоторых не троцкистов, они не были троцкистами, но и нам от них большой пользы не было. Они по-казенному голосовали за партию. Большая ли цена такому ленинцу? И наоборот, были люди, которые топорщились, сомневались, не все признали правильным, и не было у них достаточной доли трусости, чтобы скрыть свои колебания, они голосовали против линии партии, а потом перешли на нашу сторону.

Стало быть, и эту вторую точку зрения, ходячую и распространенную, я отвергаю как абсолютную.

Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет.

Перехожу к этому. Я пересчитал 13 человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них 10 человек шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила. Человек, который проповедовал среди своих людей необходимость заниматься шпионажем, потому что мы, дескать, троцкисты, должны иметь блок с немецкими фашистами, стало быть, у нас должно быть сотрудничество, стало быть, мы должны помогать так же, как они нам помогают в случае нужды. Сейчас от них требуют помощи по части информации, давайте информацию. Вы помните показания Радека, вы помните показания Лившица, вы помните показания Сокольников — давали информацию. Это и есть шпионаж. Троцкий — организатор шпионов из людей, либо состоявших в нашей партии, либо находящихся вокруг нашей партии — обер-шпион.

Рыков: У нас нет данных, что он сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года Енукидзе. Мы знаем, через кого они доставляли секретные сведения, через кого доставляли эти сведения — через такого-то человека из германского посольства в Москве. Знаем. Рыков знал все это. У нас нет данных, что он сам шпион.

Бухарин: У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский, занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Остальные. Енукидзе, Карахан — я уже сказал. Ягода — шпион, и у себя в ГПУ разводил шпионов. Он сообщал немцам, кто из работников ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные и работаете так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы — германские шпионы. Так он поступил с Гаем — немецко-японским шпионом. Он сам это признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем — шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером — шпион немецкий, давнишний, с 1923 года. Значит, Ягода. Дальше. Тухачевский. Вы читали его показания.

Голоса: Да, читали.

Сталин: Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями

немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западно-европейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион. Якир — систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион. Карахан — информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии. Рудзутак. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем, кому он передавал сведения. Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам, может быть, придется побывать в Берлине — Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица, Жозефина Гензи. Будто бы она сама датчанка на службе у германского рейхсвера. Красивая, охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит. Вы, может быть, читали статью в «Правде» о некоторых коварных приемах вербовщиков? Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера. Вот вам люди. Десять определенных шпионов и трое организаторов и потакателей шпионажа в пользу германского рейхсвера. Вот они, эти люди.

Могут спросить, естественно, такой вопрос — как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг сами стали оголтелым орудием в руках германского шпионажа? А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют — дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, дай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют — начинайте заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете — разоблачим, завтра же передаем агентам советской власти, у вас головы летят. Начинают они диверсии. После этого говорят — нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще займите командные посты. И эти начинают стараться, как только могут. Дальше и этого мало. Дайте реальные факты, чего-нибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот, получайте, говорят. А им говорят — идите дальше, нельзя ли все правительство снять. И они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который был

тогда начальником школы ВЦИК, а школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят: организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее. Но этого мало — арестовать, перебить несколько человек, — а народ, а армия? Ну, значит, они сообщают, что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты: я, Тухачевский, и он, Уборевич, а здесь Якир. Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же? Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, что еще? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путь бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик, как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело. Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Была маленькая группа. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы их обругаем — подите к черту, у нас не монастырь. Поставить людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют — нехорошо. Есть люди с 10-летним командующим опытом, из них сыпется песок, но их не снимают, наоборот, держат. Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный случай сговоренности. Должно быть, немцы донесли, приняли все меры. Хотели поставить другого, но не выходит.

Ядро, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3-х патентованных подстрекателей шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского рейхсвера. Если они будут выполнять приказания германского рейхсвера, ясно, что рейхсвер будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди

являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3-х патенованных подстрекателей — шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе, и завербовали шпииков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка.

Тухачевский особенно играл благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Мы его считали неплохим военным, я его считал неплохим военным. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3-х месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тыс. человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это срам. Как может быть такая дивизия? Я у Тухачевского спрашивал: как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тыс. человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60... 40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов? Здесь одно из двух, либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны эту технику поставить. Он мне говорит: «Товарищ Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по приказам германского рейхсвера.

Вот ядро, и что оно собой представляет? Голосовали ли они за Троцкого? Рудзутак никогда не голосовал за Троцкого, а шпииком оказался. Енукидзе никогда не голосовал за Троцкого, а шпииком оказался. Вот ваша точка зрения — кто за кого голосовал.

Помещичье происхождение. Я не знаю, кто там еще есть из помещичьей семьи, кажется, только один Тухачевский. Классовое происхождение не меняет дела. В каждом отдельном случае нужно судить по делам. Целый ряд лет люди имели связь с германским рейхсвером, ходили в шпионах.

Должно быть, они часто колебались и не всегда вели свою работу. Я думаю, мало кто из них вел свое дело от начала до конца. Я вижу, как они плачут, когда их привели в тюрьму. Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были ничто иное, как невольники германского рейхсвера, завербованные шпионы, и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т.д. Рейхсвер, как могучая сила, берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник. Вот что значит попасть в орбиту шпионажа. Попал ты в это колесо, хочешь ты или не хочешь, оно тебя завернет и будешь катиться по наклонной плоскости. Вот основа. Не в том, что у них политика и прочее, никто их не спрашивал о политике. Это просто люди идут на милость.

Колхозы. Да какое им дело до колхозов? Видите, им стало жалко крестьян. Вот этому мерзавцу Енукидзе, который в 1918 году согнал крестьян и восстановил помещичье хозяйство, ему теперь стало жалко крестьян. Но так как он мог прикидываться простачком и заплакать, этот верзила, (*смех*), то ему поверили.

Второй раз, в Крыму, когда пришли к нему какие-то бабенки, жены, так же как и в Белоруссии, пришли и поплакали, то он согнал мужиков, вот этот мерзавец согнал крестьян и восстановил какого-то дворянина. Я его еще тогда представлял к исключению из партии, мне не верили, считали, что я, как грузин, очень строго отношусь к грузинам. А русские, видите ли, поставили перед собой задачу защищать «этого грузина». Какое ему дело, вот этому мерзавцу, который восстанавливал помещиков, какое ему дело до крестьян?

Тут дело не в политике, никто его о политике не спрашивал. Они были невольниками в руках германского рейхсвера.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия. Оказалось, что мы кое-что видели.

И эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

Второй вопрос — почему этим господам так легко удавалось завербовать людей. Вот мы человек 300—400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело проваливались, начиная с 1921 года и кончая 1937 годом, не очень талантливые, не очень гениальные.

Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем. Недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляется с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человеку понять меру своих сил, меру своих плюсов и минусов. Иногда человек думает, что он гениален и поэтому обижен, когда его не выдвигают.

Начинали с малого, с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели (*веселое оживление в зале*).

Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться? (*Веселое оживление в зале*.)

Оказалось, дело не такое уж реальное. Но эти слабые люди рассуждают именно так: как бы, черт побери, не остаться позади всех. Давай-ка скорее прикладываться к этому делу, а то останешься на мели.

Конечно, так можно завербовать только нескольких людей. Конечно, стойкость тоже дело наживное, от характера кое-что зависит, но и от самого воспитания. Вот эти малостойкие, я бы сказал, товарищи, они и послужили материалом для вербовки. Вот почему этим мерзавцам так легко удавалось малостойких людей вовлекать. На них гипнозом действовали: завтра все будет у нас в руках, немцы с нами, Кремль с

нами, мы изнутри будем действовать, они извне. Вербовали таким образом этих людей.

Третий вопрос — почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки как-никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть, мы малоспособные люди, или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии вам известно, что эти успехи несколько вскружили голову, когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать: какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Политика неплохая, Рабоче-Крестьянская Красная Армия за нас, международный вес нашей страны растет, всякому из нас открыт путь для того, чтобы двигаться вперед, неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах. Мы-то не знали, что это ядро уже завербовано германцами и они даже при желании отойти от пути контрреволюции, не могут отойти, потому что живут под страхом того, что их разоблачат и они головы сложат. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми.

Нужно проверять людей, и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит, надо иметь широко разветвленную разведку, чтобы каждый партиец и каждый не партийный большевик, особенно органы ОГПУ, рядом с органами разведки, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также, в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ПУ возглавлялась шпионом Гаем и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение.

И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши. Слишком большие победы одержали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников. Громадная страна, великолепные железные дороги, флот растет, производство хлеба растет, сельское хозяйство процветает и будет процветать, промышленность идет в гору. Это такой лакомый кусок для империалистических хищников, что он, этот кусок, обязывает нас быть бдительными. Судьба, история доверили это такое богатство, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что это такое богатство, как наша страна, не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну. Вот Германия первая серьезно протягивает руку. Япония вторая, заводит своих разведчиков, имеет свое повстанческое ядро. Те хотят получить Приморье, эти хотят получить Ленинград. Мы это прозевали, не понимали. Имея эти успехи, мы превратили СССР в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников, которые не успокоятся до тех пор, пока не испробуют всех мер к тому, чтобы отхватить от этого куска кое-что. Мы эту сторону прозевали. Вот почему у нас разведка плоха, и в этой области мы оказались битыми как ребятишки, как мальчишки.

Но это не все, разведка плохая. Очень хорошо. Ну, успокоение пошло. Факт. Успехи одни. Это очень большое дело — успехи, и мы все стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона — самодовольство ослепляет. Но есть у нас и другие такие недостатки, которые, помимо всяких успехов или неуспехов, существуют и с которыми надо распрощаться.

Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так, как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным, о недостатках, которые замечает, написать свое личное мнение. Он так хотел. Ильич к этому стремился, ни ему, ни его пленцам не удалось это дело наладить. Нужно, чтобы не только смотрели, наблюдали, замечали недостатки и прорывы, замечали врага, но и все остальные товарищи чтобы смотрели на это дело. Нам отсюда не все видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Центр видит только часть, остальное видят на местах. Он посылает людей, но он не знает этих людей на 100%, вы должны их проверять. Есть одно средство настоящей проверки — это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть.

Вот т. Горячев рассказывал о делах головокружительной практики. Если бы мы это дело знали, конечно, приняли бы меры. Разговаривали о том, о сем, что у нас дело с винтовкой плохое, что наша боевая винтовка имеет тенденцию превратиться в спортивную.

Голос: Махновский обрез.

Сталин: Не только обрез, ослабляли пружину, чтобы напряжения не требовалось. Один из рядовых красноармейцев сказал мне, что плохо дело, поручили кому следует рассмотреть. Один защищает Василенко, другой не защищает. В конце концов выяснилось, что он действительно грешен. Мы не могли знать, что это вредительство. А кто же он, оказывается? Оказывается, он шпион. Он сам рассказал. С какого года, товарищ Ежов?

Ежов: С 1926 года.

Сталин: Конечно, он себя троцкистом называет, куда лучше ходить в троцкистах, чем просто в шпионах.

Плохо сигнализируете, а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать. Людей посылают не на 100% обсосанных, в центре таких людей мало. Посылают людей, которые могут пригодиться. Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе, и если неувязки будут, вы сообщайте. Каждый член партии, честный беспартийный гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда, хотя бы на 5%, то и это хлеб. Обязаны посылать письма своему наркому, копию в ЦК. Как хотите. Кто сказал, что обязывают только наркому писать? Неправильно.

Я расскажу один инцидент, который был у Ильича с Троцким. Это было, когда Совет Обороны организовывался. Это было, кажется, в конце 1918 или 1919 года.

Троцкий пришел жаловаться: получают в ЦК письма от коммунистов, иногда в копии посылаются ему, как наркому, а иногда даже и копии не посылаются и письма посылаются в ЦК через его голову. «Это не годится». Ленин спрашивает: почему? «Как же так, я нарком, я тогда не могу отвечать». Ленин его отбрил, как мальчишку, и сказал: «Вы не думайте, что вы один имеете заботу о военном деле. Война — это дело всей страны, дело партии». Если коммунист по забывчивости или почему-либо прямо в ЦК напишет, то ничего особенного в этом нет. Он должен жаловаться в ЦК. Что же вы думаете, что ЦК уступит вам свое дело? Нет. А вы потрудитесь разобраться по существу эту жалобу. Вы думаете, вам ЦК не расскажет? Расскажет. Вас должно интересовать существо этого письма — правильно оно или нет. Даже и в копии можно наркому не посылать. Разве вам когда Ворошилов запрещал письма писать в ЦК?

Голоса: Нет, никогда.

Сталин: Кто из вас может сказать, что вам запрещали писать письма в ЦК?

Голоса: Нет, никто.

Сталин: Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете о делах, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию. Борьба с пережитками троцкизма в головах должна вестись и ныне, надо отказаться от этой троцкистской практики. Член партии, повторяю, беспартийный, у которого болит сердце о беспорядках — а некоторые беспартийные лучше пишут, честнее, чем другие коммунисты, — обязаны писать своим наркомам, писать заместителям наркомов, писать в ЦК о делах, которые им кажутся угрожающими. Вот, если бы это правило выполнялось — а это ленинское правило, — вы не найдете в Политбюро ни одного человека, который бы что-нибудь против этого сказал. Если бы вы это правило проводили, мы гораздо раньше разоблачили бы это дело.

Вот это насчет сигналов.

Еще недостаток, в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего организовали Генеральный штаб? Для того, чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы Генеральный штаб проверял людей, чтобы Генеральный штаб нашел у Уборевича что-нибудь и раскрыл все его махинации. Вот тут выступал один товарищ и рассказывал насчет кавалерии, как тут дело ставили. Где же был Генеральный штаб. Вы что думаете, что Генеральный штаб для украшения существует? Нет, он должен проверять людей на работе сверху. Командующие округами не Чжан Цзо-лин, которому отдали округ на откуп...

Голоса: А это было так.

Сталин: Такая практика не годится. Конечно, не любят иногда, когда против шерсти гладят, но это не большевизм. Конечно, бывает иногда, что идут люди против течения и против шерсти гладят. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это не правильно, это гибельное дело. Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Может, какой командующий округом имеет мало опыта, просто сам сочинил что-нибудь, его надо поправить и прийти ему на помощь. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества — на Украине Якир, здесь, в Белоруссии, Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены самим себе, и что они там вытворили, Бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей.

Дальше. Не обращали достаточно внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры. В военном деле принято так: есть приказ, должен подчиниться. Если во главе этого дела стоит мерзавец, он может все запутать. Он может хороших солдат, хороших красноармейцев, великолепных бойцов направить не туда, куда нужно, не в обход, а навстречу врагу. Военная дисциплина строже, чем дисциплина в партии. Человека назначили на пост, он командует, он главная сила, его должны слушаться все. Тут надо проявлять особую осторожность при назначении людей.

Я сторонний человек, и то заметил недавно. Каким-то образом дело обернулось так, что в механизированных бригадах, чуть ли не везде, стоят люди непроверенные, нестойкие. Почему это, в чем дело? Взять хотя бы Абашидзе, забуддыга, мерзавец большой, я слышал краем уха об этом. Почему-то обязательно надо дать ему механизированную бригаду. Правильно я говорю, товарищ Ворошилов?

Ворошилов: Он начальник АБТ войск корпуса.

Сталин: Я не знаю, что такое АБТ.

Голос с места: Начальник авто-бронетанковых войск корпуса.

Сталин: Поздравляю! Поздравляю! Очень хорошо! Почему он должен быть там? Какие у него достоинства? Стали проверять. Оказалось, несколько раз его исключали из партии, но потом восстановили, потому что кто-то ему помогал. На Кавказ послали телеграмму, проверили, оказывается, бывший каратель в Грузии, пьяница, бьет красноармейцев. Но с выправкой! (*Веселое оживление в зале.*)

Стали копаться дальше. Кто же его рекомендовал, черт побери! И представьте себе, оказалось, рекомендовали его Элиава, товарищи Буденный и Егоров. И Буденный, и Егоров его не знают. Человек, как видно, не дурак выпить, умеет быть тамадой (*смех*), но с выправкой! Сегодня он произнесет декларацию за советскую власть, завтра против советской власти, какую угодно! Разве можно такого непроверенного человека рекомендовать. Ну, вышибли его, конечно.

Стали смотреть дальше. Оказалось, везде такое положение. В Москве, например, Ольшанский...

Голос с места: Проходимец!

Голоса с мест: Ольшанский или Ольшевский?

Сталин: Есть Ольшанский и есть Ольшевский. Я говорю об Ольшанском. Спрашивал я Гамарника насчет его. Я знаю грузинских князей, это большая сволочь. Они многое потеряли и никогда с советской властью не примирятся, особенно эта фамилия Абашидзе сволочная, как он у вас попал? Говорят: как так, товарищ Сталин, не может быть. Как не может быть, когда он командует? Поймали за хвост бывшего начальника бронетанкового управления Халепского: не знаю, как он попал, он пьяница, нехороший человек, я его вышиб из Москвы, как он попал? Потом докопались до товарищей Егорова, Буденного, Элиава: говорят, Серго рекомендовал. Оказывается — он осторожно поступил: не подписал...

Голос: Он только просил.

Сталин: У меня нет рекомендации, чтобы вам прочитать...

Егоров: В этот период в Академии находился.

Сталин: Рекомендуются он, как человек с ясным умом, выправкой, волевой (*смех*). Вот и все, а кто он в политике — не знали, а ему доверяют танковые части. Спусти рукава на это дело смотрели. Также не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд за ряд лет сидели: Гарькавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. Ну уж, конечно, они старались, но многое не от них все-таки зависит. Нарком должен подписать. У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе, представляют семь кандидатур: шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей (*смех*). Возвращают бумаги на этих шесть человек — не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда представляют кандидатуры шестнадцати дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание.

Затем не обращали должного внимания на военные школы, по-моему, на воспитание хорошее, валили туда всех. Это надо исправить, вычистить...

Голос: Десять раз ставили вопрос, товарищ Сталин!

Сталин: Ставить вопросы мало, надо решать.

Голос: Я не имею права.

Сталин: Ставят вопросы не для постановки, а для того, чтобы их решать.

Не обращалось также должного внимания на органы печати Военведа. Я кое-какие журналы читаю, появляются иногда очень сомнительные такие штуки. Имейте в виду, что молодежь наша военная читает журналы и по-серьезному понимает. Для нас, может быть, это не совсем серьезная вещь — журналы, а молодежь смотрит на это дело свято, она читает и хочет учиться, и если дрянь пропускают в печать — это не годится.

Вот такой инцидент, такой случай был. Прислал Кутяков свою брошюру, не печатают. Я на основании своего опыта и прочего знаю, что раз человек пишет, командир, бывший партизан, нужно обратить на него внимание. Я не знаю — хороший он или плохой, но что он путаный, я это знал. Я ему написал, что это дело не выйдет, не годится. Я ему написал, что ленинградцы всякие люди имеются — Деникин тоже ленинградец, есть Милюков — тоже ленинградец. Однако наберется немало людей, которые разочаровались в старом и не прочь приехать. Мы бы их пустили, зачем для этого манифестацию делать всякую? Напишем своим послам, и они их пустят. Только они не хотят, и если даже приедут — они не вояки. Надоела им возня, они хотят просто похозяйничать. Объяснили ему очень спокойно, он доволен остался. Затем, второе письмо — затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны.

Голоса: «Киевские Канны».

Сталин: «Киевские Канны», о 1920 годе. И они не печатают. Прочти. Я очень занят, спросил военных. Говорят, дрянная. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно, дрянная штука (смех). Воспеваает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить Конную армию, которая там решала дело тогда и поставить во главу угла 28-ю, кажется, дивизию.

Голос: 25-ю.

Сталин: У него там дивизий много было. Знаю одно, что там мужики были довольны, что вот башкиры пришли и падаль, лошадей едят, подбирать не приходится. И вот, интересно, что товарищ Седякин написал предисловие к этой книге. Я товарища Седякина мало знаю. Может быть, это плохо, что я его мало знаю, но если судить по этому предисловию, очень подозрительное предисловие. Я не знаю, человек он военный, как он не мог раскусить орех этой брошюры. Печатается брошюра, где запятнали наших командиров, до небес возвели командование Польши. Цель брошюры — развенчать Конную армию. Я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не разрешался на Юго-Западном фронте. Что он свою 28-ю дивизию восхвалял — ну, Бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно и что он в грязь растоптал наше командование, что он Конную армию хочет развенчать — это неправильно. Как этого товарищ Седякин не заметил? Предисловие говорит — есть недостатки вообще и всякие такие штуки, но в общем интересный, говорит, опыт. Сомнительное предисловие и даже подозрительное.

Голос: Я согласен.

Сталин: Что согласен? Не обращали внимания на печать, печать надо прибрать к рукам обязательно.

Теперь еще один вопрос. Вот эти недостатки надо ликвидировать, я их не буду повторять...

В чем основная слабость заговорщиков и в чем наша основная сила? Вот эти господа нанялись в невольники германского вредительства. Хотят они или не хотят, они катятся по пути заговора, размена СССР. Их не спрашивают, а заказывают, и они должны выполнять.

В чем их слабость? В том, что нет связи с народом. Боялись они народа, старались сверху проводить: там одну точку установить, здесь один командный пост захватить, там другой, там какого-либо застрявшего прицепить, недовольного прицепить. Они на свои силы не рассчитывали, а рассчитывали на силы германцев, полагали, что германцы их поддержат, а германцы не хотели поддерживать. Они думали: ну-ка заваривай кашу, а мы поглядим. Здесь дело трудное, они хотели, чтобы им показали успехи, говорили, что поляки не пропустят, здесь лимитрофы, вот если бы на север, в Ленинград, там дело хорошее. Причем знали, что на севере, в Ленинграде, они не так сильны. Они рассчитывали на германцев, не понимали, что германцы играют с ними, заигрывают с ними. Они боялись народа. Если бы прочитали план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК... Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других в другое, третьих — в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем? «Вы знаете, Сталин какой! Люди начнут стрелять, а это опасно». Поэтому решили лучше ночью (*смех*). Но ночью тоже опасно, опять начнут стрелять.

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации, как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали, вот в чем их слабость. В этом же и наша сила.

Говорят, как же такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить.

Голоса: Чепуха, чудесные люди есть.

Сталин: В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу. Вот вам испанский пример.

Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию. Мы говорим: «Нет, нам имен не надо. В Испанию мы пошлем людей, мало

известных». Посмотрите, что из этого вышло? Мы им говорили: если вас послать, вас заметят, не стоит. И послали людей мало заметных, они же там чудеса творят. Кто такой был Павлов? Разве он был известен?

Голос: Командир полка.

Голос: Командир мехбригады.

Буденный: Командир 6-й дивизии мехполка.

Ворошилов: Там два Павловых: старший лейтенант...

Сталин: Павлов отличился особенно.

Ворошилов: Ты хотел сказать о молодом Павлове?

Голос: Там Гурьев и капитан Павлов.

Сталин: Никто не думал, и я не слышал о способностях командующего у Берзина. А посмотрите, как он дело наладил. Замечательно вел дело. Штерна вы знаете? Всего-навсего был секретарем у т. Ворошилова. Я думаю, что Штерн не намного хуже, чем Берзин — может быть, не только не хуже, а лучше. Вот где наша сила — люди без имен. «Пошлите — говорят — нас, людей с именами, в Испанию». Нет, давайте пошлем людей без имени, низший и средний офицерский наш состав. Вот сила, она и связана с армией, она будет творить чудеса, уверяю вас. Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроют, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее — не бойтесь. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Ворошилов: Работать будем до 4-х часов.

Голоса: Перерыв устроить, чтобы покурить.

Ворошилов: Объявляю перерыв на 10 минут...

Ворошилов: Нужно будет раздать стенограмму, как у нас было принято.

Блюхер: Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше и меньше, и не так, как нужно. Словом, нужно войскам рассказать, в чем тут дело.

Сталин: То есть, пересчитать, кто арестован?

Блюхер: Нет, не совсем так.

Сталин: Я бы на вашем месте, будучи командующим ОКДВА, поступил бы так: собрал бы более высший состав и им подробно доложил. А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже и объяснил бы более коротко, но достаточно вразумительно, чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит. Вот я бы так сказал. Верхним сказал бы шире.

Блюхер: Красноармейцам нужно сказать то, что для узкого круга?

Сталин: То, что для широкого круга.

Ворошилов: Может быть, для облегчения издать специальный приказ о том, что в армии обнаружено такое-то дело? А с этим приказом вышел бы начальствующий состав и прочитал во всех частях.

Сталин: Да. И объяснить надо. А для того, чтобы верхний командный состав и политические руководители знали все-таки, стенограмму раздать.

Ворошилов: Да, это будет очень хорошо. В стенограмме я много цитировал. Тут будет полное представление.

Сталин: Хорошо, если бы товарищи взяли и наметили в каждой определенной организации двух своих заместителей и начали выращивать их как по политической части, так и по командной части.

Ворошилов: Давайте это примем. По партийной линии это принято.

Сталин: Это даст возможность и изучать людей...

Ворошилов: Вот этот самый господинчик Фельдман, я в течение ряда лет требовал от него: дай мне человек 150 людей, которых можно наметить к выдвижению. Он писал командующим, ждал в течение 2 с половиной, почти 3-х лет. Этот список есть где-то. Нужно разыскать.

Буденный: Я его видел, там все троцкисты, одни взятые уже, другие под подозрением.

Сталин: Так как половину из них арестовали, то значит, нечего тут смотреть.

Буденный: Не нужно этот приказ печатать, а просто сказать — не подлежит оглашению.

Сталин: Только для армии и затем вернуть его. Стенограмму тоже вернуть. Будет еще вот что хорошо. Вы как собираетесь — в два месяца раз?

Ворошилов: В три месяца раз.

Сталин: Так как у вас открытой критики нет, то хорошо бы критику здесь разворачивать внутри вашего совета, иметь человека от оборонной промышленности, которую вы будете критиковать.

Голоса: Правильно.

Сталин: И от вас будут представители в Совет Оборонной промышленности, человек пять.

Голоса: Правильно.

Сталин: Начиная, может быть, с командира полка, а лучше было бы еще ниже, иметь заместителем.

Ворошилов: Командира дивизии или командира полка, я его назначаю заместителем.

Голоса: Есть такое распоряжение.

Ворошилов: Распоряжение есть. Но мы должны иметь лучших людей, каждый должен найти у себя, и тогда я уже трогать не буду. Я буду знать, что у Кожанова командир подводной лодки № 22 или командир «Червонной Украины» является избранником, которого он будет выращивать. Я его трогать не буду.

Голос: Такое же распоряжение отдано.

Ворошилов: Совсем не такое.

Сталин: Может быть, у вас нет таких людей, которые могут быть заместителями?

Ворошилов: Есть. У нас известная градация по росту. Командир Ефимов, он командир корпуса, он будет искать среди командиров дивизии — но так как командиров дивизии мало и он не может оттуда наметить, он будет искать из командиров батальонов.

Сталин: Не будет боязни, что отменят тех, которые намечены?

Голос: Эта боязнь есть.

Сталин: Поэтому надо искать и выращивать, если будут хорошие люди.

Ворошилов: Значит, в 8 часов у меня в зале заседание.

Сталин: Нескромный вопрос. Я думаю, что среди наших людей, как по линии командной, так и по линии политической, есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы если такие люди придут и сами расскажут обо всем — простить их. Есть такие люди?

Голоса: Безусловно. Правильно.

Сталин: Пять лет работали, кое-кого заделали случайно. Кой-кто есть из выжидающих, вот рассказать этим выжидающим, что дело проваливается. Таким людям нужно помочь с тем, чтобы их прощать.

Щаденко: Как прежде бандитам обещали прощение, если он сдаст оружие и придет с повинной (*смех*).

Сталин: У этих и оружия нет, может быть, они только знают о врагах, но не сообщают.

Ворошилов: Положение их, между прочим, неприглядное. Когда вы будете рассказывать и разъяснять, то надо рассказать, что теперь не один — так другой, так третий, все равно расскажут. Пусть лучше сами придут.

Сталин: Простить надо, даем слово простить, честное слово даем.

Щаденко: С Военного Совета надо начинать. Кучинский и другие...

Кучинский: Товарищ Ворошилов, я к этой группе не принадлежу — к той группе, о которой говорил товарищ Сталин. Я честный до конца.

Ворошилов: Вот и Мерещков. Этот, пролетарий, черт возьми.

Мерецков: Это ложь, тем более что я никогда с Уборевичем не работал и в Сочи не виделся.

Ворошилов: Большая близость с ним у этих людей. Итак, в восемь часов у меня...»

Приложение 2

ПЛАН ПОРАЖЕНИЯ

Это собственноручные показания М.Н. Тухачевского на следствии. В показаниях есть ссылки еще на два документа. Один — «план поражения», написанный Уборевичем, другой — показания о вредительской деятельности, который Тухачевский обещал изложить особо. Ни тот, ни другой документ не опубликованы.

«Центр антисоветского военно-троцкистского заговора тщательно изучал материалы и источники, могущие ответить на вопрос: каковы оперативные планы Гитлера, имеющие целью обеспечение господства германского фашизма в Европе?

Основной для Германии вопрос — это вопрос о получении колоний. Гитлер прямо заявил, что колонии, источники сырья, Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты.

Опыт войны 1914—1918 гг. учит Германию тому, что без обеспечения себя основными видами сырья, в особенности железной рудой, нефтью и хлебом, — ей невозможно участвовать в большой и длительной современной войне. Все эти виды сырья на Украине и в Румынии, частично в Чехословакии.

Если подойти к вопросу о возможных замыслах Гитлера в отношении войны против СССР, то вряд ли можно допустить, чтобы Гитлер мог серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум, на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий. И такая задача очень трудна и сколько-нибудь серьезно может мыслиться только в войне СССР на два фронта: на западе и на Дальнем Востоке. При этом успехи социалистической экономики СССР из года в год настолько велики, что и эти ограниченные военные цели Германии и Японии станут скоро вообще неосуществимыми.

Итак, немцы должны будут поставить перед собой ограниченную цель войны — отторгнуть часть территорий от СССР и отстоять обладание этой частью территории до конца войны. Немецкие военные

теоретики очень высоко ценят такой метод войны, считая творцом его Фридриха Великого (Семилетняя война). Этот вид войны с ограниченной целью очень обстоятельно рассматривает и Клаузевиц. Само собою понятно, что подобного рода война с ограниченной целью ведет свои операции именно на той территории, которой она должна, в конце концов, овладеть. Необходимо поэтому проанализировать возможные театры войны гитлеровской Германии против СССР с экономической точки зрения, т.е. с точки зрения удовлетворения колониальных appetitов Германии.

Немцы, безусловно, без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и с занятого плацдарма начать наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной их части) областей. Финляндия, вероятно, пропустит через свою территорию германские войска. Затруднения, которые немцы встретили бы при этой операции, были бы следующие: во-первых, железнодорожная сеть Эстонии, Латвии и Литвы слишком бедна и отличается слишком малой провозоспособностью, чтобы она могла обслужить действия крупных сил. Потребовалось бы либо вложение крупных капиталов в железные дороги этих стран в мирное время, либо развитие этих дорог во время войны, что сильно сковало бы и осложнило действия германских армий. Во-вторых, СССР не позволил бы Германии безнаказанно занять Прибалтийский театр для подготовки в нем базы для дальнейшего наступления в пределах СССР. Однако с военной точки зрения такая задача может быть поставлена, и вопрос заключается в том, является ли захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей действительным решением политической и экономической задачи по подысканию сырьевой базы. На этот последний вопрос приходится ответить отрицательно. Ничего, кроме дополнительных хозяйственных хлопот, захват всех этих территорий Германии не даст. Многомиллионный город Ленинград с хозяйственной точки зрения является большим потребителем. Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват, — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой, зато с экономической — ничтожный. Не могут немцы не учитывать и того, что Ленинград, как центр военной промышленности, уже не играет для нас той решающей роли, которую он играл до переноса военной промышленности к востоку.

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками — это белорусское. Совершенно очевидно, что

как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и потому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье, украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и за Белоруссию, т.е. связано оно с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Германии исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение Правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той вожделенной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией. В стремлениях к Украине среди германских военных кругов играет немаловажную роль и тот факт, что немцы в 1918 г. оккупировали Украину, но были оттуда выбиты, т.е. стремление к реваншу.

Итак, территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий.

Очень часто имеют предположения, что Германия не захочет значительно удаляться своими армиями от своей территории. Это зависит исключительно от политических задач, которые будут поставлены перед армией. Если этой задачей будет захват советской территории, то германская армия не может не стремиться на эту территорию.

Только в том случае, если политической целью Германии была бы ограниченная задача поддержки Польши в войне с нами, только в этом случае можно допустить, что германские армии не уйдут далеко от своих границ. Но даже и в этом случае надо учитывать принципы германского генерального штаба, доказанные ходом войны 1914—1918 гг., заключающиеся в том, что германский генеральный штаб не занимается политиканством, а бросает свои армии туда, куда потребуют стратегические соображения. Так, например, немцы неоднократно бросали свои войска на территорию Австро-Венгрии для борьбы с Сербией, Румынией и Италией. Поэтому не следует обольщать себя надеждами на то, что немцы не уйдут далеко от своих границ.

Однако вывод, который только что сделан в отношении германских намерений насчет Украины, является относительным. Дело в том, что даже если Германия и поставила бы перед собой задачу вести войну с ограниченной целью, то все же эта война не может не превратиться в большую и длительную войну, причем, как минимум, создались бы два

фронта: белорусский и украинский. СССР слишком силен, чтобы согласиться даже на малейшую территориальную уступку. Длительная же война с СССР, несомненно, может вовлечь в войну с Германией и Францию, и Англию. Другими словами, война, цель которой ограничивается захватом одной только Украины, превращается в войну большую, которая требует все того же предварительного решения сырьевой проблемы.

В силу этого мне представляется весьма вероятным, что Германия до войны с нами постарается захватить Чехословакию и Румынию. Не исключена такая обстановка в Европе, когда ни одна из стран не сможет вовремя поддержать Чехословакию против Германии. Если только нападение Германии на Чехословакию будет поддержано с юга ударом венгерской армии, что весьма вероятно, то участь Чехословакии может быть решена очень быстро. Следует еще учесть, что в Чехословакии орудуют германские фашистские организации, которые могут дезорганизовать оборону страны. Имеются разведывательные данные, говорящие о том, что немцы разрабатывают план захвата Чехословакии в трехдневный срок. Действительно, положение вытянутой с запада на восток Чехословакии, находящейся под ударами с запада, севера, юга и, наконец, изнутри, является чрезвычайно тяжелым. Если даже речь будет идти и не о трехдневном сроке, то во всяком случае о столь же коротком, в который заинтересованные страны могут и не успеть принять какие-либо решительные контрмероприятия.

Что касается войны Германии против Румынии, то со стратегической точки зрения немцы хорошо знают, как можно оккупировать территорию этой страны. Опыт 1916 г. немцами хорошо изучен.

Что же может дать немцам оккупация Чехословакии и Румынии в экономическом отношении? Статистика говорит о том, что Румыния экспортирует ровно столько хлебных злаков, сколько Германия импортирует их в мирное время (до гитлеровских ограничений). Румыния добывает, если память мне не изменяет, 14 миллионов тонн нефти. Румыния и Чехословакия богаты многими металлами. Наконец, утверждение германского капитала в Румынии означало бы его монополию на Балканах, в Турции и выход его опять-таки в Черное море. Только железная руда по-прежнему являлась бы узким местом германского народного хозяйства и требовала бы захвата Криворожья. Не исключена возможность того, что немцы, правильно поставив разведку недр, сумеют найти железную руду и в Румынии. Таким образом, захват Германией Чехословакии и Румынии может обойтись без большой войны, зато для большой войны этот захват значительно упорядочивает сырьевой вопрос в германском народном хозяйстве, уменьшает зависимость Германии от Польши при войне против СССР, и, наконец, исходный базис для войны

против СССР со стратегической точки зрения становится гораздо более выгодным.

В конечном счете можно сделать вывод, что независимо от того, будет ли предшествовать войне против СССР война Германии с Чехословакией и Румынией или не будет, все равно главные интересы гитлеровской Германии направлены в сторону Украины. Из этого должен исходить, это должен учитывать наш оперативный план. Однако наш оперативный план этого не учитывает. Он построен все так же, как если бы война ожидалась с одной только Польшей.

Рассмотрим теперь западные наши границы и западные театры войны, исходя из политической задачи «бить противника на его территории».

На ближайший отрезок времени, пока существует Чехословакия и Румыния, «бить противника на его территории» практически означает бить польско-германские силы на польской территории. Со значительной долей вероятности дело будет обстоять именно так. Вряд ли в Прибалтийские страны немцы пошлют более одного-двух экспедиционных корпусов.

Решающее значение операции должны принять тогда, когда с поражением польско-германских сил должна будет пасть буржуазная Польша. Такое сражение может иметь место в районе Кенигсберг — Львов — Краков — Данциг. Каковы же пути движения наших армий для того, чтобы выйти в этот район в наиболее выгодной группировке и с наиболее широкой охватывающей базой?

Стратегически наиболее выгодным путем является быстрый разгром армиями вторжения вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы с тем, чтобы выход наших главных сил, действующих севернее Полесья, на линию Кенигсберг — Брест-Литовск произошел в условиях, когда эти главные силы будут иметь за собой широкий, охватывающий тыл, обеспечивающий организацию наиболее бесперебойного транспорта и наиболее удобного боевого размещения авиации на аэродромах. Этот вариант, к сожалению, натолкнулся на трудно преодолимые в политическом отношении затруднения, а именно на то, что лимитрофы⁶⁹ могут сохранить нейтралитет. Так как повторение «Бельгии» признается недопустимым, то от этого плана пришлось отказаться. Вот почему не прав Корк, когда говорит, что агрессивная роль прибалтов вредительски затушевывалась. Наоборот, агрессивная политика прибалтов позволила бы нам воспользоваться наилучшим вариантом стратегического решения. Не агрессия,

⁶⁹ *Лимитрофы* — в 20—30-х годах XX в. общее название буржуазных государств, образовавшихся на западных окраинах бывшей Российской империи после 1917 года (Латвия, Литва, Эстония, Польша, Финляндия).

а нейтралитет прибалтов сорвал применение наиболее решительного плана, и отмена последовала не ведомственным военным решением, а решением правительства. Я в дальнейшем еще вернусь к этому варианту, так как в связи с вероятным нападением на нас немцев и огромным значением, которое будет играть Восточная Пруссия, при нашем движении в глубь Польши, а также учитывая то, что мы строим на Балтике большой военно-морской флот, — этот вариант будет иметь в будущем еще более решающее значение.

Нейтралитет прибалтов играет для нас очень опасную роль. Если, скажем, он продолжится даже только две недели, то и тогда он сыграет свою вредную для нас роль. В силу сохраняемого нейтралитета мы должны будем отказаться от наиболее выгодного варианта, и через две недели, если нейтралитет будет прибалтами нарушен, исправить дело будет уже невозможно, т.е. невозможно в процессе стратегического сосредоточения. В ходе операций, конечно, многое можно будет выправить.

Однако, считаясь с политическими требованиями в отношении уважения нейтралитета, надо искать другие, хотя бы и менее выгодные в стратегическом отношении пути.

Севернее Полесья остается один путь: между Латвией и Литвой с севера и самим лесисто-болотистым Полесьем с юга. Этот стратегический коридор, и без того узкий, продольно разбивается как бы еще на две части лесисто-болотистым районом верховья Березины, Налибакской пушей, средним течением Немана и Беловежской пушей. Помимо того, он имеет и поперечные преграды: р. Вилия, вернее, течение Немана, Неман и Шора на участке Гродно — Слоним, Нарев, Ясельда, Западный Буг. Однако самым слабым местом «белорусского коридора» являются его выходы на территорию этнографической Польши. Армии, наступающие по этому коридору, будут находиться в этом районе в очень тяжелом положении. Коснусь этих положений. Напрасно стали бы мы ждать, как это делает у нас Генеральный штаб, что немцы первые нарушат нейтралитет Литвы. Это им невыгодно. В этом случае немцы имели бы в Литве слишком плохо обеспеченный путями сообщения тыл. Между прочим, во время одной из полевых поездок, кажется в 1911 г., Мольтке, как это описывает Форстер в своей книге «За кулисами германского генерального штаба», обсуждал вопрос о возможности направить наступление германских армий из В. Пруссии в направлении на Вильно и пришел к выводу о том, что это исключено ввиду слабости железнодорожной сети на территории Литвы. Характерно и то, что Гитлер сам предложил Литве заключить пакт о ненападении. Таким образом, раз немцы не будут нарушать нейтралитет

Литвы, то нашим армиям придется своим правым флангом, двигаясь через Гродно и далее на запад, подвергаться опасности удара с севера, из Восточной Пруссии. Но это еще не все. В том случае, если главные силы Белорусского фронта форсируют Неман у Гродно и южнее, немцы могут нарушить нейтралитет Литвы, имеющей каких-нибудь три дивизии, и накоротке выйти в тыл Белорусского фронта в направлении Ковно — Вильно. Если глубокое вторжение в Белоруссию через Литву для немцев было бы опасно с точки зрения организации тыла, то операция с коротким замахом является вполне закономерной.

В дальнейшем Белорусский фронт должен будет искать взаимодействия с Украинским фронтом в направлении Брест-Литовска, стремиться к поражению польско-германских сил на варшавском направлении, обеспечивать свой фланг со стороны В. Пруссии и свой тыл со стороны Ковно — Вильно.

Совершенно очевидно, что решать все эти задачи одновременно невозможно. Командование Белорусским фронтом должно будет наметить определенную последовательность в разрешении этих задач.

Весьма возможно, что прежде всего обстановка заставит приступить к радикальному решению задачи обеспечения своего правого фланга, т.е. к разгрому германских сил в В. Пруссии. В этом случае было бы крайне важно для нас пройти по территории Литвы, что, может быть, можно будет и не считать нарушением нейтралитета, т.к. по договору между Литвой и РСФСР от 1920 года район Молодечно — Лида — Гродно также входит в состав Литвы и, следовательно, Красная Армия уже ходом вещей будет действовать на литовской территории.

Не исключена возможность, что, организовав прочное обеспечение своего правого фланга и тыла путем выставления сильного заслона для обороны, Белорусский фронт атакует противника на главном направлении совместно с Украинским фронтом. Однако в этом, последнем случае главные силы Белорусского фронта будут, во-первых, значительно ослаблены выделением крупных сил на обеспечение своего фланга и тыла, а во-вторых, все же немцы могут нанести поражение флангу и тылу Белорусского фронта путем организации удара из В. Пруссии как непосредственно на юг, так и через Литву на Ковно — Вильно. Эта угроза особенно реальна потому, что В. Пруссия обладает богато развитой железнодорожной сетью, позволяющей в сутки подвозить не менее шести пехотных дивизий. Столько же можно перебрасывать и по шоссейным путям В. Пруссии на автотранспорте.

Наконец, особенно опасным может стать положение Белорусского фронта, если произойдет разрыв между ним и подходящим к району

Брест-Литовска Украинским фронтом. Тогда возможна концентрическая атака главных сил Белорусского фронта. Главное командование должно организованно вывести в этот район внутренние фланги обоих фронтов.

Итак, Белорусский фронт при своем выходе на границу этнографической Польши должен расширять полосу своих действий, в то время как тыл его остается все в том же узком коридоре. До прихода Гитлера к власти В. Пруссия являлась для правого фланга Белорусского фронта надежным прикрытием. Так это было и в 1920 году. Но с установлением гитлеровского режима картина резко изменилась. Задачи Белорусского фронта стали неизмеримо сложнее, силы, которые он встретит в решительном сражении, вырастут, вероятно, вдвое, и в то же самое время цели, которые были поставлены фронту, и силы, ему предоставленные, остались без изменения. В этом несоответствии задач и средств кроются большие опасности, грозящие при стечении неблагоприятных условий серьезным поражением армиям Белорусского фронта.

Получается такое положение, что в самый тяжелый момент армиям Белорусского фронта придется наступать раструбом из узкого стратегического коридора. Все преимущества перегруппировок будут на стороне врагов. Кроме того, немцы и поляки будут иметь по сравнению с Белорусским фронтом огромные преимущества в отношении широкого и глубокого размещения авиации, а также в отношении охватывающего и выгодного рассредоточенного расположения тылов. В самом деле, «белорусский коридор» имеет тесно сжатые железнодорожные коммуникации и столь же тесно сжатые шоссеиные пути.

Точно так же и скученное размещение авиации, исключаящее широкий маневр по передислокации по фронту авиационных соединений, будет иметь следствием больший урон нашей легкой авиации по сравнению с потерями врагов на их аэродромах. Немцы, имея полную возможность рассредоточивать свою авиацию по Восточной Пруссии и Северной Польше, будут иметь преимущества в авиационном маневре.

Наши стесненные коммуникации будут нести от авиации большие потери, будут давать перебои, будут задерживаться с восстановлением разрушений и т.д.

Рассмотрим теперь стратегический путь между лесисто-болотистым Полесьем с севера и границами Румынии и Чехословакии с юга. Этот путь также представляет собой стратегический коридор, вполне доступный для наступления крупных сил, хотя и перерезан поперек целым рядом не слишком крупных речных преград и имеет отдельные районы, неудобные для действий, как, например, Дубненский район.

Нависание над левым флангом Украинского фронта границы Румынии в стратегическом отношении сходно со значением Латвии для Белорусского фронта. Однако дальше идет граница Чехословакии, и в этом отношении удобства глубокого наступления находятся на стороне Украинского фронта. В самом деле, границы Румынии с СССР надежно прикрыты системой укрепленных районов, а северный участок границ Румынии с Польшей горист, неудобен для действий больших войсковых масс и крайне беден железными дорогами. В этом районе сравнительно нетрудно организовать прочную оборону, выставив надежный заслон в сторону Румынии. В 1920 г. Румыния сыграла неприятную роль. Она притягивала к себе встревоженное внимание Главного командования, а это последнее оттягивало к границам Румынии силы из главной группировки Юго-Западного фронта. Во всяком случае организация надежного прикрытия своего фланга и тыла со стороны Румынии является несравнимо более простой задачей, чем прочное обеспечение фланга Белорусского фронта.

При выходе Украинского фронта примерно на линию Брест-Литовск — Львов перед его командованием встанет основная задача нанесения главным силам противника удара совместно с главными силами Белорусского фронта. В этом случае левый фланг будет прикрыт чехословацкой территорией и все внимание войск фронта может быть сосредоточено на главных силах противника. Только в том случае, если по ходу операций к моменту выхода правого фланга Украинского фронта в район Ковель — Люблин образовался бы между ним и Белорусским фронтом разрыв, только в этом случае могла бы создаться угроза удара противника во фланг со стороны Брест-Литовска. Роль Главного командования должна заключаться в том, чтобы не допускать разрыва между фронтами.

Вопрос с размещением авиации и тылов для армий, наступающих в «украинском коридоре», отличается теми же трудностями и неудобствами, с которыми армии встречаются и в «белорусском коридоре». В этом отношении «украинский коридор» имеет только одно преимущество, заключающееся в том, что, когда армии Украинского фронта подойдут в район последнего решающего столкновения, немцы и поляки не будут иметь того охватывающего положения над внешним флангом, какое они имеют со стороны Восточной Пруссии.

Таким образом, театр наступления южнее Полесья является выгодным для наступления к району решающего столкновения в центре Польши. Однако наступление в одном лишь направлении южнее Полесья не может дать решения генеральной операции и генерального сражения. Необходимы согласованные действия обоих фронтов. Вопрос заключается лишь

в том, которому из фронтов дать преимущественно решающее значение. При варианте первоочередной ликвидации лимитрофов — все преимущества за белорусским направлением. Эти преимущества сохраняются при условии нейтралитета Германии. Зато при условии нахождения Германии в составе врагов, а с другой стороны, при условии дружественной позиции Чехословакии — все преимущества сосредоточения главных сил переходят к украинскому направлению.

Выгоды украинского направления особенно должны сказаться, если Чехословакия будет участвовать в войне с Германией. Конечно, помощь Чехословакии будет очень небольшой, т.к. ее западная половина будет быстро ликвидирована немцами и венграми. Но, тем не менее, восточная часть Чехословакии, гористая и неудобная для действий крупных войсковых масс, может упорно обороняться и обеспечивать левый фланг наших армий. Помимо того не исключена возможность наступления чехословаков с самого начала войны на Краков, находящийся очень близко от чешской границы. Если этот крупнейший железнодорожный узел будет хотя бы на время выведен из эксплуатации, то переброски польско-германских сил на украинском направлении будут основательно расстроены и поведут к опозданию окончательного сосредоточения этих сил. При этих условиях, между прочим, не исключена возможность захвата Львова силами армии вторжения. Даже временное овладение этим пунктом и разрушение его крупнейшего железнодорожного узла опять-таки поведут к замедлению сосредоточения главных польско-германских сил.

Надо отметить, что только при условии избрания украинского направления как главного можно в какой-то степени использовать помощь чехословацкой армии. Во всех прочих случаях Чехословакия будет раздавлена совершенно отдельно, не принеся никакой пользы для наступления Красной Армии.

Чтобы сделать анализ стратегического положения более конкретным, необходимо обратиться к рассмотрению возможного соотношения сил сторон.

Польша (цифры привожу по памяти) выставляет по мобилизации 55 пехотных дивизий и еще 6 пехотных дивизий формирует в первые месяцы войны.

Германия утраивает свои 36 пехотных дивизий по мобилизации, т.е. выставляет 108 пехотных дивизий. Помимо того, Германия развернет ландверные⁷⁰ дивизии, число и сроки развертывания которых я сейчас

⁷⁰ *Ландвер* (нем. Landwehr, от Land — страна и Wehr — защита) — категория военнообязанных запаса 2-й очереди и второочередные войсковые формирования. В фашистской Германии (по закону 1935 года) в ландвере состояли военнообязанные в возрасте 35—45 лет.

не помню. Сверх того, Германия имеет несколько десятков бригад штурмовиков, которые вряд ли годятся для полевой войны, но которые безусловно могут быть использованы для обороны тыла, отдельных участков укреплений и т.п.

Генеральный штаб РККА, исчисляя те силы, которые Германия сможет выдвинуть против СССР, правильно исходит из предпосылок, что Франция может оказаться к началу войны в таком состоянии, что не сможет выполнить своих договорных обязательств и не выступит против Германии.

Предположим также, что Германия не предпринимала агрессии против Чехословакии, хотя на самом деле для нее выгоднее было бы сразу же захватить Чехословакию, чтобы быстро высвободить свои силы и не разбрасывать их на выставление заслонов. Исходя из таких предпосылок, положим, что Германия оставит в полосе своих укрепленных районов на французской границе 30 пехотных дивизий, на границах с Чехословакией 7 пехотных дивизий и в резерве главного командования еще 10 пехотных дивизий, не считая ландверных. Допустим, что Польша на чехословацкой границе оставит 5 пехотных дивизий. Тогда Красная Армия может встретить перед собой на польской территории 61 германскую и 50 польских пехотных дивизий, а всего 111 пехотных дивизий.

В авиации мы имеем превосходство над немцами, но, во-первых, потребности Дальнего Востока всегда могут оттянуть часть авиации с запада, во-вторых, как было показано выше, мы по мере углубления в Западную Белоруссию и в Западную Украину будем находиться в невыгодных аэродромных условиях по сравнению с польско-германской авиацией, и, в-третьих, все же в сухопутных операциях практически расчет должен вестись по числу пехотных дивизий, артиллерии и танков.

Наши механизированные соединения, несомненно, сильнее польско-германских, но при этом следует учесть, что и поляки, и немцы непрерывно развивают свои механизированные соединения, вводя на вооружение пушечные танки, что немцы уже сформировали пять механизированных дивизий, примерно соответствующих нашим механизированным корпусам, что поляки формируют механизированные бригады и, наконец, что немцы, а за ними и поляки вводят на вооружение большое число противотанковых пушек в пехотных дивизиях, что резко повышает их способность вести бой с механизированными частями. Таким образом, наше преимущество в механизированных соединениях над немцами и поляками хотя и имеется, но это преимущество не может служить осно-

ванием для самоуспокоения по поводу нехватки у нас достаточного числа стрелковых дивизий.

Точно так же не может изменить этого положения и наше преимущество над врагами в отношении конницы. Конница будет нести очень тяжелые потери от авиации и химии противника.

На изложенных выше соображениях о том громадном значении, которое имеет число пехотных дивизий независимо от преимущества в авиации, механизированных соединениях и коннице, потому приходится так подробно останавливаться, что этими вреднейшими и опаснейшими рассуждениями организационный отдел Генерального штаба РККА добивался торможения в развитии числа пехотных дивизий, развертываемых по мобилизации.

Каково же было то реальное число стрелковых дивизий, которое по нашему действующему оперативному плану двигалось в глубину территории Польши для того, чтобы бить противника на его территории. Точно я этого числа не знаю, но приблизительно оно должно быть около девяноста стрелковых дивизий, может быть, на несколько дивизий больше. Остальное число стрелковых дивизий из числа 150, развертываемых по мобилизации, идет на обеспечение Дальнего Востока, границ с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, на охрану границ Кавказа и Средней Азии.

Получается странная картина. Наши Белорусский и Украинский фронты должны втянуться в глубину территории Польши, втянуться в самых неблагоприятных обрисованных выше условиях и своими 90, пусть даже 100 стрелковыми дивизиями должны разбить 111 пехотных дивизий противника, на стороне которого остаются все преимущества маневра, использования авиации и организации тыла. К этому еще надо добавить, что поляки, как этому учит опыт 1920 года, дерутся у себя дома очень хорошо.

Клаузевиц считает, что для надежного поражения противника над ним надо иметь, по крайней мере, полторакратное общее превосходство в силах. Этот коэффициент во всяком случае не преувеличен. Однако возьмем меньшее число потребных стрелковых дивизий, например 140, а не 166 (полторакратное превосходство). В этом случае число дивизий в РККА должно быть значительно большим. Положим, что на Дальнем Востоке надо иметь не менее 35 стрелковых дивизий (во время войны), на границах с Финляндией — 7, на границах Эстонии и Латвии — 7, на границах с Румынией — 8, на Кавказе — 3, в Средней Азии — 2, в резерве Главного командования — 5 стрелковых дивизий. Тогда общее число потребных для РККА стрелковых дивизий поднимется до 207. На самом деле эта потребность значительно выше. Германия во время войны

1914—1918 гг. подняла число своих пехотных дивизий до 248. Борьба на два фронта требует большого числа войск, и для нас значительно больше, чем для Германии, т.к. наши расстояния и железнодорожные условия не позволяют нам производить те переброски сил с востока на запад и обратно, которые с таким успехом проводили немцы в прошлую империалистическую войну.

Мы же разворачиваем всего только 150 стрелковых дивизий.

К этому нашему недостатку в числе стрелковых дивизий надо еще добавить исключительно слабое развитие артиллерийского и танкового резерва Главного командования для усиления стрелковых дивизий и корпусов на решающих направлениях. Дело в том, что для подготовки атаки против боеспособного, хорошо, вооруженного и прочно укрепившегося противника требуется до 80 орудий на один километр фронта атаки. Участие танков не снижает той артиллерийской нормы. Англичане и французы даже при наличии танков количество артиллерии на один километр фронта доводили до 130 и более орудий.

Между тем по условиям ввода в атаку пехоты главный удар стрелковой дивизии не может быть уже двух километров, т.е. своими артиллерийскими средствами стрелковая дивизия может обеспечить лишь до 40 орудий на километр, откуда следует, что для крупных операций требуется удвоенные артиллерии дивизий.

Собственной артиллерии стрелковой дивизии хватит только в условиях очень подвижной войны, когда противник не успевает как следует укрепиться.

Так же точно и собственных танков стрелковой дивизии не хватит при выполнении сложных и ответственных наступательных операций. Для усиления войск, действующих на главных направлениях, организуется артиллерийский и танковый резерв Главного командования. Однако этот резерв организован у нас в совершенно недостаточном размере, что не позволяет создать необходимого качественного усиления на участках решающих сражений. Вовсе нет у нас пулеметного резерва Главного командования для усиления стрелковых дивизий, занимающих оборонительные фронты. Французы такой пулеметный резерв имеют.

Как же будут развиваться операции Белорусского и Украинского фронтов в соответствии с ныне действующим планом, если принять во внимание несоответствие между силами и средствами и теми решительными целями, которые ставит этот план?

Положим, что Белорусский фронт получает 55, а Украинский фронт 35 стрелковых дивизий (не считая дивизий, стоящих в укрепленных районах на границе с Румынией). Силы Белорусского фронта закончат свое сосредоточение примерно в 15 дней, а Украинского — в 20 дней.

Значительное наше замедление в перевозках позволяет польско-германским силам упредить нас в сосредоточении и, применяя польскую терминологию, «выпадowymi действиями» дезорганизовать район нашего сосредоточения и заставить нас отнестись таковой несколько глубже на нашу территорию. Обратная картина развертывания на наших западных границах большого числа механизированных, кавалерийских и стрелковых соединений в штатах, близких к штатам военного времени, а также размещения в БВО и КВО крупных авиационных сил. Эти мероприятия позволили нам в свою очередь поставить вопрос о том, чтобы сразу же после объявления войны вторгнуться в Западную Белоруссию и на Украину и дезорганизовать район сосредоточения противника, отнеся таковой глубоко в тыл, примерно на линию Гродно — Львов.

Если война вспыхнет неожиданно и поляки не будут иметь в своем распоряжении предмобилизационного периода, то действия наших армий вторжения будут носить еще более решительный характер, т.к. «по-польскому плану мобилизации призываемое в приграничных с нами районах население перебрасывается в тыл для укомплектования расположенных в этнографической Польше частей». Само собой понятно, что быстрые действия армии вторжения, поддержанные сильной авиацией, могут сорвать эти мобилизационные перевозки и поставят мобилизуемую польскую армию в очень тяжелое положение.

Далее, операции вторжения дезорганизуют аэродромную полосу приграничной полосы противника, заставляя его отнестись развертывание своей авиации в глубину, сокращая тем самым радиус полезного воздействия его легкой авиации на наши железнодорожные перевозки, осуществляющие стратегическое сосредоточение.

Таким образом, операции вторжения срывают сроки сосредоточения противника, если война началась без предмобилизационного периода, что наносит ощутимый удар по польской мобилизации; наконец, операции вторжения наиболее надежно обеспечивают собственное стратегическое сосредоточение.

Уборевич указывает на то, что вредительством являются операции вторжения, если они имеют разрыв во времени с окончанием сосредоточения главных сил. Это неправильное, ошибочное заключение. Операции вторжения именно потому и предпринимаются, что запаздывает стратегическое сосредоточение и его надо обеспечить заблаговременным вторжением. В зависимости от успехов сосредоточения на том или другом фронте части армий вторжения могут быть поддержаны соединениями из состава главных сил и смогут обеспечить этим последним более удобные рубежи развертывания. Однако же

если такое удержание за собой территории противника армиям вторжения и не удастся, то их задачу следует считать выполненной, если они расстроят и оттеснят назад сосредоточение противника и тем самым обеспечат бесперебойность собственного стратегического сосредоточения.

Само собой понятно, что армии вторжения, выполняя свои операции, неизбежно понесут потери. Конница будет быстро таять от воздействия авиации и химии. Вообще конь трудно защитим от авиационно-химического нападения. Гужевые парки, обозы и пр. будут нести еще большие потери, чем конница. Механизированные соединения будут напряженно расходовать свои моторесурсы. Поэтому ответственнейшей задачей фронтового и Главного командования будет определение того предела использования армий вторжения, который диктуется как интересами окончания сосредоточения, так и состояния войск армии вторжения, т.е. их моральными и физическими силами и материальными ресурсами. Безусловно, неправильный пример использования успеха армии вторжения имел место на стратегической военной игре в январе месяце с.г., когда Белорусский фронт пачками вводил в наступление эшелоны главных сил до окончательного их сосредоточения только для того, чтобы развить частный успех армии вторжения.

Что касается указаний Уборевича на то, что им разрабатывался вредительский план овладения Барановичским укрепленным районом конницей, поддержанной лишь слабо вооруженными механизированными бригадами, без всякого участия пехоты, то это служит лишь примером того, как проводилось вредительство в оперативном плане, но никак не служит доказательством вредности операций вторжения.

В результате операций вторжения в соответствии с нашим оперативным планом мне кажется весьма вероятным, что линия польско-германского развертывания будет оттеснена на рубеж Гродно — Слоним — Лунинец — Львов. Вряд ли полякам удастся отстоять Виленский укрепленный район. Строительство Виленского и Барановичского укрепленных районов поляками относится к тому времени, когда у нас не было армий вторжения.

Наше стратегическое развертывание, может быть, с некоторым опозданием, но примерно к тому же сроку закончится вдоль государственной границы. Поэтому первые крупные сражения произойдут на польской территории. Как же будут развиваться оперативные действия к северу и к югу от Полесья?

Положим, что из 111 пех[отных] польско-германских дивизий 50 будет противопоставлено Белорусскому и 55 Украинскому фронтам, при оставлении 6 пех[отных] дивизий в резерве.

Белорусский фронт, нанеся поражение целому ряду польских частей еще в период операций вторжения, имея некоторый общий перевес в силах, значительный перевес в механизированных соединениях и в авиации и, наконец, находясь примерно в одинаковых условиях театра военных действий с поляками и немцами между Литвой и Полесьем, может быть, и имеет кое-какие шансы на наступление с конечным выходом к границам этнографической Польши. Но зато с подходом к этим границам положение Белорусского фронта резко меняется в худшую сторону. Об этом уже говорилось выше. Тыл Белорусского фронта вытягивается в узком и длинном коридоре, стесняющем маневр войск, размещение авиации и работу коммуникаций.

Основное же затруднение встанет перед командованием Белорусского фронта в смысле выбора направления дальнейших действий. Несомненно, немцы будут оборонять район Гродно-Осовец, прикрывая (пути в Вост[очную] Пруссию и готовя из этой последней удар во фланг и тыл главным силам Белорусского фронта в случае их движения на Белосток и Брест-Литовск.

Оборона немцев в этом районе будет очень прочна, т.к. августовские леса, целая сеть озер между Неманом и Восточной Пруссией, болотистые берега Нарева и Мазурские озера с крепостью Летцен создают исключительные удобства обороны этого района как по фронту, так и на всю его значительную глубину. Если к этим природным условиям, обеспечивающим оборону, добавить еще систему железобетонных укреплений из быстротвердеющего цемента, то прочность германской обороны в этом районе будет исключительно серьезной.

С другой стороны, поляки могут превратить в трудноодолимый оборонительный район систему р. Ясельда с очень широкой и болотистой долиной и Беловежской пущей.

Командующему Белорусским фронтом придется решить вопрос о последовательности действий: преодолеть ли сначала оборону поляков на р. Ясельда и, овладев Брест-Литовском, войти во взаимодействие с армиями Украинского фронта, выставив на это время прочный заслон против Восточной Пруссии, или, наоборот, сначала овладеть хотя бы Мазурскими озерами Вост[очной] Пруссии и лишь после этого обратить главные силы фронта на Брест-Литовск.

Слабым местом первого решения является то, что, удаляясь к Белостоку и Брест-Литовску, Белорусский фронт растягивает свои коммуникации, оставляя их в непосредственной близости от фронта возможного перехода немцев в наступление из В[осточной] Пруссии. Если только

немцы коротким ударом овладеют районом Гродно — Волковыск, то пути отхода и подвоза для Белорусского фронта фактически будут отрезаны. Поэтому такое решение заставило бы выделить в заслон против В[осточной] Пруссии столь большие силы, что для выполнения задач, стоящих в главном направлении, потребных там сил уже не оказалось бы.

Второе решение, т.е. первоначальный удар в направлении В[осточной] Пруссии, потребует слишком много времени и войск. Этих войск Белорусский фронт, как и в первом случае, в своем распоряжении не имеет.

Итак, наличных сил Белорусского фронта недостаточно для того, чтобы решить стоящую перед ним задачу поражения польско-германских сил в глубине польской территории. Положение Белорусского, фронта, вышедшего на подступы к Белостоку и на рубеж р. Ясельда, легко может стать угрожающим, если немцы бросят свои резервы через В[осточную] Пруссию в направлении Гродно и Волковыска, а может, и на Вильно через Ковно. Ежедневно, как это уже указывалось выше, ж[елезные] д[ороги] В[осточной] Пруссии могут перебрасывать шесть пехотных дивизий и примерно столько же дивизий можно перебросить на автомобилях по шоссеиной сети В[осточной] Пруссии. Используя это свое колоссальное преимущество, путем ли подачи стратегических резервов или путем временной переброски сил с украинского направления, немцы могут нанести тяжелое поражение Белорусскому фронту.

Останапливаясь на 1-м и 2-м оперативных вариантах, приведенных в показаниях Уборевича, необходимо заметить, что они отличаются один от другого лишь тем рубежом, на котором польско-германские силы переходят в решительное наступление. По первому варианту немцы переходят в наступление на Лида — Барановичи с целью захвата Минска и Слуцка. Этот вариант Уборевича вытекает из хода стратегической военной игры в апреле 1936 года. В этой игре Уборевич увлекся наступлением в вильно-ковенском направлении, сосредоточив на нем свои главные силы, и получил удар главными польско-германскими силами в свой левый фланг, в минском направлении. Это вполне возможный вариант, однако не основной. Дело в том, что Генеральный штаб РККА в порядке руководства военной игрой предложил германскому командованию нарушить нейтралитет Литвы, что вряд ли будет иметь место на самом деле, и потому Уборевич, ошибочно полагая, что немцы двинут в Литву основную массу своих войск, и сам двинул на Вильно-Ковно свои главные силы и за эту ошибку получил удар во фланг основной группы польско-германских армий.

Что касается указаний Уборевича насчет моих советов о движении главных сил Белорусского фронта севернее или южнее Немана, то должен

сказать, что на все случаи оперативной обстановки трудно дать общий совет, надо ли двигать главные силы Белорусского фронта севернее или южнее Немана. Такой вопрос нельзя решать предвзято. Правильным и неправильным может оказаться и то, и другое движение, если оно не будет отвечать конкретно складывающейся обстановке. Решение такого вопроса, между прочим, будет связано и с той задачей, которую поставит перед собой командующий в отношении обеспечения своих действий со стороны В[осточной] Пруссии. Как правильное руководство действиями фронта, так и вредительское обязательно должно учитывать конкретную обстановку.

Второй оперативный вариант Уборевича предусматривает отход польско-германских сил на Белосток — Пружаны и удар главных германских сил из Вост[очной] Пруссии в общем направлении Гродно. Этот вариант весьма вероятный, и я его изложил выше. В стратегической военной игре в январе текущего года Уборевич, увлекшись наступлением в брест-литовском направлении, подставил свой фланг и тыл в районе Гродно под удар немцев из Восточной Пруссии. Положение было выправлено вмешательством главного руководителя военной игры.

Соображения, приводимые Уборевичем, в отношении преимуществ оперативного размещения германской авиации по сравнению с нашей вполне справедливы, как я выше это отметил.

Соображения о вероятности поражения конницы и притом вполне правильны. Нельзя забывать, что теперь имеются и несравнимо более мощные кожные отравляющие вещества.

Совершенно правильны замечания Уборевича в отношении превосходства немцев в отношении моторизованных дивизий и автотранспорта. Мы пока не имеем мотодивизий, хотя оперативная потребность в них очень велика. Не следует помимо оперативных требований упускать из виду и то обстоятельство, что мы практически не умеем ни организовать мотодивизию, ни наладить ее обучение, когда подходим к созданию импровизированных мотосоединений. Необходимо иметь постоянные мотодивизии, учиться вводу их в бой, регулировке движения и т.п. моментам, которых не знают общевоинские командиры. В отношении автотранспорта основное преимущество немцев заключается в том, что они имеют постоянно существующую организацию фашистского автомобильного корпуса. Этот корпус по несколько раз в год тренируется в массовых перебросках войск и фашистских организаций на далекие расстояния. Мы же хотя и получаем по мобилизации большое количество автотранспорта, но даем ему импровизированную, не сколоченную организацию и не предусматриваем крупных автомобильных соединений.

В силу этого мы не имеем опыта в эксплуатации больших автомобильных масс в полевой обстановке.

Обратимся теперь к рассмотрению условий наступления наших армий на Украинском фронте.

Соотношение сил Украинского фронта и действующих против него польско-германских армий, как это показывают приводившиеся выше расчеты, крайне невыгодно для нас. В самом благоприятном для самого Украинского фронта случае против него могут быть выставлены равные ему силы. Это в том случае, если польско-германское командование обратит свои главные силы сначала против Белорусского фронта. Даже в этом, наиболее для него благоприятном случае Украинский фронт вряд ли сможет выполнить поставленную ему задачу войти во взаимодействие с Белорусским фронтом в районе Брест-Литовска, т.к. при равных силах нельзя надеяться на глубокое продвижение по территории противника. В случае же, если польско-германское командование бросит свои главные силы на украинское направление, а этот вариант все равно неизбежен, даже в том случае, если первый удар наносится Белорусскому фронту, положение Украинского фронта становится очень тяжелым. Он не только не сможет выполнить стоящей перед ним задачи войти во взаимодействие с левым флангом Белорусского фронта, но и сам может подвергнуться серьезному поражению.

Из приводившегося выше расчета видно, что против Украинского фронта без труда может быть выставлено 55 польско-германских пех[отных] дивизий, а если к этому добавить и неприятельские резервы, то всего будет около 60 пех[отных] дивизий, т.е. почти двойное превосходство по сравнению с силами Украинского фронта.

Решающее сражение может произойти, учитывая результаты операции вторжения, примерно на полпути между линией наших укрепленных районов и Львовом. В результате атаки превосходящих сил неприятеля Украинский фронт должен будет начать отход и достигнет линии своих укрепленных районов примерно к тому сроку, к которому Белорусский фронт в случае своего успеха может достигнуть линии Гродно — Пружаны. В этом расхождении фронтов, разделенных широкой полосой лесисто-болотистого Полесья, кроется благодаря недостатку в силах огромная опасность последовательного поражения обоих фронтов.

Достигнув рубежа наших укрепленных районов на Украине, польско-германское командование может применить два способа действий. Во-первых, начать методическую подготовку к атаке Летичевского и южной части Житомирского укрепленных районов и, возможно, к вспомогательной атаке Новоград-Волынского укрепленного района.

Овладение этими отдельными участками укрепленных районов требует некоторого времени и крупных артиллерийских средств. На этот период польско-германское командование могло бы перебросить часть своих сил с юга на север для нанесения частного поражения Белорусскому фронту, о чем уже говорилось выше. Во-вторых, польско-германское командование может форсировать овладение укрепленными районами и сразу же начать наступление по Правобережной Украине.

Второй вариант позволяет польско-германскому командованию быстро развить свои операции в направлении Киева и в направлении Криворожья. Воспрепятствовать этому продвижению нам будет очень трудно, т.к. подавляющее превосходство германских и польских сил может обеспечить нанесение армиям Украинского фронта серьезного поражения. В результате этого поражения польско-германские армии могут начать операции по последовательному занятию территории.

Однако оперативный план немцев и поляков вряд ли ограничится только этим. Следует ожидать развития немцами и поляками успеха в направлении примерно на Мозырь — Жлобин, в глубокий тыл Белорусского фронта. Задача эта нелегкая. Придется преодолеть лесисто-болотистые пространства, овладеть Мозырским укрепленным районом, форсировать Припять и т.д., но, тем не менее, эта задача оперативно вполне разрешима и стратегически чрезвычайно расширяет возможный масштаб поражения наших армий.

Как я показывал уже в первом разделе, во время этой стратегической военной игры в апреле 1936 года я по вопросам оперативного положения наших армий обменивался мнениями с Якиром и Уборевичем. Учитывая директиву Троцкого о подготовке поражения того фронта, где будут действовать немцы, а также указание генерала Рундштедта, что подготовку поражения надо организовать на Украинском фронте, я предложил Якиру облегчить немцам задачу путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора Саблин. В случае сдачи Летичевского района немцы легко могли обойти Новоград-Волынский и Житомирский укрепленные районы с юга и, таким образом, опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО. Вместе с тем я считал, что если подготовить подрыв железнодорожных мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. Уборевич и Аппога получили задание иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников. Самые объекты подрывов не уточнялись.

Само собой понятно, что подрыв ж[елезно] д[орожных] мостов в тылу Белорусского фронта неизбежно повлечет зашивку и без того перегруженных и сжатых в тесном коридоре коммуникаций, которые благодаря своему положению будут непрерывно находиться под воздействием авиации противника. Учитывая, что подрыв ж[елезно] д[орожных] мостов во время напряженных операций может быть осуществлен не только диверсиями, но и воздушной бомбардировкой, а также выброской парашютистов-подрывников, необходимо принять ряд радикальных мер для того, чтобы обеспечить непрерывность работы ж[елезно] дорожных мостов во все периоды операции. Одним из существенных мероприятий является отрывка еще в мирное время подъездных путей на уровень летних вод реки, заготовка ряжевых или бетонных устоев для наводки простейшими способами двутавровых балок (возможны, кажется, 22-метровые пролеты при двутавровых балках метрового сечения; пока их у нас не изготавливают, но производство их необходимо наладить). Таких запасных мостов на пониженном уровне должно быть, по крайней мере, два около каждого наиболее ответственного моста.

Подъездные пути должны быть отлогого профиля во избежание слишком замедленного движения поезда. У крупных мостов с каждой стороны у начала подъездных путей к временным мостам должны быть организованы разъезды, что позволит избежать излишних задержек в движении. Мосты на пониженном уровне, даже в случае их подрыва, очень быстро восстанавливаются. Помимо того, при наличии у моста зенитных средств противник будет менее настойчив в атаках моста, т.к. он будет видеть резервные возможности в железнодорожной переправе, а сам будет подвергаться напрасным потерям.

У крупных ж[елезно] дорожных мостов придется постоянно держать плотничьи с механизированным инструментом команды, а также запас заготовленных ряжей как для восстановления мостов на пониженном уровне, так и для укрепления каменных устоев в случае, если они дадут трещины от попадания авиабомб в воду. Эти исправления можно будет производить очень быстро.

Помимо того, с обеих сторон крупных железнодорожных мостов необходимо подготовить сильно развитые станции с тем, чтобы можно было перебрасывать войска и грузы на автомобилях от станции до станции в случае повреждения моста. В случае повреждения ряда мостов такие переброски придется делать иногда на значительные расстояния. Отсюда приходится сделать вывод, что вдоль основных ж[елезно] дорожных путей следует прокладывать шоссейные дороги и иметь в важнейших узлах резерв автомобильного транспорта.

Помимо мостов на пониженном уровне в некоторых пунктах необходимо построить ж[елезно] дорожные участки, позволяющие в случае капитального разрушения моста передачу составов на другое направление. Так, например, к Полоцку подходят три железные дороги, а от Полоцка по направлению к фронту идет лишь одна, пересекая у самого города Западную Двину на очень высоком уровне. Подрыв ж[елезно] дорожного моста и систематическое его бомбардирование могут поставить армии, базирующиеся на Полоцк, в очень тяжелое положение. Поэтому совершенно необходимо проложить двухпутный участок Полоцк — Витебск по южному берегу Зап[адной] Двины. Конечно, этот участок надо соединить с Лепелем и далее вести на м. Березино — Минск — Слуцк — Новоград — Волынский — Жмеринка. При наличии такой железной дороги вывод из строя ж[елезно] д[орожной] переправы, например, через Березину у Борисова не мог бы воспрепятствовать подаче эшелонов из Орши в Минск через Лепель, конечно, при условии развития необходимой пропускной и провозной способности этой железной дороги и т.д. Для Белорусского фронта чрезвычайно важна ж[елезно] д[орожная] переправа через Днепр у Жлобина. Поэтому весьма важно до предела развить основную рокаду фронта: Витебск — Орша-Жлобин — Мозырь — Жмеринка. Само собою разумеется, что такие же мероприятия надо провести по линии Украинского фронта. В частности, ж[елезные] дороги, идущие от Днепропетровска и Запорожья на Казатин и Жмеринку, должны быть развиты, т.к. днепровские ж[елезно] д[орожные] мосты этих дорог наиболее удалены от противника и наименее подвергаются опасности ежедневных налетов.

Итак, рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польско-германские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами. Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства. Само собою понятно, что проявление вредительства даже в отдельных звеньях фронтового и армейского управления резко повышает шансы на поражение. Из области реально осуществленной вредительской работы, непосредственно отражающейся на оперативном плане, необходимо отметить в первую очередь ту задержку, которую организационный отдел Генерального штаба РККА (Алафузо) осуществил в вопросе увеличения числа стрелковых дивизий, задержку, которая создает основную оперативную опасность для наших армий на Белорусском и Украинском фронтах. Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва Главного командования.

Каковы же те силы, которые нужны Белорусскому фронту для того, чтобы он мог выполнить поставленную ему задачу ведущего, решающего значения? Здесь можно сделать прикидку следующего порядка. Если бы польско-германское командование по ходу обстановки решило главные силы сосредоточить против Белорусского фронта, то против Украинского ему было бы достаточно оставить 30—35 пех[отных] дивизий, т.е. на белорусском направлении могло бы сосредоточиться до 76—81 пех[отных] дивизий (из всех 111). Отсюда ясно, что только для того, чтобы не потерпеть отдельного поражения при настойчивом продвижении в глубь Польши, Белорусский фронт должен иметь, по крайней мере, столько же стр[елковых] дивизий, а для того, чтобы получить возможность нанести противнику поражение, число дивизий, входящих в его состав, должно значительно вырасти.

Конечно, использовать столь большое число стр[елковых] дивизий в полосе до Гродно — Кобрин Белорусскому фронту нелегко. Слишком узок «белорусский коридор», и слишком беден он даже грунтовыми путями. Однако к западу от меридиана Гродно возможности и необходимость использования этих сил значительно возрастают. Наилучшие оперативные условия для использования этих масс создались бы при упомянутом выше варианте первоочередного и стремительного разгрома лимитрофов. При этом варианте и более крупные силы можно было бы концентрически подвести к фронту Тильзит — Гродно — Брест-Литовск. Если же пользоваться только «белорусским коридором», то, по всей вероятности, придется применить оперативное эшелонирование с тем, чтобы в нужную минуту подвести к фронту все эшелоны. Но тыл при этом варианте был бы перенапряжен до крайности и потребовалась бы организация массового автомобильного транспорта и широкой постройки автомобильных дорог.

Каковы же должны быть те силы, которые необходимо предоставить Украинскому фронту для выполнения последним поставленной ему задачи? Как видно было из сделанных выше подсчетов, польско-германское командование может выставить против Украинского фронта около 60 пех[отных] дивизий. Надо оговориться, что эти расчеты могут касаться лишь 1937 г., не позже, т.к., несомненно, в 1938 г. германская армия, выставляемая по мобилизации, значительно вырастет; даже в 1937 г. за счет ландверных дивизий германская армия будет несколько сильнее, чем это выше взято в расчет. Очевидно, что, имея против себя около 60 пех[отных] дивизий, Украинский фронт также должен их иметь не меньше 60. На самом деле, учитывая активные задачи, стоящие перед фронтом, его силы должны быть значительно большими.

Итак, из сравнительного рассмотрения возможных группировок противника и потребных нашим фронтам сил выяснилось, что без пересмотра основных установок ныне действующего оперативного плана Белорусскому фронту требуется около 80 дивизий, а Украинскому — около 60, а всего 140 стр[елковых] дивизий. Рассмотрим, как могли бы развиваться при наличии таких сил совместные действия Белорусского и Украинского фронтов. При производстве подсчетов предполагалось, что если главный удар немцы будут наносить на Украине, то они выставят на этом направлении до 60 пех[отных] дивизий. Очевидно, что при наличии в составе Украинского фронта также 60 стрелковых дивизий можно предположить бои с переменным успехом на территории противника между Полесьем и румынской границей. Может быть, даже Украинский фронт будет иметь преимущественный успех, т.к., вероятно, он будет сильнее германо-поляков в отношении механизированных соединений. В этом случае на белорусском направлении германо-поляки смогут выставить около 50 пех[отных] дивизий. Совершенно очевидно, что Белорусский фронт при наличии 80 стр[елковых] дивизий может нанести польско-германским армиям поражение и постепенно установит оперативное взаимодействие с Украинским фронтом в районе Брест-Литовска.

Возьмем другой вариант, когда польско-германское командование бросает против Белорусского фронта до 80 пех[отных] дивизий, оставляя на украинском направлении до 30—35 пех[отных] дивизий. Совершенно очевидно, что Украинский фронт своими 60 дивизиями нанесет польско-германским армиям поражение и, содействуя Белорусскому фронту в общем направлении на Брест-Литовск, в конце концов оттянет на себя часть неприятельских сил, обеспечит наступление своего северного соседа, и в дальнейшем оба фронта, находясь во взаимодействии и имея общее превосходство в силах над противником, нанесут ему общее поражение.

Итак, расчеты, безусловно, доказывают, что Белорусский и Украинский фронты, имеющие в своем составе около 90 стр[елковых] дивизий, подвергаются опасности последовательного поражения при выполнении ими активных задач, которые ставятся им оперативным планом. Эти задачи посильны будут этим фронтам только в том случае, если Германия не выступит на стороне Польши. При войне против нас Германии и Польши и при наличии в составе Белорусского и Украинского фронтов около 90 стр[елковых] дивизий активные наступательные задачи по поражению противника на его территории для этих фронтов заведомо непосильны.

С другой стороны, расчеты показывают, что эти задачи могут быть выполнены при условии увеличения состава обоих фронтов до 140 стр[елковых] дивизий.

Трудности в выполнении этого необходимейшего условия нашего боевого успеха заключаются в двух направлениях: в формировании кадров и накоплении материальной части для новых 50 стр[елковых] дивизий, разворачиваемых по мобилизации, и в развитии железнодорожных и шоссейных путей для своевременного сосредоточения дополнительных сил к границам. Однако, несмотря на запущенность того и другого вопроса, они являются вполне разрешимыми, и за их разрешение необходимо взяться немедленно и с величайшей энергией.

Необходимо, чтобы все стр[елковые] дивизии были одинаково вооружены. Опыт войны 1914—1918 гг. показал, что в ходе войны все равно дивизии разделяются как бы на два класса: на наступательные и оборонительные. Наступательные дивизии сильнее вооружены артиллерией и имеют более мощные тыловые службы, способные обеспечить маневр дивизии. Оборонительные дивизии сильно оснащаются пулеметами, зато в артиллерийском отношении слабее и тылы имеют в сокращенном составе. Очевидно, часть новых дивизий можно будет сформировать как оборонительные дивизии. Это облегчит формирование с точки зрения потребности в материальной части артиллерии.

В отношении количественных показателей нашего командного состава запаса эти формирования особых трудностей не встретят. В качественном отношении уровень командиров запаса очень низок, но, будучи призваны в армию, эти командиры быстро повысят уровень своей подготовки.

Ускорение сосредоточения достижимо путем внеочередной автоблокировки ж[елезно] д[орожных] линий, осуществляющих стратегические перевозки. Проводя автоблокировку и развивая соответствующим образом разъемы, можно добиться почти удвоения провозной способности ж[елезнодорожной] дороги.

Это мероприятие можно провести очень быстро. Помимо того, необходимо, конечно, строить и новые ж[елезные] дороги.

Ускорения сосредоточения можно достигнуть и путем расположения парков, обозов и проч[его] тылового имущества частей, подлежащих переброске в тех укрепленных районах, в направлении которых они направляются по плану оперативных перевозок. При тщательной организации хозяйства и при условии разрешения командирам дивизий инспектировать имущество, принадлежащее их дивизиям, необходимый порядок может быть соблюден.

Мне кажется, что даже эти два мероприятия помогут уложить стратегические перевозки в нужные сроки. Если к этому прибавить постройку новых железных дорог, то, быть может, сроки сосредоточения удастся даже сократить, что крайне желательно и даже, более того, совершенно необходимо.

Начавшееся строительство автострад на Минск и Киев также должно быть использовано для ускорения сосредоточения путем применения автотранспорта.

После всего вышеизложенного, где было обосновано положение, что мы не имеем на сегодняшний день достаточных сил, чтобы выполнить задачи, поставленные оперативным планом, встает, естественно, следующий вопрос: каковы же должны быть те задачи, которые оперативно следует поставить Белорусскому и Украинскому фронтам, учитывая те силы, которые они реально могут получить в 1937 году?

Должен прямо сказать, что этот вопрос мною ни разу не проработывался. Опять-таки повторяю, что если в войне будет участвовать одна Польша, то действующий оперативный план соответствует наличным силам и средствам. Потребуется только принять действительные меры обеспечения фронта со стороны Восточной Пруссии. Что же касается плана действий против соединенных польско-германских сил, то на этот вопрос ответить гораздо труднее. Я думаю, что надо серьезно проработать этот вопрос, однако сейчас постараюсь высказать общие соображения на эту тему.

Операции вторжения должны остаться в силе. Они обеспечивают выигрыш времени, дезорганизуя районы намечаемого противником сосредоточения. Помимо того, операции вторжения сразу же переносят военные действия на территорию врага. Наконец, в случае вынужденного отхода войска армии вторжения, усиленные необходимыми техническими средствами, будут капитально разрушать за собой железные дороги и шоссе, что будет влиять на расстройство тыла противника. Более того, армии вторжения могут захватить значительную часть пограничной территории противника, например, для белорусского направления вполне возможен захват района Вильно — Лида — Барановичи. Эти действия армии вторжения должны быть поддержаны войсками главных сил с тем, чтобы неприятель не мог без серьезных боев возвращать свою территорию. В упорных боях противник будет углубляться по двум описанным выше коридорам: белорусскому и украинскому со всеми проистекающими отсюда трудностями и неудобствами, т.е. ослаблением своих сил на обеспечение флангов в сторону соседних государств, сужением площади размещения авиации, затруднениями в организации маневра войсковых соединений, в перенапряжении работы коммуникаций и пр. Наши армии, наоборот, приближаясь к своим базам, будут получать преимущества в маневрировании, в использовании авиации и в работе тылов. Помимо того, Белорусский и Украинский фронты, отходя к основным железнодорожным заходам на нашей территории, получают возможность как взаимной поддерж-

ки, так и поддержки со стороны Главного командования, в то время как фронты польско-германских армий, все более разделяемые Полесьем и отрывающиеся от своей хорошо налаженной железнодорожной сети, все более и более лишаются возможности поддерживать друг друга, и потому в конце концов может наступить момент, когда Главное командование сможет принять решение о нанесении одному из фронтов противника (южнее или севернее Полесья) отдельного поражения. Для этого потребуются накопить крупный резерв Главного командования. Полагаю, что такой вариант возможен, т.к. польско-германские силы в свою очередь не обладают достаточным превосходством над силами Белорусского и Украинского фронтов для совершения глубокого наступления (111 дивизий против 30—100 дивизий) и будут, конечно, ослаблены и истощены этим глубоким наступлением. В такой обстановке при наличии достаточного резерва Главного командования, поданного в нужный момент на один из контрфронтов и направленного в наиболее ослабленный фронт противника, может оказаться возможным последовательное поражение противника сначала на одном направлении, а далее на другом. Повторяю, что этот вариант мною совершенно не проработан, и я здесь пока высказываю лишь самые предварительные соображения.

Вновь возвращаясь к варианту первоочередного разгрома прибалтов, хочу сказать, что именно этот вариант особенно благоприятствует вести активную оборону на территории врага. Захват территории Эстонии, Латвии и Литвы и захват армией вторжения Белорусского фронта территории Западной Белоруссии до линии Гродно — Слоним позволил бы нашим армиям, опираясь на свою охватывающую базу, упорно обороняться, а в случае наступления противника — ставить его в труднейшее положение, когда ему придется развивать свои действия по эксцентрическим направлениям.

Между прочим, этот вариант станет совершенно необходимым, когда нами будет построен на Балтике большой линейный флот. Такой флот во время войны не может базироваться ни в Кронштадте, ни на Лужской губе. Ему потребуются базы в открытом море, и эти базы имеются на территории Эстонии и Латвии: Ревель, Рига, Виндава, Либава. Вопросы о Финляндии я в разрезе анализа плана первоочередного поражения лимитрофов касаться не буду, т.к. война с Финляндией представляет для нас совершенно самостоятельную проблему, в достаточной степени сложную.

Ожидая с наибольшей вероятностью наступления главных германских сил на украинском направлении, ни в каком случае не следует считать исключенным наступление немецких армий как на белорусском направлении, так и на территории прибалтов. Оперативный план должен предусматривать и отдельные, частные варианты.

Что касается нашего стратегического положения, в случае если Германия еще до войны с нами захватит Чехословакию и Румынию, то этот вопрос требует специального изучения, и в первую очередь требует такой постановки агентурной работы, чтобы мы действительно знали обо всех конкретных мероприятиях германского генерального штаба, направленных к подготовке этого захвата.

Система укрепленных районов, построенная от Карельского перешейка через Полоцк до Летичева и Тирасполя включительно, в общем и целом вполне отвечает интересам развертывания армии. В связи с увеличением германской угрозы я думаю, что следовало бы построить Слуцкий укрепленный район в Белоруссии, а на Украине крайне важно было бы развить Летичевский укрепленный район в глубину и закрыть промежуток между ним и Житомирским укрепленным районом. Летичевское направление является наиболее решительным для немцев. С проломом на этом направлении дальнейшие действия немцев и поляков по развитию успеха на Правобережье становятся значительно более легкими. В связи с возможностью решительных действий германских армий необходимо возратить Киевскому и Мозырскому укрепленным районам их прежнее крупное значение и внимание, которое за последние годы понемногу забыли.

Каковы же были основные вредительские мероприятия, разработанные центром антисоветского военно-троцкистского заговора, которые должны были использовать наши затруднения на фронтах сражений с германскими и польскими армиями в целях поражения наших красных армий.

Я уже показывал, что, изучив условия возможного развертывания операций немцев и поляков против БВО и КВО во время апрельской военно-стратегической игры 1936 года и получив незадолго до этого установку от германского генерального штаба через генерала Рундштедта на подготовку поражения на Украинском театре военных действий, я обсудил все эти вопросы сейчас же после игры с Якиром и Уборевичем, а в общих чертах и с прочими членами центра. Было решено оставить в силе действующий оперативный план, который заведомо не был обеспечен необходимыми силами. Наступление Белорусского фронта с приближением, а тем более с переходом этнографической границы Польши должно было стать критическим и с большой долей вероятности опрокидывалось ударом немцев или из В[осточной] Пруссии в направлении Гродно или через Слоним на Минск.

Украинский фронт в первую очередь или после нанесения удара немцами на севере также, по всей вероятности, потерпит неудачу в столкновении со значительно превосходящими силами польских и германских армий.

В связи с такой обстановкой на Уборевича была возложена задача так разрабатывать оперативные планы Белорусского фронта, чтобы расстройством ж[елезно] д[орожных] перевозок, перегрузкой тыла и группировкой войск еще более перенапрячь уязвимые места действующего оперативного плана.

На Якира были возложены те же задачи, что и на Уборевича, но, кроме того, через Саблина он должен был организовать диверсионно-вредительскую сдачу Летичевского укрепленного района.

И Уборевич, и Якир должны были в течение лета разработать через штабы БВО и КВО практические мероприятия, вытекающие из этих вредительских установок. Что успели сделать штабы БВО и КВО во исполнение этого задания, мне неизвестно, так как (о чем я уже показывал раньше) в связи с арестом ряда видных участников заговора летом 1936 г. Центром заговора решено было временно прекратить всякую практическую работу. Об отдельных вопросах вредительских разработок, известных мне, я покажу дальше. В связи с временным прекращением работ заговора я не согласовывал с генералом Кестрингом намеченных центром заговора оперативных мероприятий по подготовке поражения наших армий, это согласование я должен был сделать по окончании практических оперативных разработок в БВО и КВО.

Каменев С.С. должен был разработать по своей линии мероприятия, направленные к тому, чтобы дезорганизовать противовоздушную оборону железных дорог в БВО и КВО и тем внести расстройство как в стратегическое сосредоточение армий, так и в работу последующих снабженческих и оперативных перевозок.

Из отдельных вредительских мероприятий, подготовлявшихся в штабах БВО и КВО, мне известны нижеследующие: разработка плана снабжения с таким расчетом, чтобы не подвозить для конных армий объемистого фуража со ссылкой на то, что фураж есть на месте, в то время как такового заведомо на месте не хватает, а отступающий противник уничтожает и остатки. Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется. Слабая забота об организации оперативной связи по тяжелым проводам, что неизбежно вызовет излишнюю работу раций и раскрытие мест стоянки штабов. Недостаточно тщательная разработка и подготовка вопросов организации станций снабжения и грунтовых участков военной дороги. Размещение ремонтных организаций с таким расчетом, чтобы кругооборот ремонта затягивался. Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации.

Что касается Дальнего Востока, то оперативный план последнего центром военного заговора не обсуждался в целом. Дальним Востоком

специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКДВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что Путьна и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКДВА. В дальнейшем эту работу проводил Лапин. Эти работники стремились расшатать суборди[нацию] в ОКДВА путем дискредитации командования.

Лапин усиленно пропагандировал в ОКДВА теорию о том, что действия крупно организованными массами, состоящими из разных родов войск, для ОКДВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна, мол, особая горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в сторону тактических форм малой войны. Лапину удалось в этом отношении кое-что протащить в жизнь. Лапин не обеспечит непрерывную боевую готовность авиации ОКДВА на аэродромах, что было бы очень просто сделать, если бы он добивался введения сменных экипажей на самолеты.

Дальневосточный театр войны крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через КНР в направлении Читы и кругобайкальской железной дороги. В этом отношении ни ОКДВА, ни Гамарник не ставили вопросов о необходимости прокладки ж[елезно] д[орожного] пути от Байкала, хотя бы до Улан-Батора. В случае нападения на нас японцев наше положение в направлении КНР будет чрезвычайно тяжелым.

С точки зрения организационной Гамарником было проведено на Дальнем Востоке решение о расформировании строительных частей после объявления мобилизации для целей пополнения кадровых частей. Это, конечно, неправильно, т.к. строительные части выгоднее развернуть как второочередные дивизии, а кадровые части содержать в штатах, более близких к военному времени, чтобы до минимума сократить потребность в подвозе пополнений. Наши силы на Дальнем Востоке крайне слабы, и надо использовать всякую дополнительную возможность к увеличению числа войсковых соединений.

Показания о вредительской работе будут изложены мною дополнительно».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Н.* Дело Тухачевского: новая версия // Новое время. 1989. № 13.
- Авторханов А.* Технология власти. М., 1991.
- Архивы раскрывают тайны. Международные вопросы: события и люди. М., 1991.
- Ахтамзян А.* Внешнее сотрудничество СССР и Германии в 1920—1923 гг. // Новая и новейшая история. 1990. № 5.
- Баландин Р.* Миронов С. Заговоры и борьба за власть. М., 2003.
- Безыменский Л.* Германские авантюры с Гитлером и без него. М., 1964.
- Бобринев В., Рязанцев В.* Палачи и жертвы. М., 1993.
- Бобров В., Ферр Г., Маршал С.М.* Буденный о суде над М.Н. Тухачевским. Впечатления очевидца // Клио. 2012. № 2. С. 8—24.
- Бойцов В.* Секретные лаборатории рейхсвера в России // Армия. 1991. № 2, 3.
- Ветераны внешней разведки России. М., 1995.
- Викторов Б.* Как мы реабилитировали «заговорщиков». Записки военного прокурора // В сб. Кровавый маршал. СПб., 1997.
- Волков А., Славин С.* Адмирал Канарис — «железный» адмирал. Смоленск, 1998.
- Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина. Т. 1, 2. М., 1989.
- Волкогонов Д.* Троцкий. Политический портрет. М., 1992.
- Выступление наркома обороны К.Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б). 23 февраля — 5 марта 1937 г. // Военно-исторический архив. Вып. 1. 1997.
- Галкин А.* Германский фашизм. М., 1988.
- Гилсенсен В.* Вальтер Николаи — глава германской военной разведки во время Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1998. №№2,3.
- Голиков Д.* Крушение антисоветского подполья в СССР.
- Горлов С., Ермаченков Е.* Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе // Военно-исторический журнал. 1993. № 6—8.

Горлов С. Совершенно секретно: Москва — Берлин. 1920—1933. М., 1999.

Горлов С. Советско-германское военное сотрудничество. М., 1993. (Кандидатская диссертация).

Гуль Р. Красный маршал. Берлин, 1932.

Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922—1933 гг. Неизвестные документы. М., 1992.

Емельянов Ю. Записки о Бухарине.

Жуков Ю. Иной Сталин. М., 2003.

Жуков Ю. Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова // Вопросы истории. 2000. №2.

Жуков Ю. Тайны «Кремлевского дела» 1935 года и судьба Авеля Енукидзе // Вопросы истории. 2000. №9.

Захаров В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии. 1921 г. — июнь 1941 г. М., 1992.

Захаров В. «Политика советского государства по отношению к Германии в военной области и ее влияние на обороноспособность СССР». Диссертация.

Зданович А. «Ц-Мо информирует Берлин // Армия. 1991. № 1.

Загар А. Гестапо — Мюллер. Ростов-на-Дону, 1997.

Иосиф Сталин в объятиях семьи: сб. документов. М., 1993.

Иссерсон Г. Судьба полководца // В сб. Кровавый маршал. СПб., 1997.

Казаринов О. Обратная сторона войны. М., 2006.

Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.

Карелл П. Заговор против Тухачевского // В сб. Кровавый маршал. СПб., 1997.

Кен О. Чехословакия в политике Москвы. 1931—1936 гг. // Россия — XXI. 1997. № 1—2.

Кирилина А. Неизвестный Киров. СПб., 2001.

Коваль В. Правда о заговоре против Гитлера. Киев., 1960.

Колвин И. Двойная игра. М., 1960.

Колесников В. Тайная миссия Нидермайера // Служба безопасности. 1993. № 3—4.

Кондрашов С. «Привет маршалу Ворошилову» // Новое время. 1993. № 33.

Константинов С. Своими руками // Независимое военное обозрение. 1996. 11 июля.

Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1998.

Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992.

- Лесков В.* Сталин и заговор Тухачевского. М., 2003.
- Мартиросян А.* 22 июня. Правда генералиссимуса. М., 2005.
- Мартиросян А.* Заговор маршалов. М., 2003.
- Мартиросян А.* Трагедия 22 июня. Блицкриг или измена? М., 2006.
- Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии. М., 1965.
- Мильштейн М.А.* Заговор против Гитлера. М., 1962.
- Минаков С.* Сталин и его маршал. М., 2004.
- Млечин Л.* Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004.
- Млечин Л.* Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002.
- Норд Л.* Воспоминания о М.Н. Тухачевском // Возрождение (Париж). 1957. №№ 63—68.
- Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Т.1. М., 1994.
- Они не молчали. М., 1991.
- Орлов Б.* В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х гг. // Вопросы истории. 1990. № 4.
- Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди. М., 1989.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. Т. 3. М., 1997.
- Павлов В.Г.* «Сезам, откройся!» Тайны разведывательных операций. М., 1999.
- Письма Сталина Молотову. 1925—1936 гг. Сборник документов. М., 1995.
- Поварцов С.* Причина смерти — расстрел. М., 1996.
- Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года // В сб. Кровавый маршал. СПб., 1997.
- Протоколы допроса командующего ЗапОВО Д.Г.Павлова на следствии и в суде. // Неизвестная Россия. М., 1992.
- Пфафф И.* Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал. 1988. № 9—11.
- Пыхалов И.* Великая оболганная война. М., 2005.
- Раппопорт В., Геллер Ю.* Измена Родине. М., 1995.
- Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991.
- Роговин В.* 1937 год. М., 1996.
- Роговин В.* Власть и оппозиция. М., 1993.
- Роговин В.* Мировая революция и мировая война. М., 1998.
- Роговин В.* Партия расстрелянных. М., 1997.
- Роговин В.* Сталинский неонэп. М., 1995.
- Руге В.* Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981.
- Руге В.* Как Гитлер пришел к власти. М., 1985.

Сахаров В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии. 1921 г. — июнь 1941 г. М., 1992.

Смирнов Г. Правда о кровавом маршале // В сб. Кровавый маршал. СПб., 1997.

Солонин М. Бочка и обручи, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2004.

Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене родине, терроре и военном заговоре // Военно-исторический архив. Вып. 1—2. 1997.

Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995.

Старков Б. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995.

Статистика антиармейского террора // Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1997.

Сувениров О. Трагедия РККА. 1937—1938. М., 1998.

Суворов В. Очищение. М., 1998.

Судебный отчет о бухаринско-троцкистском процессе. 2—12 марта 1938 года. М., 1997.

Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. М., 2000.

Трудные вопросы истории. М., 1991.

Уоллер Д. Невидимая война в Европе. Смоленск, 2001.

Уборевич И. Письмо к Г. Орджоникидзе // Факел. Ист.-рев. Альманах. М., 1990. С. 237.

Фалиго Р. Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. М., 1997.

Фест И. Адольф Гитлер, Пермь, 1993.

Финкер К. Заговор 20 июля 1944 г. М., 1976.

Хлевнюк О. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993.

Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии. М., 1995.

Чертопруд С. Охота на фюрера. М., 2004.

Черушев Н. «Невиновных не бывает». Чекисты против военных. 1918—1953. М., 2004.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1992.

Щербаков А. Наполеон. Как стать великим. СПб., 2005.

Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. М., 1991.

Шрейдер М. НКВД изнутри: записки чекиста. М., 1995.

Хорев А. Как судили Тухачевского // Красная звезда. 1991. 17 апреля. Энциклопедия Третьего Рейха. М., 1996.

Якупов Н. Трагедия полководцев. М., 1992.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Часть 1. НЕПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ	7
Глава 1. «НАСЛЕДНИКИ ИЛЬИЧА»	8
Глава 2. ОППОЗИЦИЯ УХОДИТ ПОД ЗЕМЛЮ	28
Глава 3. УДАР МОЛНИИ.....	51
Глава 4. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ «КЛУБОК».....	74
Часть 2. НАСЛЕДНИКИ ДЕКАБРИСТОВ	82
Глава 5. ПОРУЧИК ГОЛИЦЫН В КРАСНОЙ РОССИИ	83
Глава 6. КОРНЕТ ОБОЛЕНСКИЙ ВОЙНУ НЕ ЗАКОНЧИЛ	101
Глава 7. СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ В РЕАЛЬНОСТИ «ЗАГОВОР ГЕНЕРАЛОВ»?	122
Часть 3. «КРАСНЫЙ БОНАПАРТ».....	147
Глава 8. «Я ВАС НЕ ШОКИРУЮ?».....	148
Глава 9. КУРС НА ЗВЕЗДУ.....	158
Глава 10. ОТ «ВОЕННОГО МАРКСИЗМА» К «КРАСНОМУ МИЛИТАРИЗМУ»	173
Глава 11. КАК СТАНОВЯТСЯ ЗАГОВОРЩИКАМИ	193
Часть 4. ПРЕВЕНТИВНАЯ ВОЙНА.....	209
Глава 12. ВСЕ НА ЗАЩИТУ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ!.....	210
Глава 13. ХРОНИКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	232
Глава 14. ХРОНИКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (ПРОДОЛЖЕНИЕ).....	244
Глава 15. ТАНЦЫ НА ПРОВОЛОКЕ	262
Часть 5. КУРС НА ТРЯСИНУ	292
Глава 16. ...И СНОВА НЕПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ	292
Глава 17. «НЕМЕЦКИЙ СЛЕД» В «ДЕЛЕ ТУХАЧЕВСКОГО» ...	312
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЛУКАВАЯ ХРУЩЕВСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ	340
ПРИЛОЖЕНИЯ	345
Приложение 1	345
Приложение 2	365
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	395

Научно-популярное издание

Историческое расследование

Прудникова Елена Анатольевна

**ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «КРАСНОГО БОНАПАРТА»
ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО**

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *Р.Ф. Зайнулина*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Подписано в печать 14.12.2012. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС». Печ. л. 25.

Тираж 3000 экз. Заказ М-2014.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-905820-51-9

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

Еще со времен XX съезда началась, а в 90-е годы окончательно закрепились в подходе к советской истории логика бразильского сериала. По этим нехитрым координатам раскладывается все. Социальные программы государства сводятся к экономике, экономика к политике, а политика к взаимоотношениям стандартных персонажей: деспотичный отец, верные слуги, покорные и непокорные сыновья и дочери, воинствующий дядюшка, погибший в противостоянии тирану, и неприменный невинный страдалец.

И вот тогда на авансцену вышли и закрепились в качестве главных страдальцев эпохи расстрелянный в 1937 году маршал Тухачевский со своими товарищами. Компромата на них нашлось немного, военная форма мужчинам идет, смотрится хорошо и женщинам нравится. Томный красавец, прекрасный принц из грез дамы бальзаковского возраста, да притом невинно умученный – что еще нужно для успешной пиар-кампании?

Так кем же был «красный Бонапарт»? Невинный мученик или злодей-шпион и заговорщик? В новой книге автор и известный историк Елена Прудникова раскрывает тайны маршала Тухачевского.